

Библейская история Ветхого Завета

профессор Александр Павлович Лопухин

Предисловие к первому изданию

Предисловие ко второму изданию

Предисловие к первому изданию

В исторической науке в настоящее время совершается необычайное движение, именно благодаря тем изумительным открытиям, которые делаются на забытом пепелище исторической жизни древних народов востока. С того счастливого часа, когда историки, не ограничиваясь пером, взялись за заступы и лопаты и начали раскапывать мусор развалин в долинах Нила, Тигра и Евфрата, равно как и в других странах исторического востока, пред взорами исследователей открылся целый мир нового исторического знания: бледные и тощие страницы истории древних народов чрезвычайно оживились и расширились, открыто было даже существование новых, совершенно неизвестных дотоле народов и монархий, знание о которых пролило новый свет на всю судьбу древнего человечества. Но эти необычайные открытия получили еще больше значения вследствие того, что они оказались в ближайшем соотношении с Библейской историей, и не только пролили в нее много нового света, уясняя часто самые темные её страницы, но и представили почти чудесное подтверждение многих библейских событий и фактов, которые дотоле могли безнаказанно подвергаться критике скептицизма. Это обстоятельство чрезвычайно оживило интерес к Библейской истории, которая перестала быть сухой специальностью богословов, а привлекает теперь внимание и светских ученых историков и всего образованного общества всех цивилизованных народов. Интерес этот замечен и у нас; но, к сожалению, у нас он доселе еще не выходил из узких рамок кружка специалистов, и для нашего общества, собственно, доселе буквально не имеется ни одной такой общедоступной книги, которая бы могла служить руководством или введением к этой глубоко интересной и в высшей степени поучительной области знания.

Удовлетворение этой, по нашему мнению, насущной потребности, отчасти и имеет в виду настоящая книга. В своих главных частях она составлена была несколько лет тому назад и предназначалась лишь в качестве конспекта для наших личных кабинетных занятий в соприкосновенной с нашею специальностью («Историей древнего мира») области библейско-исторического знания. Но сознание указанной выше глубокой потребности побудило нас обработать этот конспект в таком виде, чтобы он хоть в малейшей мере мог удовлетворить эту потребность, именно давая связный и живой курс Библейской истории с привнесением в него главнейших черт из неисчерпаемого богатства новейших библейско-исторических исследований. Понятно, что в тех рамках, какие намечены были для настоящего руководства, означенные исследования не могли найти себе самостоятельного места в нем и мы действительно ограничились лишь привнесением некоторых черт из них; но надеемся, что читатели заметят их присутствие при каждом более или менее важном библейско-историческом событии, и сами убедятся, как много света новейшие открытия проливают в области истории и сколько свежего интереса придают самым общеизвестным фактам и событиям. Свое «руководство» мы предназначаем для чтения вообще, но особенно желали бы, чтобы оно нашло доступ в среду учащегося юношества. По нашему глубокому убеждению, Библейская история может стать неисчерпаемым источником нравственного и высшего исторического воспитания для всякого более или менее способного к серьезной умственной жизни человека. Всякая история есть воспитательница ума и сердца и учительница мудрости; но Библейская история в этом отношении стоит выше всех других историй, потому что предмет её – центральные пункты духовной жизни человечества, и в ней раскрываются глубочайшие законы всемирно-исторического развития. Она яснее всего может показать, что в истории народов нет ничего случайного и произвольного, что всякая попытка «делать историю» бессмысленна и вредна, потому что все ждёт и требует «исполнения времен», которого нельзя ни приблизить, ни отдалить. Вместе с тем, она представляет ряд

глубоких житейских опытов величайших характеров, которые своими добродетелями и не менее своими пороками широко раскрывают дверь в самую глубь духовной жизни человека и тем самым преподают глубочайшие уроки для всякого обладающего достаточно живым нравственным чувством для того, чтобы воспринимать подобные поразительные опыты. Наше «руководство», конечно, не имеет никаких претензий на изложение Библейской истории с этой именно стороны: понимание этой стороны в ней предполагает предварительное знакомство с начатками библейско-исторического знания, и эти-то начатки именно и предлагаем мы в своей книге, в надежде, что она может послужить руководством к проникновению и в более глубокую область знания. В непродолжительном времени имеет последовать подобное же «Руководство к Библейской истории Нового Завета» 31 декабря 1887 года.

А. Л.

Предисловие ко второму изданию

НАШЕ «Руководство», встреченное живым сочувствием духовной и светской печати, не только русской, но и за границей – славянской (на сербский язык оно переведено сполна), несмотря на значительное количество напечатанных экземпляров, разошлось сравнительно в короткое время и уже несколько лет не имелось в продаже. Так как требования на него не прекращаются, то мы порешили сделать второе издание, которое и предлагается благосклонному вниманию читателей. Не делая в нем никаких существенных изменений, мы только тщательно пересмотрели его и исправили, где оказалось нужным, а также дополнили несколькими примечаниями и библейскими цитатами, дающими возможность читателю легко отыскать повествование о каждом событии в самой Библии, как первоисточнике. 3 Июля 1896 г.

Период первый. От сотворения мира до потопа

I. Сотворение мира¹

Мир, рассматриваемый в его внешней красоте и внутренней гармонии, представляет собою дивное создание, изумляющее стройностью своих частей и чудесным разнообразием своих форм. Во всей своей необъятности он правильно движется подобно величественным часам, заведенным великим и искусным мастером. И как при взгляде на часы невольно является мысль о сделавшем и заведшем их мастере, так и при рассматривании мира в его правильном и стройном движении разум невольно приходит к мысли о том Виновнике, которому он обязан своим существованием и дивным устройением. Что мир не вечен и имеет свое начало, это ясно доказывается, прежде всего, общим верованием народов, у которых у всех сохраняется древнейшее предание о начале всех вещей. Затем изучение хода исторической жизни человечества, особенно древнейших его народов, показывает, что сама историческая жизнь имеет весьма ограниченную протяженность и скоро переходит в эпоху доисторическую, которая составляет детство человеческого рода, необходимо предполагающее, в свою очередь, рождение или начало. На то же указывает и ход развития наук и искусств, который опять приводит нас к первобытному состоянию, когда только начинались они. Наконец, новейшие науки (геология и палеонтология) через изучение наслоений коры земной и заключающихся в них останков неопровержимо и ясно доказывают, что земной шар постепенно образовывался в своей поверхности, и было время, когда на нем совершенно не было никакой жизни, и сам он находился в состоянии бесформенного вещества. Таким образом, начало мира несомненно, хотя бы и в виде бесформенного, первобытного вещества, из которого постепенно образовались все его формы. Но откуда явилось само это первобытное вещество? Вопрос этот издавна занимал мысль человеческую, но она бессильна была разрешить его без высшей помощи, и в языческом мире величайшие мудрецы и основатели религий не в силах были подняться выше той мысли, что это первобытное вещество существовало от вечности, и из него-то Бог создал или устроил мир, будучи лишь, таким

образом, создателем или устройтеlem мира, но не в собственном смысле Творцом его. Тогда на помощь человеческому разуму явилось Божественное Откровение, заключающееся в книгах св. Писания, и оно просто и ясно провозгласило великую тайну бытия, постигнуть которую тщетно усиливались мудрецы всех времен и народов. Тайна эта открыта на первой странице книги Бытия, которою и начинается Библейская история мира и человечества.

«В начале сотворил Бог небо и землю», говорит в первом стихе книги Бытия бытописатель, св. пророк Моисей. В этих немногих словах выражена та необъятная по своей глубине истина, что все существующее на небе и на земле, а, следовательно, и первобытное вещество, имеет свое начало, и все сотворено Богом, который один только вечен и существовал в довременном бытии, и притом сотворено из ничего, как означает самый глагол бара, употребленный для выражения слова «сотворил»². Бог есть единый Творец вселенной, и без Него ничего не могло произойти.

Утверждая эту мысль, бытописатель тем самым отверг все другие способы объяснения происхождения мира, т.е., что мир не мог произойти ни от случая, ни от самозарождения, ни от борьбы доброго и злого начал (как учили языческие мудрецы, а за ними и новейшие любомудры), а единственно от свободного решения воли всемогущего Бога, благоволившего из небытия воззвать мир к временному бытию. Решение же это вытекло единственно из любви и благодати Творца, с целью дать и твари возможность насладиться этими величайшими свойствами Его существа. И вот «Он», по словам боговдохновенного псалмопевца, *«сказал и сделалось, Он повелел и явилось»* все . Орудием его при творении служило Слово Его («сказал и сделалось»), которое есть Слово изначальное, Сын Божий, чрез которого *«все начало быть, и без Него ничто не начало быть, что произошло»* . Так как во втором стихе отдельно говорится и об участии Духа Божия в деле творения, то ясно, что Бог действовал при создании мира как превечная Троица³.

Открыв тайну происхождения мира как целого и его двух составных частей – неба и земли, бытописатель переходит к

описанию порядка образования мира в его теперешнем виде, во всем разнообразии его видимых форм, и так как летопись бытия предназначалась в поучение жителям земли, то и главное внимание его обращается именно на историю образования земли, так что во втором стихе уже не упоминается о небе⁴. В первобытном своем состоянии «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою». Это было только что сотворенное бесформенное вещество – хаос⁵ «тогува-богу», в котором бродили слепые силы вещества, ожидая жидкительного слова Творца, и над этою-то бродящею бездною была тьма, и только творческий Дух Божий носился над водою, как бы оплодотворяя зародыши и семена имевшей возникнуть жизни на земле. Откровение ничего не сообщает о продолжительности такого хаотического состояния. Только с известного момента началась творчески-образовательная деятельность Творца, и она совершилась в шесть последовательных периодов времени, называемых днями творения⁶.

Когда настало время для начала творческой деятельности, над темным бесформенным веществом прогремело слово Божие: «да будет свет! и стал свет». Над бездной хаоса мгновенно рассвел прекрасный день Божий и озарил мрачную утробу довременной тьмы. «И увидел Бог свет, что он хорош»; и «отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

При появлении света усилилось брожение сил в клокоцущем веществе хаоса. Огромные массы паров поднимались над поверхностью земного тела и окутывали его непроницаемыми тучами и мглою, так что терялась всякая грань, отделяющая его от других небесных тел. «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды; (и стало так). И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью; и стало так». Нижние слои паров превратились в воду и осели на поверхность все еще клокоцавшей бездны, а верхние улетучились в необъятной области небесного пространства, и над землею открылось то прекрасное голубое небо, которое мы видим теперь. Это был день второй.

Над земным телом была уже очищенная от паров атмосфера, но сама земля была еще сплошным морем. Тогда «сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша; и стало так». Сгустившееся и постепенно охлаждавшееся вещество в одних местах поднималось, в других опускалось; возвышенные места обнажались от воды, делались сушею, а углубления и впадины наполнялись сливавшеюся в них водою и образовали из себя моря. «И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морем: и увидел Бог, что это хорошо». Но как ни хорошо было это распределение моря и суши, земля еще не обладала тем, что составляло цель её создания: на ней не было еще никакой жизни, и лишь голые, мертвые скалы мрачно смотрели на вместилища вод.

Но вот, когда совершилось распределение воды и суши, и образовались необходимые условия для жизни, не замедлили появиться и первые начатки её – в виде растительности. «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию её), и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле, и стало так». «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий».

Но растительность для своего прозябания нуждается в правильной смене света и тьмы. «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли), для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов, и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю: и стало так». По слову Творца окончательно установилась солнечная и звездная система, как она существует теперь. Солнце запылало своим могучим, животворным светом и озарило окружающие его планеты; небесный свод украсился мириадами звезд, и чарующий блеск их вызвал восторг ангелов небесных, которые хором восхвалили Творца (Иов. 38:7). «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый».

Небо уже украшалось светилами, на земле развивалась исполинская растительность; но не было еще на земле живых

существ, которые могли бы наслаждаться дарами природы. Для их существования не было еще надлежащих условий, так как воздух был насыщен вредными испарениями, которые могли способствовать лишь царству растительному. Но вот исполинская растительность очистила атмосферу, и подготовились условия для развития животной жизни. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живу; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной».

В силу этого божественного веления совершился новый творческий акт, не просто образовательный, как в предыдущие дни, а в полном смысле творческий, каким был и первый акт творения первобытного вещества – из ничего.

Тут создавалась душа живая, вводилось нечто такое, чего не было в существовавшем первобытном веществе. И действительно, бытописатель здесь во второй раз употребляет глагол бара – творить из ничего. «И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду её. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый».

Вода и воздух наполнились жизнью, но оставалась еще пустынную третья часть земли – суша, та именно, которая представляет наиболее удобств для жизни живых существ. Но вот настало время и для её заселения. «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду её, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их: и стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их». Все эти животные образованы были из земли, откуда они и теперь извлекают свои питательные вещества, и в которую обращаются опять при разложении. «И увидел Бог, что это хорошо». Таким образом, земля уже во всех своих частях населилась живыми существами. Мир живых существ представлял стройное дерево, корень которого состоял из простейших, а верхние ветви из высших животных. Но это дерево было неполно, не было еще цветка, который бы завершал и украшал его вершину. Не было еще человека – царя

природы. Но вот явился и он. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотами, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». Здесь в третий раз совершился в полном смысле творческий акт (бара), так как человек в своем существе опять имеет нечто такое, чего не было в сотворенной до него природе, именно дух, отличающий его от всех других живых существ.

Так закончилась история творения и образования мира. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестый». «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые Он творил и созидал. И благословил Бог седьмый день и освятил его». Отсюда ведет свое начало установление субботы как дня покоя, и на этом установлении доселе основывается правильная смена труда и покоя в жизни человеческой.

II. Сотворение первых людей и их блаженная жизнь в раю⁷.

Человек, как венец творения, создан по особому совету Творца, и он только один создан по образу и по подобию Божию. Тело его, как и тела всех животных, образовано из земли; но духовная часть его есть непосредственное вдуновение Творца.

"И создал Господь Бог человека (Адама) из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Образ и подобие Божие в человеке поэтому состоит в духовном сыновстве его Богу, в стремлении к умственному и нравственному совершенству, дающему ему возможность господствовать над природой. Как царь творения он вводится в особый насажденный для него сад или рай в Едеме на востоке, приводятся ему в подчинение все твари, и он делается владыкой земли.

Но человек, как разумное и духовное существо, не был бы достойным представителем Божества на земле, если бы он жил в уединении или в общении только с существами или высшими его, как ангелы, или низшими, как животные. Для него было необходимо не только для удовольствия и счастья, но еще более для совершенства божественного дела иметь помощника по себе, способного к восприятию и взаимному общению мыслей и чувств.

Между тем, среди уже созданных живых существ «для человека не нашлось помощника подобного ему». «И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему».

И вот создается жена, и притом из ребра самого человека, взятого у него во время глубокого сна.

Как только создана была женщина, человек тотчас понял в этом деле Творца желание счастья для общественной жизни человека и пророчески произнес положение, которое стало законом брака на все последующие века: «вот это кость от костей моих, и плоть от плоти моей, она будет называться

женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть».

Из этих слов, равно как и из обстоятельств самого сотворения жены, естественно вытекает, что муж и жена представляют собою единство, заключаемое в браке, что брак должен состоять из союза одного мужчины с одной женщиною, и что жена должна подчиняться мужу как его помощница, созданная для него.

«И благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над всеми тварями».

И вот первые люди в блаженстве своей невинности обитали в раю, пользуясь всеми его плодами и наслаждаясь всеми его радостями. Им предоставлены были все блага совершенной и невинной жизни.

В материальном отношении их окружал избыток богатейших даров райской природы, вместе с плодами деревьев, которые имели особенно чудесное значение для их телесной крепости и жизненности, давая им бессмертие.

Духовные потребности их находили полнейшее удовлетворение в непосредственном собеседовании с Богом, являвшимся «в раю во время прохлады дня», а также в изыскании лучших способов господства над подчиненной им природой и управления ею, для чего Адам нарек имена животным, а также, конечно, и всем другим предметам, устанавливая таким образом язык как средство различения предметов и общественного сношения. Но высшее совершенство их заключалось в нравственной невинности, которая состояла в отсутствии самой мысли о чем-либо нечистом и греховном. «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

III. Грехопадение и его последствия. Местонахождение рая⁸.

Пребывание первых людей в раю было пребыванием их в непосредственном общении с Богом, которое и было первой и совершеннейшей религией человеческого рода. Внешним выражением этой религии была церковь, как собрание первых двух верующих. Но так как церковь, как внешнее учреждение, предполагает известные установления и условия, на которых основывается собрание, то и первобытная церковь была основана на особом завете между Богом и человеком. Завет этот состоял в том, чтобы человек любил Бога и ближних и оказывал Творцу своему совершенное послушание во всех Его повелениях, а Бог, с своей стороны, обещал за это человеку продолжение его блаженного состояния, безопасность от смерти, как болезненного разрушения тела и, наконец, жизнь вечную. Чтобы предоставить человеку возможность засвидетельствовать свое послушание и укреплять свою веру, Бог дал ему заповедь, которая могла служить для него испытанием, как средством укрепления того свободного нравственного самоопределения, в котором заключается высшее благо жизни. Заповедь состояла в запрещении есть от плодов дерева познания добра и зла. *«И заповедал Господь Бог человеку и сказал: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла – не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь»*. Предоставив человеку полную свободу, Творец, однако же, эту заповедь хотел показать ему, что как существо ограниченное, он должен жить под законом и что за нарушением закона последует страшное наказание.

Откровение не сообщает, как продолжительно было блаженное пребывание первых людей в раю. Но это состояние уже возбуждало злобную ненависть врага, который, лишившись его сам, с ненавистью смотрел на невинное блаженство первых людей. Когда на земле господствовал еще мир всеобщего блаженства и она не знала зла, мир в высших своих областях уже был знаком со злом, и происходила борьба с ним. В среде

высших сотворенных существ, или ангелов, одаренных высшими дарами разума и свободы, некоторые уже нарушили заповедь послушания Творцу, возгордились своим совершенством (1Тим. 3:6) и не сохранили своего достоинства (Иуд. 6:1), за что и низвергнуты были из небесного рая в преисподнюю. Зависть и жажда зла сделалась душою этих существ. Всякое благо, всякий мир, порядок, невинность, послушание – стали ненавистны для них, и они попытались разрушить их и среди людей, наслаждавшихся блаженством райской жизни на земле. И вот в раю явился искушитель – в виде змея, который «был хитрее всех зверей полевых». При этом он употребил лукавую хитрость, направив искушение не к обоим людям и не к мужу, а к одной жене, как слабейшему члену, скорее поддающемуся увлечению.

Змей приблизился к жене и сказал ей: «Подлинно ли сказал Бог, не ешьте ни от какого дерева в раю?» В вопросе этом заключалась коварная ложь, которая должна бы сразу оттолкнуть собеседницу от искушителя. Но она, по своей невинности, не в состоянии была сразу понять здесь коварство, и, в то же время, была слишком любопытна, чтобы тотчас же прекратить разговор. Однако же, она поняла ложь вопроса и ответила, что Бог разрешил им есть от всех деревьев кроме одного лишь дерева, которое посреди рая, потому что от вкушения плодов его они могут умереть. Тогда искушитель прямо возбуждает недоверие к Богу. «Нет, сказал он, не умрете; но Бог знает, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Коварное слово глубоко запало в душу женщины. Оно возбудило ряд сомнений и душевную борьбу. Что такое добро и зло, которое она может узнать? И если люди блаженствуют в теперешнем состоянии, то в каком же блаженстве будут они, когда станут как боги?. В тревожном возбуждении она невольно обращает взор к запретному дереву, а оно так приятно для глаз, вероятно сладостно для вкуса, а особенно заманчиво по своим таинственным свойствам. Это внешнее впечатление решило внутреннюю борьбу, и женщина «взяла плодов этого дерева, и ела; и дала также мужу своему, и он ел». Величайший переворот в истории человечества совершился. Те, которые должны были

служить чистым источником всего человеческого рода, отравили себя плодами смерти. Женщина последовала змею, как бы он был выше Бога. По его внушению она сделала то, что запретил Творец. А её муж во грехе последовал жене, которая из соблазненной тотчас же сделалась соблазнительницею.

Не замедлили сказаться и следствия вкушения запрещенного плода: у них действительно открылись глаза, как обещал искушитель, и запретный плод дал им знание; но что же узнали они? – узнали то, что они наги. Возмущенное нравственное чувство открыло пред ними сознание их наготы, ставшей победным знаком чувственности и торжества плоти, и чтобы прикрыть ее, они сшили себе смоковые листья и сделали из них опоясания – эту первичную форму одежды. Но если согрешившие устыдились так даже собственного внутреннего голоса совести, то им совершенно страшно стало предстать теперь перед Богом. Настал вечер, и прохлада теней его разливала блаженство по саду. В это время обыкновенно происходило у них собеседование с Богом, которого они до сих пор с невинною радостью ожидали и встречали как дети своего отца. Теперь же они желают, чтобы этого момента никогда не наступало. А между тем он приблизился, и они услышали знакомый голос. Ужас объял Адама и жену его, и они «скрылись от лица Господа Бога между деревьями рая».

И воззвал Господь Бог к Адаму: «Адам, где ты?» А несчастный беглец с трепетом ответил из чащи дерев: «Голос Твой я услышал в раю и убоился, потому что я наг, и скрылся». – «Но кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от древа, с которого Я запретил тебе есть?» Вопрос был поставлен прямо, но грешник не в силах был ответить на него так же прямо; он дал уклончивый и лукавый ответ: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел». Вину он сваливает на жену и даже на Самого Бога. Господь обратился к жене: «что ты это сделала?» Жена также, в свою очередь, отклоняет от себя вину: «Змей обольстил меня, и я ела». Жена сказала правду, но в том, что они оба старались выгородить себя от вины, заключалась ложь. В этом сразу сказалось пагубное влияние отца лжи, обольщению которого поддались первые люди, и это влияние,

как испытый яд, отравило всю их нравственную и телесную природу.

Тогда Господь изрек заслуженное наказание и, прежде всего, змею, как послужившему орудием искушения: он был проклят пред всеми животными и ему определена жалкая жизнь пресмыкания на чреве своем и питания прахом земли⁹. Жена осуждена на подчинение мужу и на тяжкие страдания и болезни при рождении детей; а муж осужден на тяжелую жизнь, так как земля, проклятая за дела человека, должна была оскудеть в своих дарах, производить терние и волчцы, и только в изнурительном поте он мог добывать себе хлеб для пропитания, пока не возвратится в землю, из которой взят был: «ибо прах ты, и в прах возвратишься», сказал Господь, осуждая его на телесную смерть. Страшно было наказание за преступление заповеди Божией; но как милосердный Отец, Бог не оставил Своих согрешивших чад без утешения, и тогда же дал им обетование, которое светлой надеждой на восстановление потерянного блаженства должно было поддерживать их унылый дух в дни последующих испытаний и невзгод греховной жизни. Это именно обетование о Семени жены, которое долженствовало стереть главу змия, т.е. окончательно победить разрушителя блаженства людей, и восстановить людям возможность достигать блаженства и жизни вечной на небе. Это было первое обетование о Спасителе мира, и в знамение Его пришествия установлено жертвоприношение животных (видимо, уже теперь разделенных на два класса – чистых и нечистых), заклание которых должно было предзнаменовать заклание великого Агнца за грехи мира. Сделав Адаму и жене его Еве (матери живущих, как назвал ее теперь Адам) кожаные одежды (из убитых для жертвоприношения животных) и научив их одеваться, Господь изгнал их из рая, «и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни», которого они чрез свой грех сделали теперь недостойны.

С изгнанием людей из рая у них среди трудов и невзгод греховной жизни изгладилась с течением времени самая память о точном его местонахождении, у разных народов мы встречаем

самые смутные предания, неопределенно указывающие на восток, как место первобытного блаженного состояния. Более точное указание находится в Библии, но и оно настолько неясно для нас при теперешнем виде земли, что по нему так же невозможно с географической точностью определить местоположение Едема, в котором находился рай. Вот это библейское указание: *«И насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон; она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Тихон (Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр); она протекает пред Ассириею. Четвертая река Евфрат»* (Быт. 2:8–14). Из этого описания прежде всего ясно, что Едем – это обширная страна на востоке, в которой находился рай, как меньшее помещение, назначенное для обитания первых людей. Затем название третьей и четвертой рек ясно указывает на то, что эта Едемская страна находилась в некотором соседстве с Месопотамией. Но этим и ограничиваются понятные для нас географические указания. Первые две реки (Фисон и Тихон) не имеют теперь ничего, соответствующего себе ни по географическому положению, ни по названию, и потому они подавали повод к самым произвольным догадкам и сближениям. Одни видели в них Ганг и Нил, другие – Фазис (Рион) и Аракс, берущие свое начало на возвышенностях Армении, третьи – Сыр-Дарью и Аму-Дарью, и так далее до бесконечности. Но все эти догадки не имеют серьезного значения и основываются на произвольных сближениях. Дальнейшим определением географического положения этих рек служат земли Хавила и Куш. Но первая из них так же загадочна, как и орошающая ее река, и можно только догадываться, судя по её металлическим и минеральным богатствам, что это некоторая часть Аравии или Индии, служивших в древности главными источниками золота и драгоценных камней. Несколько определеннее название другой страны Куш. Этим термином в Библии обыкновенно называются страны, лежащие к югу от Палестины, и «кушиты», как потомки Хама, от его сына Хуша или

Куша, встречаются на всем пространстве от Персидского залива до южного Египта. Из всего этого можно заключить лишь одно, что Едем действительно находился в некотором соседстве с Месопотамией, на что указывают и предания всех древнейших народов, но в точности определить его местонахождение невозможно. Земная поверхность с того времени претерпела столько переворотов (особенно во время потопа), что не только могло измениться направление рек, но могла порваться и самая связь их между собою, или даже прекратиться самое существование некоторых из них. Вследствие этого науке так же прегражден доступ к точному определению местонахождения рая, как он прегражден был согрешившему Адаму – ко вкушению от древа жизни в нем.

IV. Сыновья и ближайшие потомки Адама. Каин и Авель. Два направления в жизни допотопного человечества. Долговечность патриархов. Летосчисление¹⁰.

Лишившись своего прежнего блаженного жилища, первые люди поселились к востоку от Едема. Эта восточная внерайская страна сделалась колыбелью человечества. Здесь начались первые труды обыденной суровой жизни, и здесь же явилось первое поколение «рожденных» людей. «Адам познал жену свою Еву, и она зачала и родила сына, которому дала имя Каин, что значит: приобрела я человека от Господа». При первом рождении Ева переживала совершенно новые, неизвестные ей состояния – беременность и болезненность родов. Последствием их явилось новое, дорогое для неё существо, которое привело ее в восторг, выразившийся в самом его наименовании, в котором, очевидно, выражается память об обетовании Божиим касательно Семени жены. Но она жестоко ошиблась, предполагая в своем первом сыне начало избавления от постигшей ее кары: в нем явилось для неё лишь начало новых, неизвестных еще ей страданий и горя. Впрочем, Ева скоро сама поняла, что она слишком рано стала лелеять себя надеждой на исполнение обетования, и потому, когда родился у неё второй сын, она назвала его Авелем, что значит призрак, пар.

Теперь уже первые люди не одни: образовалось семейство, а вместе с ним стали вырабатываться и новые отношения. С приращением семейства увеличились потребности, для удовлетворения которых понадобился усиленный труд. Уже с первых дней нового положения, в которое люди поставлены были грехопадением, потребности оказались разнообразными: требовалось добывать пищу и одеяние. Соответственно этому произошло у первых людей и разделение труда: первый сын Каин стал обрабатывать землю, для удовлетворения первой потребности питания, а второй – Авель стал заниматься скотоводством, для добывания молока, а также и шерсти, и

шкур. Выбор рода труда и занятий первых братьев, конечно, зависел от различия их характеров и склонностей. Занятия еще больше разделили их, и между первыми братьями не замедлило обнаружиться соперничество, кончившееся страшным злодеянием, какого дотопе не видела еще земля. «Однажды Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел». Причину этого, конечно, нужно видеть не только в качестве самих даров, но и особенно во внутреннем расположении для принесения их. Этим навсегда давался урок, что жертва Богу должна соединяться с внутренней жертвой доброго сердца и добродетельной жизни. Между тем, если Авель принес свою жертву с верою, подтверждаемую доброю жизнью, то, напротив, Каин принес ее очевидно без внутреннего участия, так как в жизни *«дела его были злы»* (1Иоан. 3:12). Увидев предпочтение, оказанное брату, и видя в нем явное обличение своих «злых дел», Каин сильно огорчился, и омраченное лицо его поникло. На нем появились зловещие черты. Но совесть (этот голос Божий внутри человека) заговорила в Каине: «почему ты огорчился, и от чего поникло лицо твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Каин, однако, не послушался предостережения и отворил греху дверь своего сердца. Зазвав своего доверчивого брата в поле, он убил его, – совершив невиданное еще землею злодеяние. Страшное злодеяние, впервые внесшее разрушение и смерть в порядок природы, не могло остаться без наказания. «Где Авель, брат твой?» – спросил Господь Каина. «Не знаю: разве я сторож брату моему?» – отвечал убийца, показывая таким ответом, какой страшный шаг вперед сделало зло со времени падения прародителей. Эта дерзость, это бесстыдное отрицание не допускали возможности дальнейшего испытания, и Господь прямо обратился к убийце с определением наказания. «Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь

возделывать землю, она не станет больше давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Окровавленная земля в силу этого определения должна была потерять свое прежнее плодородие, так что Каину нельзя уже было оставаться в прежнем месте. Проклятие, вызванное первородным грехом, также пало на землю и только посредственно на человека; теперь же, когда грех дошел до убийства, проклятие падает уже на самого убийцу, но не безусловное проклятие, а проклятие изгнания, в силу которого земля, в качестве исполнительницы воли Божией, не давая своих плодов Каину, должна была принудить его удалиться из первобытной колыбели человечества. Ввиду тяжести возложенного наказания, упорство Каина сломилось и перешло в малодушие и отчаяние. «Наказание мое, – воскликнул он, – больше, нежели снести можно. Пусть всякий, кто встретится, убьет меня». Но это желание Каина, вызванное его отчаянием, было преступно и потому не могло быть исполнено. Как наказанный убийца, он должен был служить предостерегающим примером для других. Поэтому всякому, кто бы решился на убийство Каина, должно было всемерно отомститься. Поникшее, искаженное злодейством лицо его должно было служить знаком, чтобы никто, встретившись с ним» не убил его – будет ли то дикий зверь, или кто из братьев его.

И пошел Каин скитаться по земле, и, наконец, поселился в земле Нод, еще далее на восток от Едема. Трудно определить точное положение этой страны. Некоторые исследователи указывают на северную Индию, Китай и др. Во всяком случае, это – земля, удаленная от первичного поселения людей, страна «изгнания», как показывает и самое её название. Но туда Каин удалился не один. Как ни велико было его злодеяние и оскорбление, нанесенное чистоте и святости братской любви, из среды размножившихся за это время братьев, сестер и последующих поколений нашлись люди, которые решились последовать за Каином в страну изгнания, так что он поселился там с женой. Здесь у него родился сын, которого он назвал Енохом. Удаленный от остального общества людей, предоставленный своей собственной судьбе, Каин, от природы

суровый и упорный, теперь еще с большим упорством должен был бороться с природой и внешними условиями жизни. И он действительно весь отдался тяжелому труду для обеспечения своего существования и был первым человеком, который построил город, как начало оседлой жизни. Город назван был по имени сына его Еноха. Некоторые исследователи возражают, будто бы немыслимо допустить построение города в такое раннее время. Но до этого события могло пройти от происхождения человека уже несколько столетий, в продолжение которых люди могли придти к мысли о лучших средствах защиты своего существования от внешних врагов. Притом, под именем «города», конечно, нельзя разуметь в собственном теперешнем смысле город, а просто ограду, возведенную для защиты находившегося среди её жилища.

Поколение Каина стало быстро размножаться, а вместе с тем продолжалась начатая его родоначальником борьба с природой (культура). Из среды его выходили, люди, которые, наследовав от Каина упорную волю в борьбе с природой, продолжали неумолимо изыскивать новые средства для успешнейшего ведения ее. Особенно замечательно в этом отношении семейство Ламеха, шестого члена в поколении Каина по прямой от него линии¹¹.

Сам Ламех замечателен в истории человечества тем, что он первый нарушил естественный, установленный при начале, порядок брачных отношений и ввел многоженство, сделавшееся впоследствии источником ужасного попрания человеческого достоинства женщины, особенно на востоке. Подчиняясь своей страстной натуре, он взял себе две жены – Аду и Циллу. От них родились сыновья, которые явились изобретателями первых ремесел и искусств. От Ады родился Иавал. Он первый изобрел палатки и с ними начал вести вполне кочевую жизнь, переноса шатры и перегоняя стада с одного места на другое.

Брат его Иувал был более поэтической натуры и прославился изобретением инструментов, посредством которых можно выражать порывы и чувства души. Он первый изобрел гусли и свирель и есть отец всех играющих на них. Гусли или арфа (по-еврейски кинур), по описанию Иосифа Флавия, имела

десять струн, на которых играли при помощи плектра – особой музыкальной палочки. Изобретение Иувала, конечно, представляло простейшую форму струнного инструмента. Замечательно при этом, что первые музыкальные инструменты изобретены братом первого скотовода-кочевника, принимавшим, вероятно, в занятиях последнего близкое участие: большой и счастливый досуг этого занятия дает более всего поводов к такому изобретению. От Циллы у Ламеха также родился замечательный сын по имени Тувал-Каин. Он прославился самым полезным изобретением для борьбы с природой, именно пришел к мысли воспользоваться металлами для приготовления из них прочных орудий защиты и хозяйства и стал ковать эти орудия из меди и железа. До него все орудия для защиты или инструменты для домашних хозяйственных занятий, вероятно, готовились из камня, дерева или костей. Дикие народы до сих пор обходятся с такими орудиями, и в постепенном приближении их к цивилизованным народам эти первобытные орудия сменяются сначала медными и бронзовыми (в южной Америке – золотыми), а потом уже железными. Сестру Тувал-Каина Ноему – «Прекрасную» – предание называет изобретательницей тонов и песен. Но поэзия, в собственном смысле, обязана своим началом самому Ламеху, этому отцу стольких изобретателей. Восхищенный изобретениями своих сыновей, а особенно Тувал-Каина, он обратился к своим женам с такую речью:

Ада и Цилла, послушайте голоса моего,
Жены Ламеховы, внимайте словам моим:

Я убил бы мужа за язву мне¹²,

И отрока за рану мне.

Если за Каина отомстится всемеро,

То за Ламеха в семьдесят раз всемеро¹³.

В этом шестистишии представляется первый пример собственно поэтической речи в первобытную эпоху, и песнь эта представляет верное отражение еврейской, как самой древней поэзии. Что касается содержания этой первобытной поэмы, то, в общем, смысл её таков. Среди насилий и жестокостей того времени, особенно свирепствовавших между потомками Каина,

Ламех утешает своих жен уверением, что с помощью медного и железного оружия, находящегося теперь, благодаря изобретению Тувал-Каина, в его руках, он может убить всякого, кто бы осмелился оскорбить его; и если Каину было обещано, что за него отомстится всемеро, то в руках потомства Ламехова теперь есть средство отмстить за себя в семьдесят раз всемеро. В этой поэме выразился тот дух высокомерия и самонадеянности, которым отличалось в своей жизни и в своем характере потомство преступного и мрачного изгнанника. Ламех смотрит на только что изобретенное оружие, которое выковал его сын, и из груди его вырывается песнь торжества. Как далеко он опередил своего предка Каина, принужденного беспомощно скитаться по земле! Он уже не нуждается теперь в посторонней помощи и сам сумеет защитить себя во всякое время. Он не только не боится убийства, но он сам воспевает убийство. Вот к чему пришло потомство первого убийцы. Потомки Каина всю свою деятельность направили на обеспечение материальной жизни. Эти чисто житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорною самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суеи и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями. При таком направлении оно, очевидно, не могло быть истинным представителем человеческого рода и, тем более, хранителем великих духовных сокровищ – первого обетования о Спасителе и связанных с ним первобытных религиозных и нравственных установлений. Оно, по своей грубой односторонности, грозило только извратить предназначенный человечеству исторический ход развития. Этому одностороннему направлению необходим был противовес. И он действительно явился в поколении нового сына Адамова – Сифа, родившегося на место убитого Авеля. Сифом начинается в истории то поколение людей, которое по своему духовному настроению представляло полную противоположность потомству Каина. В поколении Каина люди, поклоняясь единственно материальной силе, все свои способности (до полного забвения о Боге) обращали на

вырабатывание и приобретение средств, увеличивающих эту силу; здесь, напротив, вырабатывалось и развивалось совершенно иное, более возвышенное направление, которое, пробуждая в людях смиренное сознание человеческой беспомощности и греховности, устремляло их помыслы к верховному Покровителю, давшему падшим людям обетование будущего избавления. Направление это заявило о себе уже при сыне Сифа – Еносе: «тогда, говорит библейская летопись, начали призывать имя Господа Бога (Иеговы)». Это, конечно, не значит, что до этого времени совершенно не было в употреблении молитв, как призывания Бога. Религия стала выражаться во внешних формах, а, следовательно, и в молитве, еще при первых сыновьях Адама – в приношении Богу дара. Выражение это означает лишь то, что теперь в поколении Сифа призывание имени Господа Бога сделалось открытым исповеданием их веры в Бога, знаменем, которое отличало их от Каинова поколения с его грубым безверием и нечестием. Высшим выразителем и представителем этого направления явился Енох, который «ходил пред Богом», т.е. во всей своей жизни отражал высоту первоначальной человеческой чистоты и святости. Вместе с тем, Он первый сознал, к какой бездне порочности и греховности может привести каиновское направление, и выступил первым проповедником и пророком, предвозвещавшим страшный суд Божий над «нечестивыми». *«Се, говорил он, идет Господь со тьмами святых ангелов Своих сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники»* (Иуд. 15:16). В награду за это высокое благочестие и великую веру Бог «взял его» с грешной земли и тем освободил от вызванной грехом смерти (Евр. 11:5).

Новое поколение, в котором проявилось противоположное каиновскому направление, будучи носителем истинной религии и связанного с нею обетования, естественно, должно было стать тем корнем, из которого надлежало развиваться всему дереву человечества. И оно действительно стало им. Ход исторического развития, начинаясь от первого человека и разделяясь на два

течения, главнейшим своим руслом направился в сторону этого именно поколения. В этом поколении выступают один за другим те великие представители первобытного человечества или патриархи, которые, крепкие духом и телом, призваны были долговечным трудом вырабатывать и сохранять начала, долженствовавшие лечь в основу жизни всех дальнейших поколений. Для успешнейшего осуществления своего назначения они, по особому промыслу Божию, наделены были необыкновенною долговечностью, так что каждый из них почти целое тысячелетие мог быть живым хранителем и истолкователем вверенного им обетования.

Первый человек Адам, этот первый виновник совершившегося в истории человечества переворота и первый свидетель великого обетования о Спасителе, жил 930 лет; его сын Сиф – 912 лет; сын Сифа Енос – 905 лет; представители последующих поколений: Каинан – 910 лет, Малелеил – 895, Иаред – 962, Енох, жизнь которого прервана взятием на небо – 365, Мафусал – 969, Ламех – 777 и сын последнего, Ной – 950 лет. Об этой необычайной долговечности патриархов единогласно свидетельствует предание всех древних народов. При суждении о ней нужно иметь в виду, что они были близкие потомки только что созданных людей (и, притом, созданных бессмертными), естественные условия жизни были отличны от нынешних, сама жизнь была проста и естественна, да и вообще, в состоянии природы после райского ее состояния не вдруг произошли те перемены, которые сделали ее влияние часто разрушительным для жизни. Еще и теперь продолжительность жизни человеческой достигает до двухсот лет и между африканскими арабами, по свидетельству путешественников, даже не редко. Почему же нельзя считать возможною более чем в двести лет продолжительность жизни в первобытное время, когда первобытные ископаемые останки указывают на грандиозные размеры и исполинскую крепость живших тогда существ? Доказано, что некоторые животные, и особенно птицы, и теперь живут 300–400 лет. Не невозможно поэтому, что и человек в стране своего первоначального происхождения и при образе жизни, более сообразном с природой чем теперь, мог

жить так долго, как именно свидетельствует летопись библейская.

Летосчисление жизни патриархов служит основой и для общего определения жизни человечества на земле, для установления хронологии первобытной истории. Построение ее облегчается и упрощается тем, что счет лет патриархам ведется в библейской летописи троякий: 1) от начала жизни до рождения первого сына, 2) от рождения первого сына до конца жизни, и 3) число лет всей жизни.

Особенно важен первый счет. Он дает возможность провести непрерывную линию лет от Адама до всякого последующего патриарха: следует только складывать годы каждого, прожитые до рождения первого сына. Так, Адаму было 130 лет, когда у него родился сын Сиф, Сифу было 105 лет при рождении Еноса, Еносу было 90 лет при рождении Каинана. Сумма этих лет составит период от сотворения Адама до рождения Каинана: 130 + 105 + 90 = 325 лет. Тем же способом можно определить количество лет от Адама до Ноя, от которого началась новая эпоха в истории человечества¹⁴.

Но при видимой простоте летосчисление представляет почти неразрешимые трудности в другом отношении. Чтобы установить хронологию этой первобытной эпохи, необходимо еще предварительно найти прочную опору в самом счете лет жизни патриархов – как всей, так и до рождения первого сына, так как этот счет значительно разнится в трех наиболее древних и авторитетных текстах библейской летописи: еврейском, самаританском и греческом. Разницу эту можно видеть из следующей сравнительной таблицы:

	ЕВР.			САМАР.			ГРЕЧ. LXX		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Адам	130	800	930	130	800	930	230	700	930
Сиф	105	807	912	105	807	912	205	707	912
Енос	90	815	905	90	815	905	190	715	905
Каинан	70	840	910	70	840	910	170	740	910
Малелеил	65	830	895	65	830	895	165	730	895
Иаред	162	800	962	62	785	847	162	800	962
Енох	65	300	365	65	300	365	165	200	365
Мафусал	187	782	969	67	653	720	187	782	969
Ламех	182	595	777	53	600	653	188	565	753
Ной	500	—	—	500	—	—	500	—	—
До потопа	100	—	—	100	—	—	100	—	—
Год потопа	1565	—	—	1307	—	—	2262	—	—

Цифрами обозначены столбцы: 1) Лета до рождения первого сына; 2) Остаток лет; 3) Вся жизнь.

Над разрешением и соглашением этого различия в счете лет трудились многочисленные толкователи, но до сих пор дело не выяснено с достаточной полнотой.

Делались всевозможные предположения. Одни объясняют эту разницу из случайных ошибок переписчиков св. книг; другие в отступлениях самаритянского текста видят последовательное стремление к уменьшению невероятной будто бы долговечности патриархов, а в отступлениях греческого текста от еврейского – стремление семидесяти толковников подвести библейское летосчисление под формы египетского; иные, наконец, в уменьшенных показаниях еврейского текста видят преднамеренное искажение текста иудеями, желавшими этим доказать, что еще «не пришло исполнение времен», которое по древнему пророчеству должно было совершиться на шестой тысяче лет от сотворения мира.

Больше вероятности имеют первое и последнее предположения, хотя, быть может, существовали и другие причины, еще не открытые наукой. Во всяком случае, показания греческого перевода имеют за себя больше оснований, и они легли в основу летосчисления, принятого православной Церковью и поддерживаемого многими знаменитыми учеными

исследователями. По этому летосчислению рассмотренный период обнимает (до потопы) 2 262 года¹⁵.

Период второй. От потопа до Авраама

V. Потоп¹⁶

Необычайное долголетие патриархов было необходимо в первобытной истории человечества как для скорейшего заселения земли и распространения полезных познаний, так и особенно для сохранения чистоты первоначального богопочтения и веры в данное первым людям обетование Избавителя. Патриарх каждого поколения мог передавать свои знания в течение целых столетий родоначальникам других поколений, имевших, в свою очередь, передавать их далее в течение новых столетий. Так, Адам мог быть живым свидетелем первобытных преданий до самого рождения Ламеха, а отец последнего Мафусал – долговечнейший из людей – жил почти до самого потопы и умер за шесть лет до его наступления¹⁷.

Но, с другой стороны, долголетие могло служить и удобнейшим средством умножения и распространения зла в человечестве. При необычайной редкости случаев смерти, с ее ужасами, совесть людей лишена была одного из страшнейших предостережений; затем, сообщество злых людей содействовало умножению зла и порока, а кажущаяся отдаленность суда или избавления могла придавать смелость самому дерзкому неверию и кощунству. И вот, действительно, зло стало сильно разрастаться в мире; но высшего своего развития оно достигло вследствие смешения между собою потомков Каина и Сифа, и именно, когда по грубому влечению чувственности «сыны Божии (потомки Сифа) увидели дочерей человеческих, (из потомства Каина), что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». В это время земля была уже значительно населена, но вместе с заселением ее распространилось страшное зло порочности и развращения. «И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время». Это, очевидно, была не простая порочность испорченной природы, а всеобщее господство открытого и Дерзкого греха и восстания против Бога. От преступно сладострастного общения потомков Сифовых с потомками Каиновыми произошло поколение «исполинов на земле»,

слагаясь на свою силу, они внесли в человеческое общество ужасы насилия, бесправия, хищничества, сладострастия и всеобщего неверия в обетование будущего избавление. Когда поколение Сифа жило обособленным, оставалась еще надежда на сохранение истинной религии и связанного с нею обетования, а теперь погибла и эта надежда, и оставался единственный исход для искоренения порока и неверия на земле – истребить все существующее человечество. И вот, при виде такого состояния людей, «раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь, истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их». Как созданные одновременно с человеком и для человека, животные постоянно должны разделять участь человека.

Но волны порока еще не залили всего человечества. Среди него оказался человек, который «обрел благодать пред очами Господа Бога». Это был Ной, сын Ламеха, «человек праведный и непорочный в роде своем»; он «ходил пред Богом», как и его предок Енох. И вот, когда земля «растлилась пред лицом Божиим и наполнилась злодеянием», когда «всякая плоть извратила путь свой на земле», Господь сказал Ною: «конец всякой плоти пришел пред лице Мое, и Я истреблю их с лица земли. Сделай себе ковчег. Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою». Откровение было страшное и ввиду того, что кругом царило самое дерзкое неверие, служило сильным испытанием веры. Бог назначил сто двадцать лет на раскаяние человеческому роду, и в это время Ной должен был приступить к своему необычному сооружению, которое могло вызывать у окружающих людей лишь насмешки и угрозы. Но вера его была непоколебима.

Ной был не только наследником праведности и веры, но и проповедником ее на земле, и, «получив откровение о том, что еще не было видимо», приступил к сооружению ковчега для

спасения дома своего, обличая свою проповедью весь мир с его неверием и беззаконием. Ковчег строился по точному указанию Божию – из дерева гофер, что более всего подходит к кипарису, и был осмолен внутри и снаружи. Длина ковчега была 300 локтей, ширина 50 локтей, и высота 30 локтей¹⁸. Наверху было сделано длинное отверстие по всему ковчегу – в локоть ширины, для света и воздуха, а сбоку дверь. Он должен был состоять из трех ярусов, со множеством отделений в них. Последние предназначались для животных, которых Ной также должен был взять с собою (по семи пар чистых и по одной нечистых), а также и для жизненных припасов. «И сделал Ной все, что повелел ему Господь Бог». Несомненно, во время этой величественной постройки Ной продолжал вместе с тем «проповедовать праведность», особенно, когда это вызывалось присутствием любопытствующих и насмехающихся людей беззакония, приходивших смотреть на его построение. Но самой красноречивой и громкой проповедью было это самое сооружение. Долготерпение Божие все еще ожидало пробуждения покаяния и во время самого построения ковчега, но все было напрасно. Издеваясь над проповедью и грозным предостережением, люди становились еще более беззаботными и беззаконными. Они *«ели, пили, женились и выходили замуж, до того, как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех»* (Матф. 24:38, 39). Ко времени окончания построения ковчега Ною было шестьсот лет, и тогда, не видя больше надежды на покаяние грешного человечества, Господь повелел Ною войти в ковчег со всем своим семейством и определенным количеством животных. «Ибо чрез семь дней, сказал Он, Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли». Ной повиновался и вошел в ковчег со своими тремя сыновьями Симом, Хамом и Иафетом, со своей женой и женами своих сыновей, захватив и всех отобранных животных, и «Господь затворил за ним ковчег». И вот, когда прошли и эти семь дней, прошел последний срок, данный для покаяния, «воды потопы пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый (27) день месяца (т.е.

по нашему счислению, если здесь имеется в виду гражданский еврейский год – около начала или половины ноября) разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей».

Так совершилось великое наказание Божие развращенному и утопавшему во зле человечеству. Вода быстро затопляла все и поднималась все выше и выше, на пятнадцать локтей покрывая даже высочайшие горы. «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности (всей) земли; остался только Ной, и что было с ним в ковчеге». Вода же прибывала в течение ста пятидесяти дней или пяти месяцев. Вся поверхность земли покрылась водою, и по этому необъятному морю носился только один ковчег Ноев, заключавший в себе лишь избранное семя для развития новой жизни на земле. «И вспомнил Бог о Ное и о всех бывших с ним в ковчеге, и навел Бог ветры на землю, и воды остановились». Источники бездны закрылись, дождь прекратился, и вода пошла на убыль. Ровно через пять месяцев с начала потопа ковчег остановился на горах Араратских. В первый день десятого месяца показались верхи гор, а еще по прошествии сорока дней Ной уже открыл окно в ковчеге, и выпустил первого вестника – ворона, который, однако же, вылетев и найдя, видимо, обильную для себя пищу в трупах на вершинах обнажившихся гор, не дал ясного извещения о состоянии земли, а неопределенно отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды». Выпущенный затем голубь, не найдя сухого места, возвратился в ковчег, выпущенный опять через семь дней он возвратился со свежим масличным листом во рту, и Ной таким образом «узнал, что вода сошла с земли». Выпущенный еще через семь дней, голубь уже не возвратился. Тогда Ной открыл кровлю ковчега и увидел, что поверхность земли обсохла, а к двадцать седьмому дню второго месяца шестисот первого года жизни Ноя, т.е. ровно через год со времени наступления потопа, и совсем осушилась.

Тогда Господь повелел Ноем выйти из ковчега и распустить животных для размножения на земле. По выходе из ковчега первой мыслью Ноем было воздать благодарение Господу за столь чудесное спасение; он воздвиг жертвенник Господу, взял чистых животных и птиц и принес их во всеожжение. Такое благочестие Ноем было приятно Господу и «Он сказал в сердце Своем: не буду более проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его, и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся».

Так как Ной со своим семейством являлся новым родоначальником человечества на земле, то Бог повторил ему благословение, некогда данное первым людям. *«И благословил Бог Ноем и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, (и обладайте ею)»¹⁹*. Все звери были приведены человеку в подчинение, и ему разрешено было кроме растительной пищи употребление в пищу и мяса животных, но не крови их, потому что «в крови животных душа их». В то же время дан был закон против человекоубийства – на том основании, что все люди братья, и потому всякое убийство есть братоубийство, и что человек создан по образу Божию. Первый убийца был изгнан из общества людей, но жизнь его объявлена неприкосновенной; теперь было постановлено, что «кто прольет кровь человека, того кровь прольется рукою человека». Этим законом устанавливалось право гражданской власти наказывать убийц смертью. Таким образом, к установлению субботы и брака было присоединено три новых постановления – о воздержании употребления крови, о запрещении убийства и о праве гражданской власти. Это так называемые «Ноевы законы», которых иудеи насчитывали семь, прибавляя к ним еще постановление против идолопоклонства, богохульства, распутства и воровства. Наконец, в завершение этих отдельных постановлений, Бог заключил с Ноем торжественный завет, т.е. один из тех договоров, которыми Он из любви к людям принимал на Себя известные обязательства, чтобы посредством их и на человека возложить спасительные для него

обязательства. В силу этого завета Он торжественно обещал Ною, что «не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на истребление земли», и знаменем этого завета была указана радуга, появляющаяся в небе после дождя в знак того, что это не дождь потопа, а дождь благословения.

С историей потопа связываются некоторые недоумения, которые заставляют иногда перетолковывать ее действительный смысл. 1) Так, некоторые считают невозможным разуместь здесь в собственном смысле всемирный потоп, покрывший всю землю, и понимают его всемирность лишь в смысле всеобщего погубления людей в тех странах, на которых они успели дотоле расселиться. Но такое ограничение ничем не оправдывается, хотя оно и не непримиримо с прямыми библейскими выражениями, и, напротив, опровергается геологическими следами потопа в самых отдаленных частях земной поверхности. Притом, и науке известны такие перевороты на земле, когда целые материки покрывались водою, как напр., материк Атлантида, закрытый теперь Атлантическим океаном. Если такие явления возможны в силу естественных переворотов, то тем понятнее становится в полном смысле всемирный потоп, как страшное Божие наказание для истребления жизни на грешной земле. 2) Если допустить всемирность потопа, то будто бы немислимо было собрать все породы животных в том помещении, какое представлял Ноев ковчег. Но нужно иметь в виду, что в ковчег могли быть взяты лишь такие породы, которые решительно не могли пережить потопа и просуществовать в воде даже в виде зародышей и семени, чтобы после возродиться из них от солнечной теплоты; затем, по теперешнему разнообразию пород нельзя судить о породах допотопных, которых было несравненно меньше; и, наконец, многие породы несомненно прямо были обречены на истребление, как напр., все те страшные допотопные чудовища (мамонты, мастодонты и пр.), останки которых находят в слоях земли и которые теперь не существуют в действительности. Таким образом, за исключением всего этого останется уже не так много, чтобы не поместиться в ковчег, с которым по величине и

вместительности не может сравняться ни один даже из теперешних исполинских кораблей, плавающих по океанам. Что же касается вообще истинности истории потопа, то она находит поразительное подтверждение во всеобщности предания различных и самых отдаленных между собой народов. Как и естественно, предания различных народов в подробностях переполнены легендарными сказаниями, имеющими местный оттенок, но общий смысл их указывает на один общий потоп, погубивший все грешное человечество, за исключением одного благочестивого семейства. Такие предания мы встречаем у греков и народов восточной и западной Азии, встречаем даже у туземцев Америки и на самых отдаленных островах Океании. Но самое интересное и сходное с библейским повествование найдено у древних вавилонян. Это – халдейское повествование, подлинник которого недавно открыт и прочитан на каменных плитах из развалин Ниневии. Оно даже в подробностях подтверждает истинность библейского повествования²⁰. Все эти предания как бы указывают на один общий источник, откуда они разнесены были отдельными племенами при расселении их по всем странам земли.

VI. Потомки Ноя. Родословие народов.

Столпотворение Вавилонское и рассеяние народов.

Начало идолопоклонства²¹

После потопа опять началась обыденная жизнь, с ее обычными заботами и трудами. Ной был примером благочестия, трудолюбия и других добродетелей для своих детей. Но истинно слово Божие, что «помышление сердца человеческого – зло от юности его», и сам праведный Ной вскоре показал своим сыновьям и пример порочной слабости. Он рассадил виноградник, воспользовавшись для этого, по иудейскому преданию, отростком лозы, высунувшейся из ограды райской. Не знал ли он действия плода виноградного, или в употреблении его проявилась в нем склонность к пороку, отличавшему погубленных потопом людей, которые неумеренно «ели и пили», во всяком случае он опьянел и повалился в неблагопристойном положении – «обнаженным в шатре своем», чем вызвал непочтительное и насмешливое отношение к себе со стороны своего сына Хама. Только другие сыновья – Сим и Иафет отнеслись к нему с почтением и прикрыли его. Узнав об этом, Ной выразил свои чувства в словах, которые получили пророческое значение для судьбы потомков его сыновей. Первобытное состояние общества было патриархальным. Патриарх, т.е. глава рода, имел над своими детьми и их потомками неограниченную власть, принадлежавшую впоследствии царю; он был в то же время священником, который приносил жертвы, и пророком, как хранителем истинной религии и провозвестником будущих судеб. Поэтому сказанное Ноем своим сыновьям действительно имело решающее значение для их будущей судьбы. Хам за его непочтение к своему родителю и патриарху был проклят в лице своего сына Ханаана; Сим благословлен как представитель истинного благочестия, а Иафету предсказано необычайное распространение на земле, и обоим им Ханаан отдан в рабство. Смысл этого пророчества таков: земля будет разделена между людьми и наибольшее пространство займут потомки Иафета; истинная религия сохранится в потомстве Симе; в определенные времена он покорит себе землю Ханаанскую с населяющим ее племенем, и в его стране явится Искупитель мира. Потомки

Иафета также вселятся в шатрах Симовых, т.е. войдут в землю Ханаанскую, как символ основанной в ней истинной церкви.

Сам Ной после потопа жил еще 350 лет и умер 950 лет от роду, будучи последним представителем допотопной долговечности. Больше о нем ничего не сообщается в библейской летописи, которая переходит к описанию дальнейшей судьбы его потомков. Земля была разделена на три части между потомками трех сыновей Ноя. Потомки Сима заняли Азию, по преимуществу Аравийский полуостров с прилегающими странами; потомки Хама поселились почти исключительно в Африке с отпрысками в соседние страны Азии, и потомки Иафета заселили всю обитаемую в то время северную полосу земли, идущую от колыбели послепотопного человечества чрез Малую Азию в Европу, по северному берегу Средиземного моря. На происхождение населения этих стран света от трех сыновей Ноя указывает то обстоятельство, что многочисленные языки, на которых говорят народы и племена в этих частях света, наука сводит к трем основным корням, несомненно имеющим свое общее начало в первобытном языке, каким он был до «смешения языков». В частности, из потомков Иафета можно указать происшедшие от его сыновей и внуков народы: от Гомера – кимвры, от Магога – скифы, от Мадея – мидяне, от Иавана – греки (ионяне), от Фираса – фракийцы и так далее. От Сима произошли все семитские народы, населявшие Аравию и другие соседние страны Азии. Он был «отец всех сынов Евровых», т.е. племен и народов, родственных народу еврейскому. Наконец, из сыновей Хама Хуш (или Куш) был родоначальником населения Ефиопии, Мицраим – Египта, Фут – Ливии и Ханаан – населения земли Ханаанской, или Палестины.

Потомство Хамово поселилось почти исключительно в Африке, кроме Ханаана, который занял Палестину и впоследствии был отчасти изгнан из нее израильянами. Но был еще один потомок Хамов, который также поселился в Азии. Это именно Нимрод, сын Хуша, основатель Вавилонского царства и покоритель Ассирии. Это был «сильный зверолов», но по своему характеру он напоминает первого строителя городов – Каина с его ближайшим потомством. Он основал город (Вавилон),

который быстро разросся в большую, гордую столицу, ставшую во главе многочисленного населения с целым рядом других соседних городов. Неудивительно, что такой успех наполнил Нимрода и его потомков необычайною гордостью. Они начали мечтать об основании всемирной монархии, чтобы объединить под своею властью все народы земли и господствовать над ними вопреки воле Божией, определившей им быть рабами. И вот с этою целью основав могущественный город в земле Сеннаар, как в древности называлась Месопотамия, они составили совет, на котором порешили в знак своего политического могущества и в выражение своей гордости построить «башню, вышиною до небес»²². Предприятие очевидно было безумное и неисполнимое, но оно в то же время было преступное и опасное: преступное потому, что вытекало из гордости, граничившей с самонадеянностью и отвержением Бога, и опасное потому, что исходило из среды проклятого и неблагословенного потомства Хамова. Успех его в этом деле мог пагубно повлиять на остальные народы и таким образом заразить и их преступной самонадеянностью и нечестием. И вот, когда закипела работа, обжигались кирпичи и приготавливалась земляная смола, Господь порешил наказать их за безумное предприятие. «И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речь другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». Около местоположения древнего Вавилона и теперь высятся громадные развалины какой-то исполинской, в семь разноцветных этажей, башни, называемой Бирс-Нимруд, т.е. «Башней Нимрода», и предание иудейское видит в ней именно ту башню, построением которой до небес племя Хамово хотело прославить свое имя. Что касается «смешения языков», то не нужно отождествлять его с происхождением языков. Мы не знаем, в чем состояло это смешение, или какие начатки языка различные народы понесли с собой при рассеянии. Несомненно, что в это именно время произошли главные особенности,

которыми отличаются различные классы языков, и что строители рассеялись потому, что не могли уже понимать друг друга. Но это не значит, что тогда сразу образовались языки, какими они существуют теперь. Сравнительное языкознание открывает в строении и развитии языков стройные и чудесные законы, чуждые всякого беспорядочного смешения. Смешение могло состоять в различном выговоре и сочетании слов (достаточном для взаимного непонимания), и по расселении в различные страны на основании этих особенностей уже выработались отдельные языки.

Так как нечестивое потомство Хамово, забывшее Бога и всецело полагавшееся на себя, не замедлило бы привить отличавшее его безбожие всем другим племенам и народам, которые оно хотело объединить под владычеством Вавилона, то с рассеянием народов была предотвращена опасность быстрого распространения этого зла. Но задатки самого зла все-таки остались, «потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его». Расходясь все дальше и дальше от первоначальной колыбели человечества и тех родоначальников, которые хранили истинную веру в Бога и связанные с нею истины, и встречаясь со множеством невиданных предметов и опасностей, народы мало по малу стали всецело сосредоточиваться на этих ближайших предметах; у них затемнялась память об общих преданиях предков, а вместе с тем затемнялось и самое понятие о Боге. Среди множества трудностей и опасностей им нужен был такой Бог, который был бы вблизи их и к которому можно бы прибегать за помощью при всяком наличном бедствии. Между тем Бог отцов их был для них невидим и лишь неясно предносился их воображению. Ввиду этого они легко могли перейти к боготворению чего-нибудь такого видимого, что могло особенно поражать их воображение своим величием, красотой, пользой или страхом. Так произошло идолопоклонство или язычество, которое есть не что иное, как отвержение невидимого и суеверная привязанность к видимому. Вместо невидимого Творца и Промыслителя человек стал боготворить видимое – прежде всего, быть может, солнце, луну и звезды, как благодетельные светила, дававшие жизнь и

руководившие в странствовании, затем предметы окружающего неодушевленного и одушевленного мира (полезных или страшных животных), и, наконец, выдающихся чем-нибудь людей, которые в качестве героев делались полубогами и по смерти переходили в сонм богов. Боготворение видимого неба (сабеизм), видимой и особенно одушевленной природы (зоотеизм) и человека (антропотеизм) составляет три главные ступени язычества и как внешнего его выражения – идолопоклонства. Эти три вида идолопоклонства нашли впоследствии наиболее резкое выражение в трех отдельных странах – Месопотамии, Египте и Греции. Правда, человек не удовлетворялся таким грубым идолопоклонством, и кроме всех видимых богов постоянно признавал над всеми и даже над богами господство высшей, неумолимой судьбы (в чем нельзя не видеть неясных следов воспоминания о едином всемогущем Боге-Промыслителе), но идолопоклонство уже по самой своей сущности приковывало ум к грубо чувственным предметам и отвлекало от всего сверхчувственного. Чувственные божества заставляли боготворить в них чувственные силы и свойства, и с распространением нечестия дело дошло до того, что люди стали боготворить и освящать в своих чувственных божествах даже грубые пороки, подражание которым и ставилось в религиозный долг.

И вот, таким образом, вместо истинного благоговения и богочтения на земле распространилось грубое идолопоклонство и нечестие. Волны греха и суеверия опять затопляли землю и опять грозили окончательно погубить и искоренить истинную религию с ее основным корнем, заключавшимся в великом обетовании будущего Спасителя мира от рабства греху и нравственной смерти. Правда, на земле среди всеобщего идолопоклонства и нечестия оставались еще отдельные лица, которые сохраняли истинную веру. Но окружающая среда скоро могла увлечь и их общим потоком нечестия. Поэтому, чтобы сохранить семена истинной веры для будущего, необходимо было выделить какого-нибудь носителя их из среды беззакония и сделать его избранным отцом и

родоначальником нового поколения верующих. Так и устроено было благим Промыслом Божиим.

Это было через 352 года после потопа по еврейскому счислению и чрез 1 207 по греческому. Последнее счисление представляется более вероятным, так как дает больше исторического пространства для совершения изложенных важных событий²³.

**Период третий. От избрания Авраама до
смерти Иосифа и заключения
патриархальной эпохи**

VII. Избрание Авраама. Переселение его в землю Ханаанскую и жизнь его в этой стране.

Завет Бога с Авраамом и обетование сына²⁴.

В южной части Месопотамии, в так называвшейся в древности Халдее, на правом берегу Евфрата, верстах в десяти от него находится деревня Мугейр, основанная на развалинах древнего города, остатки которого видны еще и теперь. Город этот, как видно по надписям на памятниках, был Ур, называвшийся по месту своего положения Халдейским. В древнее время он находился гораздо ближе к берегу Персидского залива, от которого теперь отделяет его большая полоса наносной земли, и вел обширную морскую торговлю. Местность кругом была плодородная, промышленность оживленная и население (по преимуществу кушитского происхождения), отличавшееся мирным промышленным характером, пользовалось полным благосостоянием и стояло на высокой ступени цивилизации. Особенно развито у них было строительное искусство, и остатки больших сооружений и теперь возбуждают удивление в исследователях. Необычайная прозрачность воздуха, в котором звезды скорее пылают, чем просто светят, дала повод к раннему наблюдению над небесными светилами, и астрономия с сродной ей астрологией была любимым предметом особого класса ученых, которые занимались также изучением математики, законодательств и способов государственного управления. Письменность уже хорошо была известна, и существовали даже целые библиотеки, хотя вместо книг служили глиняные доски с изображенными на них письменами. Из промышленных искусств известны были особенно производство тканей, обработка металлов и гравирование. К несчастью, вся эта богатая цивилизация насквозь пропитана была самым грубым идолопоклонством с неразлучным с ним нечестием. Вместо жертвенников истинному Богу, повсюду возвышались храмы и капища идолам, служение которым часто принимало грубо чувственный и постыдный характер. Главными божествами считались солнце и луна, за которыми следовали другие второстепенные божества, как меньшие планеты и звезды. Им строились храмы, посвящались города, делались с них изображения, получавшие значение

домашних богов (терафимы), которым вверялось охранение благосостояния отдельных семейств. В эту-то страну идолопоклонства переселился один из послепотопных патриархов, именно сын Нахора – Фарра. Отдаленным предком его был Евер, который происходил по прямой линии от Сима, сына Ноева. Происходя От такого славного рода и будучи прямым его представителем, Фарра крепко держался отеческих преданий: хранил не только истинную веру в Бога и связанное с нею обетование, но и все законы Ноевы. Неизвестно, что именно побудило его переселиться в Халдею; но, во всяком случае, известно, что он поселился в Уре и жил там значительное время. У него образовалось там собственное семейство, состоявшее из трех сыновей – Аврама, Нахора и Арана, которые в свою очередь поженились, и у последних двух были свои дети, а жена Аврама Сара (сестра ему по отцу, но не от родной матери) была бесплодна.

Положение этого семейства в идолопоклоннической стране несомненно было тяжелое. Кругом царило самое омерзительное идолослужение. Самый Ур Халдейский был даже центром местного идолопоклонства и славился своими храмами идолам, среди которых самым почитаемым была луна. Все это так тяготило благочестивое семейство Фарры, что он, не видя возможности долее оставаться в идолопоклоннической и нечестивой стране, жители которой быть может к тому же враждебно относились к нему за его истинную веру и непоклонение идолам, намеревался совсем оставить ее и переселиться в землю Ханаанскую.

Но различные связи со страной все-таки удержали его от этого, и он переселился лишь в другой халдейский город Харран, где и остановился. Между тем, окружающая среда не осталась без влияния и на это благочестивое семейство: сам Фарра к концу жизни по-видимому поддавался идолопоклонству (Нав.24:2), и, таким образом, опасность угрожала вере даже и в этом благочестивом семействе. Тогда Господь определил взять из этого семейства человека, чтобы сделать его Своим избранным орудием в деле сохранения истинной религии в мире. Божественный выбор пал на Аврама. Это был несомненно

самый верующий и благочестивый член в семействе, и, по иудейскому преданию, он еще в детстве проявил необычайную преданность истинной религии. Будучи еще отроком, Аврам, при виде окружающего его грубого идолопоклонства, тревожно занят был великим вопросом, право ли поступают люди, боготворя небесные светила. Однажды, говорит предание, озирая землю и взглянув на небо, отрок Аврам начал думать, кто бы мог сотворить все это. Вот вошло солнце во всем своем блистательном великолепии, и он подумал, что должно быть это и есть Создатель всего, и он поклонился ему и боготворил его целый день. Когда, однако же, с наступлением вечера, солнце закатилось, Аврам усомнился, чтобы так мог помрачаться Создатель всего. Но вот на востоке поднялась в своем чарующем блеске луна, и вокруг ее засверкали бесчисленные звезды. «Поистине, закричал отрок, это творец вселенной, и звезды его слуги!» и он поклонился луне и обоготворил ее. Однако же и луна медленно скатилась на запад, звезды померкли, и вновь на восточном небосклоне поднялось дневное светило. Тогда сказал Аврам: «Нет, не может быть, чтобы какое-нибудь из этих небесных светил могло быть создателем мира; они повинуются только воле Невидимого, которому они и обязаны своим существованием: Его-то отселе я и буду только боготворить, Ему-то я и буду только поклоняться». И этой истинной веры он неизменно держался до того момента, когда Промысл Божий сделал его своим избранником.

И сказал Господь Авраму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего, (и иди) в землю, которую Я укажу тебе». Чтобы ободрить его в этом подвиге, Господь тотчас прибавил великое обетование: «И я произведу из тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. И благословлю благословящих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». Авраму было в это время семьдесят пять лет от роду, он был женатый человек и, хотя не имел детей, все-таки уже вполне устроился на своей родине; поэтому, чтобы оставить все и идти в неизвестную землю, требовалась сильная вера в голос откровения. Но Аврам был силен верою, в доме отца он

мужественно боролся против вторжения идолопоклонства, и теперь, слыша такое великое обетование, выше которого в патриархальное время и для верующего человека ничего и не могло быть, он *«верою повиновался призыванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная куда идет»* (Евр. 11:8). Взяв свою жену и племянника Лота (оставшегося сиротою после своего отца Арана) и захватив свои стада с состоящими при них домочадцами, Аврам переправился на правый берег Евфрата и направился по сирийской пустыне в Дамаск, где нашел себе верного слугу Елеазара, и затем, перейдя реку Иордан, вступил в землю Ханаанскую и раскинул свой шатер у дубравы Море, близ Сихема, в одном из самых благодатных мест страны. И там ему вторично явился Господь и подтвердил, что Он отдаст эту землю потомству Аврама, в память чего Аврам воздвиг там жертвенник Господу. Туземцы хананеи не особенно дружелюбно встретили пришельца, прибывшего пользоваться их пастбищами, и поэтому Аврам принужден был двинуться дальше к югу и там, остановившись между Вефилем и Гаем, воздвиг еще жертвенник Господу. Пребывание в этой гористой местности делало его безопасным от хананеев, занимавших более богатые пастбища на низменностях, но местность эта была скудна для прокормления стад. Он поэтому двинулся еще дальше к югу, пока полный голод не вынудил его совсем оставить обетованную землю и идти в житницу древнего мира – Египет²⁵. Египет в это время находился уже на высокой ступени цивилизации. На берегах Нила уже возвышались величественные пирамиды, как они возвышаются и теперь; были даже и памятники, свидетельствовавшие об исторической древности страны. Неограниченный правитель (фараон) принимал от своего народа божеские почести, как прямой потомок богов. Науки и искусства процветали, и имелась уже значительная литература по разным отраслям знания, а особенно по анатомии и медицине. В больших богатых столицах и городах возвышались многочисленные храмы и обелиски, обложенные полированным гранитом, и повсюду можно было видеть множество сфинксов и всевозможных статуй и идолов – из камня, золота, серебра,

бронзы и слоновой кости. Богатейшие и всячески разукрашенные живописью и скульптурой гробницы с покоящимися в них набальзамированными покойниками (мумиями) представляли собою целые «города мертвых». Кругом кипела самая бойкая и цветущая общественная жизнь. Фараонов дворец в Мемфисе кишел всевозможными жрецами и волхвами, состоявшими в качестве приближенных советников фараона. Знатные вельможи жили в великолепных домах, наполненных всякой челядью, всевозможными слугами и рабами, и вся окружающая жизнь свидетельствовала о том, что Египет по справедливости заслужил название «страны чудес». Все это, несомненно, должно было немало поразить Аврама (хотя он и видел нечто подобное на своей родине, в Халдее); но он, однако, уже и раньше немало слышал о Египте и даже отчасти знаком был с характером правления и нравами страны. Поэтому, вступая в нее, он нашел нужным принять некоторые предосторожности. Так, зная безграничный произвол и деспотический характер царей ее – фараонов, он согласился с Сарой, чтобы она выдавала себя только за сестру его, так как иначе в случае, если она понравится фараону, египтяне убьют ее мужа, что и действительно случилось, как показывают памятники древнего Египта. Предосторожность оказалась не напрасной. Красивая Сара понравилась фараону, и он взял ее в дом свой, а своего мнимого шурина наделил богатыми подарками – «мелким и крупным скотом, и ослами, и рабами, и рабынями, и лошаками, и верблюдами». Но «Господь поразил фараона тяжкими ударами за Сару, жену Аврамову», так что он вынужден был возвратить ее мужу и велел им оставить его страну.

По оставлении Египта Аврам опять поселился в окрестностях Вефиля, где он возобновил свое богослужение, «призывая Господа». Между тем стада Аврама и его племянника Лота умножились так, что им стало недоставать пастбищ, пастухи того и другого начали заводить из-за пастбищ споры и ссоры между собой, да и сам Лот, видимо, начал стремиться к независимости от своего дяди²⁶. Это было новое испытание веры Аврама, и он не посрамил ее. Он предложил Лоту избрать себе лучшую часть пастбищ, которую тот и избрал, взяв себе

всю богатейшую окрестность иорданскую, страну, которая «вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская». Сам Аврам, веруя в лучшие обетования, остался на скудных пастбищах Вефиля, и за эту веру, соединенную с самоотвержением, Господь наградил его третьим обетованием: «Возведи очи свои, сказал ему явившийся Господь, и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. Я сделаю потомство твое как песок земный; если кто может сосчитать песок земный, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в долготу и в ширину ее: ибо Я тебе дал ее (и потомству твоему навсегда)». Аврам двинул свой шатер и поселился у дубравы Мамре в Хевроне. Это было третье место стоянки Аврама в земле обетованной, и оно сделалось обычным местом его пребывания там.

Между тем Лот, отделившись от своего дяди Аврама, поселился в нижней части долины иорданской, которая в то время занята была пятью богатыми городами. Города эти Содом, Гоморра, Севоим, Адма и Бела (или Сигор) составляли союз пятиградия; каждый из них имел своего особого царя, но во главе их стоял царь Содомский. Население этих городов отличалось возмутительным растлением нравов и порочностью, омерзительными и противоестественными пороками. Но помимо этого нравственного нечестия, тревожившего еще не совсем испорченную совесть Лота, его неожиданно постигло страшное бедствие. Города эти платили дань Хедорлаомеру, царю Елама, одного из государств, соседних с Месопотамией²⁷. В тринадцатом году своего подчинения они восстали, отказались платить дань, и Хедорлаомер с тремя союзными царями двинулся для их усмирения и наказания. Против него выступил царь Содомский в союзе с четырьмя царями других городов долины. Войска враждующих сторон встретились в долине Сидлим, изобилующей множеством смоляных ям. Содомляне были разбиты и обращены в бегство, цари Содомский и Гоморрский попадали в ямы и погибли, а остальные убежали в горы. Победители захватили все имущество Содома и Гоморры с

запасами их, и с большою добычею и множеством пленных двинулись в обратный поход. Среди пленников оказался и Лот, который в это, время жил в Содоме. Когда до Аврама дошло известие о таком бедствии его племянника, он немедленно вооружил своих рабов в числе 318 человек и в союзе с соседними дружественными племенами бросился в погоню за неприятелем. Застигнув его у Дана (в северной части Палестины), он с двух сторон ночью напал на беспечных победителей, разбил их, обратил в бегство, освободил всех пленных вместе с Лотом, своим племянником, и возвратил всем отнятое обратно имущество, отказавшись сам даже от подарков, принесенных ему в благодарность за освобождение новым царем Содомским.

Возвращение Аврама с этой победы ознаменовалось одним весьма замечательным событием²⁸. Навстречу ему среди других вышел Мелхиседек, царь Салимский, с хлебом и вином. Это был в то же время «священник Бога всевышнего», и он благословил Аврама именем Бога всевышнего, а Аврам дал ему десятую часть из всего. Неожиданное появление и исчезновение Мелхиседека окружает его личность необычайною таинственностью. Что он был вместе и царем, и священником, это совершенно согласно с патриархальным состоянием древнего общества; но его священство, по-видимому, было выше обычного священства главы семейства, как это видно из необычайного почтения, оказанного ему Аврамом. Отсюда он сделался поразительным прообразом великого Первосвященника Нового Завета, а его история показывает, что истинная вера сохранялась еще и вне избранного семейства.

Как ни полна была победа Аврама, но она могла повлечь за собой лишь страшное мщение со стороны разбитого царя, и потому теперь Аврам более чем когда-либо нуждался в нравственном ободрении. И Господь в четвертый раз явился ему²⁹ и сказал: «Не бойся, Аврам, Я твой щит; награда твоя будет весьма велика». В ответ на жалобу о бездетности со стороны Аврама, Господь дал ему обещание о многочисленном потомстве. «Посмотри на небо, сказал ему Господь, и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. Столько будет у тебя

потомков». «Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность». Великое обещание было подтверждено заветом, заключенным по обряду того времени при посредстве рассеченных животных, и во время напавшего на Авраама глубокого сна Господь сделал откровение о дальнейшей судьбе его потомства, именно, «что оно в течение четырехсот лет будет в рабстве и унижении в чужой земле, но выйдет оттуда с большим богатством, возвратится в землю обетованную, и она отдана будет ему во владение – «от реки Египетской до великой реки Евфрата».

Все эти обетования требовали от Авраама великой веры, потому что осуществлению их противоречила действительность. Авраам уже приближался к преклонным летам, а все еще был бездетным. Бесплодная и менее участия принимавшая в этих обетованиях Сара, чтобы не оставить своего мужа совершенно без потомства, отдала ему свою служанку Агарь египтянку, в наложницу³⁰. Последняя, однако, скоро возбудила ревность в своей госпоже, и Сара стала притеснять ее, так что она убежала от нее в пустыню.

Но там явился ей «ангел Господень», который велел ей возвратиться к госпоже своей и покориться ей, обещав ей в то же время многочисленное потомство от имеющего родиться у нее сына Измаила. «Он будет, сказал ангел, между людьми как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он пред лицом всех братьев своих». Аврааму было уже восемьдесят шесть лет, когда Агарь родила ему сына Измаила, но его вера должна была испытываться еще в течении четырнадцати лет, когда опять подтверждено ему было прежнее обетование новым торжественным уверением в многочисленности потомства, в знак чего Господь повелел ему отныне называться Авраамом – «Отцом множества народов», а Саре дал имя Сарры, как матери многочисленного потомства. Но вера Авраама как бы отчасти уже поколебалась: «он пал на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит?» и просил, чтобы хотя жив был Измаил. Тогда Господь сказал ему: «именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя Исаак (смех). И

завет Мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год». Видимым знаком включения в этот торжественный завет с Богом был установлен в это время обряд обрезания³¹, который заповедано было совершать в восьмой день над каждым новорожденным младенцем мужского пола и над всеми рабами при покупке их. Все семейство Авраама со всеми домочадцами и рабами было тогда же приобщено к завету чрез совершение обрезания над ними.

VIII. Богоявление у дуба Мамрийского. Гибель городов в долине Сиддим. Высшее испытание веры Авраама и последние дни его жизни³².

После подтверждения завета с Богом, Авраам делается вполне «другом Божиим» и живет в постоянном и ближайшем общении с Ним. Но в то время, как возрастала и крепла вера и благочестие избранного патриарха, возрастало и усиливалось безверие и нечестие тех злых и беззаконных городов, среди которых обитал его племянник Лот. Быстро переполняя чашу своего беззакония, они, наконец, навлекли на себя страшный гнев Божий. Когда Авраам однажды в знойный день сидел при входе в шатер свой у дубравы Мамрийской, он увидел трех странников, которых он с истинно патриархальным радушием просил зайти к себе и отдохнуть от дневного зноя и усталости, и предложил им обычное на востоке гостеприимство, освежив им водой ноги и подкрепив их силы хлебом и мясом нарочно убитого тельца. Но это были не простые странники, а в лице их Сам Господь с двумя служащими Ему ангелами. Авраам скоро узнал истинное достоинство своих посетителей, особенно когда они, спросив о Сарре и укорив его за неверие в возможность рождения сына, вновь подтвердили обетование, назначив даже время для его исполнения. Затем они пошли по направлению к Содому, и когда Авраам провожал их от себя, он удостоился откровения от них о том страшном суде, который они намерены были произвести над беззаконными городами за грехи их. Так открыта была истина, что Бог подвергает Своему карающему суду грешников даже в этой жизни. Но Авраам своей верой постиг и другую истину, что праведник имеет дерзновение ходатайствовать за грешников. И вот Авраам начал вести беседу с Господом о помиловании Содома, и получил обещание, что Господь помиловал бы весь город, если бы в нем оказалось хоть пятьдесят, или тридцать, двадцать, или даже десять праведников. Но в беззаконных городах не оказалось и такого малого количества праведных, и потому казнь их была неизбежна.

Авраам с грустью возвратился в свой шатер, а двое ангелов-странников отправились в Содом, где встретил их Лот и по примеру дяди своего Авраама оказал им радушное гостеприимство. Но жители Содома, обезумевшие от необузданной похоти, даже накануне своей гибели не остановились перед оскорблением странников своим похотливым и развратным буйством, и тем ускорили свою заслуженную погибель³³. Ангелы объявили Лоту о причине и цели своего страшного посещения и повелели ему известить об этом всех своих родных и вместе с ними бежать из города. Но даже зятьям его показалось, что он шутит, да и сам Лот медлил. Тогда ангелы, повелев ему взять свою жену и двух дочерей, насильно вывели их за город и повелели бежать в гору, бежать не оглядываясь. Но даже и тогда он не мог совершенно оторваться от места, к которому привязывали его житейские связи, и упросил, чтобы для него пощажен был хоть один из пяти городов долины, маленький Бела, в котором и спасся Лот. При восходе солнца Лот достиг этого города, ставшего называться Сигором, и в этот же день совершилась страшная казнь над остальными четырьмя городами долины – Содомом, Гоморрой, Адмой и Севоимом. С неба полилась разрушительная лава из серы и огня, и на следующий день на том месте, где были беззаконные города, курился лишь смрад и дым, «как дым из печи», и вместо суши волновалось желто-мутное серное озеро, известное теперь под названием Мертвого моря. Во время совершения этой казни жена Лота не могла побороть своего преступного любопытства и, вопреки повелению ангелов, оглянулась на место своих мирских привязанностей и тотчас же, в предостережение всем озирающимся на нечестивые дела мира сего уже после отречения от него, «стала соляным столбом». Сам Лот, хотя и спасенный от гибели, подобно Ною, после потопа предался опьянению. Две дочери его, думая, что весь остальной человеческий род погиб, воспользовались этим его состоянием для восстановления рода, и у них родились сыновья Моав и Бен-Амми, ставшие родоначальниками двух народов, называвшихся по их имени моавитянами и аммонитянами.

Ужасная казнь Божия над беззаконными городами побудила Авраама на время удалиться от их смрадного соседства, и он на время оставил дубраву Мамрийскую и подвинулся дальше к югу от Вирсавии, которая стала после этого считаться последней границей обетованной земли на юге. Тут, между прочим, он оказался во владениях филистимского царя Авимелеха³⁴, с которым повторилась та же история, которая была уже с фараоном египетским, и Авимелех вынужден был возвратить Сарру ее мужу и с подарками выпроводил его за пределы своего владения, причем заключил с ним особый договор касательно пользования колодцами для пастбищ.

Наконец пришло время, когда должно было исполниться великому обетованию, полученному Авраамом от Господа. Аврааму было сто и Сарре девяносто лет, когда у них во время стоянки в Вирсавии родился давно желанный сын – Исаак, который и обрезан был в восьмой день по установлению³⁵.

В память отнятия Исаака от груди Авраам сделал большой пир; но тут Сарра заметила, что Измаил, сын ее презренной рабыни, насмеяется над ее Исааком и, несмотря на нежелание Авраама, настояла на том, чтобы он выгнал Агарь с ее сыном из дома, и Авраам проводил их в пустыню, прилегающую к Вирсавии. Там, по истощении запаса воды, Агарь, истомленная жаждой и зноем, отчаялась в спасении и, не желая видеть смерти своего сына, положила его под кустом, а сама села поодаль и начала горько плакать. Тогда опять явился ей на помощь ангел Господень, указал ей колодезь с текучей водой и повторил обетование, что от сына ее произойдет великий народ. Чудесно спасенный от гибели, Измаил «вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука».

Он жил в пустыне Фаран, на пространстве между Палестиной и горой Хоривом (в местности, которая и доселе составляет безраздельную собственность его потомков – бедуинов аравийских), и мать его «взяла ему жену в земле египетской».

Как ни тяжело было испытание, которому подвергся Авраам, когда он вынужден был лишиться своего побочного сына Измаила, но вскоре ему предстояло еще более тяжкое

испытание, которое в случае непоколебимости его веры и послушания должно было окончательно закрепить за ним высокое звание отца верующих.

Это испытание состояло в повелении Божиим принести в жертву своего единственного, так долго ожидавшегося сына Исаака, того, на ком основывались все надежды Авраама и все данные ему великие обетования!³⁶.

Повеление дано было во всей его ужасающей ясности, без малейшего намека на возможность отмены. Бог сказал Аврааму: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всеожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

И Авраам не поколебался даже перед такой великой для него жертвой. Он «встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих, и Исаака, сына своего; наколот дров для всеожжения и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог». По преданию, Исааку было в это время уже двадцать пять лет.

Чрез три дня пути они достигли назначенной местности и увидели гору, на которой должно было принести Исаака в жертву. Оставив своих слуг позади, Авраам взял Исаака и с ним вдвоем отправился на роковую гору, сам неся жертвенный нож и огонь, а Исаака заставив нести дрова для жертвоприношения. «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой, вот огонь и дрова, где же агнец для всеожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всеожжения, сын мой. И шли далее оба вместе».

По достижении назначенного места, Авраам устроил жертвенник, положил на него дрова, связал изумленного, но беспрекословно повиновавшегося Исаака и положил его на жертвенник. Вот уже поднят жертвенный нож для заклания, как вдруг ангел Господень удерживает руку Авраама и говорит ему, что он вполне доказал непоколебимость своей веры, не пожалев даже сына своего возлюбленного, и Авраам с облегченным и ликующим сердцем принес в жертву овна, запутавшегося неподалеку от него рогами в чаще. Ввиду такого безграничного послушания воле Божией, Аврааму не только повторены были

все прежние обетования, но и в первый раз подтверждены клятвой, что Бог «благословляя благословит его и умножая умножит семя его как звезды небесные и как песок на берегу моря, и благословятся в семени его все народы земли за то, что он послушался гласа Божия». И Авраам, еще более укрепленный в вере, возвратился в Вирсавию.

После жертвоприношения Исаака Авраам еще жил много лет, но остальная жизнь его была мирным пользованием плодами своей веры и упования и не представляет выдающихся событий.

Через несколько лет Сарра, будучи ста двадцати семи лет от роду, скончалась³⁷, и это единственная женщина, лета которой обозначены в св. Писании. Исааку в это время было тридцать семь лет, и он жил со своим отцом в Хевроне.

Авраам хотел с честью похоронить свою покойную жену, но во всей земле обетованной у него не было собственной земли «ни на стопу ноги». Вследствие этого он принужден был купить землю у хеттеян и, заплатив 400 сиклей серебра за поле с пещерой Махпела, неподалеку от дубравы Мамрийской, похоронил в той пещере долго оплакивавшуюся им Сарру.

Через три года после смерти Сарры, Авраам решил восполнить убыль в своем семействе женитьбой Исаака³⁸. Его искренним желанием было, чтобы сын его женился не на испорченной хананеянке, а на ком-нибудь из ближайшего родства. С этой целью он снарядил своего верного раба Елеазара, чтобы он отправился на его родину и там нашел жену для Исаака. Взяв с раба клятву, Авраам отпустил его, и история встречи невесты для Исаака и заключения брачного союза с ней представляет яркую картину нравов того патриархального века.

Прибыв в указанную страну, именно в город Харран, раб Авраамов случайно встречается «девицу, прекрасную видом, деву, которую не познал муж». Он невольно обратил на нее внимание, попросил у нее воды напиться, и когда та оказалась настолько услужливой, что не только напоила его самого, но потрудились начерпать воды и его верблюдам, то после этого он уже не мог упустить ее из вида: телесная красота и душевная доброта приковали его к ней. Он тут же подарил ей золотую серьгу весом

полсикля и два запястья на руки ей, в десять сиклей золота. Расспросив, чья она дочь и есть ли у них место для ночлега, и получив в ответ от удивленной и обрадованной подарками доброй девушки, что у них «много соломы и корму, и есть место для ночлега», он отправился в дом отца ее, которым оказался Вафуил, племянник Авраама, от его родного брата Нахора, и тут же сейчас высказал свое желание.

Родители девицы и принимавший в ней особенное участие брат ее Лаван, видя серьезность поручения раба, а равно и богатство его господина, ничего не жалеющего для своего любимого сына, согласились на брак; спросили Ревекку (как звали девицу), согласна ли она? и когда та выразила свое полное согласие – брак был заключен. Родители и родственники девицы получили подарки; хотели было еще поддержать у себя в доме Ревекку «дней хотя десять», но так как Елеазару нельзя было медлить, то они распростились с дочерью, и «благословили ее и сказали: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих!» После этого Ревекка отправилась с рабом и с несколькими служанками в путь.

Когда путники приближались к цели своего путешествия, Исаак случайно вышел в поле «поразмьслить». Ревекка, увидев его, и узнав, кто это, смутилась, «взяла покрывало и покрылась». Узнав от раба все обстоятельства, при которых он выбрал для него привезенную девицу, Исаак «ввел ее в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей».

Из последующей жизни Авраама известно только, что он взял себе еще жену Хеттуру, от которой имел шесть сыновей³⁹. Но Хеттура была скорее его наложницей, так как все свое имущество Авраам завещал своему сыну Исааку, «а сынам наложниц дал подарки и отослал их еще при жизни своей на восток, в землю восточную». И затем библейская летопись сообщает, что Авраам «скончался, и умер в старости доброй, престарелый, насыщенный (жизнию), и приложился к народу своему». Он умер ста семидесяти пяти лет и погребен был

своими сыновьями Исааком и Измаилом в пещере Махпеда, – в той самой, где лежали останки его подруги жизни Сарры.

Так окончил свою жизнь этот великий и славный избранник Божий. Среди избранных сосудов Божиих много великих и праведных мужей, но выше их всех по своей вере и праведности стоит духовный родоначальник человеческого рода, отец верующих и друг Божий – патриарх Авраам. Вся его жизнь показывает, что его вера не была простым внешним исповеданием, но деятельным началом всего, его бытия. Никогда у него не возникало сомнения касательно слова и обетования Божия, хотя бы исполнение его казалось для человеческого разума совершенно невозможным. *«Верую, говорит апостол, Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака (своего единственного сына, от которого должны были произойти все обещанные ему потомки), ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресит»* (Евр. 11:17–19). Ни к кому еще не прилагалось в такой силе выражение, что он «веровал в Господа», т.е. всецело уповал на Него, упокоивая свой дух в этой вере, как дитя покоится на руках матери своей. И вот такая вера была вменена ему в праведность, потому что она составляет главный источник, из которого может возникать праведность.

«Авраам слушался голоса Господня, соблюдал Его повеления, уставы и законы» (Быт. 26:5). Отсюда он навсегда останется высшим образцом верующего человека, и в примере его могут черпать вдохновение святых чувств веры и надежды люди всех народов и веков. Недаром память его свято чтится народами трех величайших религий мира – иудаизма, христианства и ислама. – Несмотря однако же на величие его веры и упования, о нем можно сказать то же, что сказано и о многих других подобных ему праведниках: *«Все сии умерли в вере, не получив обетований; а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле»* (Евр. 11:13).

Древние иудейские предания восхваляют необычайные познания и мудрость Авраама и говорят, что он был наставником единобожия у халдеев, и египтян впервые научил астрономии и

математике. Имя его доселе сохраняется в памяти арабов, которые называют его «эл-халил» – «другом (Божиим)».

IX. Исаак и его сыновья⁴⁰

Первые годы семейной жизни Исаака прошли еще при жизни его престарелого отца патриарха. Он был единственным наследником всех обетований Авраама, но и он, подобно отцу своему, должен был подвергнуться испытанию в своей вере. Жена его Ревекка была бездетна в течение двадцати лет, но он не отчаивался и молился Господу. «И Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его». Пред самыми родами случилось нечто необычное, встревожившее Ревекку; но она успокоена была откровением, что у нее родятся два сына-близнеца, «и два различных народа произойдут из утробы ее», «один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему», т.е. что вопреки обычному порядку первородный не будет владеть правом первородства, с которым соединялись все великие обетования, данные потомству Авраама. Откровение это глубоко запало в душу Ревекки и послужило руководством для нее в последующей жизни. Ревекка действительно разрешилась двумя близнецами⁴¹: «первый вышел красный, весь как кожа косматый, и нарекли ему имя Исав (косматый); потом вышел брат его, держась рукою своею за пята Исав; и наречено ему имя Иаков (т.е. держащийся за пята)». Сообразно с этим оказался и характер братьев-близнецов. Когда они выросли, «Исав стал человеком искусным в звероловстве, человеком полей, а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах». Как нередко бывает, родители относились с некоторым пристрастием к избранным любимцам, и замечательно, что спокойный, кроткий Исаак больше любил смелого, отважного зверолова, между тем как Ревекка особенно любила скромного и нежного Иакова. Последний, вероятно, скоро узнал от своей матери о бывшем ей откровении касательно будущей судьбы братьев, и стал выжидать удобного случая для заявления своих прав на первородство. Случай скоро представился. Однажды Исав пришел с поля усталый и голодный, и увидев, что Иаков сварил кушанье из чечевицы (и теперь составляющей любимое кушанье в Сирии и Египте), он стал настойчиво просить у него дать ему поесть этого «красного». Голод его был так силен, что

когда Иаков заметил ему, чтобы он продал ему за это кушанье свое первородство, то Исав даже не обратил внимания на предложение Иакова и в нетерпении заметил: «вот я умираю, что мне в этом первородстве?» Исав знал, что с первородством он продавал все свои духовные преимущества и все права на обладание землею обетованной. Но по своей дикой и грубой натуре он, видимо, не придавал никакого значения первым, а что касается последних, то быть может надеялся возвратить их себе при помощи благосклонности к себе отца и даже прямым насилием над кротким братом, и таким образом он из-за удовлетворения своего голода продал свое первородство за «красную» чечевицу, отчего и «дано ему прозвание: Эдом» (красный).

Между тем, в стране наступил один из тех голодных годов, которые и прежде вынуждали патриархов выселяться для пропитания в соседние, более плодородные страны. Исаак решил последовать примеру своего отца патриарха и хотел переселиться в Египет, но ему запрещено было, и он провел голодный год в пределах филистимского царя Авимелеха, где с ним и с Ревеккой повторилась та же история, которая была и с Авраамом⁴². Именно, он выдавал Ревекку за свою сестру, но когда открылась правда, Авимелех (вероятно сын Авраамова современника того же имени) оказал ему особенное покровительство и почтение.

Благодаря этому Исаак мог начать более оседлую жизнь и приступил к земледелию. «И сеял Исаак в земле той, и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его Господь. И стал великим человек сей, и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим. У него были стада мелкого и стада крупного скота и множество пахотных полей». Но филистимляне скоро стали завидовать его богатству, начали притеснять его, зарывали колодцы, вырытые Авраамом, и вообще заводили ссоры, вынудившие, наконец, Исаака выселиться отсюда в Вирсавию. Там в подкрепление ему явился Господь, подтвердивший ему Свое благословение и обетование, и Исаак устроил там жертвенник, и призвал имя Господне. Увидев правоту Исаака и раскаявшись в несправедливых

притеснениях ему, царь филистимский Авимелех прибыл к нему с извинением, и между ними, на сделанном Исааком пиршестве, заключен был клятвенный союз, около того же самого колодца, около которого некогда заключали свой союз отцы их (Вирсавия).

Тихая семейная жизнь Исаака скоро была возмущена непослушанием его любимца, сына Исава, который без благословения родителей в сорокалетнем возрасте женился на двух хананеянках, вступив таким образом в родство с идолопоклонниками. «И они были в тягость Исааку и Ревекке». Но скоро предстояло ему еще более тяжкое семейное испытание. С приближением преклонных лет, у него ослабело зрение, и он нашел благовременным совершить торжественное благословение для передачи связанных с ним обетований своему потомству⁴³. По установившемуся обычаю, право первородства он, конечно, намеревался передать Исаву, как старшему сыну, и сказал ему, чтобы он по этому случаю приготовил кушанье из собственной дичи. Исав, едва ли сообщил ему о продаже своего права первородства, а Иаков, в свою очередь, не смел открыто высказывать своих притязаний на это право.

Неизвестно, знала ли об этом и Ревекка, но только она, услышав о намерении Исаака, решила употребить хитрость, чтобы посредством ее доставить благословение на первородство своему любимцу Иакову. По ее совету, он должен был надеть одежду своего брата, пропитанную запахом ароматических трав и кустов, среди которых приходилось проводить свою жизнь зверолову, и покрыть свое тело косматой шкурой, чтобы для осязания быть похожим на брата; сама же Ревекка обещала приготовить такое кушанье из домашних молодых животных, которое Исаак едва ли мог отличить от ожидаемого им кушанья из дичи Исава. Иаков колебался, боясь проклятия от отца в случае обнаружения обмана; но Ревекка убедила его, что она на себя примет даже проклятие. Иаков приступил к делу; но какой трепет испытывал он, когда старец отец, удивившись слишком скорому возвращению Исава и приготовлению кушанья, подозвал явившегося за благословением к себе для того, чтобы осязанием

удостовериться в том, действительно ли это Исав. Старец ощупал косматый покров на руках Иакова и в недоумении заметил: «голос, голос Иакова; а руки, руки Исава». Но запах охотничьей одежды окончательно рассеял сомнения престарелого патриарха; он поел кушанья, выпил вина, велел поцеловать себя и затем благословил Иакова – благословением первородства: «Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина. Да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинаящие тебя – прокляты; благословляющие тебя – благословенны!» Но замечательно, что в этом благословении есть лишь слабый намек на великое обетование Аврааму, именно, что в нем и его семени благословятся все народы земли. Исаак, воображая, что он благословляет Исава, очевидно, считал его не вполне достойным для унаследования всей полноты благословения, и, таким образом, Иаков и Ревекка не вполне достигли того, чего добивались.

Едва удалился мнимый Исав, получивший благословение первородства, как за получением его явился и действительный Исав. Если неблагоприятен был поступок Иакова, то не менее подлежат порицанию и действия Исава, так как он не хотел сознаться, что давно уже продал право первородства своему брату Иакову. Когда Исаак узнал об этом обмане, он «вострепетал великим трепетом», но отказался уже отнимать данное благословение. «Я благословил его, он и будет благословен!» сказал встревоженный патриарх. Исав поднял «громкий и весьма горький вопль» и просил Исаака, чтобы он благословил и его. «Неужели, отец мой, одно у тебя благословение? благослови и меня!» с плачем упрашивал Исав, и Исаак благословил его и сказал: «вот от тука земли будет тебе обитание твое, и от росы небесной свыше; и ты будешь жить мечем твоим, и будешь служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей». В этом благословении предсказана была вся дальнейшая судьба потомков Исава – эдомитян, которые долго находились в подчинении у потомков Иакова – иудеев, но, впоследствии, из

них даже вышел царь, который подчинил себе последних (Ирод Великий, эдомитянин по происхождению).

Потеряв право первородства, Исав возненавидел брата своего Иакова и замыслил даже убить его, как только умрет отец. Ревекка узнала об этой опасности и, зная буйный и неукротимый нрав Исава, решила отправить Иакова на некоторое время в Месопотамию к родному брату своему Лавану в Харане, пока не утихнет ярость Исава⁴⁴. Но, чтобы не тревожить своего престарелого мужа, она не сказала ему о кровожадном намерении Исава, а выставила пред ним другую причину для временного ухода Иакова из дома, именно, чтобы он мог жениться на ком-нибудь из ее родства, что несомненно было вместе с тем и истинным желанием ее сердца. «Я жизни не рада от дочерей хеттейских (жен Исава), сказала она; если Иаков возьмет жену из дочерей этой земли: то к чему мне и жить?» Исаак внял ее жалобе и отпустил Иакова к Лавану для отыскания себе жены, но, вместе с тем, уже сознательно повторил ему благословение, которое раньше дал по неведению, и, притом, усугубляя его всею полнотою данных Аврааму обетований. «Бог всемогущий, сказал он, да благословит тебя, да расплодит тебя, и да размножит тебя, и да будет от тебя множество народов; и да даст тебе благословение Авраама (отца моего), тебе и потомству твоему с тобой, чтобы тебе наследовать землю странствования твоего, которую Бог дал Аврааму!»

Таким образом Исаак прозрел от духовной слепоты и дал свое благословение достойнейшему, а Исав все более и более предавался чувственности и взял себе третью жену Махалафу, дочь Измаила, заключая родственный союз с тем, кого изгнал Авраам. Так духовная неспособность Исава к первородству обнаружилась во всей своей полноте.

После этого Исаак еще прожил сорок три года, но он уже ничем не заявлял о себе в истории. Да и вообще, это был один из тех редких людей, вся жизнь которых есть безграничная кротость, воплощенное смирение и безмятежное довольство. Будучи патриархом немалочисленного рода, он, однако же, избегал всего, что могло сделать его положение особенно

видным, и тем доказал, что смирением и кротостью можно так же угодить Богу, как и жизнью, исполненной великих подвигов и тяжелых испытаний. Беспрекословное повиновение отцу, даже до заклания самой жизни, нежная привязанность к матери, в потери которой он утешился лишь женитьбой на Ревекке; безусловная преданность и верность своей жене в тот век, когда обычно было многоженство; терпеливое перенесение домашних испытаний, причинявшихся ему со стороны жены и сыновей; малоподвижность самой жизни, в течение которой он никогда не удалялся более чем на сорок верст от места своей родины (Вирсавии) – все это вместе рисует пред нами образ патриарха, который велик был не внешними громкими подвигами, а тем внутренним духовным миром, который невидим для людей, но который тем ярче сияет пред Отцем Небесным, – тою непреодолимую верою в Промысл Божий, которая всю жизнь его делала воплощением смирения, надежды и любви.

После описанных событий судьба дальнейшей истории патриархальной эпохи сосредоточивается в руках Иакова, к которому перешло все наследственное благословение и обетование рода Авраамова.

Х. Иаков⁴⁵

Отправившись в далекий путь, Иаков в первый день, очевидно, гонимый опасением своего свирепого брата, прошел более шестидесяти верст, и дойдя до местечка Луз, остановился там переночевать, так как солнце уже зашло и наступила ночь. Это было то самое место, где некогда Авраам воздвигал жертвенник Богу. Увидев несколько камней, быть может, остаток этого именно жертвенника, Иаков положил один из них себе под голову вместо подушки и от крайнего утомления заснул глубоким сном⁴⁶. И вот, под влиянием только что пережитых событий он видит чудесный сон: видит лестницу, которая стоит на земле, а верх ее касается неба, и ангелы Божии восходят и нисходят по ней. Этот чудесный символ божественного промысления о земле заключился явлением ему Господа, который повторил ему обетование Авраамово: «Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака; (не бойся). Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое как песок земной и распространится к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню, и благословятся в тебе и в семени твоём все племена земные. И вот Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе». Столь дивное видение пробудило Иакова, и он утрашился присутствия Божества на этом святом месте, поставил здесь памятник из камня, на котором спал, сделал на нем возлияние елея и назвал это место Вефилем, т.е. «Домом Божиим», каковым названием и заменилось навсегда прежнее название Луз.

Ободренный и подкрепленный обетованием Божиим, Иаков отправился дальше к месту своего назначения, и чрез несколько дней пути прибыл на богатые пастбища с многочисленными стадами крупного и мелкого скота⁴⁷. Около колодца, куда пригонялись стада для водопоя, он встретил между другими пастушку по имени Рахиль, и, узнав, что она дочь его дяди Лавана, отвалил для нее камень от колодца, напоил ее стада овец и, поцеловав Рахиль, «возвысил голос свой и заплакал», объявив ей, что он родственник отцу ее и что он сын Ревекки,

тетки ее. Рахиль тотчас же побежала домой рассказать о случившемся, и отец ее Лаван с родственным радушием и приветом принял к себе в дом своего племянника от любимой его сестры Ревекки. Встретив родственный прием, Иаков начал служить Лавану, и последний, заметив его усердие, предложил ему даже назначить себе плату за труды. Но у Иакова уже была на примете плата его сердца⁴⁸. У Лавана было две дочери, из которых старшая «Лия была слаба глазами, а другая Рахиль была красива станом и красива лицом». Иаков полюбил Рахиль и предложил Лавану проработать за нее семь лет, чтобы только он выдал ее за него в замужество. Лаван согласился, и эти семь лет показались Иакову «за несколько дней, потому что он любил ее». Когда настало время свадьбы, Лаван, воспользовавшись восточным обычаем, по которому невеста во время заключения брака плотно закутывается в покрывала, обманул Иакова и вместо Рахили подставил Лию, оправдываясь потом тем, что по местному обычаю «так не делают, чтобы младшую отдать прежде старшей».

Но он предложил Иакову и Рахиль под условием, чтобы он еще проработал семь лет, на что Иаков и согласился. В этом обмане со стороны Лавана для Иакова было как бы возмездие за его собственный обман при получении благословения первородства. Получив по прошествии недели брачной жизни с Лиєю и Рахиль, Иаков проработал за нее еще семь лет своему тестю Лавану. Но это двоеженство совершилось без соизволения Божия, и потому в своей семейной жизни Иакову суждено было испытать множество огорчений как от соперничества жен, так и от поступков и судьбы своих детей.

Мстя Лии за ее невольный обман, Иаков относился к ней с пренебрежением и всецело привязался к Рахили; но Бог видел невинность и безропотную кротость Лии и потому благословил ее чадородием, между тем как гордая Рахиль оставалась бесплодною. У Лии уже было четыре сына – Рувим, Симеон, Левий и Иуда, а у Рахили еще не было ни одного, и она в крайней зависти хотела иметь детей хоть чрез служанку свою Баллу, от которой действительно и родились два побочных для нее сына – Дан и Неффалим. Лия, в свою очередь, отдала

Иакову свою служанку Зелфу и от нее получила двух побочных сыновей – Гада и Асира, а затем и сама еще родила Иссахара и Завулону и дочь Дину. Таким образом, когда нелюбимая мужем Лия имела уже шесть собственных сыновей и дочь помимо двух сыновей побочных, любимая Иаковом Рахиль несла все еще позор бездетности, столь тяжкий на востоке. Это заставило ее, наконец, смириться и с молитвой обратиться к Богу. «И услышал ее Бог, и отверз утробу ее. Она зачала и родила (Иакову) сына, и сказала: снял Бог позор мой. И нарекла ему имя: Иосиф, сказав: Господь даст мне и другого сына».

Сделавшись отцом семейства, Иаков почувствовал необходимость приобрести самостоятельность и сделаться господином собственного дома и хозяйства. Поэтому он стал просить Лавана, чтобы тот отпустил его с семейством для возвращения на родину⁴⁹. Лаван, понимая его заслуги для умножения своего богатства, стал просить его остаться еще на несколько времени, предлагая ему после дать награду в виде скота, отмеченного черной шерстью, пятнами и крапинами. Иаков согласился и под его руководством и наблюдением такой скот чудесно умножался, так что когда ему пришлось получить свою награду, он «сделался весьма, весьма богатым, и было у него множество мелкого скота (и крупного скота), и рабынь, и рабов, и верблюдов, и ослов». Такое богатство даже возбудило зависть в Лаване и он стал глядеть на Иакова с мрачным и недовольным лицом, еще более нахмурившимся от наветов его сыновей, которые говорили: «Иаков завладел всем, что было у отца нашего, и из имения отца нашего составил свое богатство сие».

Вследствие бывшего Иакову видения, повелевшего ему возвратиться на свою родину, получив согласие своих жен, которые также желали удалиться от своего корыстного отца, продавшего их за работу себе (Быт. 31 и 15), Иаков сделал все нужные приготовления к пути и, когда Лаван отлучился для стрижки своего скота, тайно двинулся в путь, причем Рахиль захватила с собою даже «идолов, которые были у отца ее». Переправившись чрез реку Евфрат, Иаков двинулся в пустыню и направился к горе Галаад. Лаван только через три дня узнал об

уходе Иакова, и, найдя, что у него похищены даже его идола – «терафимы»⁵⁰, он бросился вместе со своими сыновьями и родственниками в погоню за беглецом. На седьмой день Лаван настиг его у горы Галаада, и последствия этого несомненно были бы страшны, если бы Лаван накануне не получил во сне предостережения от Бога – не вредить Иакову. Благодаря хитрости своей дочери Рахили, он потерпел неудачу в отыскании своих терафимов. Не смотря на свой якобы родственный укор Иакову, сопровождаемый лицемерным заявлением о том, с каким торжеством и честью он проводил бы Иакова из своего дома, если бы он сказался ему при отправлении, – Лаван чувствовал свою неправоту пред Иаковым, когда последний высказал ему все свое негодование по случаю его алчности и несправедливости. Тогда Лаван смирился духом и заключил союз с Иаковым, который, в свою очередь, поклялся не обижать своих жен и не брать других кроме дочерей Лавана. «И заколол Иаков жертву на горе, и позвал родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб (и пили) и ночевали на горе. И встал Лаван рано утром, и целовал внуков своих и дочерей своих, и благословил их, и возвратился Лаван в свое место, а Иаков пошел путем своим».

Одна страшная опасность миновала, и Бог отвратил от Иакова мщение со стороны его тестя Лавана. Но впереди предстояла другая встреча, еще более опасная, – встреча с Исавом, от которого он мог опасаться мщения за лишение его первородства⁵¹. Хотя Иаков был ободрен видением небесного воинства, как бы ополчившегося на его защиту, но с этого места (которое он назвал в память видения: Маханаим, т.е. ополчение) он принял собственные меры к предотвращению опасности и мщения со стороны Исав и с этой целью послал к нему в землю Сеир, в область Эдом, вестников с просьбою о благоволении с его стороны к возвращающемуся на родину брату. Но вестники возвратились лишь с ответом, что Исав сам придет встретить своего брата и при этом идет во главе четырехсот вооруженных воинов. Известие это было отнюдь не успокоительное, даже помимо того обстоятельства, что эти четыреста вооруженных воинов собрались под его знаменем видимо с целью грабежа и

кровопролития, подобно тем диким племенам бедуинов, которые и теперь наводят ужас повсюду, где только ни появятся. Вследствие этого, услышав такое известие, «Иаков очень испугался и смутился». Он был совершенно беспомощен и беззащитен перед яростью своего мстительного брата, и единственно, что он мог придумать на случай действительной опасности, это – разделить свой караван на два стана в расчете, что «если Исав нападет на один стан и побьет его, то остальной стан может спастись бегством». Расчет был очевидно сомнительный и во всяком случае печальный. Тогда он обратился к единственной защите с молитвой к Богу. Молитва его была искренна и горяча и представляет собою первую молитву, дословно сохранившуюся для нас из первобытного патриархального времени⁵². Признавая свое бессилие, Иаков всецело возлагал свое упование на Бога Авраамова и Бога Исаакова и на его обетование не лишать его защиты. И этот вопль отчаяния не остался не услышанным.

Между тем, чтобы все-таки умиловать своего брата, Иаков выделил из своего каравана значительную часть стад и послал их в качестве подарка Исаву, а сам с семейством и остальным караваном двинулся позади, и переправив их через брод потока Иавок, текущего между Геннисаретским озером и Мертвым морем в реку Иордан, сам остался один, и тут совершилось одно из самых таинственных и великих событий в жизни Иакова⁵³. Место это поражает своею пустынною красотой. Самый поток бежит в глубокой ложбине, сплошь закрытой чащей олеандров и других ароматических кустов. Наступила ночь уединения для трепещущего за свою судьбу Иакова. Над головой блистали бесчисленные звезды, кругом парила мертвая тишина, нарушаемая лишь журчанием потока и отдаленными отголосками звуков от каравана. И в эту-то ночь «боролся некто с ним, до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с ним». Таинственный противник, вступив в борьбу с Иаковом, хотел испытать мужество его веры и настойчивость его молитвы. И Иаков доказал это тем, что даже раненый он поборол своего противника и до тех пор не выпустил

его из рук, пока тот не благословил его, сказав: «отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь». Иаков нарек имя месту тому: «Пенуэль» в знак того, что он «видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа» его. Вошло солнце, и Иаков, хромя на бедро, поспешил к своему каравану.

Когда Иаков ранним утром переходил через брод потока Иавока, сверкание копий на солнце среди темнозеленого леса дало знать ему о приближении Исава с его вооруженной силой. Но Иакову уже нечего было бояться людей после того, как он преодолел в ночной борьбе с Богом. И если он в борьбе с Богом преодолел силой веры и настойчивостью молитвы, то при встрече с Исавом он победил силой своего смирения, поклонившись ему в землю семь раз и предложив ему подарки. У Исава, быть может, было намерение отомстить Иакову или своей вооруженной силой доказать свое превосходство над ним. Но теперь, при встрече своего давно невиданного брата, окруженного целым поколением юных племянников, суровое сердце Исава смягчилось, он побежал навстречу Иакову, «и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и плакали оба». После такого сердечного свидания Иаков благоразумно отклонил предложение Исава идти вместе с ним или, по крайней мере, дать ему часть вооруженной силы для охраны, и Исав возвратился на завоеванную им гору Сеир, после чего он совершенно сходит с поприща истории, являясь только для погребения Исаака.

Иаков между тем продолжал путь свой на запад, переправился через Иордан, вступил в землю Ханаанскую, и прибыл в Сихем, который со времени Авраама уже разросся в сильный город и назван был так по имени Сихема, сына Эммора, князя аморейского. Тут он купил себе «за сто монет» поле, ставшее полным владением избранного рода в земле Ханаанской, поставил на нем свой шатер, построил жертвенник и «призвал имя Господа Бога Израилева». Место это и теперь еще можно видеть вблизи «колодезя Иаковлева», у которого его божественный Потомок поучал женщину-самарянку молиться Богу духом и истиной. – Но пребывание здесь Иакова принесло

ему новое огорчение. Дочь его Дина, принявшая участие в одном из местных народных праздников, была обещана сыном местного князя Сихемом, которому она так понравилась, что он чрез отца своего ходатайствовал у Иакова и ее братьев о том, чтобы они отдали ему ее в замужество. Братья согласились, но под условием, чтобы все жители сихемские обрезались по закону. Когда же они действительно обрезались, то Симеон и Левий, воспользовавшись временем их болезни от обрезания, напали на город, убили весь мужеский пол вместе с княжеским родом и вместе с другими братьями разграбили весь город, и так жестоко отомстили за бесчестие своей сестры Дины. Но эта буйная жестокость возмутила Иакова, и он сделал строгий укор своим буйным сыновьям, высказывая опасение за возможность такого же жестокого возмездия со стороны хананеев. Вследствие этого он вынужден был на время удалиться отсюда в Вефиль, тем более, что под влиянием хананеев идолопоклонство стало проникать и в семейство Иакова, так что при удалении отсюда он велел всем своим семейным «бросить богов чужих», которых он и закопал под дубом близ Сихема. В Вефиле он воздвиг жертвенник Богу, и там опять явился ему Господь, который подтвердил ему все прежние обетования. В память этого Иаков поставил на этом месте памятник каменный и сделал на нем возлияние елея.

От Вефиля, где, между прочим, умерла престарелая кормилица Ревеккина Девора и погребена была под дубом, Иаков двинулся дальше к югу по направлению к Ефрафе, т.е. Вифлеему. Не доходя несколько до города, Рахиль разрешилась вторым сыном; но роды были смертельны. Умирая, она нарекла новорожденному сыну имя Бенони (сын моей скорби), но Иаков назвал его в виде утешения за потерю любимой жены Вениамином (сыном правой руки). Иаков похоронил Рахиль при дороге в Вифлеем, и поставил над гробом ее памятник, который стоит и доселе. Горе Иакова скоро отягчено было еще бесчестием, которое нанесено было старшим сыном его Рувимом ложу отца, за что он и лишен был своего первородства. Наконец Иаков достиг стана своего отца Исаака, который еще был жив и пребывал в любимой Авраамом дубраве Мамрийской,

близ Хеврона. Там при нем умер престарелый патриарх ста восьмидесяти лет от роду: «приложился к народу своему, будучи стар и насыщен жизнью; и погребли его Исав и Иаков, сыновья его». Это, однако, было уже после продажи Иосифа в Египет и только за десять лет до переселения туда Иакова с сыновьями. Но отселе историческая судьба дома Авраамова сосредоточивается именно в жизни Иосифа, старшего сына Рахили.

XI. Иосиф⁵⁴

Жизнь Иакова была исполнена приключений и тяжелых огорчений, но Провидение готовило ему новые испытания и именно чрез самого любимого им сына Иосифа. В библейской истории Иосиф впервые выступает пред нами семнадцатилетним юношей. Как любимый сын, он постоянно находился при своем престарелом отце и лишь изредка навещал своих братьев, занимавшихся пастушеским делом и переходивших с своими стадами с одного пастбища на другое. Простодушный и невинный, он с детскою наивностью, возвращаясь домой, рассказывал отцу о разных худых поступках своих братьев, не отличавшихся особенною высотой нравственности. Те, естественно, возненавидели его за это, и ненависть их разгоралась тем сильнее, чем больше они видели, что престарелый отец их не скрывал своей особенной любви к Иосифу, как «сыну старости своей» и при том старшему сыну любимой им жены Рахили, теперь уже оплакиваемой им. Старец действительно открыто показывал свою особенную любовь к Иосифу и сделал ему особую «разноцветную одежду», длинную и, быть может, из лучших египетских материй. На востоке, где неизменно сохраняются вековые обычаи, любимых детей и теперь одевают так же. Одежда шьется из материй разных цветов, которые получают изящное сочетание – по предписаниям моды и вкуса. Такая одежда вместе с тем могла служить знаком того, что Иаков предполагал сделать Иосифа наследником всего своего имущества, особенно в виду того, что старшие братья нанесли отцу страшное бесчестье. Во всяком случае – все это вместе возбудило в старших братьях злобу вместе с завистью к Иосифу, и они порешили отделаться от него, особенно когда один из двух виденных им снов, предвещавших поклонение ему всех старших братьев и даже родителей, вызвал негодование даже в самом Иакове. Когда они однажды со своими стадами находились на более значительном расстоянии от ставки отца, чем как это бывало прежде, именно около Сихема, то при первом появлении среди них ненавистного брата решили убить его; но так как против подобного решения восстал

старший брат Рувим, то просто сняли с него одежду и бросили его, на всякий случай, в один из тех рвов или высохших колодцев, которые нарочито приготавливались для того, чтобы в дождливое время запастись в них воду на время засухи. Когда старшие братья, бросив его в ров, раздумывали, что с ним делать дальше, вдали показался арабский караван (мадиамлян), тянувшийся по направлению к Египту, и он решил судьбу Иосифа. Жестокие братья продали его мадиамским купцам за двадцать сребреников, а злополучному отцу сказали, что Иосифа вероятно разорвали дикие звери, в доказательство чего представили ему изодранную и нарочно омоченную кровью одежду Иосифа. Иаков от невыносимой скорби разодрал одежды свои, «возложил вретиче на чресла свои и оплакивал сына своего многие дни», не желая утешиться и приговаривая: «с печалию сойду к сыну моему в преисподнюю».

Между тем в Египте Иосиф был куплен у мадиамлян Потифаром, царедворцем фараоновым, начальником телохранителей. Палестинские рабы, каковым был Иосиф, высоко ценились в Египте и употреблялись, по преимуществу, для беганья пред колесницами своих господ по улице. С золоченой тростью или хлыстиком в руке они расчищали путь и направляли лошадей. Но Иосиф своею расторопностью, честностью и успехом в исполнении всех поручений более чем оправдал общий взгляд египтян на особенное достоинство палестинских рабов. Он снискал «благоволение в очах» Потифара, вследствие чего тот *«поставил его над домом своим и все, что имел, отдал на руки его»* (Быт.39:4). Дома у египетских вельмож отличались необычайным богатством, и в огромном хозяйстве проворство и честность, отличавшая Иосифа, должны были цениться высоко; и действительно, Потифар нашел в нем такого верного и надежного слугу, что мог вполне верить ему все управление своим домом, и «сам при нем не знал ничего, кроме хлеба, который ел», и то только потому, что строгие египетские законы церемониальной чистоты не позволяли чужеземцу, особенно из пастушеской народности, касаться предметов непосредственного потребления египтян.

При своем высоком нравственном достоинстве и хозяйственных способностях, Иосиф вдобавок отличался статностью и красотой, которые не преминули обратить на себя внимание изнеженной роскошью и праздностью жены Потифара. Нежелание с его стороны удовлетворить ее сладострастия вызвало понятную месть и клевету перед мужем, будто бы этот «раб еврей» хотел надругаться над нею. Поверив клевете жены, Потифар *«воспылал гневом и отдал Иосифа в темницу, где заключены узники царя»* (Быт.39:20). Потифар не имел власти лишить его жизни, так как древние египетские законы защищали жизнь рабов от насилия господ, но он мог оскопить его или дать тысячу палок, если бы захотел того. Но он не воспользовался этим правом, чем и дал знать, что, не имея возможности не верить рассказу своей жены о нанесенном ей оскорблении, он все-таки сохранил в себе расположение к Иосифу и, отправляя его в тюрьму, предоставлял выяснение истины временем. Но даже и подозрительный глаз начальника темницы скоро увидел невинность этого узника, и поэтому Иосиф скоро занял и в темнице такое же положение, какое он занимал в дом Потифара, что и имело своим дальнейшим последствием освобождение его из тюрьмы.

Спустя несколько времени подверглись царской немилости главный виночерпий и главный хлебодар фараона и были заключены в одну темницу с Иосифом. Должности их были важные. На них лежала чрезвычайно ответственная обязанность предохранять жизнь фараона от отравления. Положение первого в особенности давало ему постоянный доступ к фараону, который пил только то, что принимал из его рук; а хлебодар обязан был заботиться не только о снабжении двора всевозможными пирожными и печениями, которыми любили лакомиться египтяне, но и смотреть также за тем, чтобы к ним не примешано было каких-нибудь вредных веществ с преступною целью. Занятые своею судьбою, они были крайне встревожены бывшими им сновидениями, и тщетно ломали голову над истолкованием. Не имея возможности, вследствие строгого заключения, видаться с жрецами, которые были обычными истолкователями снов, они, конечно, очень обрадовались, когда

Иосиф вызвался истолковать им занимавшие их сновидения. Виночерпию снилось, что он видит пред собою виноградную лозу с тремя ветвями; лоза развилась, расцвела, и на ней выросли и созрели ягоды, из которых виночерпий нажал соку в чашу и поднес фараону.

Сон этот Иосиф истолковал в таком смысле, что виночерпий чрез три дня будет помилован, возвращен к своей должности и по-прежнему будет подавать чашу фараону; и при этом попросил его, чтобы он, в случае исполнения сна, вспомнил и об Иосифе и походатайствовал за него пред фараоном. Ободренный таким счастливым истолкованием сна собрата, и хлебодар с радостью рассказал Иосифу свой сон. Ему снилось, что у него на голове три корзины решетчатых. В верхней корзине всякие припасы для стола фараонова, и птицы прилетали и клевали их. *«Чрез три дня, истолковал ему Иосиф, фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дерево, и птицы небесные будут клевать плоть твою с тебя»*(Быт.41:13). Предсказания Иосифа в точности сбылись над обоими царедворцами в «день рождения фараона», когда царь по обычаю после пиршества, окруженный своими царедворцами и сановниками, раздавал свои милости или наказания по своему усмотрению. В этот именно праздник фараон «возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараона, а главного хлебодара повесил (на дереве), как истолковал им Иосиф».

Счастливым виночерпий, сделавшись опять большим сановником, забыл об Иосифе, но скоро один случай напомнил ему о нем. По прошествии двух лет сам фараон видел два поразивших его своею загадочностью сна. В первом сновидении «вышли из реки семь коров хороших видом и тучных плотию»; они очевидно купались или бродили по отмелям реки, срывая различные водяные заросли, и теперь вышли на берег пастись тростником и прибрежными болотными растениями, которыми обыкновенно питается египетский скот; но тут они съедены были семью другими коровами, худыми видом и тощими плотию, вышедшими также после них из реки. В другом сновидении ему представилось, что на одном стебле выросли семь колосьев полных и хороших, как и теперь можно видеть на египетской

пшенице; но рядом выросли другие семь колосьев тощих и иссушенных восточным ветром (хамсином), и эти тощие колосья пожрали семь колосьев хороших. Снам в Египте придавалось громадное значение, и потому понятно, что виденные фараоном знаменательные сновидения «смutilи дух его», и он созвал «всех волхвов Египта и всех мудрецов его», требуя от них истолкования этих сновидений. При царе постоянно находился совет жрецов различных степеней, которые руководили каждым шагом в его обыденной жизни и истолковывали ему волю богов, как она проявлялась в приметах, сновидениях и знаменаниях. Они не признавали за собой дара непосредственного откровения, а для разрешения известных вопросов удалялись в уединенные места, где и старались найти то или другое истолкование в священных книгах и в таинственных обрядах, и, надо полагать, что труд этот был тяжелый и медленный. Потому-то, когда вся мудрость египетских волхвов оказалась бессильною в истолковании снов фараона, а Иосиф, о котором тут только вспомнил виночерпий, истолковал их без справок в книгах, путем высшего непосредственного вдохновения, он сразу возбудил необычайное удивление к своей загадочной личности.

Сны фараона, по истолкованию Иосифа, предвещали наступление голодных лет, после семи лет урожая. Голод мог наступить, отчасти, от недостаточного разлива Нила, а отчасти, от сильного знойного ветра хамсина, истребляющего всходы. Наступление того и другого предвозвещалось снами фараона. Это толкование Иосифа так совпадало со взглядами самих египтян, и предложенный им совет на случай наступления неурожайных годов (именно сделать громадные запасы хлеба во время урожайных лет) был так мудр и разумен, что все невольно должны были обратить внимание на юного чужеземца. Фараон и его двор, будучи поражены вдохновенным истолкованием загадочных снов и, оценив в совете Иосифа мудрость государственного человека, не могли найти для данного положения более подходящего лица, чем сам молодой снотолкователь, и, как это нередко бывает в восточных деспотических странах, ничтожный раб сразу был сделан великим сановником страны, полновластным правителем ее.

«Ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой, только престолом я буду больше тебя», торжественно сказал Иосифу фараон, и затем последовало формальное возведение его в назначенную ему должность. Фараон снял со своей руки перстень и надел на руку Иосифа, что было знаком возведения его в сан первого вельможи и правителя страны; «висонные одежды», составлявшие отличие жрецов, высшего класса в Египте, означали принятие его в этот высокочтимый класс, и возложенная ему на шею золотая цепь была для всех формальным знаком его власти. Вторая царская колесница была отдана в его распоряжение, чтобы он ездил по улицам столицы для объявления о своем сане, и вестники должны были бежать впереди его колесницы с криками – абрек, абрек – «преклоняйтесь!» Вместе с саном Иосиф получил от фараона новое египетское имя Цафнаф панеах, т.е. «охранитель жизни». Для довершения достоинств нового любимца царского недоставало только блистательного для него брака, и он был устроен самим фараоном. Асенефа, дочь Потифера, знатного жреца Илиопольского, сделалась женою Иосифа, и он таким образом окончательно был принят в высший класс страны.

Около тринадцати лет прошло с того времени, как Иосиф был увезен из родной страны и продан в рабство в Египет, где он теперь, после необычайных превратностей судьбы, достиг высочайшего положения и власти. Он еще был молодым человеком тридцатилетнего возраста и был членом придворного штата жрецов, с золотой цепью, присвоенною его высокому сану, на шее, и с перстнем фараоновым на руке, был действительным правителем богатейшей и знаменитейшей страны известного тогда мира. У него родились два сына, которые дали ему возможность изгладить горькие воспоминания прошлого: Манассия, «заставивший забыть все его несчастья», и Ефрем, названный так потому, что «Бог сделал Иосифа плодовитым в земле его страдания». Наступившие годы изобильного урожая дали ему возможность скопить в житницах огромные богатства, и когда настали голодные годы, он продавал хлеб египтянам, которые вследствие крайней нужды должны были продавать ему не только всю свою собственность,

со всем своим скотом, но даже свою свободу, так что «вся земля досталась фараону, и весь народ сделался рабами от одного конца Египта до другого».

Между тем голод распространился далеко за пределы Египта, и из разных стран потянулись туда караваны за покупкой хлеба. Сыновья престарелого Иакова также принуждены были ехать в Египет, который в это время вел обширную хлебную торговлю с Ханааном и другими соседними странами⁵⁵. Им, конечно, трудно было узнать Иосифа, теперь уже возмужалого и окруженного всем придворным египетским блеском; но сами они по-прежнему носили пастушескую одежду, которую так хорошо помнил Иосиф, и потому он сразу узнал в них своих братьев. Но между ними не было Вениамина. Не убили ли они или не продали ли также и другого сына Рахили, его единственного, родного по матери брата? – мелькнула в нем тяжелая мысль. Чтобы дать им почувствовать хоть сколько-нибудь тяжесть того состояния, в какое он сам некогда был поставлен ими, а также разузнать истину касательно своего младшего брата, Иосиф не мог найти лучшего средства к тому, как объявить их шпионами. Египет постоянно должен был опасаться неприятельского нападения с северо-востока, для предотвращения которого восточная граница государства была защищена большой укрепленной стеной, подобно той стене, какую Китай защищен был от набегов монголов. Чтобы оправдаться от такого тяжкого подозрения, они должны были оставить заложника до тех пор, пока не привезут с собой своего младшего брата. В качестве заложника оставлен был второй брат Симеон, а не старший Рувим, и этим, быть может, Иосиф хотел припомнить последнему его доброе чувство, заставившее его некогда стараться о спасении своего брата. Горько было престарелому Иакову слушать переданную ему сыновьями повесть о суровом обхождении с ними египетского владыки, оставившего одного из них себе в заложники; но тяжелее еще было расставаться с Вениамином. Нужда, однако же, заставила решиться и на это. Он отпустил Вениамина, но вместе с тем желал задобрить египетского властелина своими дарами⁵⁶. Это совершенно сообразно с восточными обычаями, требовавшими принесения

подарков властным лицам; но ничего не может быть проще и первобытнее того, что Иаков, в качестве таких подарков утопавшему в роскоши египетскому придворному сановнику, отправил «плоды земли своей: несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов». «Мед», разумеется, не пчелиный, а так называемый арабами дибс, сгущенный виноградный сироп, который и теперь в большом употреблении в Египте, куда он ежегодно привозится из Хеврона караваном в триста верблюдов. Скорбь Иакова от опасения потерять последнего сына любимой Рахили, горячие уверения Рувима и Иуды, что они на себя берут всю ответственность за его безопасность, вопрос о серебре, оказавшемся по непонятной им случайности в их хлебных мешках, – все это составляет глубоко трогательную сцену в истории. Но пред этими бедными и запуганными пастухами Ханаана должна была открыться еще более неожиданная сцена, когда они, по прибытии в Египет с Вениамином, вдруг были потребованы прямо во дворец египетского властелина. Дома знатных египтян были обнесены высокими стенами, украшенными живописью, и доступ к ним был чрез огромные ворота с высокими столбами, на которых развевались длинные флаги. Ворота вели на обширный мощеный двор, по сторонам которого шли просторные ходы, поддерживаемые тонкими раскрашенными колоннами. Из самого дворца задняя дверь вела в обширные сады, с рядами плодовых деревьев и виноградных лоз, кустарниками и цветными грядами и со всякой растительностью. Пальмы, сикаморы, акации, фиговые, гранаты и жасмины давали роскошную растительность, орошаемую искусственными бассейнами и фонтанами. Такая роскошь дома египетского властелина, конечно, должна была ослепить и повергнуть в смущение и трепет бедных пастухов, привыкших к простой жизни палаток, и их смущению не было пределов, когда их позвали на обед к царедворцу, положение которого казалось им недостижимым даже для их мысли. Их ввели в богато изукрашенную столовую, блистающую золотом и цветами и убранную с царским величием.

При виде Вениамина закипело в Иосифе братское чувство, и он должен был удалиться во внутренние покои, чтобы скрыть выступавшие слезы. Он радовался вдвойне, радовался и за своих братьев, что они не оказались столь же жестокими к Вениамину, как некогда к нему самому. С чисто восточной проворностью убиты были животные для предстоящего обеда; принесена была вода, чтобы каждый гость вымыл себе ноги, как требовалось правилами египетской вежливости. Братья по восточному обычаю поклонились великому сановнику до земли и поднесли ему привезенные дары.

Во время обеда (за которым присутствовал и Симеон) Иосиф сидел за отдельным столом, как требовалось достоинством его сана, не позволявшего ему есть вместе с простыми людьми; рядом был поставлен также отдельный, стол для египтян, которым также обычай не позволял сидеть вместе с «нечистыми» чужеземцами, так как египтяне вообще чуждались всех остальных народов, считая их, как бы они ни были цивилизованы, нечистыми варварами. Кушанья подавались гостям со стола хозяина, как требовал церемониал, и Иосиф при этом отделял Вениамину самую большую порцию, как это вообще делалось в Египте по отношению к лицам, пользующимся особенною благосклонностью хозяина. Обед своею роскошью и богатством изумлял бедных пастухов Ханаана и, чтобы избавиться от овладевшего ими смущения, они, по словам библейского рассказа, «пили, и довольно пили» со своим высокосановным хозяином.

Иосиф не мог долее удерживаться. Чувства пересилили дипломатический такт, и он открылся братьям своим – к ужасу их и изумлению всего двора фараонова.

Когда фараон узнал об этой истории своего любимого царедворца, свое расположение к нему он перенес и на все его семейство и выразил желание, чтобы все оно переселилось в Египет. Братьям даны были колесницы, сделаны подарки каждому по перемене одежд, а Вениамину пять перемен и триста сребреников. Отцу своему Иосиф послал *«десять ослов, навьюченных лучшими произведениями Египта, и десять*

ослиц, навьюченных зерном, хлебом и припасами на путь» (Быт. 45:23).

Известие, привезенное Иакову, было так для него неожиданно, что удрученный превратностями жизни старец не хотел верить ему; только уже когда он увидел колесницы, присланные за ним, «дух его ожил», и он в необычайном восторге воскликнул: *«довольно, еще жив сын мой Иосиф: пойду и увижу его, пока не умру»!* (Быт. 47:28) И вот, тихо потянулся караван сынов израилевых по направлению к Египту, сопровождаемый всем «домом» Иакова, состоявшим из семидесяти душ, домочадцами и стадами⁵⁷. Дни скорби Иакова миновали, он бодро глядел в будущее и от радости плакал в ожидании встречи так долго горькими слезами оплакивавшегося им Иосифа. Пройдя возвышенности Вирсавии, где Иаков принес жертву Богу и удостоился видения Господа, подтверждавшего ему завет с его отцами и обнадеживавшего его Своею помощью и защитой, караван вступил в северо-восточный округ Египта – Гесем. Услышав о приближении каравана, Иосиф сел в колесницу и, окруженный блистательной свитой, выехал на встречу своему престарелому отцу, и увидев его, «пал на шею его и долго плакал на шее его», и ободрившийся старец воскликнул: *«умру я теперь, увидев лицо твое, ибо ты еще жив!»*

Могущественный фараон удостоил престарелого отца своего верховного сановника особой аудиенции. Свидание между ними было трогательно по своей простоте и задушевности. Фараон спросил старца о его летах, и старец Иаков вкратке обозрел свою многоиспытанную жизнь. С трогательною простотою и достоинством Иаков рассказал могущественному монарху о своей жизни. В сравнении с жизнью его предков, его собственная жизнь была коротка – всего только сто тридцать лет, тогда как Авраам жил сто семьдесят лет, Исаак – сто восемьдесят. Но и этого было слишком много при тех превратностях и скорбях, которые выпали на его долю. Вся его жизнь была «странствованием», как и жизнь вообще, а тем более его, обитателя шатров, то и дело переселяющегося с своими стадами с одного места в другое. Фараон был тронут этим свиданием и просил благословения от старца.

Новые пришельцы поселены были в округе Гесем, отличавшемся превосходными пастбищами. Там они могли жить в отдалении от египтян, чуждавшихся общения с пастушескими племенами, хотя и не вообще пастушеского занятия, так как они сами, не исключая и фараона, имели огромные стада всякого скота. Ненависть к чужеземным пастушеским племенам, часто тревожившим страну своими хищническими набегами, была так сильна даже при фараоне времен Иосифа, что невозможно было допустить поселения пастушеского семейства Иакова в одном из более близких к столице округов страны. Фараон, однако же, был рад найти среди пришельцев людей, знающих пастушеское дело, и поручил им надзор за своими стадами.

Так исполнилось предсказание Божие Аврааму, что «потомки его будут пришельцами в земле не своей», где, как подтверждено было и Иакову на пути его в Египет, должен был произойти от них народ великий. Остальные годы жизни Иакова под покровительством его сановного сына прошли в мире и довольстве. В Египте он прожил еще семнадцать лет и видел утешение в том, что еще при жизни его семейство его «весьма умножилось». Но вот, чувствуя приближение смерти, он призвал к себе Иосифа и в знак веры своей в обетование завещал ему похоронить себя вместе с отцами своими Авраамом и Исааком, и при этом подарил ему землю, приобретенную им в собственность близ Сихема. Затем он усыновил себе двух сыновей Иосифа, пророчески благословив при этом на первородство младшего Ефрема предпочтительно пред старшим Манассией. Наконец, собрав всех сыновей своих, он в высказанных им благословениях⁵⁸ пророчески предсказал каждому из них их будущую судьбу, и при этом пред всеми превознес своего сына Иуду, предсказав ему, что его колена получит скипетр, и этот «скипетр не отойдет от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель» (Шилох), которому покорятся все народы, т.е. сделал одно из тех пророческих предсказаний, которыми с все более усиливающейся ясностью и определенностью возвещалось об имевшем явиться Избавителе мира. Окончив пророческое благословение, Израиль скончался, оплакиваемый Иосифом и

всем родом его. Как высокопоставленный египтянин, Иосиф, конечно, почтил своего отца дорогим бальзамированием. Как первый правитель государства и высокий сановник, он имел в своем распоряжении специалистов этого дела – врачей, которыми славился Египет и которые составляли особый чин в жреческом сословии. Труп отвезен был в особые загородные помещения, назначенные для бальзамирования, которое и совершено было в течение сорока дней. После этого траур продолжался еще тридцать дней, так что весь траур длился семьдесят дней, на два дня меньше траура при царе, и затем уже могло быть исполнено заявленное покойным пред своею смертью желание быть отвезенным в Ханаан, и там он с честью погребен был в пещере Махпела, вместе с Авраамом и отцом своим Исааком.

О последующей жизни Иосифа мало сообщается в библейском повествовании. Говорится только, что он милостиво относился к своим братьям и по смерти отца, несмотря на то, что последние крайне опасались его мщения за их прежнюю жестокость к нему; жил сто десять лет и имел утешение видеть внуков и правнуков, которых он любил и лелеял, как это естественно глубоким старцам, угасающая жизнь которых как бы воспламеняется вновь при виде юной жизни их потомков. До конца верный обетованию, преданному от отцов, Иосиф перед смертью взял с братьев торжественную клятву, что они вынесут кости его из Египта, когда Бог снова выведет их в Ханаан. По смерти он, конечно, был бальзамирован. Бальзамированные трупы своих друзей и сановников египтяне обыкновенно вкладывали в особые деревянные ящики и бережно опускали в гробницы или держали в особых комнатах своих домов. Мумия Иосифа оставалась в таком состоянии до выхода израильтян из Египта, затем была взята его потомками в Ханаан и, наконец, погребена на участке земли в Сихеме, некогда купленном и завещанном ему пред смертью Иаковом.

XII. Внутреннее и внешнее состояние избранного рода во время патриархальной эпохи. Богослужение и обряды. Нравы и образ жизни. Правление, промышленность и просвещение

Со смертью Иакова и Иосифа заключается патриархальная эпоха библейской истории. Отличительной особенностью ее было близкое и непосредственное общение патриархов, т.е. главных начальников и отцов избранного рода (патриарх – отец-начальник) с Богом и управление ими народом на основании тех непосредственно сообщаемых нравственных правил, которые признавались уже всеми, хотя еще и не были сведены в формальное законодательство, кроме первичного свода их в «Ноевых законах». Это был опыт нравственно отеческого управления в его лучшей и простейшей форме.

В истории патриархальной эпохи явственно выступают три отдельных ступени в отношении Бога к людям. После падения прародителей и потери ими первобытного блаженного состояния невинности, Бог, дав им обетование будущего Избавителя, предоставил им свободу выбирать между смиренным повиновением и греховным противлением Ему. Уже у первых сыновей их мы видим разделение: праведный Авель терпит мученическую смерть от нечестивого Каина; затем потомство последнего видимо берет перевес над благочестивым потомством Сифа и первый период заканчивается всеобщим развращением, сделавшим неизбежной страшную кару на все человечество в потопе. После потопа заключен был Богом новый завет с праведным Ноем, как родоначальником нового человечества, и ему было обещано долготерпение Божие до конца времен. Но вследствие этого именно долготерпения грех опять водворился в мире, явилась страшная самонадеянность у людей, которые построением «башни до небес» хотели выразить свое презрение к небесам. Замысел был разрушен и народы рассеяны, но это повело к забвению истинного Бога, и на место истинной религии повсюду воцарилось грубое идолопоклонство. Тогда, чтобы сохранить истинную религию и связанное с нею

великое обетование об Избавителе мира, Бог избирает нового праведника, чтобы сделать его родоначальником избранного рода, имеющего сохранить в себе истинную религию.

Этот завет с Авраамом представляет собою третью ступень в истории патриархальной эпохи, и она отличается частыми явлениями и обетованиями Бога родоначальникам и главам избранного рода. В этих явлениях постепенно выясняется существо Бога, который является не только Богом Авраама, Исаака и Иакова, но «*Богом всемогущим*» (Быт. 17:1; 28:3; 35:11), «*Судией всей земли*» (Быт. 18:25); а в многочисленных обетованиях получает полное развитие великая мысль о будущем Избавителе, как семени, в котором благословятся все народы (Быт. 22:18). Вместе с тем и самая жизнь патриархов, в возвышенности и чистоте их веры, по непрестанному руководству Промысла Божия, представляла собой такой высоконазидательный образец осуществления высших добродетелей, что вследствие этого получала преобразовательное значение по отношению ко многим тайнам в будущих судьбах домостроительства Божия в мире. Так, бессеменное рождение Спасителя преобразовательно изображалось в неплодстве Сарры и Ревекки; соединение в Нем божеского и человеческого естества – в лестнице, виденной Иаковом; Его страдания, понесенные Им от Своего народа, но соделавшиеся потом источником благословения для всего человечества – в приключениях Иосифа; Его крестная смерть и воскресение – в жертвоприношении Исаака; Его вечное священство – в Мелхиседеке; различные состояния закона и благодати – в различной участи Измаила и Исаака; благодать, данная язычникам, но потерянная иудеями – в благословении Иакова и Исава, и так далее. Вся эта эпоха с ее величавыми представителями есть преобразовательное зеркало, в котором явственно отражались будущие судьбы церкви и мира.

Вера патриархов находила свое внешнее выражение в богослужении. Но богослужение в эту эпоху не получило еще определенных форм и состояло, главным образом, в принесении жертв на первом попавшемся камне, хотя в то же время раз сделанный жертвенник получал священное значение и на

последующее время, так что он избирался для жертвоприношений и последующими патриархами предпочтительно пред другими жертвенниками и служил местом особых явлений и видений (каковым был напр. жертвенник в Вефиле). Самый жертвенник для священнослужения освящался чрез возлияние елея, и к совершению богослужения приступали с особым приготовлением, состоявшим в омовении тела и перемене одежды (Быт. 35:2). Особыми обетами придавалось некоторым жертвенникам особое священное значение в смысле постоянного «дома Божия», то есть, как бы храма, на содержание которого отдавалась десятина имения (Быт. 28:20–22). Со времени Авраама введен был особый обряд, как средство вступления в ветхозаветную церковь, именно обряд обрезания, которое как таинство означало очищение от прежней греховности и нечистоты, предзнаменуя в то же время внутреннее обрезание или умерщвление плотского и рождение духовного человека.

Сама патриархальная жизнь избранного рода охранялась соблюдением известных постановлений. Все богатство обетований передавалось по праву первородства, получаемому чрез особое благословение, охранялась святость брака и отвергалось всякое смешение с идолопоклонниками (Быт. 34:7,13,31;38:24; 26:34,35;27:46). Повиновение и почтение к родителям считались высокими и главнейшими добродетелями, что явственно выступает в истории тех лиц, которые подвергаются наказанию и каре за нарушение их (Хам). Семейная жизнь вообще отличалась первобытною простотою; самый брак носил характер полнейшей безискусственности и заключался с благословения и указания родителей, хотя в то же время известны примеры и своевольных браков (напр. женитьба Исава), ведших к семейным раздорам и недовольству. В то же время патриархальная жизнь и вообще не чужда примеров, когда первородный грех сказывался в явном господстве плоти, ведшем к отступлению от прежних установлений Божиих.

Это мы видим даже в таких великих и святых личностях, как Авраам и особенно Иаков, из которых первый кроме жены имел наложниц (хотя наложничество вытекало из благочестивых

побуждений иметь наследников лучших обетований), а второй был двоеженец, за что и нес различные тяжкие испытания, как естественное следствие этого отступления от первоначального закона брачной жизни (моногамии).

В гражданской области вполне господствовала патриархальная форма правления. Она состояла в том, что власть по заведыванию всеми гражданскими делами сосредоточивалась в главе семейства или рода. Патриарх, как глава семейства, был в то же время и единственным решителем всех дел, возникавших между членами его семейства или рода. Он вполне распоряжался судьбою своих детей и домочадцев, производил суд и расправу, имел право жизни и смерти (Быт. 38.24), и в случае внешней опасности являлся полководцем (как напр. Авраам), за которым признавалось право войны и мира. Но все эти права и обязанности не имели еще вполне определившегося характера и все вытекали из естественного положения отца в семействе, обязанного заботиться о защите и благосостоянии своего рода.

Тут мы видим человечество в его как бы отроческом возрасте. Патриархи – мирные пастухи, которые переселяются с одного места на другое для отыскания лучших пастбищ, и единственными вьючными животными служат у них верблюды и осел. Лошадь им еще неизвестна, да и к лучшему, так как с появлением ее у пастушеских племен всегда развивается склонность к набегам и хищничеству. Земледелие еще было мало развито и составляло лишь временное и случайное занятие. Поземельной собственности у них не было. Авраам купил себе землю только для погребения, и только Иаков приобрел в собственность участок для своего шатра. Запасов жизненных не делалось, вследствие чего голод часто вынуждал переселяться в соседние страны (по преимуществу в Египет, как житницу древнего мира). Во времена Иакова, однако же, видимо установилась довольно правильная хлебная торговля между Египтом и соседними странами и существовали торговые караван-сарай по пути. Торговые караваны появляются на всем громадном пространстве между Египтом и Месопотамией и ведется оживленная торговля пряностями и другими

произведениями востока, а также и рабами, которые большими партиями ввозились в Египет. Ко времени Авраама мы видим зачатки меновой монеты, хотя и в виде кусков известного металла с определением его ценности по весу; при Иакове появляются своего рода «монеты», а сыновья его уже хорошо знакомы с ходячими сребрениками, за которые они и продали своего брата Иосифа.

Что касается просвещения, то из всей истории патриархальной эпохи видно, что хотя патриархи и являются по преимуществу странствующими пастухами, но вместе с тем, у них замечаются следы довольно высокого просвещения, отчасти, вследствие влияния соседних народов, из которых иные, как напр. египтяне, стояли уже на высокой степени цивилизации, а отчасти и вследствие самобытного развития избранного рода, отличавшегося высокими духовными дарованиями. Так, предание приписывает Аврааму высокие познания в астрономии и математике, которым он будто бы научил египтян. Следов письменности в собственном смысле не встречается, хотя нет достаточных оснований и сомневаться в ее существовании, тем более, что в соседних с Палестиной странах она уже несомненно существовала. Во всяком случае, есть свидетельство о существовании именных печатей, предполагающих начертание имени или каких-либо условных знаков (Быт. 38:18, 25).

В таких общих чертах представляется жизнь патриархов избранного рода, бывших исключительными носителями истинной религии и связанного с нею великого обетования о Спасителе и потому находившихся под особым руководством Промысла Божия.

XIII. Истинная религия вне избранного рода. Иов. Религиозное состояние языческих народов. Летоисчисление

Промыслительное действие Божие, равно как и истинная религия и благочестие, однако же не ограничивались только тесным кружком избранного рода. Отдельные праведники и целые семейства праведных жили и в других местах, «ходя пред Богом». Таким, кроме Мелхиседека, является особенно Иов, жизнь которого описывается в книге, известной под его именем (книга Иова). Это был величайший праведник и образец веры и терпения, которых не могли поколебать никакие козни исконного врага человеческого рода. Он жил в земле Уц, в северной части Аравии, *«был непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла»* (Иов 1:1), и по своему богатству *«был знаменитее всех сынов востока»*. У него было семь сыновей и три дочери, составлявшие счастливое и довольное семейство. Но этому счастью позавидовал исконный враг человечества – сатана, и пред лицом Бога-сердцеведца стал дерзко утверждать, что Иов праведен и богобоязнен только ради своего богатства и земного счастья, и что с потерей его он перестанет благословлять и славословить Бога. Чтобы наказать дерзкую ложь отца лжи и укрепить веру и терпение Своего праведника, Бог дает Иову вместе со счастьем испытать и все бедствия и горечи земной жизни. По попущению Божию, сатана один за другим наносит ему страшные удары, лишая его всего богатства, всех слуг и всех детей. Но когда и это бедствие не поколебало веры Иова, который лишь поклонился Господу и сказал: *«наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь; Господь дал, Господь и взял»*, то посрамленный сатана хотел испытать многострадального праведника еще худшими бедствиями, и опять по попущению Божию поразил самое тело его страшною проказою, самую ужасною и омерзительною болезнью на востоке. Ужасная болезнь лишала его права пребывания в городе, и он должен был удалиться за его пределы, и там, скобля струпья на своем теле черепком, он сидел в пепле и

навозе. Все отвернулись от него, и даже жена его презрительно говорила ему: «ты все еще тверд в непорочности своей. Похули Бога и умри». – «Ты говоришь как безумная, отвечал ей многострадальный праведник. Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» Таким образом Иов даже словом не согрешил пред Богом, безропотно перенося свое собственное ужасное положение и положение жены, вынужденной после прежней богатой жизни в качестве госпожи теперь зарабатывать себе насущный хлеб тяжелой и непривычной для нее поденной работой.

О несчастьи Иова услышали друзья его Елифаз, Вилдад и Софар. Увидев его в несчастном положении нищеты и прокаженности, они, не смея подойти к нему близко, воскликнули от ужаса и зарыдали, в течение семи дней безмолвно убиваясь горем в виду своего злополучного друга. Вид их наконец развязал скованный дотоле бедствиями язык Иова, и страдалец впервые показал, как тяжело ему было сносить свое положение, и проклял самый день своего рождения и самую ночь своего зачатия. Друзья стали утешать его, уверяя, что Бог правосуден, и если Иов страдает, то страдает за какие-нибудь согрешения свои, в которых должен покаяться. Но Иов, твердый в своей вере и сознавая свою невинность, признавая в своих бедствиях испытание со стороны Бога, отвергает обвинение в беззаконии и нечестии, так как он никогда не забывал своего Творца и никогда не переставал молиться Ему, и среди самых бедствий своих выразил непоколебимую веру в пришествие Искупителя и в воскресение мертвых: «я знаю, Искупитель мой жив, и он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию. И я во плоти моей узрю Бога». Между тем, во время беседы и рассуждения Иова с друзьями поднялась буря, и загремел гром, из бури раздался голос Божий Иову, укоривший рассуждающих друзей за желание проникнуть в непостижимые советы и намерения Вседержителя. Бог выразил гнев Свой за неправильные суждения друзей, и только жертвоприношение их и ходатайство за них праведного Иова оправдали их пред Богом. Этим кончилось испытание Иова, посрамившего исконного человекоубийцу в его дерзкой лжи и клевете, и Бог исцелил Иова

от болезни и обогатил его вдвое больше прежнего. У него опять родились семь сыновей и три дочери, и он опять сделался счастливейшим патриархом счастливой семьи. «И умер Иов в старости, насыщенный днями».

Молчание в этом славном повествовании о законах и чудесах Моисея, патриархальные черты в жизни, религии и нравах и, наконец, самая продолжительность жизни Иова, скончавшегося двухсот лет от роду, – явно показывают, что он жил еще в патриархальную эпоху библейской истории и, притом, в конце ее. В его истории мы видим уже высокое развитие цивилизации и общественной жизни. Иов живет с значительным блеском, часто посещает город, где его встречают с почетом как князя, судью и знатного воина. В книге его есть указания на суды, писанные обвинения и правильные формы судопроизводства. Люди уже умели наблюдать над небесными явлениями и делать из них известные астрономические заключения. Есть указания даже на рудокопни, большие постройки, развалины гробниц, а также на великие политические перевороты, благодаря которым повергнуты были в рабство и бедственное состояние целые народы, наслаждавшиеся дотоле независимостью и благосостоянием.

Таким образом, и среди языческих народов, современных патриархальной эпохе избранного рода, встречались отдельные светлые личности, которые сохраняли чистоту первобытного благочестия и истинной религии с ее высокими истинами и обетованиями. Но масса была погружена в темное идолопоклонство, которое с развитием принимало самые разнообразные формы. В Месопотамии идолопоклонство получило такое развитие и распространение, что оно вторглось даже в благочестивый дом Фарры, отца Авраама, и существование домашних идолов (терафимов) мы встречаем в доме родного брата Авраама – Нахора и особенно внука последнего – Лавана. По предположению, терафимы – это были складные идола, изображавшие человеческие фигуры или предметы, наиболее чтимые местными жителями. Но в общем в Месопотамии преобладал, как и в Аравии, сабеизм, то есть, боготворение небесных светил, изображение которых, быть

может, делалось и на терафимах. При этом однако же замечательно, что в Месопотамии, и особенно Халдее, сохранились следы того, как религия постепенно уклонялась от первоначальной истины и вырождалась в грубое идолопоклонство. В весьма неясном представлении им предносился единый верховный Бог Ил или Ра, творец довременного хаоса. В этом хаосе, смутно отождествлявшемся с самим Илом, было три начала – материя, желание и разум. Они разделились между собою, и из этого произошел мир. Начала эти, в свою очередь, олицетворялись в виде трех богов: Ану – материя, Бен – желание и Ноа – разум. От этой первой троицы рождается вторая, но она уже явственно вырождается в чисто планетные божества: Самас – бог солнца, Син – бог луны и Бин – бог воздушного пространства. У каждого из этих богов имеется по жене, которые, впрочем, тождественны с ними, и затем следуют уже второстепенные планетные боги: Нин (Сатурн), Бел-Меродах (Юпитер), Нергал (Марс), Иштар или Нана (Венера) и небо (Меркурий). За этими богами следовало множество еще меньших богов, определить значение которых весьма трудно, но которые уже составляли последнюю ступень помрачения первоначальной религиозной истины. Число богов увеличивалось еще оттого, что каждый город имел своего особого бога покровителя, который и считался там главным, независимо от общей системы. Так, Бел-Меродах, бог планеты Юпитер, был местным божеством Вавилона и с возвышением этого города стал главным и слился с Белом. Служение всем этим богам и особенно Иштаре (Астарте) имело грубо чувственный характер, переходивший в полное распутство, совершавшееся в честь богов и богинь в самих храмах и капищах.

Тот же сабеизм, но с расширением его в боготворение природы вообще, был господствующим видом идолопоклонства ханаанских народов, среди которых по преимуществу проходила жизнь патриархов. Главным божеством хеттеян (с которыми, прежде всего, встретился Авраам при вступлении в землю Ханаанскую) была богиня Истар или Ашторет (Астарты), идолослужение которой совершалось под видом самой гнусной

распущенности. Другие ханаанские племена боготворили также Бела или Ваала (солнце) под различными именами – Бл, Молох, Адони. Как и во всех подобных религиях, составляющих полное уклонение от первоначальной истины, народ боготворил под видом этих богов свои собственные страсти и похоти, придавая им как бы печать божественного соизволения. Для умиловления гнева богов он приносил человеческие жертвы и, руководясь мнением, что чем дороже приношение, тем на большую милость может рассчитывать приноситель, заблуждающиеся безумцы приносили в жертву идолам своих детей, девицы жертвовали своим целомудрием, и так далее. Под влиянием этого-то безнравственного культа нечестие достигло такой безобразной степени, на какой мы видим его в жителях городов содомского пятиградия, навлекших на себя страшный гнев Божий.

На более высокой степени стояла религиозно-нравственная жизнь в Египте, но и то только в высших классах страны и особенно знаменитом египетском жречестве, где религия достигала значительной высоты, показывавшей, что искра истины и древних преданий еще тлела под пеплом языческого заблуждения. В высшем своем умопредставлении египтяне поднимались до понятия о едином Боге, не имеющем ни начала, ни конца. Священные гимны египтян говорят об этом Боге, что «Он единый Плодотворитель на небе и на земле, но сам не рожден. Бог единый в истине, который сам себя родит, который существует от начала, который создал все, но сам не создан». Этот верховный единый Бог назывался различно: в Фивах – Аммон-Ра, в Мемфисе – Фта. Но единый сам по себе, этот верховный Бог есть в то же время не только отец, но и мать и сын, и потому как бы тройствен в своем бытии, представляет собой три начала. Маут, женское начало, есть в то же время жена Аммона-Ра, и сам он, как сын его, Хонс, есть вместе с тем тот же самый Аммон, потому что он из себя творил все. Аммон-Ра, Маут и Хонс составляют высшую трицу, единое высшее божество, о котором в одной египетской книге (папирусе) говорится: «Он дает жизнь рыбе в воде, птице в небе, дает дыхание плоду в яйце. Он живет гадов, дает то, чем живут

птицы, ибо гады и птицы равны перед его очами. Он делает запасы для мыши в ее норе и кормит птицу на ветке. Будь благословен за это единый, единственный многорукий». Весь внешний мир был проявлением этого верховного божества. Вследствие этого всякое явление природы было священно. Так понимали божество высшие классы в Египте. Но для народной массы такое представление было непосильно и слишком отвлеченно. Поэтому простой народ из разных проявлений божества делал для себя самостоятельных богов. Отсюда является почти бесконечный ряд живых богов, символами которых были различные предметы неодушевленной природы, птицы и животные. Одним из главных божеств этого рода был Нил, отождествлявшийся в представлении народа с богом Апи или Озирисом, женой которого была Изиды (земля). Воплощением Озириса был живой бык – апис, который из простого символа превратился в умопредставлении народа в самостоятельное божество, и о нем жрецы рассказывали, что он нарождается каждые двадцать пять лет от телицы, оплодотворяемой молнией. Другие божества олицетворяли собою различные благодетельные или грозные силы природы, каковыми были благодетельное солнце (Ра), солнце как палящий губитель жизни (Монт), губитель света – Сет, и так далее, и олицетворением различных богов были ястреб, ибис, крокодил, козел, кошка, которые также почитались иногда в качестве самостоятельных божеств. Умножению богов содействовало также то обстоятельство, что каждый город с своим округом непременно почитал своего особого бога. Тут, очевидно, религиозная мысль ниспускалась уже до самой грубой ступени идолопоклонства. Сообразно с религией на такой же низкой степени стояла и нравственная жизнь, в которой господствовали самые гнусные пороки, находившие поощрение в самой обрядности грубого и безнравственного культа.

Таково было религиозно-нравственное состояние языческих народов, и в сравнении с ними избранный род патриархов был поистине светильником, ярко сиявшим среди глубокой религиозно-нравственной тьмы окружающего человечества. По времени рассмотренная патриархальная эпоха обнимает собою

более двух столетий. Для точного определения ее не существует достаточных данных. Мы имеем только свидетельство ап. Павла, что от великого обетования Аврааму до издания Синайского закона прошло 430 лет. Эта же цифра указывается и в книге Исход 12, 40 стих, где говорится: «времени же, в которое сыны Израилевы (и отцы их) обитали в Египте (и в земле Ханаанской – как прибавлено в греческом тексте перевода семидесяти толковников), было четыреста тридцать лет». В откровении самому Аврааму этот же период определяется круглым числом в четыреста лет. Если предположить, что продолжительность пребывания израильтян в Египте была равной приблизительно с продолжительностью собственно патриархального периода странствования от призвания Авраама до переселения Иакова в Египет, то половина этой цифры, именно 215 лет, и будет приблизительно определять продолжительность патриархальной эпохи, что вполне согласуется с годами жизни патриархов и подтверждается иудейскими преданиями.

Период четвертый. От смерти Иосифа до смерти Моисея

XIV. Израильтяне в Египте⁵⁹

В то время, когда мадиамляне продавали Иосифа на невольническом рынке, Египет стоял уже на высокой степени процветания и могущества. Во главе его сменилось до пятнадцати царственных родов или династий, последовательно управлявших его судьбами. Теперь царствовала династия так называемых царей-пастухов или гиксов. Она принадлежала чужеземной народности, насильственно вторгшейся в Египет и захватившей престол фараонов. Точно неизвестно, откуда явились завоеватели и к какому племени они принадлежали; но можно думать, что это были кочевники, обитавшие в сирийских степях и аравийских пустынях и постоянно тревожившие Египет своими набегами и нападениями. Египет должен был тщательно оберегать свою северо-восточную границу от нападения кочевых народностей, и с этой целью там построено было несколько укреплений и сплошная стена наподобие китайской. Но кочевые племена все-таки проникали и за стену и с позволения египетского правительства селились в северо-восточном углу страны. Пока была крепка государственная власть, она успешно отражала внешние нападения и держала в подчинении поселившихся в Дельте инородцев; но представители последних пред тем династий, благодаря своей слабости, выпустили власть из своих рук, страна поделилась на несколько независимых уделов, правители которых обессиливали государство своим соперничеством. Этим воспользовались гиксы, сделали нападение на Египет и при помощи инородцев покорили страну и завладели престолом. Первое время владычества гиксов ознаменовалось всевозможными проявлениями дикого варварства, грабежами и убийствами; но мало-помалу просвещение покоренной страны оказало свое цивилизующее влияние на завоевателей, они подчинились ему и двор новой династии вполне принял обычный египетский вид со всей пышностью и роскошью фараонов. Гиксы имели свою религию, но они терпели и религию египтян, и даже официально покровительствовали ей.

Сутех, национальный бог завоевателей, отождествлялся с египетским богом Сет, и ему, как и другим египетским божествам, строились храмы. Сфинксы, относящиеся к этому времени, имеют совершенно своеобразный тип лица, отличный как от египетского, так и от еврейского, и, очевидно, представляют тип этой чужеземной народности. При одном из представителей этой династии, по-видимому, и правил Иосиф Египтом. Только при фараоне пастушеской династии мыслимо было, чтобы ничтожный раб, вышедший из презираемых природными египтянами пастухов, мог быть назначен на пост верховного правителя страны. Имя этому фараону Апопи или, по греческому произношению, Апофис. При нем Египет совершенно оправился после смут и опять наслаждался полным внутренним благосостоянием. Но вместе с тем, в природных египетских князьях, находившихся в подчинении фараону, стало замечаться политическое движение, направленное к освобождению страны от чужеземцев. Предчувствуя опасность, пастушеская династия, естественно, заботилась о том, чтобы упрочить свое положение, и покровительствовала инородцам, раздавая им для поселения лучшие участки земли с тою целью, чтобы найти в них верных союзников в случае нужды. Такой политикой можно объяснить и то, что фараон Апофис отдал вновь прибывшим поселенцам один из богатейших округов страны. Пастушеская династия при Иосифе достигла высшей степени процветания и силы. Но вскоре затем, именно к концу царствования Апофиса, в Фивах, древнейшей столице страны, началось движение туземных князей к независимости, а при следующем фараоне оно перешло в открытое восстание, поставившее своею целью низвержение чужеземной династии и народности. Началась упорная и продолжительная борьба. Гиксы шаг за шагом отстаивали свою позицию, но под давлением силы должны были все дальше и дальше отступать к северо-востоку, пока совсем не изгнаны были из Египта.

Воцарилась новая, восемнадцатая династия, родоначальником которой был Аамес или Амосис I. Она избрала своей резиденцией Фивы, как центр политической независимости страны, и дала Египту ряд великих фараонов, при которых он

достиг вершины своего внешнего могущества и внутреннего процветания. Время царствования этой династии особенно ознаменовалось развитием военного могущества. Воинский дух, ободренный успехом в борьбе за независимость, не остановился на одном этом успехе и искал удовлетворения в завоеваниях. Долго угнетаемые чужеземцами, теперь египтяне как бы старались отомстить всем чужеземцам своими угнетениями и завоеваниями. Значительные массы гиксов, предпочитавшие рабство на берегах Нила изгнанию в пустыню, подвергнуты были всевозможным угнетениям и должны были в качестве рабов исполнять тяжелые земляные и строительные работы, возлагавшиеся на них новым правительством. Не довольствуясь этой местию внутри страны, фараоны старались загладить позор чужеземного владычества блеском завоеваний в окрестных странах. Египетские полки отважно стали проникать за северо-восточную границу и проложили торную дорогу вглубь Азии. В течение нескольких царствований страна гремела боевой славой. Военные добычи обогащали страну, но эти богатства, естественно, сосредоточивались в руках правительства и высших классов, где они развивали крайнюю роскошь. Для народных масс все эти блестящие походы были тяжким бедствием, так как усиливали военную и другие государственные повинности, всецело лежавшие на низших классах народа.

Положение простого народа всегда было тяжелым в Египте. Еще задолго до поселения сынов Израиля в Египте берега Нила оглашались стонами угнетенного народа и не раз происходили кровавые восстания против угнетателей. В недавнее время открыто много поломанных и обезображенных статуи фараона Хеопса, что, очевидно, было следствием одного из подобных восстаний угнетенного народа против этого великого строителя пирамид. Но, конечно, восстания влекли за собой еще большее угнетение. Народ партиями отводили в рудники, заставляли рыть новые каналы, строить новые пирамиды. При таком подавленном положении народ не мог находить утешения и в религии, потому что лучшие истины последней тщательно скрывались жрецами как их исключительное достояние, и потому он искал удовлетворения в безнравственности. При всей своей

выносливости в труде и опрятности в жизни, египтяне были крайне невоздержны в низких страстях. Воспитываясь под безнравственным влиянием египетского религиозного культа, состоявшего в обоготворении чувственности, народ сам предавался безнравственной жизни. Всякие противоестественные пороки были в нем обычным явлением. Большие годовые религиозные праздники ознаменовывались обыкновенно самым диким разгулом чувственности, которым особенно отличались безнравственные празднества в Бубасте и Дендере, и они были так популярны, что на них собирались сотни тысяч народа.

Среди таких политических и общественных условий жили израильтяне в Египте. Но они занимали исключительное положение в стране. Как племя родственное высокому придворному сановнику и находившееся под покровительством пастушеской династии, дававшей в политических видах особенные привилегии пастушеским народностям, населявшим северо-восточную окраину страны, они пользовались лучшим общественным положением, чем масса туземного египетского населения. На привольных и плодородных полях Гесема они быстро росли в численности и богатели.

Семейство Иакова разрослось в целое племя, которое по числу своих родоначальников разделялось на двенадцать или тринадцать колен, которые сохраняли сознание своего кровного единства. Первенство между ними по праву должно бы принадлежать колену Рувима, но Иаков в своем предсмертном благословении лишил его права первородства, потому что он «взошел на ложе отца и осквернил постель его». Главенство между ними, как и естественно, занимали в Египте колена, имевшие своими родоначальниками сыновей Иосифа – Ефрема и Манассию, но между ними особенно возвысилось колено Левино, которое, более других сохраняя предания отцов, достигло нравственного главенства среди своего народа и впоследствии заняло положение священнического класса в своем народе.

Пользуясь значительною самостоятельностью, израильтяне выработали свою форму самоуправления сообразно

особенностям своего родового быта. Каждое колено имело во главе особого представителя или князя и разделялось на несколько меньших групп, из которых каждая имела своего особого старейшину. Жизнь в чужой стране развивала в них чувство единения между собой, и оно находило для себя выражение в собраниях представителей народа. При всяком важном событии, касавшемся их жизни, представители или главы колен и меньших групп собирались на совещание и обсуждали свое положение при данных обстоятельствах.

Такою же независимостью пользовались израильтяне и в религиозном отношении. Нужно иметь в виду, что со времени смерти патриарха Иакова, как последнего великого представителя патриархальной эпохи, на целые столетия прекратились всякие непосредственные общения с Богом: не было ни откровений, ни видений, ни пророчеств, – т.е. всех тех способов, посредством которых раньше сообщалась избранному роду воля Божия. При таких обстоятельствах для сынов Израиля оставался единственный источник богопознания – предание отцов, которого они несомненно и держались. Главными проявлениями этой патриархальной религии были обрезание, жертвоприношения и соблюдение субботы, и есть следы, указывающие, что израильтяне твердо сохраняли их. О соблюдении обряда обрезания израильтянами в Египте у нас имеются прямые свидетельства (Исх. 4:24–26; И. Нав. 5:5). Что касается жертвоприношений, то на соблюдение их указывает самая просьба Моисея об отпущении народа в пустыню «для принесения жертвы Господу Богу», хотя вместе с этим есть свидетельство, что в этом отношении впоследствии встречались серьезные препятствия со стороны идолопоклоннических египтян (Исх. 8:25–28).

Наконец, многие следы указывают на соблюдение субботы или дня покоя, так что постановление о сборе напр. манны в пустыне по пятницам в двойном размере, чтобы ее доставало и на субботу, а также и самая форма законоположения о субботе в четвертой заповеди («помни день субботний») сами собой предполагают, что суббота, как установление, уже существовала и соблюдалась народом. Затем, в синайском законодательстве

многие законоположения ясно указывают на существование в израильском народе многих из тех религиозно-нравственных обычаев и учреждений, которые в этом законодательстве лишь подтверждались и уяснялись. Таким образом, мы с достаточностью видим, что во время пребывания в чужой земле израильтяне сохраняли основные истины и установления религии отцов. Но есть еще и другие указания, дающие возможность определить степень жизненности в них веры и не только в народе вообще, но и в отдельных коленах и даже личностях. Это именно те имена, которые давались родителями своим детям во время долгого пребывания в рабстве египетском. Известно, какое важное значение вообще придавалось именам в патриархальную эпоху. Каждое более или менее важное в духовном, религиозно-нравственном или семейном отношении событие непременно отражалось на имени, дававшемся известному лицу или месту. – Иногда сообразно с положением того или другого лица в домостроительстве Божиим сам Бог переменял людям имена (как это известно из истории Авраама, Сарры и Иакова), а большею частью назначение имени, особенно детям, служило прямым выражением той или другой духовной настроенности родителей, которые и выражали в даваемых своим детям именах или признание высшего благоволения и соприсутствия Божия, или просто свои чувства, надежды и испытания (как это заметно напр. в именах сыновей Иосифа, Моисея и др.). Ввиду этого, то замечательное обстоятельство, что среди представителей колен постоянно встречаются такие имена, как Елиав (Бог мой отец), Елицур (Бог моя крепость), Елиасаф (Бог мой собиратель) и другие того же рода, ясно показывает, как глубоко отеческие предания коренились в сердце сынов Израиля, и как жива у них была память о Боге их отцов и особом Его промыслении об избранном роде. При этом особенно замечательно, что подобные имена чаще всего встречаются в колене Левином. Таковы имена: Елиасаф – Бог мой собиратель, Елицафан – Бог мой охранитель, Цуриил – Бог моя скала, Елиазар – Бог мой помощник, Амрам – родственник Всевышнему, Иохаведа – Господь ее слава и т.д. Одно это обстоятельство с

достаточностью показывает, что колено Левиино отличалось особенной преданностью отеческим преданиям и особенно твердо сохраняло веру отцов, и тем заслужило того, что оно именно сделалось орудием промысла в освобождении и возрождении народа.

Таким образом, как по месту поселения в удаленном округе, так и по характеру всей своей общественной и религиозной жизни израильтяне жили особняком от остального египетского населения. Тем не менее, время по необходимости сближало их с туземцами, и следы этого сближения отразились на многих сторонах их жизни. Высокая цивилизация Египта понемногу покоряла себе кочевых пришельцев, и они постепенно освоились с оседлою жизнью и принимались за земледелие и ремесла. Вместе с тем, в их среду проникли египетские науки и искусства, следы которых явственно выступают во всей дальнейшей их исторической жизни. В Египте они заимствовали познания по геометрии и медицине, а также научились искусству выделывать различные галантерейные вещи из золота, серебра, дерева и камня, готовить дорогие и разноцветные ткани, вырезать и гранить драгоценные камни. Но особенно важным для них приобретением было искусство письма, о знании которого не упоминается в патриархальную эпоху, между тем как Моисей по исходе из Египта уже писал для народа законы, которые народ обязывался читать. В самый язык вошло много египетских слов. Еврейские меры называются египетскими именами. Нил по египетскому обычаю в библейском тексте просто называется йеор – рекой; месяц адар близко напоминает египетское название также месяца атайр; адон – название ковчега завета и теба – название корзинки, в которой спасен был Моисей, – чисто египетские, и многие другие Слова и обычаи обнаруживают египетское влияние на израильтян. К сожалению, египетское влияние на израильтян не ограничилось внешней жизнью, а с течением времени отразилось, отчасти, и на внутренней религиозно-нравственной жизни. Так, из некоторых последующих постановлений и фактов можно с несомненностью выводиться, что израильтяне, отчасти, поддались и безнравственным обычаям, отличавшим простой народ в Египте, и даже усвоили некоторые

формы идолослужения. Конечно, особенное влияние на них могла иметь не пышная религиозная обрядность, которую отличалась религиозная жизнь высших классов Египта, но те простые, часто грубые обряды народной египетской религии, свидетелями которых израильтянам часто приходилось бывать. В качестве примера можно указать на боготворение золотого тельца в пустыне, а также и прямое, состоявшееся после жертвоприношений в скинии, запрещение приносить жертвы идолам (Лев. 17:7), – запрещение, подтвержденное впоследствии Иисусом Навином, который прямо говорил: *«отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою и в Египте, и служите Господу»* (И. Нав. 24:14). Таким образом, пребывание в чужой земле, поведшее впоследствии к рабству политическому, грозило повергнуть израильтян и в рабство духовное.

Сколько времени израильтяне после смерти Иосифа наслаждались миром и благоденствием – определить весьма трудно. Но можно с вероятностью думать, что положение их изменилось к худшему со вступлением на престол новой природной египетской династии. «Восстал в Египте новый царь, который не знал Иосифа», а вместе с тем не мог признавать и права его потомков на те особенные привилегии, которыми они пользовались при прежней династии. Имя Иосифа, как сановника низверженной династии, могло быть ему неизвестно (или он мог просто не признавать его заслуг). Вместе с тем понятно, с какими чувствами царь в его положении мог относиться к израильтянам. Они были привилегированными подданными, пользовались особою благосклонностью низверженной династии, при которой они владели одним из важнейших округов Египта, господствующим над подступом к самому сердцу страны. Ненависть и вражду к низложенной династии он, естественно, перенес и на любимое ею племя. Но на развитие особенной враждебности к израильтянам могли влиять и другие, чисто политические обстоятельства. Борьба египетских князей с пастушеской династией и народностью происходила по преимуществу в округе Гесем, где гиксы, окопавшись в укрепленных лагерях, долго отражали напор

египтян. В этой борьбе невольно должны были принимать какое-нибудь участие и израильтяне, и нет ничего невероятного в том, что они поддерживали сторону гиксов, как народности, родственной им по племенным особенностям, и как династии, которой они так много были обязаны. От природных египтян они ничего не могли ожидать себе, так как для них всякий пастух был «мерзостью», и все пастушеские племена находились у них в презрении. Этот союз их с гиксами сделал их политическими врагами египтян, и когда гиксы были окончательно изгнаны из страны, то израильтяне должны были рабством заплатить за свое изменничество природным фараонам. Опасение фараона, что израильтяне, как многочисленное и сильное племя, в случае войны могут соединиться с неприятелем и вооружиться против египтян, имело действительные основания и подтверждалось прошлой историей Египта. Гиксы завоевали Египет именно при помощи пастушеских племен, которые, подобно израильтянам, с позволения фараонов селились в северо-восточных округах страны и «во время войны соединились с неприятелями». И вот, в чисто государственных интересах начинается по отношению к ним политика давления и угнетения.

Прежде всего, конечно, новое правительство лишило израильтян тех преимуществ и вольностей, какими они пользовались при прежней династии; но затем оно перешло и к положительному их угнетению, стало «изнурять их тяжелыми работами». В данном случае не нужно было и выдумывать искусственно этих работ: они являлись как естественная потребность в самом месте обитания израильтян. По изгнании гиксов из Египта, требовалось на будущее время обеспечить страну от вторжения полудиких чужеземцев, и потому правительство нашло нужным построить несколько новых укреплений в этой окраине, и на эти тяжелые земляные работы употреблен был даровой труд израильтян. Труд был, очевидно, каторжный, и библейский историк с горечью повествует об этих работах. «Египтяне с жестокостью, говорит он, принуждали сынов израилевых к работам и делали жизнь их горькою от тяжелой работы над глиною и кирпичами, и от всякой работы полевой, от всякой работы, к которой принуждали их с

жестокостью». Так они «построили фараону Пифом и Раамсес, города для запасов», т.е. пограничные крепости с кладовыми для военных припасов.

С каждым новым царствованием возрастали тягости для народа, и не только израильского, но и египетского. Фараоны как бы старались превзойти друг друга своею военною славою и грандиозными постройками и дворцами, которыми украшали свои резиденции, и чем знаменитее был фараон, чем блистательнее его царствование, тем больше стонал народ под гнетом непосильных работ и повинностей. Партиями отводили изнуренных рабочих в каменоломни, заставляли высекать огромные глыбы гранита и с невероятными усилиями тащить их к месту построек; заставляли рыть и проводить новые каналы, делать кирпичи и месить глину и известь для воздвигаемых построек; поднимать воду из Нила в каналы для орошения полей, – как это можно видеть еще и теперь на берегах Нила, где обнаженные рабочие подобно машинам работают целый день под палящим солнцем, поднимая воду из реки для проведения ее по полям. Одним словом, «ко всякой работе принуждали их с жестокостью», под палочными ударами неизбежных надзирателей.

Несмотря, однако же, на все угнетения со стороны правительства, молодой народ быстро увеличивался в своей численности и силе, и под впечатлением, быть может, постоянных военных шествий египетских войск чрез землю Гесем, в нем развилась страсть к воинственности, которую отряды отважных охотников и удовлетворяли набегами на соседние страны. Так, партия из колена Ефремова делала набеги на филистимские земли и утоняла скот. Понятно, такие наклонности не могли не внушать опасений правительству, что этот воинственный народ, ожесточаемый угнетениями, может причинить большие политические затруднения в случае войны, или силой может выйти из страны и лишит ее даровой рабочей силы. Видя, что работа, самая каторжная работа, бессильна подорвать рост молодого народа, жестокое правительство фараона решилось прибегнуть к крайней мере, к какой только способен восточный деспотизм. Сначала издано было тайное

повеление повивальным бабкам убивать новорожденных младенцев мужского пола; но когда это повеление встретило молчаливый протест в нравственном чувстве и совести представительниц акушерства в древнем Египте и оставалось без исполнения, то разъяренный фараон повторил это повеление для всего народа и особенно для царских слуг и сыщиков. И вот, к народным стонам под тяжестью работ присоединились стоны и вопли матерей, – но среди этих стонов и воплей израильского народа родился его великий избавитель – Моисей.

XV. Моисей, его воспитание в Египте и пребывание в земле Мадиамской. Призвание его при горе Хорив⁶⁰

Среди израильтян во время пребывания их в Египте колена Левиино, как показано было выше, сохраняло особенную преданность вере отцов. В среде этого колена жило скромное семейство Амрама и Иохаведы⁶¹. Они ничем особенно не выдавались, кроме, быть может того, что сильнее и целостнее других сохраняли веру отцов и более других старались внедрить ее в своих детей – девочку Мариам и мальчика Аарона. Время это было тяжелое для всего народа. Египетская политика угнетения достигла высшего своего развития. Деспотизм фараонов изыскивал все новые и новые средства для того, чтобы задержать рост молодого народа и сломить его нравственную силу, и не останавливался пред бесчеловечием. Издан был даже кровожадный указ об умерщвлении новорожденных мальчиков, и когда этот указ стал приводиться в исполнение, у Амрама родился второй сын, принеся вместо семейной радости страшное семейное горе. Мальчик был необыкновенно красив, и несчастная мать в течение трех месяцев скрывала его от кровожадных взоров фараоновых слуг. Но скрывать долее было невозможно, и она решилась на отчаянный шаг. Она сделала из тростника корзинку, обмазала ее асфальтом и смолой, чтобы она не пропускала воду, и, положив в нее малютку, с молитвами и слезами опустила драгоценную корзинку в один из каналов Нила, поросших тростником, поручая ее Провидению и легкому надзору двенадцатилетней девочки, сестры бедного мальчика. Папирусный тростник, находимый теперь только гораздо южнее по берегам Белого Нила, в то время рос и по всем широким каналам северной Дельты, где жили израильтяне и где находились в новопостроенных городах летние резиденции двора фараонова. Своей листвой тростник мог защищать мальчика от палящих лучей солнца, а вместе с тем, прикрывая реку, представлял удобное место, где придворные дамы могли купаться, без ущерба для женской стыдливости. Все эти обстоятельства послужили орудиями

высшего промысления Божия. В это самое время вышла купаться дочь фараона и нашла в тростнике корзинку с плачущим младенцем. Доброе сердце царевны сжалось от боли при виде несчастной участи брошенного ребенка. Она поняла, что это невинная жертва жестокого указа ее отца по отношению к израильтянам и, надеясь на силу отцовской любви к себе, порешила спасти его и даже усыновить. Она взяла кормилицу из израильтянок, которую оказалась мать ребенка Иохаведа, и таким образом Промысл Божий направил житейскую корзинку ребенка к историческому величию и всемирной славе. Когда младенец подрос, царевна взяла его к себе во дворец, официально усыновила его и дала ему имя Моисей, «потому что, говорила она, я из воды вынула его».

Библейское повествование не сообщает никаких подробностей из ранней жизни Моисея при фараоновом дворе, и есть лишь слабые указания в преданиях. Так, Иосиф Флавий рассказывает, что он даже в три года был удивительно высок ростом, так что, когда он проходил, все невольно останавливались посмотреть на него. Известие о красоте его подтверждается позднейшим библейским свидетельством, что он был *«прекрасен пред Богом»* (Деян. 7:20). Вместе с тем он был *«научен всей мудрости египетской»*, т.е. получил высшее образование, какое только доступно было жрецам и высшим классам страны, державшим все научные и высшие религиозные познания в секрете от народа, и вообще *«был силен в словах и делах»* (Деян. 7–22).

Несмотря на свою принадлежность к царскому дому, Моисей не постоянно находился в близком отношении с членами царской семьи. Время образования его в знаменитой школе «египетской мудрости» при храме Илиопольском, если только он учился там, и периодически совершавшиеся переезды двора в отдаленные Фивы надолго и часто отделяли его от семьи фараоновой. Но более всего отчуждало его от этого двора его глубокое сочувствие к своему страждущему народу. Из роскошных палат фараонова дворца ему еще больше было смотреть на то унижение и рабство, в котором находился единокровный ему народ, и явственнее слышался стон его

братьев. При виде бедствий своего народа, ему противным делался блеск раззолоченных дворцов, и он уходил в убогую хижину своих родителей, чтобы утишить бурю своего возмущенного духа. Он *«лучше захотел страдать с народом Божиим, нежели иметь временное, греховное наслаждение»*, и потому даже *«отказался называться сыном дочери фараоновой»* (Евр. 11:25, 24). Но среди самого народа он еще ближе увидел его страдания, и однажды в порыве негодования убил египетского надзирателя, который жестоко наказывал израильтянина-рабочего, и зарыл его в пески, стараясь скрыть следы своего невольного человекоубийства. Молва, однако же, успела распространиться об этом, и Моисею грозила смертная казнь, назначавшаяся египетскими законами за человекоубийство. Вследствие этого он должен был бежать из страны.

Чтобы удобнее скрыться от преследований фараоновых сыщиков, Моисей, по всей вероятности, направился на Пелузий или какой-нибудь другой пограничный город на линии великой укрепленной стены, и чрез него проник в пустыню. Выйдя за пределы страны, он направился в южную часть Синайского полуострова, представляющего собой гористый треугольник более 200 верст по направлению от севера к югу. Северная часть полуострова занята была амаликитянами, а южная – мадианитянами, производившими свое происхождение от Авраама, чрез Хеттуру. Связь общего происхождения давала ему уверенность в торжественном приеме, а также, быть может, возбуждала надежду на возможность союза против египтян, в случае, если бы израильтяне попытались освободиться от рабства. Достигнув главного становища племени, которое обыкновенно находилось около какого-нибудь колодезя или родника, он действительно встретил дружественный прием со стороны главы племени, дочерям которого, с патриархальной простотою пасшим его стадо, он оказал любезность и помощь. Простота обстановки, в которой он теперь оказался, дышала патриархальностью и свободой. Хозяин его был и шейхом, и эмиром своего племени, т.е. его гражданским и религиозным главою, носившим вследствие этого два имени – Иофора и

Рагуила, соответственно той и другой должности. «Моисею понравилось жить» здесь и он женился на одной из семи дочерей Иофора – Сепфоре. Но имя, данное им своему первому сыну от этого брака, показывало, что его думы были на берегах Нила, его сердце там, среди своего угнетенного и стонущего народа. Он назвал своего сына Гирсамом, «потому что, говорил он, я стал пришельцем в чужой земле». И только второй сын наименован был в память спасения Моисея из Египта, Елиезером, «потому что, говорил он, Бог отца моего был мне помощником, и избавил меня от меча фараона».

Страна, в которой Моисею пришлось провести много лет, именно гористый полуостров Синая, был особенно пригоден для того, чтобы своею отрешенностью скрывать его от внешнего мира, а вместе с тем своей дикой пустынностью настраивать его на возвышенные мысли и готовить к предстоявшему ему великому служению. У северных пределов его тянутся белые известковые возвышенности. К югу идут холмы песчаника, обыкновенно средней высоты, но поражающие удивительным разнообразием и блеском цвета вместе с причудливостью очертаний. Но холмы скоро уступают место горам Синая, которые наполняют южный конец полуострова, представляя массы первобытных скал, поднимающихся в своих вершинах на 9 000 футов над поверхностью моря. Взятый в целом, Синайский полуостров представляет собою одну из самых диких стран. Горы издали поднимаются красными и серыми массами, остроконечными скалами из порфира и гранита. По всем сторонам лежат кучи темно-серого пепла погасших вулканов или обломков скал. Волны скал, с зеленоватым отблеском, поднимаются обнажено и грозно; неуклюжие, дикие хребты, подобно башням, вздымаются над черными и коричневыми массами камней, которые будто бы нарочно разбиты гигантскими молотами исполинов. Южный узел этих гор издавна считался святилищем. Так, гора Хорив, когда Моисей прибыл для поселения около нее, уже называлась «горою Божией».

В этом святилище гор, в ожидании времени, когда по предначертанным планам Божиим Израиль созреет для движения к своему освобождению, и в то же время,

несознательно приготавливаясь к предстоявшему великому подвигу, Моисей провел не менее сорока лет. При своих постоянных переходах с стадами своего тестя он мог ознакомиться с каждой долиной и тропинкой, с каждым ущельем, холмом и со всякой горой всей этой страны; с ее населением, как туземным, так и работавшим в египетских рудниках; с каждым источником и колодцем и с особенностями всякого рода, представляемыми местностью, что все вместе составляло, в высшей степени, важную подготовку к тому, чтобы вести народ, по освобождении его из Египта, к надежному пристанищу и великому святилищу будущей продолжительной стоянки. Кроме того, в эти годы душевного покоя его собственный дух, благодаря отрешенности от мира и тесному уединенному общению с Богом и природой, постепенно укреплялся и очищался.

Приготовление Моисея к его великому подвигу, как и для всякой высокой цели, совершалось медленно и постепенно. Но вот настало время, когда он, по намерениям Божиим, оказался готовым к великому делу, и удостоился откровения⁶². Первое откровение совершилось ему в пустыне Синайской, среди гор Хорива («сухих» гор, как вообще называются обширные высоты Синайской группы), когда он пас стадо своего тестя. Горы, которые, по свидетельству И. Флавия, даже в глазах арабских племен окружены были ореолом особенной святости и назывались «горами Божиими», с грозным величием смотрели на него со всех сторон. Он шел за своим стадом овец и коз, отыскивавших растительность по уступам скал, в ущельях узких долин или по берегу случайно попадавшихся ручьев, мало думая о том, куда оно приведет его. Дикая акация и терновник всякого рода покрывали кое-где обнаженные уступы и раскаленную почву оврагов. Но вот – вдруг пыл огня, подобный тому, который сожигал Израиля в горниле рабства, показался среди ветвей одного из находившихся пред ним терновых кустов: Моисей удивленно смотрит – «терновый куст горит огнем, но куст не сгорает». Когда он подошел поближе «посмотреть на это великое явление», из куста раздался голос, в котором он невольно узнал голос Бога. Повелев снять ему сандалии, ибо

место, на котором он стоял, было свято, таинственный голос открывал ему новые и теснейшие отношения Бога к Его избранному народу и возлагал на смущенного пастуха страшное поручение быть Его пророком и избавителем народа от рабства египетского. Открыв трепещущему Моисею свое страшное имя «Сущего» (Иеговы), Господь посылает его к народу с известием о предстоящем освобождении. «Иди к твоим братьям и сынам Израилевым», продолжал Божественный голос, «и скажи им: Иегова, Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова, послал меня к вам. Вот имя Мое на веки; так называйте Меня из рода в род». Все другие боги просто «элилим» – «ничто», не имеют бытия и суть только изобретение человека. Один Иегова самым именем Своим возвещал о Себе, что Он только Единый Сущий Живой Бог. Моисей должен был возвестить своим братьям, что этот Сущий Бог, помня Свой завет с Авраамом, готов был освободить их от рабства и привести их к горе, где именно этот Божественный голос так говорил, и Он там даст им законы как Своему народу, и поведет их затем в добрую землю, которую Он обещал отцам их.

Невольно устрашась поручения столь возвышенного и – вместе столь трудного, Моисей, естественно, желал получить особенное уверение в соприсутствии с ним Бога, прежде чем явиться пред лицо могущественного фараона или пытаться пробудить угнетенный народ от апатии. Но ему дается и это уверение. Откровение подтверждено было ему двумя знамениями, которые показывали, что он стоит в присутствии не только Сущего, но и Всемогущего Бога, и из которых каждое заключало в себе особое значение. Рука, пораженная проказой и затем опять исцеленная, указывала на силу, при помощи которой Моисей мог освободить народ, считавшийся у египтян прокаженным. Пастушеский посох, сначала превращенный в змея, бывшего египетским символом злого духа (Тифона), и опять превратившийся в свое прежнее состояние, сделался жезлом Моисеевым и жезлом Божиим, как бы скипетром в управлении вверяемым ему народом и орудием чудес, которые содействовали освобождению народа и поражали врагов его. Правда, Моисей чувствует еще одно препятствие к успешному

исполнению великого дела. Он не речист, косноязычен. Но и в этом ему дается уверение, что вместо него пред фараоном будет говорить брат его Аарон, и ему остается только действовать при посредстве его в качестве представителя Бога. Ему придется только руководить, а Аарон будет выражать его указания в надлежащих словах. По отношению к народу он должен был, так сказать, заменять Бога, а по отношению к Аарону быть тем же, чем Бог является по отношению к Своему пророку, которого Он вдохновляет. Таким образом, у него есть могущественный Защитник и Покровитель, который и будет главным Избавителем. Народ будет избавлен не искусством или умом предводителя, а только силою Иеговы. Это избавление должно быть настолько делом одного Иеговы, что народ должен был во все последующие века видеть в этом залог того, что Он избрал его Своим народом из чистой любви и сострадания к нему. Тогда Моисей решил возвратиться на берега Нила, тем более, что там уже «умерли все искавшие души его».

Когда Моисей отправился в путь, во время которого получил грозное внушение за упущение в совершении обрезания над своим сыном, то в пустыне у горы Хорива он встретился с своим братом Аароном, и эта встреча столь давно не видевших друг друга братьев не только взаимно ободрила их дух, но и наполнила их сердца радостью и упованием на Бога. Моисей рассказал своему возлюбленному брату о полученном им божественном посланничестве для совершения великого предприятия; с своей стороны, то же самое передавал и Аарон. Последний, постоянно живший с своим народом и близко знавший его жизнь и настроение, мог сообщить Моисею, что израильтяне, их братья, наконец, после долгих лет охлаждения, опять запылали ревностью к вере своих отцов, так что можно было надеяться на их содействие в исполнении всякого плана к быстрому освобождению их от рабства египетского и от близости ненавистного идолопоклонства. Доказательств этого не было надобности ждать долго. Все старейшины Израиля, будучи собраны на совещание и получив известие о приближающемся событии, с радостью приняли эту весть, и чрез них она с быстротою молнии облетела все колена, все племена и

семейства, народ поднял голову и исполнился радостью. Старейшины донесли великим братьям, что «народ поверил» им и возрадовался, что «Господь посетил сынов израилевых» чрез своих избранных посланников и в благодарственном уповании «поклонился». Тогда оставалось только сообщить волю Божию фараону и просить его об освобождении народа, и братья-освободители пошли пред лицо гордого монарха.

XVI. Ходатайство пред фараоном и казни египетские. Приготовление к исходу. Пасха⁶³

Когда Моисей снова явился на берегах Нила, то главного угнетателя народа израильского уже не было в живых и престол перешел к его наследнику – бесхарактерному, но жестокому деспоту, который своим упорством подверг страну ужасным бедствиям. Наиболее любимой резиденцией фараона этого времени был город Танис или Цоан, лежавший на одном из северных каналов Нила, в области Гесем. Это был город колонн, статуй, сфинксов и украшений всякого рода, какими вообще отличалась резиденция фараонов. Великолепные дворцы были местом постоянных придворных пиршеств и ликований, которые были в разительном противоречии с тем, что делалось за их стенами, где народ стонал от непосильных работ и повинностей. Представителем этого народа и явился во дворец Моисей с своим братом Аароном. При государственной беспечности фараона, едва ли имевшего возможность знать действительное состояние своего государства и судившего о нем только по окружавшей его придворной пышности и раболепству придворных льстецов, превозносивших славу и могущество фараонова престола, появление во дворце каких-то дерзких представителей ничтожного, презренного инородческого племени могло только вызвать у фараона улыбку презрения. На просьбу Моисея и Аарона отпустить израильский народ в пустыню для принесения жертвы Господу, фараон высокомерно, хотя и не без благодушия отвечал, что он не знает никакого их Господа и советовал бы им не предаваться праздным смутам в народе, а идти и заниматься своим собственным делом. «Зачем вы, Моисей и Аарон, отвлекаете народ мой от дел его? Ступайте на свою работу», сказал он, и с этим выпроводил ходатаев за угнетенный народ. Фараон, очевидно, не понимал еще всей важности готовящегося события, но видел, что в народе израильском началось какое-то незаконное движение. Движение это, думалось ему, происходило от праздности, и поэтому он велел усилить работы и повинности. Египетским надзирателям

запрещено было выдавать, рабочим даже солому для кирпичей, и народ должен был сам отыскивать ее для себя, теряя время, а между тем, от них требовали изготовления того же урочного числа кирпичей, подвергая жестоким побоям и наказаниям за всякий недочет в них. Народ возопил еще больше и выражал негодование даже на Моисея и Аарона, считая их прямыми виновниками своих усилившихся страданий. Тогда Бог, возобновив Свое обетование вывести народ в землю обетованную, дал Моисею и Аарону окончательное поручение ходатайствовать пред фараоном, предупреждая их о противодействии и упорстве последнего, но показывая вместе с тем, что все это послужит лишь к обнаружению всемогущества Божия и заставит самих египтян признать силу Иеговы. И вот братья-освободители опять явились во дворец, чтобы решительно потребовать отпущения народа, подтверждая свое право на то необычайными знамениями.

На этот раз фараон внимательнее отнесся к представителям израильтян, созвал придворный совет, чтобы официально выслушать их заявления. В доказательство правоты своего требования Аарон бросил свой жезл на пол, и он мгновенно превратился в змея, шипя и извиваясь. Как ни чудесно было это знамение само по себе, но для Египта в нем не было ничего необычайного. Оно, по-видимому, не особенно смутило фараона. Он позвал своих придворных волхвов Ианния и Иамврия, и они своими чарами сумели сделать нечто подобное. Таким образом, первым своим знаменем Моисей с своим братом не могли доказать необычайности своих полномочий, и жезл Аарона только в том отношении превзошел жезлы египетских волхвов, что, превратившись в змея, пожрал их. Фараон, очевидно, только с любопытством просвещенного деспота взглянул на этот – по его мнению – «фокус» представителей израильского племени и остался несомненно доволен подобным же искусством своих придворных волхвов. Об отпущении народа он и думать не хотел. Тогда над Египтом разразился ряд бедствий, которые по быстроте следования и величю были беспримерны в истории страны и по справедливости получили название казней египетских. Когда фараон решительно отказался

удовлетворить справедливую просьбу Моисея, страну постигло первое бедствие; вся вода обратилась в кровь⁶⁴. Все казни египетские имеют не просто стихийный характер, но религиозно-нравственный смысл. Они имеют целью не только сломить упорство жестокого правительства, но и подорвать в глазах народа значение его богов. Первая казнь была прямо направлена против главного божества страны, Озириса, как олицетворения Нила, который оказался бессильным защитить страну от этого бедствия, и жрецы его своими чарами могли только увеличить бедствия, обращая также воду в кровь, а не восстанавливая ее первоначального свойства. Вода оказалась негодною к употреблению, рыбы умирали в ней, и египтяне принуждены были рыть новые каналы, чтобы не погибнуть от жажды.

Вторая казнь⁶⁵, наслание жаб, также прямо направлена была к подрыву египетского идолопоклонства, именно культа богини Хект, «гонительницы жаб», изображавшейся с головой жабы. В известные периоды жабы во множестве появляются в Египте, особенно, когда Нил и его каналы во время высшего разлива заливают и наводняют все высыхающие, обыкновенно, болота и низменности. Жабы и лягушки всякого рода нарождаются мириадами, и древние египтяне обращались за помощью к богине Хект. Так было и теперь вследствие наказания Божия, но в еще более ужасной, небывалой степени. «Гонительница жаб» оказалась бессильною помочь беде, и жабы наполняли даже дома и постели, что было истинным бедствием для такого брезгливого и чистоплотного народа, как египтяне. Волхвы своим искусством только усиливали бедствие, которое, очевидно, было так необычайно и тяжело, что фараон принужден был обратиться за помощью к Моисею и Аарону. Тут он показал первый признак уступчивости, которая, однако же, скоро опять сменилась упорством высокомерного деспота.

В наказание за это последовала третья казнь⁶⁶ и притом уже без предостережения, которым сопровождалась первые две. Почва берегов Нила, как и все там, считалась священной, и ее боготворили под именем Себ или отца богов. Теперь она должна была подвергнуться осквернению. Вся земля обратилась в

мошек и разных насекомых. «И были мошки на людях и на скоте». Под мошками (скнипы), очевидно, разумеются не только безвредные, но и ядовитые насекомые, причинявшие страшные страдания не только людям, но лошадям и вообще скоту. Но, собственно, ядовитые насекомые явились вследствие четвертой казни⁶⁷, наведшей на страну «песых мух». Эти злые и ядовитые мухи тучами наполнили воздух и были истинным бичом для людей и для животных. Это была ужасная казнь и кроме нанесения телесных страданий, она вместе с предыдущей направлялась также к подрыву египетского идолопоклонства, в котором были и специальные «боги мух», как и во всех жарких странах древнего языческого мира. Боги эти считались защитниками страны от ядовитых насекомых всякого рода, и две последние казни доказывали их полное бессилие против бедствия. Едва страна успела вздохнуть от описанного бедствия, как ее постигла пятая казнь⁶⁸, именно моровая язва на скот. Опять и здесь покровители скота в Египте Озирис и Изида, также как и другие божества, оказались бессильными отворотить бедствие, и оно должно было тем большим ужасом поразить египтян, если от язвы погиб и боготворимый ими бык – Апис.

В шестой казни⁶⁹ карающая рука Божия ближе касалась уже самих людей. Брошенный Моисеем пепел произвел язву, поразившую не только скот, но и людей. Казнь эта также направлялась против египетского идолопоклонства. В различных египетских городах, посвященных богу Сет или Тифон, ежегодно приносились в жертву рыжеволосые люди из инородцев, и между ними, наверно, бывали и израильтяне. После сожжения их живыми на жертвеннике пепел их рассеивался жрецами в воздухе, как бы для очищения атмосферы от всяких вредных стихий. Теперь же пепел, брошенный Моисеем, произвел как раз противоположное действие и поразил язвою суеверных египтян, и особенно жрецов, для которых бедствие от нее было двойное, так как по закону оно делало их нечистыми и неспособными к отправлению своих жреческих обязанностей.

Как ни тяжелы были все эти бедствия, но они еще не могли сломить упорства высокомерного фараона и не могли заставить его исполнить просьбу Моисея. Тогда послана была седьмая

казнь⁷⁰ Это было около месяца марта. Ячмень колосился, лен цвел, а пшеница, рожь и полба еще только зеленели. Над полями пронеслась страшная грозовая буря, сопровождавшаяся опустошительным градом. Явление это было необычайным. Хотя гром и град не неизвестны в Египте весной, но они редко бывают сильными, и теперешняя сильная гроза с опустошительным градом должна была крайне усилить возбуждение и страх народа пред грозными явлениями, быстро следовавшими одно за другим и поражавшими страну различными бедствиями.

Восьмая казнь⁷¹ совершилась посредством наведения саранчи, самого страшного бедствия для земледельческой страны особенно уже значительно опустошенной градом. От Аравии до Индии и от Красного моря и Нила до Греции и северных пределов Малой Азии саранча есть истинный бич земледелия. Она летает такими тучами, что застилает солнце и дотла пожирает всю зелень, встречающуюся ей на пути. Неспособная управлять своими полетами, она несется по воле ветра, и горе стране, на которую она обрушивается. Она покрывает землю как снег; и будь страна раньше хотя садом эдемским, после нее будет представлять бесплодную пустыню. Ничто не в силах остановить ее полета. Зажигают огни, но они потухают от массы мертвых тел ее, а живая мириадами продолжает свой полет. В открытые двери и окна она набивается тысячами и съедает все, что сделано из дерева. Такое страшное бедствие постигло и Египет; и только когда саранча произвела свою опустошительную работу, сильный ветер с Средиземного моря снес и потопил ее в Красном море. Все эти бедствия, наконец, по-видимому, поколебали фараона. Он поспешно призвал к себе Моисея и Аарона и на этот раз уже с несвойственным ему смирением просил их простить его за отказ в их просьбе. Но как только прекратилось бедствие, в нем опять ожило высокомерие восточного деспота, и он поддался внушению жрецов, которые утверждали, что все эти бедствия – простое явление природы, и потому не следует на основании их государству лишаться такой многочисленной рабочей силы, какую представляли собой израильтяне для Египта. Впрочем,

другие из приближенных сановников фараона, более понимавшие нужды и состояние страны, по-видимому стали убеждать его уступить просьбе Моисея, так как иначе Египет погибнет. И фараон действительно сделал уступку, но с ограничением, чтобы на праздник в пустыне шли только одни мужчины, а остальные все должны были оставаться дома. «Я готов отпустить вас, но зачем с детьми? Видите, у вас худое намерение», сказал он и велел выгнать Моисея из дворца. Последовавшая затем казнь, однако, заставила его сделаться еще более уступчивым, и он уже позволял идти всем израильтянам, только бы остались дома стада, как залог того, что они возвратятся из пустыни. Но дипломатические переговоры, которые, однако же, обеим сторонам давали знать, что собственно разумелось под предлогом трехдневного празднования в пустыне в честь Иеговы, должны были принять теперь более крутой и откровенный оборот. Моисей отверг условие фараона и сказал, что он требует отпуска всех вообще израильтян со всеми их стадами до последнего копыта, ничего уже не говоря о продолжительности путешествия. Между тем страну постигла девятая казнь⁷². Солнце было верховным божеством Египта, и оно также должно было обнаружить свое бессилие пред всемогущим и грозным Иеговой. Страну покрыла непроницаемая тьма, продолжавшаяся три дня, так что люди не могли видеть друг друга, и должно было приостановиться всякое движение и всякая деятельность. Напутанный страшною тьмою, фараон еще раз выказал уступчивость. Но требование Моисея, чтобы народ взял с собою и все свои стада, опять пробудило строптивость разъяренного деспота, и аудиенция кончилась страшными угрозами фараона, что дерзкий нарушитель его спокойствия должен будет умереть, если только опять увидит лицо его. Но события приняли уже вполне решительный оборот, и Моисей мог с глубокой иронией ответить фараону, что он уже действительно не увидит лица его.

Великие исторические события не совершаются сразу. Прошло более поколения с того времени, как Моисей в неудержимом порыве благородного негодования убил египетского надзирателя за его жестокость к своему

соплеменнику. Он думал, что *«братья его поймут, что Бог рукою его дает им спасение»* (Деян. 7:25), и очевидно надеялся, что этот случай послужит для них сигналом к общему подъему на борьбу за свободу. Но цепи рабства въелись, так сказать, в самую душу этого народа, и он был глух к призыву освободителя, который сам должен был спасаться бегством от грозившей ему смертной казни. Это, однако же, не убило в нем надежды. В глухих ущельях Синайского полуострова в часы пастушеского досуга он жил своею великою мыслию, но осуществления ее должен был ожидать многие годы. Прошла вся молодость и борода покрылась снегом старости, и только тогда он получил божественное призвание к освобождению народа от рабства египетского, и тогда же с берегов Нила дошла до него радостная весть, что родной ему народ, под влиянием Аарона, наконец, воспрянул духом и готов был принять освободительную миссию двух братьев. Тогда-то и началась описанная выше борьба между представителями угнетенного народа и деспотическим угнетателем, – борьба, в которой такую грозную роль играли внешние бедствия, в быстрой последовательности обрушивавшиеся на страну. Последнее страшное явление более всего навело ужас на суеверных египтян, и приближенные сановники более чем когда-нибудь умоляли фараона отпустить этих презренных рабов, Но слабохарактерный и, вместе с тем, высокомерный деспот, соглашаясь уступить, в то же время опять переменял свое мнение и дождался того, что страну его постигло новое бедствие, еще более ужасное, чем все предыдущие, и притом такое, которое лично коснулось самого фараона.

Моисей уже предвидел неминуемый исход борьбы и велел всем готовиться к выступлению. Народ должен был запастись всем, что могло понадобиться в пустыне. Жизнь в Египте познакомила израильтян с ремеслами и занятиями этой цивилизованной страны, так что они в культурном отношении стояли гораздо выше, чем простые номады или пастухи, и потому могли сразу основать благоустроенное государство в Палестине. Но рабская жизнь, естественно, не могла способствовать благосостоянию экономическому. В течение

долгого времени они, будучи даровыми рабочими, не получали никакой платы за свой труд, и поэтому, если и были некоторые счастливые исключения людей, сумевших накопить богатства, то масса была крайне бедна. Теперь, перед уходом из страны, народ должен был, так сказать, сразу взять у египтян плату за свой вековой труд, и каждый должен был выпросить у знакомых египтян все, что может оказаться необходимым в пустыне – одежды, украшения, сосуды и тому подобные вещи. С массой собственно египетского народа израильтяне жили в дружественных отношениях, так как почти одинаково несли тяжкую долю рабства, но последние события заставили и высшие классы снисходительнее и добрее относиться к израильтянам, и потому все охотно давали им свои вещи.

Наступила последняя роковая ночь, последняя ночь рабства перед зарей свободы. Память о ней необходимо было увековечить в народном сознании⁷³. Народ должен был бодрствовать в эту ночь, и совершить торжественный обряд в знак своего освобождения. Несомненно, израильтяне и прежде имели годовые праздники, совершавшиеся весной. Теперь установлен был новый праздник, как знамение великого исторического момента в жизни нарождающегося народа, именно праздник Пасха, и Моисей повелел праздновать ее с такими обрядами и в такой обстановке, которые навсегда запечатлелись бы в народной памяти. Отселе с месяца Авива (Нисана) должен был начинаться новый год, и в четырнадцатый день его должна ежегодно совершаться Пасха. Каждый дом должен совершать ее отдельно, убивать ягненка и есть его с пресным хлебом и горькими травами так, чтобы вместе чувствовалась и сладость свободы и горечь испытанного рабства. Все должны были есть ее наготове к отправлению, стоя с посохами в руках, в сандалиях, с поясами и сумками, есть «с поспешностью», как требовалось особенностями исторического момента освобождения народа. Никто не должен был выходить из дома, а быть наготове – по первому знаку собираться под знаменами своих частей для выхода из страны рабства. Страшная торжественность этой ночи и этого обряда усиливалась кровавыми знаками на дверях, дававшими знать,

что в эту ночь совершится последняя казнь над деспотической страной.

И казнь совершилась⁷⁴. Заря, засиявшая для израильтян лучами свободы, осветила для египтян то ужасное бедствие, которое разразилось над ними в эту ночь. «И сделался великий вопль во всей земле египетской: ибо не было дома, где не было бы мертвеца», и в самом дворце фараон оплакивал своего наследника. Ангел смерти порастил всех первенцев египетских «от первенца фараона, сидевшего на престоле своем, до первенца узника, и все первородное из Египта».

Последнего удара не выдержало высокомерие фараона. Узнав о страшном бедствии, постигшем страну и его собственный дом, он еще ночью призвал Моисея и Аарона и с отчаянием сказал им: «встаньте, выйдите из среды народа моего, – возьмите все и идите, и благословите меня», как бы сквозь слезы добавил убитый горем фараон. Теперь уже и сами египтяне, пораженные ужасом, торопили израильтян к выходу из страны: иначе, говорили они, «мы все помрем». И народ двинулся в путь, собираясь под знаменами своих старейшин и сосредоточиваясь вокруг, главного знамени, где находилась душа всего движения – вождь и освободитель народа Моисей.

XVII. Исход из Египта. Переход чрез Чермное море⁷⁵

Исходным пунктом движения был Раамсес, один из тех «городов для запаса», которые построены были каторжным трудом израильтян. Почувяв свободу, народ бодро устремился в путь. У него всего еще было вдоволь, он не имел и понятия о тех лишениях и нуждах, которые предстояли ему, и был одушевлен единственною мыслью о той обетованной земле, что течет молоком и медом, и желал бы, чтобы его прямо вели туда.

Это последнее желание, по-видимому, исполнялось, когда после короткого отдыха в сборном стане вожди повели народ прямо на палестинскую дорогу и, пройдя по направлению к востоку около двадцати пяти верст по линии канала с пресной водой, идущего к одному из горьких озер, – остановились станом в Сокхофе или Суккоте – «палатках», где, вероятно, была стоянка какого-нибудь пастушеского племени. Воды было достаточно по всему пути, но многие женщины, наверно, уже отставали, дети истощались и заболели, скот измучивался и падал, – неизбежное явление в массовом и, притом, поспешном движении. Кроме того, видимо, робость заползала в души менее отважных мужчин, когда они невольно вспоминали, что перед ними тянется укрепленная сплошная стена, и прежде, чем проникнуть за нее в вольную пустыню, им придется встретиться с хорошо вооруженными и дисциплинированными войсками, охранявшими эту укрепленную стену.

На следующей день пришлось остановиться уже в виду фортов Ефама, одной из крепостей этой стены, «на краю пустыни» того же имени. При виде грозных бастионов крепости страх разросся еще больше, и хотя израильтяне находились еще на египетской почве, но между ними слышались уже голоса, выражавшие сожаление, что оставили Египет: лучше было бы рабствовать там, чем умирать в пустыне. Моисей, однако же, знал не только характер своего народа, но также и то, с чем ему приходилось встретиться на пути. Прежде всего он подвергся бы нападению со стороны гарнизонов пограничной египетской укрепленной стены; но если бы ему удалось прорваться чрез эту стену, то с другой стороны на него не замедлили бы напасть

находившиеся в союзе с Египтом князья филистимские, которые не преминули бы поживиться за счет такой большой добычи. Нужно было избежать всего этого. Поэтому Моисей, руководимый чудесно предшествовавшим ему столпом облачным днем и столпом огненным ночью, повернул от Ефама на юг и повел свой народ параллельно со стеной, на некотором расстоянии от нее. Движение это было крайне поспешное, так как крепостные войска во всякое время могли сделать нападение, и поэтому во время пути пришлось иметь меньше отдыха, чем бы следовало. Наконец, неподалеку от Чермного моря они достигли места под названием Пигахироф – «место, где растет тростник» («между Мигдолом и между морем, пред Ваал-Цефоном»). Там они могли раскинуть палатки и отдыхом подкрепить свои силы среди обильных родников пресной воды и прекрасных пастбищ. В таком движении виден глубоко обдуманый план. Подступ к крепости Ефам и затем быстрое отступление от нее и исчезновение в пустыне могли заставить начальников крепостей предполагать, что Моисей оставил намерение прорваться чрез крепостную стену, потерял дорогу и заблудился в пустыне. Когда об этом донесено было фараону, то и у него могло явиться предположение, что бежавшее от него рабы «заблудились и пустыня заперла их».

Известия из пограничных крепостей в то же время должны были показать фараону, что у Моисея действительно было намерение окончательно вывести свой народ из Египта, а не просто временно побыть в пустыне с целью совершения религиозных обрядов и празднеств, как он, при своем презрительном взгляде на неспособность рабского племени к возвышенной идее свободы, мог предполагать и после всего, что произошло между ним и Моисеем. «Что это мы сделали?» гневно сказал он теперь окружавшим его сановникам. «Зачем отпустили израильтян, чтобы они не работали нам?» Он с крайней неохотой отпустил их даже в пустыню на религиозный праздник, – отпустил только потому, что не мог не отпустить. Теперь же, когда стало известно, что эти рабы решились совсем бежать из страны, надо остановить их, воспрепятствовать им во что бы то ни стало. Правда, они уже были довольно далеко; но у

него была конница, которая могла догнать их. Быстро поэтому он приказал снарядить погоню. В качестве передового отряда высланы были шестьсот лучших колесниц, за которыми двинулись и главные силы. Египетские фараоны были страстные любители конницы, которая была их гордостью и славой. На нее шли огромные издержки, так как каждый воин имел особую колесницу, запряженную парой красивых, сильных и быстрых коней. Пылая мщением к презренным беглецам и предвкушая удовольствие грозного налета молниеносной конницы на пораженных ужасом израильтян, фараон сам отправился во главе передового отряда⁷⁶.

Между выходом израильтян и погоней за ними, однако же, по необходимости должно было пройти довольно много времени. У египтян так велико было почтение к умершим, что самые важные государственные обстоятельства не могли нарушить всего обрядового церемониала, который совершался фараоном в честь своего умершего сына-наследника. Кроме того, и в семействах воинов также совершались подобные же обряды над умершими первенцами. По придворному церемониалу для оплакивания сына фараонова требовалось до семидесяти двух дней, и в это время отлагались все остальные дела. Но если фараон принужден был долго откладывать преследование, то теперь тем быстрее он должен был пуститься в погоню за беглыми рабами. Он быстро снарядил свою грозную конницу, и военные колесницы вихрем понеслись своими великолепными скакунами, которые, по выражению одного древнего египетского памятника, «были быстры как шакалы, с огненными глазами и с яростью подобно урагану, все разрушающему». Бедственная участь израильтян казалась неизбежною. Они между тем, снявшись станом, медленно подвигались к Чермному морю. Слышен был уже прибой волн на морском берегу, когда вдруг позади на небосклоне показались облака пыли, дававшие знать о преследовании. Ужас объял всех, и опять начался отчаянный ропот малодушных на своего вождя. Ввиду неизбежной гибели ропот превратился в обвинения, в которых звучала горькая усмешка отчаяния. «Разве нет гробов в Египте, что ты нас привел умирать в пустыне?» роптал народ. Что это ты сделал с

нами, выведши нас из Египта? Не говорили ли мы тебе в Египте: оставь нас, пусть мы работаем египтянам? Ибо лучше нам быть в рабстве у египтян, чем умереть в пустыне». В этом ропоте слышалось злобное малодушие рабов, для которых цепи рабства милее, чем свобода, достигаемая отвагой и мужеством. Можно представить, как тяжело было положение Моисея. Но великий вождь, спокойный даже в присутствии страшной опасности, сумел вовремя успокоить тревогу, пока она еще не перешла в губительную панику. «Не бойтесь, стойте!» – громовым голосом сказал он: «Господь будет побороть за вас, а вы будьте спокойны». Слова эти успокоительно подействовали на массу, и она стала ожидать своей участи, которая, несомненно, должна была скоро решиться. Море бурно волновалось впереди, а сзади уже показывались передовые ряды преследователей. Опасность была страшная, но Господь услышал вопль Моисея и повелел народу идти вперед, несмотря на бушующие волны, обещая, что море расступится перед ними и представит широкий путь для прохода. И первым знаменем этого покровительства было то, что Ангел Господень и столп облачный, двигавшиеся впереди стана, теперь стали позади его, чтобы укрыть народ от египтян.

Настала ночь – темная и бурная. По указанию Божию Моисей простер руку свою на море, и сильный северо-восточный ветер с такою яростью стал гнать воду, что море сделалось сушею: «и расступились воды. И пошли сыны Израилевы среди моря по суше; воды же им были стеною по правую и по левую сторону», защищая боковые подступы к переходу. Буря настолько задержала в таком положении воду, что израильтяне успели перебраться на ту сторону моря со всеми своими стадами, естественно, торопясь под влиянием страха надвигавшейся погони.

Несомненно, это была страшная ночь, как можно видеть из описаний ее псалмопевцем, воспевавшим это достопамятное событие столетия спустя: *«Облака изливали воды, тучи издавали гром, и стрелы Твои летали, и глас грома Твоего в круге небесном, молнии освещали вселенную; земля содрогалась и тряслась»* (Псал. 76:17–19). Только что израильтяне успели перебраться на восточный берег, как у

западного берега показались и египтяне. Что им было делать? Сразу ли броситься по тому пути, по которому перешли израильтяне, или поискать обходного пути, чтобы перенять беглецов сухим путем? Воины и лошади были утомлены усиленным маршем, и ночь была страшно темная. Но в стане израильтян светился столп огненный, показывавший, что они недалеко, и фараон решился тотчас же преследовать добычу. Думая, что буря еще долго будет сдерживать воду и видя добычу так близко, он не послушался благоразумия и с своей конницей ринулся вброд, направляясь по указанию сигнального огня, который должен был обозначать место нахождения самого вождя беглецов. Между тем, по описанию Иосифа Флавия, разразился страшный бурный ливень, с громом и молнией, и вместе с порывистым ветром заставил невольно смутиться гонителей, которые, в то же время, видя огни, зажигающиеся в различных местах среди израильтян для указания пути отдельным частям, потеряли прямое направление и в смятении кое-как ощупью пробирались по дну. Но вот, когда войско уже находилось среди перехода, ветер, по чудодейственному мановению руки Моисея, мгновенно переменял свое направление и с прежнею яростью подул со стороны моря. Долго сдерживавшаяся им вода теперь тем яростнее ринулась к берегу, и пенистые волны стали заливать место перехода. Идти вперед поэтому было невозможно; но то же самое и назад, потому что колеса вязли и заседали в песке; от сильных порывов взбешенных коней оси ломались, и воины падали в воду. При виде наступающих волн ужас объял египтян. Но спасение было уже невозможно. Юго-западный ветер с дикою силой дул из ущелий соседних гор и яростно гнал воду, которая все более и более затопляла место перехода. На нем в отчаянии боролись египтяне. Отчаянные крики погибающих людей и храп испуганных лошадей, бессильно бившихся в упряжи засевших в песке колесниц, представляли (как естественно предположить) страшную картину, усиливаемую непроницаемой тьмой ночи и ревом разъяренной стихии. Но борьба была непродолжительна. Стихия одолела, и поутру

берега были усеяны трупами погибших в ту ночь египтян, среди которых, вероятно, был и сам фараон.

Близ того места, где израильтяне вышли на восточный берег Чермного моря, от берега идет равнина, ведущая к плодородному оазису, известному еще и теперь под названием Айюн-Муса, «Источники Моисеевы», на расстоянии четверти часа пути от берега. Здесь-то, наверно, и расположились израильтяне после чудесного перехода Чермного моря. Чудесное избавление от страшной опасности привело их в неописуемый восторг. Этого спасение никак нельзя было приписать самим себе; оно было в собственном смысле чудесно, и народ ликовал, прославляя Иегову и своего доблестного вождя Моисея. Иегова, очевидно, есть Бог превыше и все сильнее всех богов. Все сердца были переполнены восторженной благодарностью к Богу. В такие великие исторические моменты народная душа изливается в дивно-поэтических творениях, и душа израильского народа вдохновенно выразилась в той хвалебной песни, которая сделалась историческим заветом народа и послужила основой для его религиозной и гражданской поэзии во все последующие века.

Моисей и сыны Израилевы воспели Господу песнь сию,
Пою Господу, ибо Он высоко превознесся,
Коня и всадника его ввергнул в море.
Господь моя крепость и слава:
Он был мне спасением,
Он Бог мой, и прославлю Его,
Бог отца моего, и превознесу Его⁷⁷.

По окончании великой исторической песни началось простое народное ликование и празднество. Мариам, достойная сестра великих братьев-освободителей, образовала хороводы и с тимпаном в руках вдохновляла женщин и дев к пляскам, песням и играм. Это был самый счастливый день в истории избранного народа.

Такое необычайное событие, конечно, не могло пройти незамеченным в тогдашнем мире, и предания о нем долго сохранялись у соседних народов. Племена к востоку от Чермного моря, говорит Диодор Сицилийский, бывший в Египте

незадолго до Рождества Христова, «имеют предание, передающееся в течение веков, что однажды вес залив во время сильного отлива обнажился от воды, которая стенами стояла по обеим сторонам, делая видимым дно». Греко-иудейский писатель Артапан, живший также незадолго до Рождества Христова и написавший книгу об иудеях, отрывки которой сохранены Евсевием Кесарийским, говорит, что «жрецы Мемфиса обыкновенно рассказывали, что Моисей тщательно изучил время отлива и прилива Чермного моря и провел через него народ свой, когда мели совсем обнажились. Но жрецы Илиопольские рассказывают эту историю иначе. Они говорят, что когда царь египетский преследовал иудеев, то Моисей ударил воды своим жезлом и они расступились так, что израильтяне могли пройти как по суху. Когда же египтяне решились вступить на этот опасный путь, то были ослеплены огнем с неба, море ринулось на них и они все погибли частью от молнии, частью от волн».

Знаменитый египтолог Бругш высказал новую теорию касательно места исхода, возбуждавшую значительный интерес в ученом мире. Он предполагал, что израильтяне пошли не южной дорогой к Чермному морю, как описано выше, а к северо-востоку, по направлению к Пелузию. Ва-ал-Цефон, по его мнению, был храм на горе Касие, уже за египетской пограничной стеной, в направлении к Ханаану. Так как эта дорога ведет уже не через Чермное море, а гораздо севернее его, то, по мнению Бругша, вместо библейского «Чермное море» нужно читать «Травное море», каковое название давалось не только заливам Чермного моря, наполненным водорослями, но и, главным образом, широким и страшным топям, известным под названием Сирбонских озер, между Пелузием и Гесемом, у берега Средиземного моря. Между этими озерами и Средиземным морем и теперь еще проходит узкая береговая полоса, которая, по-видимому, может служить путем сообщения между Египтом и Палестиной, но во время бурь заливается волнами моря. Этим-то путем и проведены были, по его предположению, израильтяне, между тем как во время прохода войска фараонова поднялась буря, которая стала заливать береговую полосу,

вследствие чего войско пришло в смятение и ужас, потеряло свое настоящее направление и погибло в волнах. – Как ни остроумна эта теория сама по себе, но принять ее невозможно, и не только потому, что она далеко отступает от библейского текста, но и потому, что новейшие исследования совсем не подтверждают ее. Дело в том, что проход по этой береговой линии невозможен, так как в некоторых местах она совершенно прерывается. Быть может, берег с того времени совершенно изменился; но и в таком случае кажется невероятным, чтобы Моисей повел свой народ этим путем, так как тут он был бы принужден прорваться чрез укрепления Пелузия, как раз запиравшие выход из страны в этом месте.

XVIII. Странствование израильтян по пустыне до Сина⁷⁸

Снявшись со своего стана в Айюн-Мусе, народ израильский под покровом Божиим и водительством Моисея двинулся по направлению к югу – вероятно тем путем, которым и теперь ходят караваны из Египта к Синаю и в Аравию, неподалеку от морского берега, по пустынной кремнистой дороге. Чем дальше, тем местность становилась волнообразнее и гористее. Это была пустыня Сур. В течение трех дней народ тяжело двигался вперед, подкрепляясь запасенной в кожаных мехах водой; но последняя, наконец истощилась, и мука жажды начала сказываться на всех. Это было неутешительным началом для новой свободной жизни и резко противоречило с тем, что израильтяне, вероятно, ожидали после своего чудесного избавления от фараона. Наконец они прибыли в долину Хувар, известную тогда под названием Мерра («Горечь»), и в ней нашли воду; но она оказалась слишком соленой и горькой⁷⁹. Их нравственное воспитание уже началось. Иегова спас их при Черном море и хотел приучить их уповать на Него и в будущем. Но это был тяжкий урок и народ опять разразился громким ропотом против Моисея. Это было действительно страшное испытание их надежды на невидимого Вождя и Покровителя. Но помощь была близка, если бы только у них побольше было терпения и самоотречения. «Моисей возопил к Господу, и Господь показал ему дерево, и он бросил его в воду, и вода сделалась сладкою», так что народ с приятностью утолял свою жажду.

Направляясь отсюда дальше на юг, израильтяне следующий стан свой устроили при Елиме – «деревах», в местности, называемой так от семидесяти финиковых пальм, орошавшихся двенадцатью родниками⁸⁰. Местность эту отождествляют с теперешней долиной Гурундель, которая и доселе служит приятной стоянкой для караванов, наполняющих здесь свои кожаные мехи свежей родниковой водой и отдыхающих под тенью пальм. Дальнейший путь шел по местности обнаженной,

холмистой и трудной для путешествия, и народ рад был, когда впереди показалась синева моря, на берегу которого и был раскинут стан. Направление это было, вероятно, избрано частью для того, чтобы народ вздохнул свежим морским воздухом после палящего и душного зноя пустыни, а также, быть может, и для того, чтобы воспользоваться всем, что мог предоставить в распоряжение народа находившийся здесь египетский порт – запасы пищи и предметов, которые могли оказаться полезными в пустыне.

Дорога от приморского стана шла на некотором расстоянии вдоль берега. Оставив высокие меловые утесы ва-ди-Тайджибех⁸¹, израильтяне вступили на равнину Мургаб, называемую в книге Исход пустыней Син, которая тянется вдоль берега; это кремнистая и почти совершенно лишенная всякой растительности местность. Даже зимой зной здесь ужасный, а израильтяне проходили по ней уже полною весною. Даже бедуины, обыкновенно легко сносящие зной, чувствуют здесь особенную тяготу. Можно представить, с какими тягостями сопряжено было здесь путешествие для огромной массы израильтян, устало тянувшихся с женами, детьми, стадами всякого скота и громадным обозом. К общим тягостям прибавилось то, что запасы пшеницы, муки и пищи всякого рода, захваченные из Египта (очевидно, огромные, если они велись так долго), наконец начали истощаться, несмотря на пополнения, произведенные во время стоянки у египетского порта. Прошло уже шесть недель со времени перехода Чермного моря, и им постоянно приходилось выносить только тягости в пустыне, где они мечтали о «свободе». Еще недавно они едва не погибли от жажды; теперь угрожал им голод, и ввиду новой опасности забыто было так недавно совершенное пред ними чудо. Против Моисея и Аарона опять поднялись ожесточенные крики, и в толпе стали раздаваться возгласы горького сожаления, что народ не остался в рабстве на берегах Нила, где он сидел у котлов с мясом и ел хлеба досыта. Неблагодарный и грубый народ, приученный вековым рабством полагаться в отношении своего пропитания на заботу господ, не хотел знать, что свобода требовала от него мужества и самостоятельности и была

неразлучна с испытаниями. Но он должен был убедиться, что Моисей, во всяком случае, освободил его не для голодной смерти в пустыни и потому скоро открыл ему новые, необычайные для него, чудесные источники пропитания. Вечером того же дня вся местность около стана покрылась стаями перепелов, а на следующее утро появилась манна на всем окружавшем их пространстве⁸². Манна отселе служила для них насущным хлебом до самого вступления в землю обетованную. В вечное воспоминание об этом чудесном хлебе, одна мера (гомор) манны была впоследствии поставлена пред ковчегом, для доказательства будущим поколениям о том чудесном промыслении, которое Бог имел о своем избранном народе в пустыне⁸³. Правила собирания и пользования манной должны были приучать народ не заботиться много о вещественном, полагаться на провидение Божие, а отсутствие ее падения по субботам служило указанием на необходимость соблюдения субботы как дня покоя, посвящаемого на служение Богу. Пропитание манною было столь необычным явлением, что впоследствии оно сделалось синонимом питания божественным словом, и сама манна стала прообразом Христа, Слова Божия, который пришел с неба как хлеб жизни, чтобы дать жизнь всем верующим в Него.

Из пустыни Син Моисей повел свой народ в сторону от приморского берега. Местность эта еще ужаснее и безотраднее, так что римляне, проходя по ней во время своих воинских походов, ужасались пустынной дикости этих голых, утесистых гор. Народу приходилось то двигаться по тесным ущельям, то взбираться на скалы, то спускаться в овраги – по ужасной, усеянной камнями дороге. Но тяжесть пути вознаграждалась тою целью, достижение которой имелось в виду. Неподалеку, именно у горы Дофки, называвшейся у египтян Та-Мафной, находились знаменитые египетские рудники, которые служили главным источником добывания серебра, золота и других металлов для Египта. Рудники эти разрабатывались каторжным трудом ссыльных, которых партиями отправляли сюда, заковывали в цепи и принуждали к насильственным работам. Во времена фараонов-угнетателей они переполнялись каторжниками и

между ними, несомненно, было множество израильтян, которых жестокое правительство партиями ссылало сюда для ослабления молодого народа, становившегося опасным для государства. Египетский историк Манефон рассказывает, что фараон Аменофис сослал таким образом в рудники и каменоломни до восьмидесяти тысяч «прокаженных», как несомненно назывались израильтяне, не соблюдавшие египетских законов о чистоте. Поэтому, направляясь сюда, Моисей мог иметь в виду не только воспользоваться египетским провиантом и добычей золота и серебра в этих рудниках, но и, главным образом, освободить своих страждущих братьев. Небольшой египетский гарнизон, конечно, не мог оказать большого сопротивления и при приближении народа должен был удалиться.

От египетских рудников народ прошел по долине Мокаттеб, где был стан Алуш. Долина эта известна множеством надписей на скалах и целых изображений, представляющих картины странствования какого-то племени (и уже древнее предание видело в этом племени израильский народ).

Большой стан затем был в Рефидиме, самое название которого (место остановки) показывает на продолжительное пребывание в нем. Здесь опять возник ропот по случаю отсутствия воды, и Моисей ударом жезла чудесно источил ее из скалы. Чудесно открытый источник, по-видимому, сделался постоянным, и из него израильтяне пользовались водой во все время пребывания у Синая. Источник этот, по учению ап. Павла, был прообразом Христа, источающего жизнь вечную⁸⁴.

Но израильтянам приходилось бороться не только с тягостями пути и недостатками природы, но и с враждебными племенами. Когда они находились еще в Рефидиме, у долины Фейран, местные жители вознамерились оказать им сопротивление⁸⁵. Это было племя бедуинов, известное под именем амаликитян, самое сильное племя Синайского полуострова в то время. В зимнее время они, обыкновенно, жили в южных пределах полуострова, а к лету передвигались на север, именно в окрестности долины Фейран, где находили хорошие пастбища для своих стад. Им, поэтому, было крайнею,

жизненную необходимость прогнать отсюда вновь вторгшийся народ, который мог отбить у них пастбища. Будучи издавна данниками фараонов, они теперь соединились с египетским гарнизоном, отступившим от рудников Дофки, и совместно ударили на пришельцев. Время и место было выбрано чрезвычайно удачно для них. Народ израильский был крайне истощен тягостями пути и невзгодами, значительно даже деморализован ропотом и неудовольствиями на своего вождя, которого только что пред тем грозил побить даже камнями. Местность была стиснута гранитными скалами, затруднявшими более или менее правильное военное действие, и жар палил невыносимый. Минута была критическая. Правда, израильтяне были гораздо многочисленнее своих врагов, но самая их многочисленность со своими женами, детьми и стадами была их главной слабостью, потому что скорее могла вызвать панику в народе. Моисей быстровзвесил все обстоятельства и распорядился оставить весь обоз с женами и детьми позади, а из колен выбрал наиболее сильных и храбрых воинов, которые должны были сразиться с амаликитянами. Отряд был отдан под начальство Иисуса Навина, – имя которого тут впервые появляется в летописях истории. Соединившись с некоторыми более дружественными племенами, искавшими, в свою очередь, союза с израильтянами против угнетавших их амаликитян, именно с кенеями и мадианитянами, израильтяне нанесли полное поражение своим врагам. Сам Моисей во время битвы стоял на горе, наблюдая за ходом сражения и придавая чудесную силу своим воинам поднятием своих рук, знаменовавших силу молитвы и прообразовавших силу креста. На месте победы Моисей воздвиг жертвенник под названием Иегова Нисси (Господь знамя мое), и получил обетование об окончательном истреблении амаликитян за их коварное нападение на избранный народ.

Вскоре после поражения амаликитян Моисей был обрадован приятной встречей, которая должна была ободрить его в страшных трудах и испытаниях⁸⁶. Отправляясь в Египет, он оставил свою жену Сепфору с двумя сыновьями у тестя своего Иофора, для безопасности. Теперь, когда он опять был близ

священной горы, ему пришлось вновь увидеть свое маленькое семейство, приведенное к нему тестем. Узнав о его приближении, Моисей вышел к нему навстречу, преклонился пред ним на колена, прикоснулся головой земли, поцеловал у него сначала руку, а затем, поднявшись, поцеловал его в обе щеки и, приветствуя друг друга по всем правилам восточной любезности, они оба вошли в шатер. Тут Моисей рассказал Иофору о всех событиях, сопровождавших избавление народа, и о всех трудностях, которые встречались им на пути. Принесено было благодарственное всесожжение в жертву Богу, устроено угощение, на котором в присутствии Аарона и старейшин заключен был формальный союз между израильтянами и мадианитянами, связавший оба народа узами дружбы, редко нарушавшимися в течение последующей истории.

Пребывание Иофора в израильском стане ознаменовалось важным преобразованием в гражданском устройстве народа. До этого времени у народа совсем не была устроена судебная часть – по разбирательству возникавших дел и тяжб. Со всеми делами непосредственно обращались к самому Моисею, который поэтому и должен был с утра до ночи заниматься разбором бесконечных тяжб и дел. Такой порядок вещей был крайне утомителен для вождя и неудобен для народа. Опытный глаз Иофора тотчас же усмотрел ненормальность такого положения, и он предложил Моисею такое устройство судебного дела, чтобы до него доходили только наиболее важные дела. Он должен был разделить весь народ на определенные части и над каждой частью поставить начальника, к которому и обращалась каждая часть для разбора возникающих в ней дел. Таким образом, явилась та стройная десятичная система народных начальников, которая так много содействовала правильной общественной жизни народа. И были избраны тысяченачальники, стона начальники, пятидесятина начальники и десятиначальники, которые и ведали дела своих частей. Только крупные дела представлялись на разрешение Моисея, который таким образом освобожденный от мелочных дел, мог всецело посвятить себя высшим интересам народной жизни.

По возвращении Иофора к своему племени израильский народ двинулся дальше. В отдалении уже виднелись величественные высоты Синайских гор, где должно было совершиться великое не только для израильского народа, но и для всего человечества, событие, именно провозглашение и дарование божественного Синайского законодательства. К этим-то высотам и повел теперь Моисей освобожденный им народ.

ХІХ. История дарования Синайского законодательства. Золотой телец. Скиния. Священство. Исчисление народа⁸⁷

От Суэцкого залива, где израильяне перешли чрез Чермное море, до Синая всего только около двухсот пятидесяти верст, считая все извилины пути, но только в третий месяц по выходе из Египта они могли, наконец, раскинуть свои палатки под сению священной горы. Под именем Синая, собственно, разумеется целая группа гор, отдельные отроги которой носят различные названия, и определить, какая из них именно была горою законодательства, составляет трудный вопрос науки. Самая величественная из них есть гора Сербал, но перед нею нет такой равнины, на которой мог бы расположиться станом народ. Поэтому в последнее время большинство исследователей начинают склоняться в пользу той горы, которая называется Рас-Сафсафех. Она почти так же величественна, как Сербал, но с тою разницею, что пред ней расстилается обширная равнина Эр-Раха («Ладон»), на которой мог помещаться народ, и вообще, особенности этой горы более соответствуют подробностям библейского повествования. С равнины Эр-Раха открывается величественное зрелище, лучше которого и трудно было избрать для великого события – нравственного возрождения народа. Перед станом в страшном величии возвышалась священная гора, гранитные скалы которой отвесными утесами возносятся к небесам и с равнины представляются подобно исполинскому алтарю, неприступному престолу Всевышнего, голос которого мог разноситься далеко по всей равнине, лежащей внизу. У подошвы ее проходит наносная плотина, как раз соответствующая той «черте», которая должна была воспрепятствовать народу «прикасаться к подошве горы», и самая подошва так отвесна и крута, что к ней действительно можно прикоснуться как к стене. Равнина закрыта и стеснена горами со всех сторон, но в одном месте она представляет большой выступ, за которым народ, не вынося грозных явлений на горе, мог «отступить и стать вдали». Небольшое возвышение

при входе в равнину носит имя Аарона, и по преданию это то самое место, откуда Аарон смотрел на празднество в честь золотого тельца. Па вершину горы ведет тропинка и она имеет особенность, близко соответствующую библейскому повествованию, по которому Моисей, сходя с горы, слышал крик в стане, но не видел самого стана и того, что в нем делалось. Действительно, всякий сходящий с этой горы по тропе, ведущей с нее в равнину, может слышать звуки, разносящиеся по безмолвной равнине, но не видит самой равнины, пока окончательно не сойдет с горы, как это именно и было с Моисеем. Затем поблизости находится и источник, который мог быть именно тем «поток», в который рассыпан был истертый в прах золотой телец. Наконец, самая равнина, бывшая местом стоянки народа в течение почти целого года, изобилует и пастбищами, которые в прилегающих долинах (вади) отличаются особым богатством. Сюда-то Моисей, для которого известны были здесь всякая тропа и всякий источник, привел народ свой. В народе эта местность должна была возбуждать тем более благоговейное настроение, что эта группа гор издавна считалась священной, и даже в настоящее время около нее ежегодно совершаются религиозные празднества местных арабов, поддерживающих предания глубокой старины.

Расположившись станом на этой равнине, израильтяне, по внушению Моисея, должны были приготовиться к великому событию. Иегова избавил их от рабства, имел особенное попечение о них в пустыне, «носил их как бы на орлиных крыльях и принес их к Себе», к Своему святилищу, чтобы и их освятить и сделать Своим «избранным народом», «царством священников и народом святым», особенным представителем истинной религии в мире. Освящением и строгим воздержанием израильтяне должны были сделать себя достойными и способными воспринять тот завет, который Иегова хотел заключить с ними. С напряженным вниманием и трепетным сердцем народ ожидал этого события. Наконец утром, на третий день, густое облако покрыло вершину горы, заблистала молния, пронизывая гору и превращая ее в объятую пламенем печь, загрохотали удары грома, раскатываясь от утеса к утесу и

повторяясь в многократных отголосках. Казалось, вся природа вышла из своего обычного течения и ждала чего-то великого. «И вострепетал весь народ», и с замиранием сердца смотрел на величественно-страшное зрелище. Но как ни величественно было самое зрелище, еще возвышеннее были слова, которые среди громовых раскатов и молний на горе, куда удалился Моисей, доносились до слуха народа. Слова эти были просты и общедоступны, но исполнены такого глубокого значения, что легли в основу всякой нравственности и всякого законодательства. Это было знаменитое десятословие, те десять заповедей, из которых в каждой открывалась вековечная истина⁸⁸.

В первой из них открывался народу Сам Иегова, как Бог, чудесное водительство которого израильтяне уже знали и могущество которого проявлено было ради них: это Он вывел их из Египта, открыл им путь по морю и ниспроверг могущество фараона и его воинства. Он не простое изобретение воображения, не простой символ сил природы, подобно идолам язычников; не простое отвлечение, подобно богам Нила, неспособным сочувствовать человеку или любовно нисходить к его нуждам и потребностям ума и сердца; нет, Он показал уже, каким сильным помощником Он служит для тех, которые полагаются на Него. Он был и теперь с ними и говорил с ними языком человеческим. Но, будучи так близок к ним и милостив, будучи единым живым Богом со всеми свойствами личного бытия, Он, однако же, невидим, и нет Ему никакого подобия ни на небе, ни на земле. В противоположность идолопоклонству египтян, к которому привыкли и израильтяне, это определение высказано (во второй заповеди) с особенною выразительностью. Народ не должен изображать Его себе ни под каким кумиром – ни под видом небесных тел, как было большею частью в языческом мире, ни под видом животного мира, как в Египте, ни под видом рыб, как было, отчасти, в Палестине и Ассирии. Имя Иеговы так свято, что не должно произносить его напрасно, а тем более не должно придавать его какому-нибудь из суетных призрачных идолов или языческих богов, потому что в сравнении с Ним все другие боги суть простое ничтожество (третья

заповедь). Соблюдение субботы прекращением всякой работы в седьмой день было древним обычаем, ведшим свое происхождение от Адама; но теперь он подтвержден был законодательной силой, как необходимый для усиления религиозного чувства, периодического восстановления сил и доставления необходимого отдыха человеку и животным (четвертая заповедь). Почтение к родителям издавна также считалось нравственной обязанностью детей, но это естественное чувство не имело еще высшего законодательного определения и потому у большинства народов преобладало вопиющее варварство. У некоторых народов древности был даже обычай предавать смерти своих престарелых родителей или оставлять их беспомощными. Среди древних народов мать вообще занимала низшее положение и по смерти своего мужа становилась в подчиненное положение к своему старшему сыну. Но теперь было заповедано, что сын, даже сделавшись главою семейства, должен так же почитать мать свою, как почитал отца (пятая заповедь). Человеческая жизнь мало ценилась в древности, но теперь заповедано было: «не убей». Человек сотворен по образу Божию и потому жизнь его должна быть священна (шестая заповедь). Древний мир утопал в похотях, вся жизнь его отравлялась ядом животного сладострастия, и самые боги изображались далеко не образцами целомудрия. Теперь голос с Синая заповедал: «не прелюбодействуй» (седьмая заповедь). Собственность провозглашена священной, и воровство заклеено как преступление (восьмая заповедь), равно как и лжесвидетельство (девятая заповедь). Но новый закон не только осуждал внешнее злое дело, он проникал глубже и осуждал самую мысль злую, заповедав: «не пожелай» ничего такого, что противно основным законам нравственности (десятая заповедь). Синайское законодательство в своих основных началах давалось на все будущие времена. Оно заложило основу истинной нравственности и человеческого достоинства в мире. Это был час нарождения народа, отличного от всех дотоле существовавших в истории. Простые, но глубокие и вечные истины о духовном и личном Боге, о почтении к родителям, о целомудрии, о святости человеческой жизни и собственности, о

чистоте совести – все эти истины открыты или утверждены были на Синае в наследие всем последующим векам. В древности, конечно, были блески высшего нравственного учения, но они обыкновенно были достоянием только немногих высших умов и никогда не достигали народной массы, потому что проповедовались только в форме отвлеченных положений и не имели божественного утверждения. Десятословие же провозглашено было Самим Богом и с таким неотразимым величием и такою изумительною простотой, что возвещенные в нем истины сразу становились достоянием всего народа, долженствовавшего распространить их на все человечество. Взятое в целом, Синайское законодательство по своим началам является необычайным и чудесным в истории человечества. Оно не только устанавливает истинные воззрения на Божество и отношение к Нему человечества, но и взаимные отношения между людьми ставит на совершенно новых началах. Дотоле существовали в этом отношении только такие законы, в которых притеснитель налагал иго на подчиненных, сильный и богатый угнетал слабого и бедного. Теперь впервые провозглашены были законы общественного равенства. Иегова освободил всех израильтян от рабства египетского, всех сделал свободными, и потому среди них все должны быть равными между собой. Чтобы это законодательство не изгладилось из памяти народа и постоянно было пред глазами его, основные начала его и именно десятословие, были выбиты на двух каменных досках или скрижалях, которые должны были сохраняться в ковчеге завета, долженствовавшем стать главной святыней народа.

Немного однако же спустя после заключения завета с Иеговою совершилось событие, которое показало, как трудно сразу возродить народ, возвысить его на высшую ступень религиозной жизни⁸⁹. Долгое пребывание в такой идолопоклоннической стране, как Египет, имело своим неизбежным следствием то, что израильтяне отчасти поддались влиянию идолопоклоннического культа. Да и не только в самом Египте, но и его окраинах, где жили разные семитические инородцы, израильтяне постоянно видели самое грубое идолопоклонство, где божество постоянно представлялось и

боготворилось под видимыми символами, животными и истуканами, и есть немало указаний на то, что израильтяне сами иногда принимали участие в таком идолослужении. Когда освободитель народа возвестил ему возвышенную идею единобожия и призывал его отселе признавать только Иегову, единого живого личного Бога, то, несмотря на коренившееся в его сознании древнее верование отцов, ему трудно было сразу подняться на высоту такого отвлеченного веровоззрения. Последующая история должна была постепенно развивать его религиозное сознание, и те великие события, которых он был доселе свидетелем, как чудесное освобождение от могущественного фараона, чудесное водительство и питание в пустыне и, наконец, величественное дарование закона – должны были приучить народ к вере в невидимого Бога, который не нуждался ни в каких видимых символах для проявления Своих отношений к людям. Чтобы резче положить грань между идолопоклонством и истинной религией, вторая заповедь с особенною выразительностью запрещает прибегать к каким бы то ни было изображениям и кумирам для воплощения в них предмета поклонения и боготворения. Но в народе, который в течение целых веков был окружен самыми грубыми формами идолопоклонства, и после всех воспитательно-исторических событий, подготавливавших его к высшей ступени религиозной жизни, оставалось естественное желание иметь какой-нибудь видимый символ даже в поклонении Иегове. И это желание он не замедлил осуществить, лишь только представился благоприятный случай для того. Личное присутствие Моисея сдерживало народ от удовлетворения этого незаконного желания; но когда он удалился на священную гору и оставался там более месяца, то при отсутствии вождя, который в народном сознании, быть может, отождествлялся с невидимым Божеством, народ оказался в беспомощном и отчаянном положении. При этом случае, естественно, сильнее всего сказалась потребность в каком-нибудь видимом символе божества, и народ стал требовать, чтобы Аарон сделал для него бога наподобие тех, что им известны были в Египте. Народ не имел в виду идолопоклонства в собственном смысле и хотел боготворить

Иегову, но только под какую-нибудь более доступную народному сознанию и знакомою ему формою. Та готовность, с которою народ принес золотые вещи для этой цели, показывает, как тяжело было для него долго оставаться без чувственной религиозности, и с какою силою заявляла о себе потребность в ней. Аарон в соответствии религиозным воззрениям народа «сделал литого тельца», который встречен был всеобщим ликованием.

И если бы Аарон обладал такою же силою воли, как его младший брат, то, конечно, он легко мог бы убедить народ не делать этого преступного шага. Но он малодушно уступил народному требованию, и вот чрез несколько времени готов был телец, и в честь его назначено было всенародное празднество со всеожжением. «И сел народ есть и пить, а после встал играть». Это религиозное празднество напоминает отчасти то, которое совершали обыкновенно в Египте по случаю нахождения нового Аписа. После глубокого траура, вызывавшегося смертью прежнего Аписа, начиналось дикое ликование. Женщины играли на кастанетах, мужчины на флейтах, народ пел и под такт музыки хлопал в ладоши. Начинались сладострастные пляски, вино пилось без меры, и все празднество превращалось в дикую вакханалию животных страстей и чувственности. Стан израильского народа огласился восторженными ликованиями, отголоски которых раздавались по ущельям и утесам священной горы законодательства, на которой в священном уединении находился великий вождь и законодатель народа. Получив божественное внушение об опасности и заслышав необычайный шум в стане, Моисей поспешил сойти с горы. Тропа вела с нее закрытым ходом, так что он ничего не мог видеть до самого спуска в равнину. По мере схождения шум становился все явственнее, и бывший с ним Иисус Навин высказал опасение, не сделано ли на народ какого-нибудь враждебного нападения, но Моисей явственно различал, что это был «не крик побеждающих и не вопль поражаемых», а «голос поющих». Когда он совсем сошел с горы и увидел в чем дело, то весь закипел благородным негодованием. Для того ли освобожден этот народ, чтобы предавался дикому разгулу идолопоклонства? И это после всех

чудес, которые были совершены для убеждения этого народа вере в невидимого Иегову, как единого истинного Бога, после величественного законодательства, которое запрещало всякие кумиры и подобию! Какое же значение могли иметь после этого и те скрижали, которые он принес с собою со священной горы и на которых были выбиты только что возвещенные заповеди, так скоро и преступно нарушенные народом? Моисей порывисто бросил их от себя, и они разбились. Появление его в стане было так неожиданно для народа, что все как бы замерли от страха и изумления. Гневный вид законодателя и вождя мгновенно пробудил в совести израильтян чувство своей преступности, и они трепетно ждали, что будет. Момент был критический, и Моисей воспользовался им, чтобы вернуть народ на путь истинной религиозности.

Необходимо было осязательно показать народу, что сделанный им идол не имеет в себе никакой божественной силы. Поэтому Моисей сжег идола на огне, велел истереть его в порошок и рассыпал по воде, которую приходилось пить народу. Он поступил с идолом так, как только возможно было поступить с ним с целью его унижения и вместе наказания народа. Но этого было недостаточно. Нужно было истребить в зародыше самых вожаков идолопоклонства и выдвинуть наиболее преданных новому законодательству людей, чтобы поставить их на страже истинной религии. Став при входе в стан, Моисей поэтому кликнул к себе всех, кто ревнует о Иегове. «Кто Господень, иди ко мне!» закричал он. На призыв его отозвалось только колено Левино, самое малочисленное в народе. Но оно было сильно духом, и этим верным сынам Иеговы Моисей повелел истребить идолопоклонников. Весь стан объят был ужасом, сыны Левия прошли по нему, и «пало в тот день из народа до трех тысяч человек». Только такую великую жертвою и пламенным заступничеством Моисея народ избавился от грозившего ему полного истребления и оставления со стороны Иеговы.

Прошло сорок дней после этого печального события, и только тогда на мольбы Моисея последовал ответ, в котором Иегова обещал пощадить жизнь Аарона и опять вести народ в землю обетованную. Это было равносильно возобновлению

только что было нарушенного завета и восстановления Моисея в его великой должности вождя. Он поэтому опять занял свое прежнее положение. Но как при горячей купине он хотел иметь какой-нибудь видимый знак божественного благоволения и какой-нибудь залог высшей помощи в великом деле, так и теперь, с свойственным древности желанием видения Божества он просил, чтобы возобновление завета было подтверждено каким-нибудь подобным знамением, и просьба эта была удовлетворена: он удостоился видения славы Господней. Стоя в одной из расселин Синая, он видел, как мимо него прошло величие Иеговы, и слышал голос, возвещавший о страшном присутствии Его. С этого момента начался новый период в служении Моисея. Вновь вытесанные скрижали с вырезанным на них десятословием служили всенародным знаком возобновления завета.

Еще раз Моисей удалился на священную гору и пробыл там в течение сорока дней, но на этот раз народ уже оставался верен завету⁹⁰. Когда он опять сошел с горы, то божественное благоволение к нему оказалось на нем в особом таинственном величии и сиянии, окружавшем его личность. От лица его исходил особый блеск, так что он должен был носить на своем лице особое покрывало. Блеск этот постепенно померк, но замечено было, что он возобновлялся всякий раз, когда Моисей возвращался в стан после общения с Богом на горе.

С восстановлением завета нужно было поспешить с устройством народного святилища, которое было бы местом особого присутствия Божества. До этого времени таким святилищем была палатка Моисея, но теперь нужно было устроить более сообразную с высоким назначением скинию или подвижной храм, приспособленный к потребностям неоседлого и странствующего народа⁹¹. Скиния была построена по особому образцу, таинственно показанному Моисею на горе, и как народное святилище, она создана была со всем изяществом и богатством, какими только могли располагать израильтяне. Как подвижной храм, она, естественно, не могла быть больших размеров, и имела 30 локтей в длину и 10 локтей в ширину и в вышину. Все твердые части ее – столбы, брусья, шесты – были

выделаны из дерева ситтим или синайских акаций, единственного дерева на полуострове, пригодного для построек и отличающегося необыкновенною крепостью и прочностью. Древесный остов покрыт был разными ценными тканями, блиставшими яркостью цветов, а также тщательно выделанными кожами, соединявшимися между собой посредством изящных золотых петель и крючков. С восточной части отверстие вело внутрь скинии, где она поражала богатством убранства, между которым особенное внимание обращала на себя ткань, служившая в ней потолком, с вышитыми на ней херувимами, и где во внутренней части (Святое святых) находилась высшая святыня – ковчег завета, с содержащимися в нем скрижалями десяти заповедей. Вся скиния обнесена была оградой, выстроенной уже из менее ценного материала.

Весь материал для построения святилища был доставлен добровольными приношениями народа. Материал требовался ценный и изящный, и некоторые исследователи сомневаются в возможности того, чтобы у израильтян мог быть такой большой запас драгоценных металлов. Но при этом забывают, что среди израильтян было немало богатых семейств, и притом при выходе из Египта, а также во время прохода через египетские рудники они могли сделать значительные захваты потребовавшихся для скинии материалов. Самая работа по устройству скинии показывает, что века рабского пребывания израильтян в Египте не остались бесплодными для них в культурном отношении, и они вынесли оттуда знание многих ремесел и изящных искусств, которые впоследствии оказались им так нужными и полезными в религиозной и общественно-государственной жизни. Израильтяне вполне могли гордиться тем, что изящная и роскошная работа, требовавшаяся при построении скинии, вся выполнена была их собственными архитекторами и мастерами, во главе которых стояли известные строители Веселиил (из колена Иудина) и Аголиав (из колена Данова).

С устройством особого народного святилища требовалось и особое священство, как класс особенных служителей религии. Потребность эта сказывалась с особенною настойчивостью ввиду недавно происшедшего случая уклонения народа от

истинного богопочтения. Нужно было создать класс особенных ревнителей его, которые бы постоянно стояли на страже интересов истинной религии. Дотоле не было в народе особого класса священников, если и упоминаются иногда «священники», то под этим именем разумелись просто представители семейств, которые по патриархальному обычаю совершали богослужение для народа, не имея на то особенного посвящения. Теперь же более строгое и правильное общественное устройство народа требовало выделения какого-нибудь колена на это особенное служение. Какое именно колено было наиболее пригодно для такого служения, это уже выяснилось целым рядом исторических фактов, которые показали, что Левиино было наиболее достойно чести священства; Оно отличалось наибольшею преданностью истинной религии, крепче держалось заветов и преданий отцов и дало народу великого освободителя, выведшего его из земли рабства. Наконец, во время последнего печального события поклонения золотому тельцу оно показало наибольшую ревность к завету Иеговы и по призыву Моисея мужественно выступило для наказания идолопоклонников. Таким образом, этому колону по праву принадлежала честь священства, и она действительно была предоставлена ему. Священство разделено было на три чина – первосвященнический, священнический и левитский. Первый предоставлен был непосредственно Аарону, второй – его сыновьям с потомками, а третий – всему колону Левиину. Возведение в тот и другой чин совершено было с особенными обрядами и жертвоприношениями, которые должны были запечатлеть в посвящаемых сознание важности их служения. С этою же целию им даны были особые священные одеяния, в которые они должны были облачаться во время совершения богослужения. Высшая святость нового служения, на которое избиралось семейство Аарона и все колено Левиино, было подтверждено страшною участью сыновей Аарона – Надава и Авиуда, которые отнеслись к своей обязанности не с должным благоговением, за что и убиты были «огнем Божиим»⁹².

Скиния со всеми своими принадлежностями, подробно описанными в книге Исход, была окончена постройкой в течение семи месяцев, и когда таким образом народное святилище было

готово, и было совершено торжественное освящение его вместе с посвящением Аарона и сыновей его на священное служение, то труд по религиозному и общественному устройству народа был закончен, и потому настало время выступления в дальнейший путь. Но заключительные недели этой долгой стоянки были ознаменованы еще двумя важными событиями. Тут во второй раз совершено было празднование Пасхи, съеден был по установлению пасхальный агнец. Затем перед выступлением произведено было исчисление народа. Исчисление это показало, что все колена, исключая Левиина, заключали в себе в совокупности 603 550 человек мужского пола от двадцати лет и выше, что для всего населения составит не менее двух миллионов душ. Счет этот основан был на количестве подати, собранной с народа по полсиклю с каждой мужской души в пользу скинии, причем женщины и дети остались без всякой переписи. Обычай такого исчисления впоследствии так укоренился в народе, что попытка римлян во времена Ирода ввести более точную систему счисления повела к народному восстанию. Особо произведенное исчисление колена Левиина показало, что в нем было 22 000 душ мужского пола от одного месяца и выше, и оно, таким образом, было самое малочисленное из всех колен израильских.

Все теперь было готово к выступлению в дальнейший путь от Синая. На равнине Эр-Раха почти год пред тем израильтяне остановились станом в качестве простой толпы беглых рабов, почти без всякого устройства и только с смутными религиозными понятиями. Во время этой стоянки с ними произошла огромная перемена. Они убедились, что египетские боги – ничтожные призраки, и что истинный Бог земли есть Иегова, невидимый и всемогущий Дух, который был для них вождем и покровителем. При сходе на священную гору они были объаты трепетом и ужасом, но среди грозных явлений они слышали слова любви и благоволения, которые легли в основу принятого ими завета. В силу этого завета они сделались избранным народом, особым царством Иеговы. Согласно с этим должно было сложиться и все устройство народной жизни: оно приняло форму «теократии», богоправления, в котором все основные

законы исходили непосредственно от Самого Иеговы и все видимые правители народа были лишь орудиями и исполнителями божественной воли в направлении народной жизни. Для облегчения собственно правительственной деятельности, Моисей, впоследствии, учредил для себя особый постоянный совет или сенат из 70 старейшин, представителей колен и поколений, который впоследствии и сделался основой всей системы государственного управления народа. Возродившись, таким образом, нравственно и политически, народ израильский в стройном, особо выработанном порядке опять двинулся в путь – по направлению к земле обетованной.

XX. События 38-летнего странствования по пустыне. Завоевание восточно-иорданской страны. Последние распоряжения и увещания Моисея; его пророческое благословление народа и кончина

В двадцатый день второго месяца второго года по выходе из Египта облако присутствия Господня поднялось над скинией в знак отправления в путь и самая скиния была снята со своего места. По стану раздался звук двух серебряных труб, приготовляемых для этой именно цели, и весь стан, в правильном военном порядке, каждое колено под своим особым знаменем, двинулся в путь, по указанию облака. Хотя сам Моисей знал путь по Синайскому полуострову, но, чтобы быть еще более уверенным в этом отношении, он пригласил себе в качестве проводника своего шурина Ховава, сына Иофорова, как туземного жителя, основательно и в совершенстве знающего всю эту местность, так что в этом отношении он мог быть «глазом» для всего народа (Числ. 10:29–31). Ковчег завета, как высшая святыня, шел впереди стана, и поднятие и остановка его сопровождалась торжественным возгласом Моисея. *«Когда поднимался ковчег в путь, Моисей говорил: восстань, Господи, и рассыплются враги Твои, и побегут от лица Твоего ненавидящие Тебя!»* (Числ. 10:35) А когда останавливался ковчег, он говорил: «возвратись, Господи, к тысячам и тьмам Израилевым».⁹³ В таком порядке стан и двигался по направлению к земле обетованной. От Синая до южных пределов Палестины считается не более трехсот верст, и потому израильтяне могли бодро смотреть на будущее и услаждаться надеждой скорого достижения благословенной земли, текущей молоком и медом. Но этой надежде не суждено было осуществиться. Прямого пути в Палестину нет, и он вьется по пустынным ущельям и долинам полуострова, что до крайности утруждало народ, принужденный двигаться по такому пути с огромным обозом и стадами. Прямо на север путь совершенно преграждался горным кряжем, идущим поперек полуострова, и потому можно было двигаться только на северо-восток – к

берегу залива Акаба, составляющего восточную ветвь Чермного моря, омывающую восточную часть Синайского полуострова⁹⁴. Во время долгой стоянки у Синая народ уже отчасти позабыл о тяжестях пути в пустыне, а также и о всех чудесных знамениях, сопровождавших его в пути, и потому, когда опять увидел пред собой пустыню, опять принужден был с невероятными усилиями подвигаться вперед по скалам и пескам – то поднимаясь на утесистые возвышенности, то спускаясь в обрывистые овраги, в среде его опять начался малодушный ропот на вождя. Тяжесть пути, истощавшего силы, естественно, вызывала потребность в более питательной и крепкой пище, чем какую народ мог пользоваться в пустыне (манна), и потому одним из главных предметов недовольства был именно недостаток мясной пищи⁹⁵. Ропот прежде всего проявился в среде некоторых инородцев, вышедших вместе с израильтянами из Египта, а потом передался и последним. Ввиду переносимых тягостей им вспомнился Египет. Горечь египетского рабства уже успела значительно изгладиться из их памяти, и при виде страшной тяжести свободной жизни им припомнилось только, как они ели там мясо из котлов, а кроме того «рыбу, огурцы и дыни, и лук, и репчатый лук, и чеснок». «А ныне, вопили они, душа наша изнывает; ничего нет, только манна в глазах наших». Этот безумный ропот вызвал повторение чудесного снабжения народа перепелами, но насыщение ими было вместе и наказанием для недовольных. Вследствие, быть может, неумеренного потребления мяса, а также в наказание за ропот, среди народа открылась страшная смертность. Это возмущение, между прочим, и повело к учреждению совета из семидесяти избранных старейшин, как представителей колен (12) и поколений (58) с целью облегчения ответственности Моисея. Стан этот получил название «Киброт-Гаттаа-ва» - "Гробы похотения». В этой местности и теперь видны остатки древнего стана, окруженного необычайным множеством могил.

На день пути дальше находятся следы другого большого стана, где заметны даже места отдельных хозяйств с очагами и приспособлениями для приготовления пищи. Место это, несомненно, есть Асироф, где также израильтяне

останавливались станом: оно и доселе называется у арабов по древнему «наблюдательным пунктом Асирофа». Вместе с тем у арабов сохраняется смутное предание о том, что здесь заблудился караван поклонников и принужден был много лет странствовать в пустыне Тих, откуда и самая пустыня ведет свое название («пустыня странствования»). Так как никакой мусульманский караван, отправляющийся на поклонение в Мекку, никогда не мог заблудиться здесь, то вполне естественно предполагать, что арабское предание имеет ввиду именно странствование здесь израильтян.

Наконец, после тяжелых испытаний и невзгод, омрачавших дух великого вождя, который принужден был выносить неприятности даже от своей сестры Мариам, враждовавшей с его и упрекавшей его в женитьбе на женщине нечистой, эфиоплянке, израильтяне прибыли в пустыню Фаран. Дух народа все падал, и потому необходимо было его поднять. Поэтому Моисей по повелению Божию избрал двенадцать человек и послал их в качестве соглядатаев в землю обетованную, надеясь, что их известия о плодородии земли и богатстве пробудят в народе бодрость и желание скорее двинуться к ней для ее завоевания⁹⁶. Они должны были исследовать почву, запасы воды, климат, характер жителей и силу их городов и крепостей. Это было в июле или начале августа, когда созревают первые грозди винограда. Поручение было исполнено ими успешно, и они через шесть недель возвратились в стан. Но сведения их были далеко не утешительны для народа. Они не отрицали чудесного плодородия земли и в доказательство его принесли огромные грозди винограда, но вместе с тем, они так напугали рассказами о силе и исполинском росте палестинских жителей, неприступности их городов и крепостей, что рассказы их повергли весь стан в отчаяние. Это был решительный момент в истории народа, и израильтяне оказались неготовыми к нему. Вместо того, чтобы смело и мужественно идти вперед, они малодушно предались отчаянию и воплю и готовы были избрать нового вождя, который бы повел их обратно в Египет. Напрасно Иисус Навин и Халев старались поддержать в народе бодрость и надежду на успешное завоевание обетованной земли, если

только он останется верен Иегове и будет полагаться на его всемогущую помощь, – народ обезумел от страха, не хотел слушать никаких доводов и готов был даже побить смельчаков камнями. Это печальное событие решило судьбу народа. Господь разгневался на малодушное неверие израильтян, и только пламенное заступление Моисея избавило его от истребления. Но после этого и сам Моисей увидел, что освобожденный им народ и по освобождении оставался малодушным и маловерным рабом, что поэтому он недостоин обетованной земли и должен погибнуть в пустыне. Только следующее поколение, уже рожденное и выросшее на свободе, увидит и возьмет землю, которая была лишь мечтой для его злополучных отцов. С тяжелым сердцем Моисей принужден был опять вести народ обратно в недра синайских пустынь, чтобы тяжкой школой почти сорокалетнего странствования сделать его более достойным высшего предназначения. «По числу сорока дней, сказал Господь, в которые вы осматривали землю, вы понесете наказание за грехи ваши сорок лет⁹⁷, год за день, дабы вы познали, что значит быть оставленным Мною».

В библейском повествовании сообщается лишь немного сведений из истории 38-летнего странствования. Это была безмолвная школа труда и всевозможных испытаний, из которых народ должен был выйти обновленным и возрожденным. О жизни израильтян в пустыне легко составить себе понятие по жизни кочующих теперь на Синайском полуострове арабов. Смотря по времени года они передвигались со своими стадами в разные места полуострова, переходили с одной равнины на другую, отчасти занимались посевами на небольших равнинах, представляющих удобство для земледелия. Тягости этой жизни для такого многочисленного народа были невероятные. То их палил нестерпимый зной, то ослеплял песком убийственный сирокко, а когда зима захватывала их на возвышенностях полуострова, то нередко заносило их стан сугробами снега. Часто должен был ощущаться недостаток в пище и в здоровой воде. Все эти тягости были причиной того, что численность народа несколько не возрастала, а напротив, к концу странствования оказалось на две тысячи душ мужского пола

менее, чем сколько было при выступлении от Синае. Пустыня, естественно, была школой не только физического, но и нравственного воспитания. Во все время странствования действовали необыкновенно строгие законы, немилосердно каравшие каждого нарушителя религиозных или общественных установлений. Не только смертью наказывалось напр. богохульство, но даже и менее тяжкие преступления. Так побит был камнями один человек за то, что он в субботний день собирал дрова⁹⁸. Нужно было приучить народ к точному исполнению закона, данного на Синае, и потому всякие нарушители его карались беспощадно. Если так наказывались отдельные неисполнители закона, то, конечно, еще с большею строгостью должны были караться те, которые сознательно и преступно восставали и возмущали народ против постановлений закона. Так это было по известному делу Корея (из колена Левиина), Дафана и Авирона (из колена Рувимова), которые произвели открытое возмущение против законодателя и, особенно против установления священства, как особого достоинства, присвоенного одному только классу⁹⁹. Они требовали признания всеобщего священства. Религиозный протест, как и всегда бывает, быстро перешел в политический, и они уже стали восставать против самого вождя, отказывая ему в повиновении. Когда Моисей позвал их к себе на суд, то они дерзко ответили: «Не пойдем. Разве мало того, что ты вывел нас из земли, в которой течет молоко и мед, чтобы погубить нас в пустыне? и ты еще хочешь властвовать над нами?» Возмущение на этот раз приняло огромные размеры. К бунтовщикам присоединилось двести пятьдесят старейшин. Когда увещание со стороны Моисея оказалось бесполезным для усмирения бунтовщиков, то он назначил всенародное испытание для удостоверения правоты их притязаний. По повелению Божию Моисей и Аарон, с одной стороны, и Кореи со своими сообщниками, с другой, должны были явиться пред входом в скинию с своими кадилами, и тут голос Божий повелел первым отделиться от всенародного собрания, чтобы истребить его. «Они же пали на лица свои и сказали: Боже, Боже духов всякой плоти. Один человек согрешил, и Ты гневаешься на все

общество?» Тогда Господь повелел отделиться только от Корея и его сообщников, и их постиг страшный суд Божий: «разселась земля под ними, и разверзла земля уста свои, и поглотила их, и дома их, и всех людей Кореевых, и все имущество их, и погибли они из среды общества». Затем «вышел огонь от Господа, и пожрал тех двести пятьдесят мужей, которые принесли курение» с самовольным притязанием на священство. Когда и после этого волнение не утихало в народе, который стал обвинять вождей в погублении народа, то в наказание за этот ропот началось в народе особое поражение, от которого умерло еще 14 700 человек. Этот случай показал, что для народа мало простого установления, оно должно быть подтверждено видимым знаменем, и это знамение дано было в том, что из двенадцати жезлов представителей колен расцвел только жезл Аарона, что и было наглядным и чудесным подтверждением его первосвященнического достоинства¹⁰⁰.

Прошли десятки лет в странствовании по пустыне Синайской. Выведенное из Египта поколение постепенно вымирало, отчаявшись в достижении обетованной земли. Оно показало себя недостойным ее, и потому должно было уступить место новому поколению, воспитавшемуся в трудах и невзгодах пустыни. Только такое поколение, закаленное в трудах и повиновении закону, могло мужественно встретить многочисленных врагов и очистить от них землю обетованную, И это новое поколение Моисей повел, наконец, к пределам Ханаана. Какой громадный период отделял его от того момента, как у него впервые, еще в блестящем дворце фараонов, блеснула мысль об освобождении своего народа! Тогда он пылал надеждой и отвагой юности. В течение сорока лет принужден он был потом жить своей великой надеждой, пока, наконец, она не осуществилась. Он вывел «братьев своих» из Египта, из жалкой толпы беглых рабов преобразил их в народ, дал им закон и общественное устройство. Но увы – освобожденное им поколение оказалось недостойным свободы и той земли, которая предназначалась ему во владение. И вот убеленный уже сединами вождь должен был ждать еще сорок лет, прежде чем могла осуществиться его надежда. При многочисленных

испытаниях и огорчениях от строптивного и неблагодарного, жестокого народа неудивительно, что наконец в самом Моисее поколебалась когда-то светлая и несокрушимая надежда. Когда однажды (около Кадеса, в пустыне Цин) народ вновь поднял против него ропот из-за недостатка воды¹⁰¹, и Моисею приходилось опять чудесно источать ее из скалы, то ему уже изменило доверие к возможности чуда, и хотя он действительно источил воду из камня, но сделал это с чувством раздраженности и отчаяния. Этот случай решил и его судьбу, и он должен был вместе с братом своим Аароном и со всем старшим поколением народа сложить свои кости в пустыне. Новое поколение должен был вести и новый вождь.

От стана Кадеса, где Моисей своим жезлом в раздраженном недоверии разбил все свои надежды и где также умерла его сестра Мариам¹⁰², он с тяжелым сердцем повел свой народ к пределам Палестины, в которую ему самому не суждено было войти. И едва он двинулся в путь, как совершилось печальное событие, которое было грустным предвестием скорого осуществления суда Божия и над ним самим¹⁰³. К северо-западу от каменистых развалин города Петры высоко поднимается над окружными холмами утесистая гора Ор со своими двумя остроконечными вершинами. На одной из этих вершин испустил дух свой великий первосвященник израильского народа Аарон, в объятиях своего сына и преемника Елеазара и в присутствии истинно любящего брата, который был для него руководной звездой в течение всей жизни. Величественная гора была достойным местом смерти такого человека. Она была символом величия его духовной жизни, которая всецело была посвящена народу. С горы открывалось дивное зрелище на пустыню, бывшую местом сорокалетнего пребывания злополучного народа, а там, к северу, в неясной синеве дали, виднелась даже холмистая почва обетованной земли. Бедная гробница на вершине этой горы у местных арабов признается и почитается именно за гробницу Аарона, хотя есть признаки ее позднейшего происхождения.

После тридцатидневной стоянки под сению горы Ор, сделавшейся могилой Аарона, народ должен был двинуться

опять на юг, в обход земли эдомитян, не давших согласия пропустить израильтян через свои владения. Обход этот, по необходимости, опять был труден, и народ стал опять «малодушествовать» и роптать на Моисея, и за это наказан был нападением ядовитых змей, от укушения которых погибло множество народа¹⁰⁴. Единственное спасение от этого бедствия для израильтян было в знамении веры, изображавшемся для них в виде медного змея, бывшего символом будущего избавления, по слову самого Избавителя: *«и как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную»* (Иоан. 3:14, 15).

Но вот, начиная от восточного залива Чермного моря, с каждым станом израильтяне все ближе подвигались к пределам земли обетованной¹⁰⁵. Вот они прошли земли эдомские и моавские и подступили к земле аморреян, живших по восточную сторону Мертвого моря, на пространстве между реками Арноном и Иавоком. По обычаю отправлено было к ним посольство с просьбою о пропуске израильтян через их землю, – но воинственный царь аморрейский Сигон решительно отказал в этом и с войском выступил против новых пришельцев. Встреча произошла при Иааце, и Сигон потерпел решительное поражение, так что израильтяне овладели всеми его городами. Та же участь постигла и владетеля следующей земли – Ога, царя васанского, землей которого также овладели израильтяне. Таким образом, вся страна по восточную сторону реки Иордана досталась израильтянам, и одна только эта река отделяла их от земли обетованной. Но прежде чем вступить в окончательное владение этой землей, должно было произойти последнее столкновение между избранным народом и миром языческим, – столкновение, которое должно было окончательно решить судьбу того и другого и установить определенные отношения между истинной религией и язычеством, равно как и между царством Бога и царством мира сего. Израиль должен был познать, что языческие народы не только представляют собою по отношению к нему враждебную политическую силу, но и что язычество по самой сущности своей враждебно царству Божию. Они

несовместимы между собой, и потому у Израиля не должно быть никакого общения с язычеством, и он даже не может терпеть самого присутствия его на одной и той же земле. Этот глубоководный урок преподан был народу израильскому накануне вступления в землю обетованную замечательной историей языческого прорицателя Валаама¹⁰⁶.

После решительных побед над царями Сигоном и Огом вход в землю обетованную был совершенно открыт для израильтян. Враги, которые бы могли заградить импуть в нее, или остались позади, или были рассеяны. И вот уже «сыны Израилевы остановились на равнинах Моава, при Иордане, против Иерихона¹⁰⁷. Но этот успех Израиля, наконец, пробудил крайнее раздражение у моавитян, царь которых Валак, после сомнительного нейтралитета, решил оказать противодействие пришлому народу, который, по его словам, «поядал теперь все вокруг, как вол поядает траву полевою». Но он в то же время, имея в виду участь царей Сигона и Ога, знал, как опасно выступать против израильтян с оружием в руках. Поэтому он прибег к новому средству, и в союзе с одним из мадианитских племен обратился к знаменитому в то время прорицателю Валааму, предлагая ему огромные дары за то, чтобы он своею волшебною силою проклял Израиля и тем обессилил его против оружия Валака. Валаам жил в Пефоре, на реке Евфрате, на родине Авраама, и потому у него сохранилось, отчасти, знание истинной религии и даже память об обетовании Аврааму и семени его. Но как прорицатель, он был представителем языческого мира и за богатые дары, несмотря на внушения и предостережения свыше, согласился на предложение Валака. Уже на самом пути к Вала-ку Валаам получил новое предостережение от бессловесной ослицы, которая, заговорив голосом человеческим, «остановила безумие пророка». Но он *«возлюбил мзду неправедную»* (2Петр. 2:15,16) и за нее готов был пренебречь всяким предостережением. Узнав о его приближении, царь Валак выехал ему навстречу и в честь его задал блестящий пир. Затем приступлено было к делу проклятия. Валак возвел прорицателя на гору, посвященную Ваалу, откуда открывался вид на стан израильский. Там

построено было семь жертвенников и принесена богатая жертва. Пред самым проклятием Валаам все еще колебался совершить столь неправоe дело и вопрошал Бога, отдавая себя в Его полную волю. И воля Божия восторжествовала над любителем неправедной мзды. Вместо проклятия Валаам произнес торжественное благословение Израилю, и первое свое слово заключил возвышенным пожеланием: «да умрет душа моя смертию праведников, и да будет кончина моя как их!» Изумленный и разгневанный Валак, сделав укор прорицателю, возвел его на другую гору, Фас-ги, чтобы он оттуда попробовал проклясть его врагов, но Валаам с этой горы произнес опять благословение Израилю. Валак попробовал еще раз возвести прорицателя на третью гору, на вершину Фегора, но оттуда Валаам произнес еще более возвышенное благословение, содержащее в себе предсказание, что «семя израильского народа будет как вешние воды, превзойдет Агага¹⁰⁸ царь его и возвысится царство его», и заключил словами: «Благословляющий тебя благословен и проклинающий тебя проклят». А когда воспламенился гнев злополучного Валака, то Валаам заключил свои невольные благословения явным пророчеством о пришествии Мессии. «Вижу Его, сказал вдохновенный Валаам, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова, и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых. Пришедший от Иакова овладеет городом»¹⁰⁹.

Предсказав будущую судьбу тогдашних исторических народов, Валаам «пошел обратно в свое место», а Валак, потерпев полную неудачу в своем коварном замысле, должен был изыскивать новые средства для борьбы с Израилем. Но ему помог в этом опять Валаам, который, лишившись своей «неправедной мзды» на одном деле, очевидно, хотел получить ее на другом. По его совету моавитяне попытались отвратить Израиля от его главной крепости – Иеговы – искушениями сладострастия, и искушение было слишком велико для столь непостоянного народа¹¹⁰. Он вполне предался преступной страсти и начал блудодействовать с дочерьми Моава (а также особенно с мадианитянками), и это преступное увлечение

привело его к идолопоклонству, так что Израиль «кланялся богам их и прилепился к Ваал-Фегору», т.е. худшей форме языческого распутного идолослужения. Тогда «воспламенился гнев Господень на Израиля». Нужно было очистить стан израильский от такой скверны. Ревнителем истины выступил Финеес, сын Елеазара первосвященника, внук Аарона, и копьем пронзил одного наглого блудника вместе с мадианитянкой, после чего последовало общее избиение всех блудников, которых и погибло 24 000 человек. Финеесу за благочестивую ревность дано было обетование вечного священства в его потомстве. Но скоро постиг праведный суд Божий и самого советника на злое дело. По повелению Божию израильтяне должны были истребить мадианитян, и в последовавшем избиении убит был и Валаам.

Но пред этим отмщением народу-соблазнителю произведены уже были, между прочим, важные приготовления к вступлению в землю обетованную. С этой целью произведено было новое народосчисление, необходимое для правильности предстоящего раздела земли. По этому счислению оказалось, что колено Левиино возросло на семьсот человек, а все остальные уменьшились в числе на 1 820 человек, так что вся численность народа определялась в 601 710 человек мужского пола годных для войны. Но это было уже новое поколение, родившееся и воспитавшееся в пустыне. Из старого поколения остались в живых только Иисус Навин и Халев – в награду за свою верность завету Божию.

На пороге земли обетованной Моисей с печалию вспомнил, что ему самому не суждено войти в нее, и Бог возвестил ему близкую смерть¹¹¹. После неслышанной молитвы об отмене этого определения Божия, Моисей просил себе преемника и по указанию Божию возложил на Иисуса Навина звание вождя народа – в присутствии первосвященника и народа. Затем сделаны были окончательные распоряжения об овладении и разделе земли обетованной. Так как колена Рувимово, Гадово и половина Манассиина, особенно богатые скотом, просили Моисея позволить им остаться на привольных пастбищах по левому берегу Иордана, то вождь соизволил на их просьбу, взяв с них обещание помогать остальным коленам в борьбе с общим

врагом. Остальные колена, по вступлении в землю обетованную, должны были совершенно очистить ее от идолопоклонников-хананеян и разрушить их кумиры, и каждому колену заранее был назначен особый участок в потомственное неотъемлемое владение. Сорок восемь городов отведены были для колена Левиина, которому не назначалось особого земельного участка, и из них шесть городов сделаны местами убежищ для неумышленных убийц.

Большая часть этих подробных распоряжений уже, по-видимому, происходила под руководством Иисуса Навина, а сам Моисей, уже чувствуя на себе дыхание смерти (хотя «зрение его не притупилось, и крепость в нем не истощилась»), спокойно предался пророческому созерцанию и той внутренней духовной жизни, которая доселе стеснялась в нем заботами обыденных трудов. Перед своей кончиной он хотел еще раз торжественно повторить народу весь закон, данный ему Богом, а также обозреть и все те милости и чудеса, которых удостоился народ со времени освобождения от рабства египетского. После этой великой законодательной и нравоучительной беседы, для того, чтобы еще более внушить народу важность заповедей Божиих, он заповедал по переходе Иордана начертать их на алтареобразном памятнике на горе Гевал и при всенародном собрании произнести на этой горе проклятия против нарушителей, а на горе Гаризим благословления на блюстителей закона. Еще раз сделав наставления народу, Моисей «написал закон сей и отдал его священникам, сынам Левииным», и повелел положить эту книгу закона в ковчег завета в вечное свидетельство народу. После беседы Моисей воспел пророческую песнь: «Внимай, небо, я буду говорить; и слушай, земля, слова уст моих». В ней изображены все благодеяния Божии, на которые народ столько раз отвечал грехами и преступлениями, и она заканчивается предсказанием о наступлении времени, когда и язычники возликуют с народом Божиим и совместно прославят чудные дела Божии *«песнью Моисея, раба Божия, и песнью Агнца»* (Откр. 15:3).

Но вот пришел и конец. Моисей должен был расстаться с своим народом. Поэтому он в последний раз благословил его,

высказав в благословении каждому колену его будущую судьбу. В этом благословении особенное значение придается колену Левиину, как избранному на священное служение, и в общем повторяется то же, что высказано было Иаковом в его предсмертном благословении. Но ему хотелось перед смертью хоть издали взглянуть на обетованную землю – предмет своих многолетних надежд. Поэтому он с равнин моавитских поднялся на гору Нево, на вершину Фасги, возвышавшейся над Иорданом пред Иерихоном. С нее открывалось величественное зрелище. К востоку волнообразно шли холмы, уходившие в бесконечную даль аравийских степей. На юго-западе в мрачной глубине сверкало Мертвое море, а к северу голубой лентой извивался Иордан. За рекой вздымалась вершина горы Гаризим, дальше расстилалась равнина Ездрилонская, за которой в разных местах великанами высились Фавор и Ермон, а прямо на запад даже виднелись отблески великого Средиземного моря. Вот она – земля обетованная, которую всю показал ему Господь. «И сказал ему Господь: вот земля, о которой Я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: семени твоему дам ее. Я дал тебе увидеть ее глазами твоими, но в нее ты не войдешь. И умер там Моисей, раб Господень, в земле Моавитской, по слову Господню. И погребен на долине в земле Моавитской против Веффегора, и никто не знает места погребения его даже до сегодня».

Итак, израильтяне лишились своего великого вождя и законодателя, и потерю эту они оплакивали тридцать дней. Чувство сиротства охватило их всех. Он был не только их освободитель, но и отец и воспитатель. Своею законодательною мудростью он возвел их на степень благоустроенной общественной жизни, дал им законы и религию, благодаря которым они сделались в духовном отношении светом для народов древнего мира. Его любовь к своему народу была бесконечно самоотверженна. Он вправе был сказать о себе, что он лелеял их, как кормилица лелеет дитя. Его терпение в управлении строптивым и неблагодарным народом было изумительно. Сколько огорчений и самых тяжких оскорблений приходилось ему переносить от освобожденного им народа; но

он, будучи «кротчайшим из всех людей», великодушно предавал все забвению и сам же пламенными молитвами старался отвратить праведный гнев Иеговы. Это был духовный исполин, с исполинским умом и бесконечною добротою и кротостью сердца, великий законодатель и святой пророк.

«И не было более у Израиля пророка такого как Моисей, которого Господь знал лицом к лицу по всем знамениям и чудесам, которые послал его Господь сделать в земле Египетской пред фараоном, и над всеми рабами его, и над всею землею его, и по руке сильной и по великим чудесам, которые Моисей совершил пред глазами всего Израиля» (Втор. 34:10–12).

Но Моисей был лишь представителем религии закона – подготовительной ступени к более совершенной религии благодати. Поэтому свое дело и свой закон он не считал окончательными, а прямо в своем пророческом вдохновении предсказывал о другом, более высоком Пророке, который выступит на смену его с благовестием о новозаветной религии благодати. «Пророка из среды тебя, из братьев твоих, как меня воздвигнет тебе Господь, Бог твой, говорил Моисей своему народу, – Его слушайте». Указывая на это место, Спаситель мира говорил: «*Моисей писал о Мне*» (Иоан. 5:46). В своей жизни и деятельности Моисей как пророк, законодатель и вождь ветхозаветной церкви был прообразом великого Пророка, Законодателя и Главы церкви новозаветной – Господа нашего Иисуса Христа.

XXI. Законодательство Моисея. Теократия. Скиния и связанные с нею учреждения

В изложенный период библейской истории совершилась глубоководная перемена как в состоянии самого избранного рода, так и в отношении к нему Бога. До этого периода избранный род состоял из отдельных патриархов, которые последовательно передавали друг другу полученные ими обетования и вверенный им залог истинной религии, получая в то же время разъяснения, подтверждения и дополнения в личных явлениях и откровениях им Бога или Его святых ангелов. Теперь избранное семейство размножилось в целый многочисленный народ, который частью под влиянием египетского рабства и окружающего идолопоклонства, а частью от естественного огрубения в своих чувствах вследствие долговременного отчуждения от непосредственного общения с Богом отцов потерял способность к такому общению, и потому требовалось установить новый способ взаимоотношения.

С этую целию Господь Бог, явившийся Моисею и чрез него побудивший в народе сознание истинной религии и связанных с нею обетований, по освобождении народа от рабства египетского вновь заключил с ним завет, и выражением этого завета с народом было Синайское законодательство. Целию завета было выделить израильский народ из среды остального человечества и сделать его избранным царством, в котором могли бы сохраниться и возрость семена спасения, предназначенного впоследствии распространиться на все человечество. Когда народ израильский находился у подошвы священной горы, Господь говорил ему чрез Моисея: *«Вы видели, что Я сделал египтянам, и как Я носил вас как бы на орлиных крыльях и принес вас к Себе. Итак, если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля. А вы будете у Меня царством священников и народом святым»* (Исх. 19:3–6). *«Все вы сегодня стоите пред лицом Господа Бога вашего, начальники колен ваших, старейшины ваши (судьи ваши), надзиратели ваши, все*

израильтяне, дети ваши, жены ваши и пришельцы твои, находящиеся в стане твоём, от секущего дрова твои до черпающего воду твою, чтобы вступить тебе в завет Господа, Бога твоего, и в клятвенный договор с Ним, который Господь, Бог твой, сегодня поставляет с тобою, дабы соделать тебя сегодня Его народом, и Ему быть тебе Богом» (Втор. 29:10–13). «Да не будет между вами мужчины или женщины, или рода, или колена, которых сердце уклонилось бы ныне от Господа, Бога вашего, чтобы ходить служить богам языческих народов» (Втор. 29:18). Главная цель учреждения особого «царства Иеговы» есть, как видно из приведенных мест, сохранение истинной религии, учения о поклонении единому истинному Богу, в противоположность идолопоклонству других народов, чтобы сохранить истинное учение о Боге, Иегова заключает с народом договор на тех, если так можно сказать, условиях, что Он – Царь всей земли – становится преимущественно царем израильского народа, получает верховную власть над ним, делается его законодателем, постановления которого и обязывается народ принять и свято сохранять. Если израильтяне добровольно согласятся признать Иегову своим Господом и Царем, будут сохранять Его завет и исполнять законы, признавать Его единым истинным Богом и поклоняться только Ему, то Иегова, будучи Богом и верховным правителем всего мира, всех народов земли, примет народ израильский под Свое особенное покровительство, будет править им особенными законами, обеспечит ему пользование неценимыми преимуществами истинной религии и даст ему, как возлюбленному и избранному народу между всеми народами земли, все блага свободы, мира и благоденствия. Совокупность таких отношений Иеговы к народу есть «теократия» или «богоправление» – в высшем религиозно-нравственном значении этого слова.

Как Правитель или Царь Своего избранного народа, Господь Бог должен был иметь особое место Своего присутствия среди народа, и таким местом сделалась скиния. По своему устройству скиния разделялась на три части: внешний двор, святилище и Святое святых. Внешний двор представлял собою правильный

четыреугольник, пространством в 100 локтей длины и 50 ширины; он обнесен был со всех сторон загородью в пять локтей высотой и имел входную дверь с восточной стороны. Входная дверь имела двадцать локтей ширины и закрывалась изящно расшитыми и разноцветными занавесями. В передней части двора находился жертвенник всежжения, на котором приносились все жертвы, кроме жертвы за грех, приносившейся вне стана. Жертвенник этот представлял собою ящик в 5 квадратных локтей ширины и 3 высоты; он сделан был, как и все главные принадлежности скинии, из дерева ситтим, обложен кованною медью и имел внутри медную решетку для дров, а по бокам кольца для ношения его на шестах. Выдававшиеся по углам возвышения, так называемые «роги», были особенно важным местом, держание за которое служило выражением желанья всецело предаться милосердию Божию, равно как и обеспечением неприкосновенности и безопасности для искавших спасения от мщенья людей. Между этим жертвенником и самою скинией находилась медная умывальница, содержащая в себе воду для умовения священников. Затем дверь вела в самую скинию, именно в первое ее отделение, так называемое святилище. Оно занимало две трети всего пространства скинии и представляло собою вторую (после внешнего двора) ступень в постепенном приближении к соприкосновению с Богом. В нем содержались три особые принадлежности: 1) жертвенник кадилный, находившийся в самой середине святилища, 2) трапеза по правую и 3) светильник по левую сторону. Жертвенник кадилный (наподобие стола в 2 локтя вышины и по 1 локтю в ширину и длину) обложен был золотом и имел по бокам кольца для ношения его на шестах. В нем каждое утро и вечер приносилось курение благовонных трав – сначала Аароном и его сыновьями, а затем священниками, поочередно совершавшими свое богослужение, и по важнейшим случаям – первосвященником. Огонь для курения брался с жертвенника всежжения, и возжигание его представляло собою символ ходатайства священника пред Богом за народ, который в это время молился во дворе скинии. Приносить «чуждый» огонь или самовольно присваивать себе это служение священника

считалось великим преступлением. Надав и Авиуд были убиты за это именно преступление. Трапеза представляла собою продолговатый стол с ножками – в 2 локтя длины, 1 ширины и 1 1/2 высоты. На этом столе находились двенадцать посыпанных ладаном хлебов, по шести в ряд. Хлебы эти, называвшиеся вследствие предложения их Иегове, хлебами предложения, каждую субботу вновь переменялись священниками, которые съедали старые в святилище, причем никто еще не имел права вкушать от них. По левую или южную сторону жертвенника кадильного стоял светильник, сделанный из литого ковального золота и весивший целый талант. Он представлял собою подобие дерева с шестью разветвлениями, которые вместе с главным стволом составляли семь отдельных светил. Светильники зажигались во время вечернего возношения, а главная светильня была неугасима. Светильник освещал все пространство святилища, но свет его не проникал, чрез плотную завесу, отделявшую от святилища вторую и святейшую часть скинии – именно Святое святых, занимавшую одну треть всего пространства скинии. Внутренность этого отделения погружена была в непроницаемый таинственный мрак, и в нем находилась лишь одна, но самая священная принадлежность, именно ковчег завета. Он был сделан также из дерева ситтим и представлял собою небольшой ящик (1 1/2 локтя длины и по 1 1/2 ширины и высоты), который снутри и снаружи обложен был чистым золотом. На крышке из чистого золота были два херувима со склоненными друг к другу лицами и соприкасающимися крыльями и между ними находился самый престол Иеговы, «обитавшего между херувимами». Место это также называлось местом умиловления, потому что там Иегова открывался в великий день очищения как Бог, прощающий беззаконие, преступление и грех. Внутри ковчега находились скрижали завета, а рядом с ними золотой сосуд с манною и жезл Аарона расцветший. Золотые кольца у нижних углов ковчега служили для ношения его на шестах во время странствования.

Как место соприсутствия Бога, скиния была храмом церкви ветхозаветной, и вследствие этого всем своим устройством явственно прообразовала церковь Христову, как место, где

человечество, искупленное Христом, вступило в теснейшее общение и единение с Богом. Самый вход в скинию с востока означал, что ветхозаветная церковь еще ожидала явления солнца правды – Христа. Во двор ее могли входить вместе с иудеями и язычниками, и этим предзнаменовалось будущее призвание в церковь Христову всех потомков Адама, т.е. всех народов земли. Стоявшие во дворе скинии жертвенник и умывальница изображали: первый всемирную жертву – Христа, открывшего всем людям вход в царство небесное, а вторая служила образом купели крещения, чрез которое мы вступаем в Церковь новозаветную. Святилище, в котором могли стоять только священники, изображало истинно верующих христиан. Светильник, трапеза с хлебами предложения и жертвенник кадилый прообразовали Иисуса Христа, который просвещает, питает и возносит наши молитвы к Богу Отцу. Святое святых, в которое мог входить один только первосвященник однажды в год с жертвенною кровию, означало самое небо, куда Христос Спаситель вошел с кровию Своею за нас пред лице Божие. Ковчег завета со скрижалями десяти заповедей был как бы самим престолом Господа Бога, изрекавшего людям Свою святую волю. Выражением воли Божией служило все Синайское законодательство, которое в отдельных своих постановлениях распадается на законы религиозные, законы нравственные и законы гражданские.

Сущность религиозных законов выражена в первых четырех заповедях, составляющих первую скрижаль. В них определяется истинное отношение человека к Богу, и для укрепления его в народном сознании установлены внешние учреждения, которые, группируясь около скинии, состояли из священных лиц, времен и действий.

Священные лица были избранники из избранного народа для посвящения их на исключительное служение Богу. Они составляли все колено Левино, и, соответственно трем частям скинии, разделялись на три степени – левитов, священников и первосвященника. Левиты были простые церковнослужители, которые назначены были для исправления низших обязанностей при скинии. При передвижении они должны были носить скинию

со всеми ее принадлежностями, наблюдать за порядком, чистотою и сохранностью священных предметов и сосудов; готовить необходимые материалы для священнодействия и заботиться о поступлении должных доходов на содержание скинии и ее учреждений. Левитами считались все члены мужского пола колена Левиина, кроме семейства Ааронова, в возрасте от 30 до 50 лет. Они разделялись на три класса, сообразно с родовым происхождением их от трех сыновей Левия – Герсона, Каафа и Мерари, и каждому классу назначены были особые обязанности при служении и особенно при перенесении скинии. На служение они поступали через особое посвящение, состоявшее в очищении их, рукоположении и принесении жертв. Священниками были все сыновья, а затем и потомки Аарона, достойные этого священного звания по своим нравственным и телесным качествам. На свое служение они посвящались через окропление священным миром, смешанным с кровию. На них лежала обязанность приносить в определенное время жертвы во дворе скинии и курение в святилище, каждый вечер зажигать светильник в нем, каждую субботу переменять хлебы предложения, трубить в трубы для созвания народа, очищать по особому чиноположению проказу и другие скверны и поучать народ в законе Божиим. Как священнослужителям, им дано было особое одеяние, в которое они должны были облачаться при священнослужении. Одевание их состояло из: 1) нижнего льняного платья – надраг – «для прикрытия телесной наготы от чресл до голеней»; 2) верхнего белого платья, хитона, спускавшегося до полу и подхватывавшегося на талии белым – 3) поясом, украшенным разноцветным шитьем; затем круглое головное покрывало – 4) кидар – довершало это облачение для священников, которым не полагалось обуви, так как святость места богослужения требовала совершения священнослужения с босыми ногами. Во главе священных лиц стоял первосвященник, высшая должность которого присвоена была лично Аарону, а затем старшему в его роде по преемству. Ему одному позволялось входить в Святое святых, что он и делал однажды в год, в день очищения, для окропления кровию. Достоинство его высшего звания не позволяло ему участвовать при погребении

или разрывать своих одежд в знак печали. Посвящение в этот сан совершалось чрез обильное излияние хранившегося при скинии мира на главу посвящаемого, облачавшегося при этом в особые присвоенные первосвященническому сану одежды. Одежды эти были гораздо пышнее и сложнее, чем у священников. Сверх обычных священнических одежд надевалась еще особая безрукавная одежда или 1) верхняя риза, вязанная из пурпурно-голубой шерсти с изящно отороченным воротом и убранный внизу разноцветными яблоками и золотыми колокольчиками. Сверх нее надевался 2) эфод или особая короткая одежда с золотыми застежками на плечах, из которых на каждом было по камню ониксу с вырезанными на них именами двенадцати колен, по шести на каждом. Эфод стягивался особым поясом, одинаковым с ним по цвету и работе. Затем был особый 3) наперсник или нагрудник, прикреплявшийся голубыми шнурками и золотыми кольцами; на нем сверкало двенадцать драгоценных камней, вделанных в золото по три в ряд с вырезанными также на них именами двенадцати колен Израилевых. В связи с наперсником находились и таинственные урим и туммим («советы и совершенства»), посредством которых первосвященнику сообщалась воля Божия. 4) Головной кидар первосвященника отличался от простого священнического не только большею роскошью, но и особенно тем, что на передней части его была золотая дощечка с выбитою на ней надписью: Святыня Господня. Первосвященник избранного народа по высоте и величию своего служения был прообразом *«Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия»* (Евр. 4:14).

Кроме священных лиц по должности были еще священные лица по обету, так называемые назореи, т.е. выделенные на служение Богу. Назореи обязаны были воздерживаться от вина и винограда, от стрижения волос и от всякого осквернения. Обет назорейства давался или на всю жизнь, или только на известное время. В последнем случае он разрешался принесением троякой жертвы и сожжением волос на жертвеннике.

Священные времена, установленные законом, разделяются на три разряда: 1) времена, связанные с установлением

субботы, 2) великие исторические праздники и 3) день очищения.

1) Суббота, как день покоя, есть одно из самых первобытных учреждений, ведущих свое начало от сотворения мира: *«И благословил Бог седьмой день и освятил его»* (Быт. 2:3). Синайским законодательством только подтверждено ее учреждение, как показывает и самая заповедь: *«Помни день субботний, еже святити его»*. Это священный покой от обыденного тяжелого труда, которым человек принужден был добывать себе насущный хлеб, день радостного отдохновения в общении с Богом, который и Сам *«в седьмой день почил и покоился»* (Исх. 31:17). Заповедью этою не поощряется празднолюбивая леность, а только запрещается труд с корыстной целью, служение мамоне. Вместо этого труда суббота должна быть посвящаема на служение Богу. В этот день народ собирался в скинии к богослужению, состоявшему в двойном принесении жертв, и возобновлялись хлебы предложения.

Празднование субботы послужило основой для других торжественных праздников, установленных в определенные, более крупные промежутки времени. Сюда относятся: а) праздник новомесячия, который совершался при первом появлении всякой луны, о чем возвещалось всему народу двумя серебряными трубами; праздник состоял в усиленном принесении жертв, б) Праздник труб, совершавшийся в первый день месяца Тисри, которым начинался гражданский год, но который был седьмым, так сказать, субботним месяцем священного года. Так как этот день всегда приходился в субботу, то и самое соблюдение его имело характер субботства. Наступление его возвещалось трубами, отчего он и получил свое название. Затем, с расширением круга субботства, установлены были великие периодические праздники, совершавшиеся в несколько лет раз. Сюда относится в) субботний год. Подобно тому, как освящался каждый седьмой день и седьмой месяц, так должен был освящаться и каждый седьмой год. Особенностью субботнего года было то, что в течение его и самая земля, как всецело принадлежавшая Господу, должна была соблюдать субботу, т.е. покоиться от обработки. Все уродившиеся сами собой плоды отдавались в пользование бедным и животным.

Субботний год назывался также «годом прощения», потому что заимодавцы должны были в этот год прощать долги своим должникам (Втор. 15:1–2). В этом же году пользовался отпущением на свободу всякий израильтянин, попавший в рабство. Завершением семи субботних годов был г) год юбилейный, совершавшийся в каждый пятидесятый год. Он начинался в 10 день седьмого месяца Тисри, в великий день очищения. После торжественных жертвоприношений раздавался звук юбилейной трубы, «объявлявшей на земле свободу всем жителям ее». Земля не обрабатывалась, как и в субботний год. Все земли, которых бедняки лишились в течение минувшего полустолетия, опять безвозмездно возвращались им в полную собственность. Все рабы освобождались. Все восстанавливалось в том виде, как было при первоначальном разделении земли обетованной. Юбилейный год завершал собою великий круг субботних годов, после чего в известном смысле все обновлялось, и народ вступал как бы в новую жизнь.

2. Кроме круга субботних праздников было три особых великих исторических праздника, в которые весь народ мужского пола должен был являться пред лице Иеговы (в скинии или впоследствии в храме) с установленным приношением Богу. Эти праздники не только служили воспоминанием великих событий в истории израильского народа, но каждый из них имел свое особое значение. Первый из них – Пасха – отмечал начало жатвы, второй – Пятидесятница – ее окончание, и третий – праздник Кущей – время собирания винограда и всех плодов года. Они соединялись между собой так, что образовывали один великий круг. Пасха была в первом месяце священного года; чрез семь недель наступала Пятидесятница, а в седьмом месяце наступал праздник Кущей. Пасха служила для израильтян воспоминанием начала их избавления от рабства и вступление в состояние свободного народа; Пятидесятница – дарования закона, и праздник Кущей представлял для них радостное сопоставление между оседлою жизнью в плодородной земле и странствованием в пустыне.

а) Пасха, бывшая самым торжественным из трех годовых праздников, совершалась в течение семи дней, начиная с

вечера, которым заканчивался четырнадцатый день Нисана или Авива, первого месяца священного года. Она установлена была в ночь пред исходом израильтян из Египта, и хотя в совершении ее со временем произошли некоторые изменения, но в общем она совершалась так же, как и в первый раз при ее установлении. Пасха имела глубочайшее прообразовательное значение. В своем первоначальном смысле это была в одно и то же время и жертва, в которой невиннейшее из животного царства приносилось во искупление за виновных во грехе, и радостное празднество по случаю избавления, – празднество вместе с тем историческое, и потому пасха вкушалась с горькими травами и пресным хлебом (в воспоминание горечи египетского рабства и спешных сборов к избавлению от него) и в положении спешащих в путь странников. В своем высшем значении она была явным прообразом искупительного дела Христа, который как *«Пасха наша, был заклан за нас»* (1Кор. 5:7), и притом заклан в самое время совершения обрядовой Пасхи, как *«непорочный и чистый Агнец»* (1Петр. 1:19).

б) Пятидесятница, праздник жатвы, был как бы дополнением Пасхи. Она продолжалась только один день, чрез 50 дней после Нисана, в конце мая. Промежуток между ними был страдной порой жатвы, и в день Пятидесятницы приносились в жертву первые хлебы из новособранных плодов. С этим праздником соединялось и воспоминание о даровании Синайского закона, совершившемся чрез 50 дней после избавления из Египта (по переходе чрез Чермное море).

в) Праздник Кущей завершал собою круг годовых праздников, и отличался великим ликованием. Он был в одно и то же время и благодарением за собранную жатву и воспоминанием о том времени, когда израильтяне жили в куцах или палатках в течение своего странствования по пустыне. Он праздновался осенью, когда уже собраны были все плоды земли, и продолжался семь дней, заканчивавшихся восьмым днем «священного собрания». В течение этих семи дней (от 15 до 22 числа месяца Тисри) народ обитал в шалашах из древесных ветвей, отчего и получил свое название праздник Кущей.

3. Совершенно особо от этих торжественных праздников стоял день очищения, единственный день покаяния и поста по закону Моисееву. Он соблюдался за пять дней до праздника Кущей и имел характер торжественной субботы, когда все должны были прекращать свои работы и «смирять свои души», под страхом истребления из народа. Установленные на этот день обряды знаменовали сокрушение народа о грехах, соделанных в прожитом году, и отпущение, совершаемое первосвященником в Святом святых, в которое он входил в этот именно день. Все жертвы этого дня приносились самим первосвященником и заканчивались изгнанием в пустыню «козла отпущения», как бы уносившего с собою все бремя грехов народа. Прообразовательное значение этого символического обряда заключалось в том, что окончательное искупление человеческого рода будет совершено «не кровию козлов и тельцов», но «ходатаем нового завета» Христом.

Со священными временами неразрывно связаны были священнодействия. Они состояли почти исключительно из приношения жертв, заимствовавшихся из царства животных или растений. Между ними явственно различаются жертвоприношения в собственном смысле, когда приносимая вещь всецело или частью истреблялась на жертвенном огне, и возношения, когда приношение лишь как бы освящалось пред лицом Иеговы и затем потреблялось жертвователем. Жертвоприношения разделялись на пять родов. 1) Жертва всежжения, называвшаяся так потому, что все приносимое вполне сжигалось на жертвеннике, означала то, что приноситель ее всецело принадлежал Богу и что он душой и телом предавал себя на волю Божию. Жертва эта могла быть приносима или за весь народ, или за отдельных лиц, которые должны были приносить жертвенное животное от своего благорасположения и притом с соблюдением всех правил, установленных законом при выборе жертвенных животных, которыми могли быть телец, баран, козел, и даже горлица или голубь. Приносившие жертву возлагали на жертвенное животное свои руки пред жертвенником в знак перенесения в него своих грехов. Затем жертвенное животное закалялось, кровию его

священник окроплял жертвенник и затем сожигал жертву кроме кожи, которая отдавалась священнику. 2) Жертва о грехе приносилась во искупление грехов, совершаемых по неведению или слабости как священником, так и кем-либо из народа, а также и во очищение от всякого возможного греха или осквернения. 3) Жертва повинности приносилась за грехи или преступления сознательные, равно как и за все действия, связанные с осквернением. Эти две жертвы отличались от жертвы всесожжения тем, что мясо принесенных животных (кроме крови и тука) шло в пользу священников, которые и потребляли его во дворе скинии. 4) Жертва мира приносилась или в выражение особой благодарности Богу, или по обету, или как особое приношение радости и любви. Из приносимого часть сожигалась, грудь и плечо предоставлялись священникам, а все остальное могло быть потреблено приносящим. 5) Жертва бескровная состояла в приношении муки, масла, вина и ладана. Эти предметы, отчасти, присоединялись и к первым четырем родам жертв. Как первые четыре рода жертв знаменовали принесение жизни Богу, так этот род знаменовал принесение Ему плодов земли. К этому последнему роду жертвы близко подходят и возношения различных плодов, начатки которых всегда освящались в скинии или храме и тогда уже начиналось общее употребление их в пищу. Все эти священнодействия совершались священниками и сопровождались молитвами и установленными обрядами, подробно описанными в книге Левит.

Все изложенные священнодействия имели своею целью поддержание святости в народе, который как избранный должен был быть «народом святым».

С эту же целью установлены были особые законы и обряды, исполнение которых могло содействовать поддержанию святости в народе. Это законы нравственные. Сущность их выражена в заповедях второй скрижали, и она состоит в требовании от каждого человека как личной нравственной и телесной чистоты, так и правды и человеколюбия в отношении к ближним. В частности, сюда относятся: 1) древний закон обрезания, подтвержденный синайским законодательством; 2) законы о посвящении первородных мужского пола; 3) об

охранении личной чистоты чрез запрещение соприкасаться с нечистыми предметами, и 4) о разделении животных на чистых и нечистых, с позволением употреблять в пищу или жертву только первых.

XXII. Постановления Моисеева законодательства касательно гражданского быта. Просвещение. Боговдохновенные книги. Летосчисление

«Богоправление», как основа жизни израильского народа, не ограничивалось только религиозно-нравственной областью, а проникало во весь склад и жизни гражданской, как государственной, так и общественной и экономической или хозяйственной. В этом отношении «богоправление» сказывается в том, что Иегова, как Царь и Судия избранного народа, водворял в Своем царстве чрез ряд божественно мудрых законов такую справедливость, какой не знали окружающие народы и которая делала израильское государство образцом даже в этом отношении. Это вполне ясно будет из краткого обзора основных начал государственно-общественной жизни, как они изложены в законодательстве Моисеевом, в сравнении с началами государственности других древних народов востока¹¹².

Сущность государственности древних народов состояла в резком разделении между правителями и подчиненными, выразившемся в разделении народов на касты, из которых одни занимали господственное положение и пользовались всеми правами и удобствами этого положения в гражданском и экономическом отношении, другие, напротив, являлись бесправными орудиями первых, служа лишь средством к обеспечению наилучшего их положения. Такая несправедливость не должна была существовать в теократическом государстве, где по самой сущности его не могло быть разделения народа на полноправных правителей и бесправных подчиненных, потому что все его члены одинаково подчинены верховному Царю – Иегове, следовательно, все пред Ним равны, почему и все одинаково участвовали в «клятвенном договоре с Ним»: начальники колен, старейшины, надзиратели, жены, дети и пришельцы, от секущего дрова до черпающего воду (Втор. 29:10–13). Если таким образом в договоре с Иеговою, легшем в основу государства, равноправно участвовали все члены народа, то естественно, все они должны иметь одинаковые права в

новоучрежденном для них государстве, все они должны быть равны. Отсюда вытекает главное следствие богоправления для государственной жизни – равенство всех в государстве. И это равенство кладется в основу всей жизни народа – в экономическом, семейном, общественном и государственном отношении, равенство в земельном владении, в правах и обязанностях.

В основу материального благосостояния израильского государства законодатель положил земледелие. Выбор такой основы или государства скорее, принадлежит самому законодателю, чем народу, который в своей предыдущей истории мало знал земледелие. Хотя обработкой земли занимались уже первые люди – Адам, Каин и Ной, но в последующий патриархальный период преобладающим занятием является скотоводство, что видно, между прочим, из истории Авраама. Есть известия, что Исаак и Иаков занимались и земледелием (Быт. 26:1, 2; 37:7), но, по-видимому, главным занятием их было все-таки скотоводство, так что по переселении в Египет, несмотря на отвращение египтян к скотоводству, братья Иосифовы на вопрос фараона: какое их занятие? – отвечали: *«пастухи овец рабы твои, и мы и отцы наши»* (Быт. 47:3). Скотоводство оставалось главным свободным занятием израильтян и в Египте, что видно из того, что братья выпросили у фараона позволение поселиться в земле Гесем именно ввиду удобства ее для скотоводства, и славились как лучшие скотоводы, так что сам фараон избрал из них смотрителей над своими собственными стадами (Быт. 47:4–6). Скотоводством же, по необходимости, занимался народ и во время 40-летнего странствования по пустыне. Таким образом, мысль об образовании государства главным образом на земледелии принадлежит законодателю. Побуждением к этому служили как географические условия страны, так и высшие государственные и экономические соображения. Палестина в древности отличалась необыкновенным плодородием, и потому этим самым уже призывала своих обитателей к пользованию ее произведениями посредством возделывания земли. Плодородная почва доставляет, конечно, удобства и для

скотоводства; но для скотоводства необходимы кроме того большие пространства земли, между тем как Палестина, назначенная для обитания израильского народа, при его двухмиллионной численности, не представляла таких удобств для скотоводства. Судя по численности народа, земельные наделы не могли быть велики, а потому, чтобы получить достаточное для пропитания количество плодов, необходимо было заниматься обработкой земли, земледелием. Но еще большее значение при основании государства на земледелии имели высшие государственные соображения. Израильский народ до того времени был кочевым племенем, не имевшим прочных начал гражданственности, – был в таком положении, при котором невозможна правильная государственная жизнь. Но вот он получил высшее призвание, стал «царством» Иеговы, избранным народом, долженствовавшим служить хранителем и распространителем истинной религии и нравственности в мире. Поэтому кочевая жизнь, находившаяся в пренебрежении у тогдашнего цивилизованного мира (Быт. 46:34), не могла отвечать высоте положения народа: он должен был начать новую, культурную жизнь, и потому на место кочевого, необходимо связанного с скотоводством, должен был избрать земледельческий образ жизни, как имеющий более задатков для общественного развития. Для государственных целей земледелие представляет несравненно больше выгод, чем скотоводство: оно развивает любовь к труду, – этому главному рычагу общественного развития, – привязывает человека к обитаемой земле, и тем, с одной стороны, делает возможным установление правильного порядка гражданской жизни, а с другой, развивает любовь к стране или патриотизм, составляющий душу государства, – одним словом, представляет все условия для развития и крепости государства.

Эти условия законодатель по-видимому и имел в виду при основании своего государства на земледелии. Но само земледелие только тогда может служить к истинной пользе государства, когда оно основано на справедливости, в силу которой каждому члену государства должно быть предоставлено владение землей и полное пользование всеми произведениями

его рук. Древние государства не знали такой справедливости: землей владели, обыкновенно, только привилегированные касты, а остальное население, не имея земли, по необходимости поступало в рабскую зависимость от первых, обрабатывало их земли, и само получало лишь скудные заработки. Отсюда поражающие крайности богатства и бедности, роскоши и нищеты, с какими мы встречаемся в древневосточных государствах даже в периоды их наибольшего процветания. «Царство Иеговы» не знает такой несправедливости. Основывая государство на земледелии, законодатель вместе с тем обставил его такими постановлениями, благодаря которым оно могло стать источником равного для всех благосостояния. Так как в договоре с Иеговою участвовали все члены народа, и так как одним из условий договора со стороны Иеговы было дарование обетованной земли, то, естественно, все члены государства должны были равно пользоваться землею, – не должно было быть ни произвольных захватов, ни узаконенных преимуществ одних пред другими. Основываясь на этом теократическом начале, законодатель разделил землю между всеми израильтянами (за исключением колена Левиина) поровну. За единицу деления земли приняты только крупные единицы народа – колена, племена и семейства, но раздел производился так, что какое колено многочисленнее, то и земли получало больше, и наоборот (Числ. 26:54, 55), так что, в конце концов, при частном разделе выпавших на долю того или другого колена или поколения наделов могли получиться равные участки или каждого израильтянина (мужского пола), как главы частного хозяйства. При таком порядке землевладения каждый израильтянин был владельцем известного определенного ему участка земли, из которого он мог получить всю сумму произведений, вырабатываемых его свободным трудом. А так как земля должна была служить главным источником благосостояния, то ввиду равномерности распределения земли между израильтянами необходимо предполагалось равенство по состоянию или экономическое равенство. На случай нарушения равенства, как это и естественно было ожидать вследствие неодинаковости трудолюбия и бережливости различных людей,

а также и множества всяких случайностей, как то болезнь и смерть главных работников семейства, законодателем предусмотрены были особые меры к восстановлению этого равенства. С этою целью поставлен был закон неотчуждаемости земли, на том именно основании, что вся земля составляет исключительную собственность Иеговы, а израильтяне лишь простые поселенцы на ней. *«Моя земля, говорит Господь; вы пришельцы и поселенцы у Меня, поэтому землю не должно продавать навсегда»* (Лев. 25:23)¹¹³. В силу этого закона израильтянин мог продавать свой участок только до определенного срока, до юбилейного года, в который проданный участок опять возвращался первому владельцу, и тем восстанавливалось равенство по землевладению. При таком порядке вещей равенство по благосостоянию вообще не могло значительно нарушаться, и, во всяком случае, не могло образоваться крайностей богатства и нищеты, земледельческой аристократии и безземельного пролетариата, как это было в других государствах востока и особенно в Египте. К поддержанию этого порядка направлены были и многие другие постановления и учреждения в Моисеевом государстве, как напр. учреждение субботнего года, в котором пользование плодами этого года предоставлялось исключительно бедным классам народа, позволение беднякам собирать колосья на ниве богатых, законы о прощении долгов в седьмой год и так далее.

Если, таким образом, государство состояло из равных землевладельцев, имевших равный источник благосостояния, то, конечно, не могло образоваться и различных классов народа, резко отличающихся между собою степенью благосостояния и общественного положения. И в этом отношении израильское государство должно было представлять разительную противоположность другим древним государствам. В этих последних раз образовавшееся неравенство закреплялось законом, признававшим нормальным тот строй общественной жизни, по которому одни классы, захватившие в свои руки всю власть и всю землю, признавались как бы рожденными для власти и для богатства, а другие – рожденными или рабства и нищеты. Отсюда образование каст, составляющих вопиющее

нарушение прав личности. В царстве Иеговы, напротив, как все участвовали в договоре с Бож. Царем при основании государства, так и все должны были пользоваться равными правами в этом царстве. Здесь все члены государства были равно свободными и полноправными гражданами.

Гражданское равенство обуславливалось равенством перед законом. Так как законодателем является Иегова, перед которым все равны, то, конечно, и законы Его для всех одинаковы, и это равенство перед законом проведено с такою последовательностью, что оно признавалось и для поселенцев, живших среди израильского народа. *«Закон один и одни права, говорит законодатель, да будут для вас и для пришельца, живущего у вас»* (Числ. 15:16, 29; Лев. 24:22; Исх. 12:49). Вследствие этого в Израильском государстве вовсе не было бесправных лиц, таких, какие напр. предполагаются по римским законам о рабах, у которых эти законы совершенно отрицают личность и делают их вещью, и какие были бы вполне отданы в зависимость от произвола других, как напр. у римлян жены и дети, находившиеся в полной зависимости от мужей и отцов. Здесь, напротив, закон признавал полную личность за всеми членами государства и соответственно с этим одинаково обеспечивал и защищал права всех. Господин, который жестоко обращался с своим рабом, терял всякое право на него и должен был отпустить его на свободу. Здесь и родители не имели права на жизнь своих детей, и власть отца, в противоположность римским законам, была ограничена до того, что он даже не мог по своему произволу распорядиться наследством, а должен был подчиняться определенным законам о наследстве. В общем и права полов были равны, и, во всяком случае, женщина не находилась в таком угнетенном и приниженном состоянии, как у других древних народов, а пользовалась всеми правами, какие только возможны для нее, как помощницы мужа. Общественная равноправность проведена с такою последовательностью, что в Израильском государстве не только нет каст в восточном смысле, но нет даже и вообще деления на сословия в смысле привилегированных и непривилегированных классов. Ни наследственной аристократии и демократии, существовавшей в

древней Греции, ни деления народа на полноправных патрициев и политически неравноправных плебеев, допущенного римским законодательством, ни феодализма в средневековом смысле, – ничего подобного не знает Синайское законодательство: им предоставляется общественное равенство всем гражданам. Особым сословием является только сословие священников и левитов, происходивших исключительно из одного колена Левиина. Но оно не имело никакого господственного положения в стране, и в материальном отношении даже поставлено было в прямую зависимость от народа, и потому отнюдь не имело характера привилегированной касты в восточном смысле этого слова¹¹⁴.

С равенством прав в государстве необходимо связывается равенство обязанностей по отношению к нему. Царство Иеговы и здесь представляет светлую противоположность ненормально сложившимся языческим государствам. В них обыкновенно не было соответствия между правами и обязанностями, как это требуется государственною справедливостью, а напротив, полноправные классы или касты пользовались полною свободою от обязанностей и тяжелых государственных повинностей, а бесправные классы несли на себе все государственные тяжести. Такой порядок вещей несообразен с простою государственною справедливостью, а тем более, с одушевлявшим Израильское государство началом богоправления. В этом государстве именно находило себе осуществление справедливое соответствие прав и обязанностей, – а так как права у всех членов государства были равны, то и обязанности по отношению к государству также равны. Первая и главнейшая обязанность по отношению к государству и теперь, а тем более в древнем мире, есть обязанность охранения и защиты государства, – отсюда воинская повинность есть важнейшая и в то же время тяжелейшая из государственных повинностей, и справедливое распределение ее, благодаря простоте общественного склада, было просто: так как все члены государства одинаково пользовались правами, даваемыми государством, то, конечно, все и должны были защищать и охранять его. Отсюда – всеобщая воинская повинность: ей подлежал каждый

израильтянин от 20-ти лет и выше. Всеобщность воинской повинности, кроме государственной справедливости, вызывалась и политическими условиями состояния народа, так как страну, которая назначена была ему для обитания, он должен был приобрести оружием; но и после завоевания и поселения в стране, народ, окруженный со всех сторон врагами, постоянно должен был быть наготове к защите от нападений, часто неожиданных. Всеобщность этой повинности, однако же, не исключала некоторых изъятий из нее. Так, от нее освобождались левиты, а также все те лица, для которых по особым обстоятельствам их семейной жизни эта повинность могла бы быть тяжелее, чем для других. Освобождались также только что обзаведшиеся самостоятельным домом и хозяйством, новобрачные и даже «боязливые и малодушные», т.е. все те, для которых безусловное равенство с другими было бы несправедливостью. То же равенство соблюдено и по отношению к другим обязанностям к государству. Наряду с воинскою повинностью, налагаемую на граждан обязанностью внешнего охранения государства, стоит другая повинность, налагаемая обязанностью поддержания и сохранения внутренних учреждений в государстве, – податная повинность. В Израильском государстве и эта повинность не налагалась исключительно на один какой-либо класс людей, а имела также всеобщий характер, одинаково простиралась на всех членов государства. Податная повинность, впрочем, благодаря простоте государственного склада, не выработавшего в себе таких учреждений, которые нуждались бы в посторонней поддержке, не имела при Моисее и даже при судиях определенно-государственного характера. Единственное учреждение, которое в это время нуждалось в содержании и для которого собственно установлена была законом податная повинность, – было религиозное учреждение, скиния с состоявшими при ней священнослужителями: поэтому и податная повинность имела исключительно религиозный характер. К этого рода повинности принадлежала, прежде всего, так называемая выкупная подать, которую платил каждый «поступающий в исчисление», т.е. в список годных к войне (Числ.1, Числ.2 и Числ.3). Она состояла в

полсикле серебра и шла «на служение скинии собрания» (Исх. 30:12–16). Затем следует десятина от всех плодов, поступавшая в пользу левитов «за службу их, за то, что они отправляют службы в скинии собрания» (Числ. 18:21), другая десятина «от всего произведения семян», вина и елея, крупного и мелкого скота для общенародного празднества (Втор. 14:22, 23); первые плоды от всех произведений, приносившиеся также для устройства общественного празднества, в котором принимали, между прочим, участие бедные члены государства (Втор. 26:1–15). Все эти религиозные повинности были одинаково обязательны или всех, – закон не делает разделения народа на податных и неподатных. В законах о податной повинности замечательно еще то, что подать, определяемая десятиной, была подоходною, т.е. не была определена раз навсегда, а постоянно соотносилась с количеством дохода и только незначительная выкупная подать в полсикля платилась одинаково как богатым, так и бедным (Исх. 30:15). Как из воинской, так и из податной повинности делались также некоторые изъятия, где они вызывались справедливостью (для новобрачных).

На таких же высоких началах основано было и самое управление в Израильском государстве. Верховным Правителем и Царем народа был Иегова, управляющий чрез законы и особых избранных представителей народа, каким был во время дарования законодательства Моисей; но в своей внутренней жизни народ управлялся сообразно исторически сложившимся формам своего быта. В патриархальный период, когда израильский народ был еще незначительным племенем, он, естественно, управлялся на началах родового быта, когда всю власть – и религиозную, и гражданскую – сосредоточивает в своих руках глава племени, отец семейства. Такое управление было при патриархах Аврааме, Исааке и Иакове. Но уже в Египте, когда из одного семейства образовались двенадцать различных колен, сознавших себя самостоятельными частями народа, патриархальный порядок оказался устарелым, несоответствующим степени развития народа, и народ управлялся уже не одним главою, а представителями колен –

так называемыми «старейшинами (секеним) сынов Израилевых» (Исх. 3:16; 4:29). Эти «старейшины», состоявшие из умудренных жизнью и опытом людей, являлись уже главами отдельных колен не в патриархальном смысле, т.е. не как полновластные владыки колен, имеющие присвоенную им власть только в силу своего естественного главенства в роде, но как представители народа в общественном смысле, как избранники и выразители его воли. Представительство в полной силе заявляло о себе уже в Египте. Так, мы видим, что Моисей с вестью об освобождении народа от рабства обращается к «старейшинам сынов Израилевых» в полном убеждении, что их согласие или решение будет согласием и решением всего народа. Так в действительности и оказалось, потому что в лице старейшин «поверил народ» (Исх. 4:31). В пустыне из этих старейшин составлен был особый совет из «семидесяти мужей», как представителей колен и племен (12+58=70), им поручено было нести «бремя правления народа» (Числ. 11:16, 17). Этот совет заведывал высшими делами государственной важности, а для заведывания обыденными – судебными и гражданскими делами – назначены были мелкие начальники или «судьи» народа, так называемые тысяченачальники, стоначальники, пятидесятиначальники и десятиначальники. Учреждение это было сделано по совету Иофора, мудрого тестя Моисея (Исх. 18:14–26). В случае особенно важных дел все эти старейшины и начальники созывались на общенародное собрание («все общество»), которое и решало вопросы о войне, мире и других важных делах, даже о самой форме правления, как это было впоследствии при учреждении царской власти. Таким образом, по своему внутреннему складу израильское государство должно было представлять собою форму народного самоуправления, под верховным главенством Иеговы. «Богоправление» в таком случае не есть какая-либо особая форма правления – в отличие от монархии, олигархии или демократии (как ошибочно думал Иосиф Флавий), а есть лишь общее руководство Божие, под которым государственная жизнь народа могла развиваться свободно и принимать всякие формы, какие только оказывались полезными или необходимыми по историческим обстоятельствам

в жизни народа. Поэтому во время странствования в пустыне и завоевания земли обетованной во главе его стоят как бы военные диктаторы (Моисей и Иисус Навин), затем выступают случайные вожди и судьи (во времена судей) и затем учреждается монархия. Все эти формы правления одинаково могли быть примиримы с «богоправлением», только бы правители действовали по указанию закона и частых проявлений воли верховного Царя народа – Иеговы.

В своих основных началах Синайское законодательство, особенно в сокращенном изложении его нравственных начал в десятословии, имеет всеобщее значение и предназначалось к руководству всего человечества. В основу взаимоотношения людей оно полагало истину, которая окончательно подтверждена Законодателем Нового Завета, именно истину: *«Люби ближнего твоего как самого себя»* (Лев. 19:18). Многие частные постановления направлены к тому, чтобы внедрить эту истину в сознание народа. Но с другой стороны, так как это законодательство ближайшим образом предназначалось для отдельного народа, имевшего уже свои укоренившиеся обычаи и привычки, стоявшего на низкой степени нравственного и культурного развития, неспособного сразу подняться на высоту предлагаемых ему божественных и общечеловеческих истин, то во многих постановлениях закона нельзя не видеть уступки укоренившимся взглядам израильского народа, низкому уровню его нравственного развития, одним словом, его «жестокости». Этим объясняется установление известного закона равномерного возмездия: *«око за око, зуб за зуб»* (Исх. 21:24). И вообще, влияние этого условия так значительно на законодательство, что во многих случаях оно скорее приспособляется к древним обычаям, чем вводит новые законы, так что без отношения к этому обстоятельству часто остались бы непонятными истинный смысл и значение того или другого закона. Так, наказание за сыновнее неповиновение родителям (побиение камнями – Втор. 21:18–21) кажется жестоким; но если мы примем во внимание вообще силу родительской власти в период патриархального состояния народа, или вообще в ранние периоды национального существования (как напр. в Риме), то

закон Моисеев является уже значительным шагом вперед в области гуманности и личного права, так как он ограничивает произвол родительской власти перенесением дела на общественный суд. Закон деверства (состоявший в обязанности брата или ближайшего родственника «восстановить семья» своему умершему бездетным брату или родственнику) допущен также в виде уступки укоренившемуся обычаю. В прежнее время обычай этот существовал, по-видимому, в более широких размерах у азиатских народов, и в Синайском законодательстве скорее терпел ограничение, чем освящение. Закон кровавого отмщения представляет собой также пример разумного ограничения и ослабления древнего варварского обычая, который настолько укоренился в обычаях и нравах народа, что его нельзя было уничтожить совсем. Эта бытовая сторона законодательства вообще сильно выступает в законах о наказаниях за преступления. Имея дело с народом жестоковольным и своевольным, законодатель не щадит жезла в приучении этого народа к точному исполнению данных законов, и многие преступления, особенно против религии и нравственной чистоты, наказываются смертной казнью. Эту именно стороною Синайское законодательство показывало, что оно имело лишь временное назначение готовить народ к принятию другого высшего закона, закона благодати, данного Спасителем мира на все времена. А самое пришествие Его знаменовалось всеми постановлениями обрядового закона, который был тенью грядущего и потому должен был прекратиться с явлением самой вещи, т.е. искупления в лице Иисуса Христа, Сына Божия.

Синайское законодательство отмечает собою время вступления израильтян в период самостоятельного национального бытия. Но оно в то же время служит выразителем новой ступени его духовного развития и цивилизации. Доселе он находился под полным влиянием египетской цивилизации и не имел своей собственной письменности. Теперь, впервые у него является литература, и притом священо-историческая, в которой описывается его историческая судьба от самого сотворения мира. Эта литература имела своим родоначальником

Моисея, который написал пять книг, известных под общим названием закона или пятокнижия, и, в частности, под названиями: книга Бытия, Исход, Левит, книга Числ и Второзаконие. В книге Бытия описываются судьбы мира и человечества от сотворения мира до смерти Иакова и Иосифа в Египте. Она обнимает период в 3 800 лет и написана Моисеем, по иудейскому преданию, когда он еще находился в земле Мадиамской, именно с целью пробуждения в израильском народе воспоминания о великих обетованиях их отцам. В книге Исход излагается история пребывания израильтян в Египте, исхода из него, дарования Синайского законодательства и построения скинии. В книге Левит подробно излагается обрядовая сторона Синайского законодательства, и она названа так потому, что совершение всех этих обрядов предоставлялось колену Левиину, как избранному на священное служение. Книга Числ получила свое название от описываемых в ней народосчислений и содержит историю сорокалетнего странствования по пустыне до подступления к Иордану. Во Второзаконии описываются события последних двух месяцев пребывания в пустыне, и она получила свое название от того, что в ней делается повторение всех изданных раньше законов и свод их в более доступную книгу закона. Она заканчивается описанием смерти Моисея с заключительной похвалой ему (34 глава). Все эти книги в полном своем составе (кроме последней главы Второзакония) написаны самим Моисеем, и свитки их как драгоценная святыня хранились в ковчеге завета. Но Моисей был не только законодатель и историк своего народа, но и боговдохновенный поэт или псалмопевец. После него осталось несколько боговдохновенных песней и молитв, из которых иные помещены в его исторических книгах, а одна молитва вошла в состав книги песней или Псалтири, и составляет 89-й псалом, как показывает и его надписание: «Молитва Моисея, человека Божия». Она начинается словами. «Господи! Ты нам прибежище в род и род. Прежде нежели родились горы, и Ты образовал землю и вселенную, и от века и до века Ты – Бог».

Моисей умер 120 лет, из которых 80 прошли до исхода израильтян из Египта и 40 по исходе. Эти цифры, вместе с

общим указанием, что от дарования Аврааму обетования до закона прошло 430 лет (Гал. 3:17), служат основой для летосчисления этого периода. Если половину последней цифры положить на время пребывания в Египте до дарования закона (что вполне согласуется с показанием касательно лет Моисея, а также и с тем, что он был представителем третьего поколения после Левия, т.е. правнуком его) и присоединить 40 лет странствования по пустыне, то сумма этих цифр ($215+40=255$) и будет приблизительно определять собою продолжительность четвертого периода Библейской истории.

Период этот, который по соображению с данными всемирной истории нужно отнести к XVII-XV столетиям до Р. Христова, ознаменовался некоторыми важными событиями и в жизни остального человечества. Из Египта (быть может, одновременно с Моисеем) вышел знаменитый Кекропс, который первый перенес плоды высокой цивилизации древнего Египта на девственную почву Греции и основал знаменитый, впоследствии, город Афины. Около этого же времени Эллин, сын мифического Девкалиона, вступил в Фессалию и по изгнании оттуда пелазгов поселился в ней и сделался родоначальником эллинского народа. На восточном берегу Средиземного моря, в соседстве с землей обетованной, основан был знаменитый, впоследствии, город Тир, который в одно время сосредоточивал в своих руках всемирную морскую торговлю и, впоследствии, состоял в дружественном союзе с царями народа израильского. Таким образом, с выступлением избранного народа на поприще всемирной истории выступали на него и новые народы, которые должны были служить представителями язычества в его высшем развитии и могуществе. Избранному народу предстояло победить его силою истинной религии и закона Божия.

**Период пятый. От завоевания земли
обетованной до учреждения царской
власти**

XXIII. Земля обетованная. Внешнее ее положение и природа. Население, его язык, религия и гражданское состояние

Земля обетованная, на границе которой стояли теперь израильтяне, представляла собою ту небольшую гористую полосу, которая известна теперь под именем Палестины. Простираясь вдоль восточного берега Средиземного моря от отрогов Ливанских гор на севере до Аравийской пустыни на юге, она имеет всего около 30 географических миль в длину и до двенадцати миль в ширину (считая в том и заиорданские уделы). Но, несмотря на свою внешнюю незначительность, она занимала в высшей степени выгодное и важное положение в древнем мире. Страна эта, в сущности, была уединенная: она нигде не соприкасалась непосредственно с большими идолопоклонническими народами, и однако же не настолько была удалена от них, чтобы не иметь о них никаких сведений. Напротив, благодаря своему своеобразному положению, она находилась как раз посреди могущественнейших монархий, боровшихся между собою за преобладание, но так, что эта борьба не затрагивала неизбежно ее существования. Дороги купцов и воителей как по суше, так и по морю проходили по ее границам; караваны и полки, двигавшиеся с берегов Евфрата к берегам Нила и обратно, соприкасались с ее окраинами, но никакого важного пути не проходило чрез самую страну. Естественные преграды, отделявшие ее от окружающего мира, разобщали ее с этим миром, предоставляя ее населению свободу по своему желанию входить в сношения с чужими странами, или сохранять свою отчужденность и полную самостоятельность и самобытность. Она соприкасалась как бы со всеми тремя частями тогдашнего света. Подле нее встречались между собой Азия, Африка и Европа. Это было средоточие, из которого в определенное время свет мог распространяться во все окружающие страны. Безопасность ее обеспечивалась самой природой: безводная пустыня на юге, непроходимые хребты гор на севере, безбрежное и

негостеприимное у этих берегов море на западе и глубокая иорданская долина с прилегающей к ней великой пустыней Сирийской на востоке – делали ее при некотором благоразумии и бдительности почти недоступной для завоевания. Там истинная религия, вдали от всяких чуждых влияний, могла беспрепятственно процветать среди избранного народа, который, однако же, сам имел все средства входить в сношения с окружающим миром и таким образом делиться с ним вверенным ему сокровищем. Так как земля обетованная занимала как раз срединное положение в древнем историческом мире, и около нее именно сходились и расходились те великие пути, по которым текла историческая жизнь этого мира и постепенно передвигалась с востока на запад, к великому бассейну Средиземного моря, то народ, которому выпало на долю владеть этой землей, не только становился наблюдателем всего хода исторической жизни окружающего мира, но, в то же время, делался наследником всего исторического богатства старых народов востока и вместе с тем держал в своих руках лучшие надежды юного нарождавшегося мира – на западе. Выгоднее этого положения для народа, которому Промысл судил быть «светом для народов», не могла представить ни одна еще страна на земном шаре.

По своему внешнему характеру Палестина – страна по преимуществу гористая. Начинаясь от северной границы, от группы гор Ливана и Антиливана, цепи гор непрерывными и правильными грядами параллельно спускаются до самого юга страны и тянутся по обеим сторонам реки Иордана. Склоняясь к западу, горные хребты переходят в низменности, из которых по одной течет река Иордан, а другая примыкает к самому берегу Средиземного моря и известна была в древности под названием равнины Филистимской и Саронской. Западная гряда гор, тянувшаяся чрез Палестину в собственном смысле этого слова, по середине прерывается большою равниной Ездрилонской, которая разделяет страну на две части – северную и южную. В обеих этих частях горная цепь рассыпается на множество холмов, перемежающихся с долинами, и среди холмов по

местам вздымаются горы, выдающиеся своею высотой над окружающею местностью. Таковы на севере Ермон, Фавор и Кармил, и на юге Гаризим, Гевал, Сион и гора Елеонская. Самая величественная из них гора Ермон, которая, вздымаясь на 9 300 футов над уровнем моря, своею снеговою вершиной как бы озирает всю землю обетованную и сама видна за полтора верст со всякого более или менее возвышенного места страны. Другие горы не превышают трети этой высоты и более знамениты связанными с ними историческими воспоминаниями, чем своим внешним величием¹¹⁵.

Промежуточные долины и равнины представляют собою то плоские возвышенности, иногда поднимающиеся до трех тысяч футов над уровнем моря (как напр, равнина Хеврона, лежащая на высоте 3 029 ф.), то глубокие впадины, иногда лежащие ниже морского уровня, как долина иорданская, лежащая почти на пятьсот футов ниже уровня Средиземного моря. Вследствие такого своеобразного устройства, Палестина представляет особенности, каких еще нигде не встречается на земном шаре. На занимаемом ею небольшом пространстве встречаются самые поразительные противоположности. Снеговые вершины Ливана и Ермона, так сказать, смотрят на долины и пустыни юга, где палящий зной по временам сжигает всякую растительность. В близком соседстве растут самые разнородные деревья – стройная пальма, любящая зной, и величавый дуб, требующий более умеренного и влажного климата.

С западной и восточной стороны Палестина окаймлена водою: с запада Средиземным морем, а с востока рекой Иорданом, который, беря свое начало в недрах Ермона, почти в прямом направлении течет с севера на юг, слегка извиваясь по долине. На своем пути Иордан протекает два озера – Меромское и Геннисаретское и впадает в Мертвое море, имея таким образом до полтора верст протяжения, при 10–12 сажнях ширины и 1–2 сажнях глубины в летнее время. Из двух протекаемых им озер особенно замечательно озеро Геннисаретское, названное так вследствие своей арфообразной формы. Оно имеет около 20 верст в длину и 10 в ширину, отличается чрезвычайною прозрачностью своих вод,

наполненных рыбами всякого рода. Окружающая его местность поражает своею живописностью и плодородием. По берегам его успешно растут пальмы, смоковницы, виноград и плодовые деревья всякого рода. Чрезвычайно теплый и благоуханный воздух содействует тому, что все плоды на его берегах созревают месяцем ранее, чем на окружающих высотах. Недаром иудеи говорили, что если рай еще есть на земле, то здесь именно дверь, которая ведет в него. Полную противоположность ему представляет Мертвое море, куда изливается Иордан. Оно имеет до 70 верст в длину и до 20 в ширину. Мрачно лежа в глубокой котловине, оно производит тяжелое и подавляющее впечатление. Желто-мутные воды его настолько пропитаны солью и горечью, что в них почти не может существовать никакая жизнь. Самый воздух вокруг него насыщен соленой горечью, и окружающая почва, с ее серно-солеными глыбами, представляет страшную пустыню. Кремнистые берега, ступенями поднимающиеся от его поверхности более чем на 1 700 футов и лишенные всякой растительности, довершают мрачную картину, которая всем своим видом напоминает о страшном суде Божиим, некогда постигшем беззаконные и нечестивые города цветущей долины. Следы прежнего плодородия служат лишь небольшие оазисы, на которых и теперь произрастают редкие бальзамовые растения и различные пальмы.

Положение Палестины на переходной ступени от умеренного пояса к жаркому (между 31° и 33° сев. широты и 34° и 36° в.д.) сообщает ее климату известную правильность, которая свойственна только ей. Продолжительность дней и ночей почти всегда равна 12 часам, и только в самые жаркие летние месяцы и самые холодные зимние месяцы между днями и ночами наступает разница на два часа. Переход от дня к ночи и наоборот совершается с необычайною быстротою. Ночь наступает почти вдруг после ясного дня, и рассвет дня с такою же быстротою разгоняет ночную тьму. С такою же правильностью сменяются и времена года. В Палестине, собственно, только два времени года – сырое и сухое. В начале осени наступают так называемые ранние дожди, которые падают с такою

правильностью, что в случае их замедления население начинает серьезно беспокоиться о будущем урожае. В течение нескольких месяцев дождливые дни перемежаются с солнечными; гром и молния возвещают и сопровождают выпадение дождя, который иногда обращается в снежные хлопья и град. К концу сырого времени дождь начинает идти еще обильнее и получает название поздних дождей, которые иногда восполняют недостаточность ранних. Это правильное распределение дождей находится в прямой зависимости от двух главных источников влаги: Ливанских гор на севере и Средиземного моря на западе. Тающий в течение лета снег на этих горах наполняет осеннюю атмосферу влагой, образует дождевые облака, которые образующимся на море осенью воздушным течением гонятся на юг, где они и выпадают в качестве дождя. В сухое время года, т.е. летом, продолжающимся от апреля до октября, небо делается совершенно безоблачным и не выпадает ни одной капли дождя для освежения земли и человека. Но растительность не погибает, так как богатые росы, образующиеся по ночам, с достаточностью возмещают отсутствие дождя, и северо-западный ветер, в течение всего лета дующий с моря, значительно умеряет дневной зной. Изредка свирепствует палящий восточный ветер (кадим), который вгоняет едкую пыль во все поры одежды и тела. Но и этот ветер в Палестине не имеет такой губительности, какую отличается африканский самум. Вследствие господствующей правильности, климат Палестины весьма здоровый и способствует высокому росту и телесной силе населения. В ней совершенно нет каких-либо гнилых болот, отравляющих атмосферу. Болезни вообще редки, а те, которые иногда свирепствуют в ней, большею частью заносного свойства.

В настоящее время Палестина кажется пустынною и бесплодною. Но не такою была она в древности. Когда она отдана была во владение избранного народа, то представляла собою как бы искусственный сад, заботливо насажденный среди окружающих пустынь, и отличалась изумительным плодородием, дававшим ей полное право на название страной, «где течет молоко и мед» (Исх. 3:8), «красою всех земель» (Иез. 20:6). Это

была, по описанию Моисея, «земля добрая, где пшеница, ячмень, виноградные лозы, смоковницы и гранатовые деревья, масличные деревья и мед, земля, в которой народ будет есть хлеб, и ни в чем не будет иметь недостатка» (Втор. 8:7–9). Еще и теперь долины отличаются чрезвычайным плодородием, и при некотором трудолюбии дают по две жатвы в год. Даже местность, лежащая к северу от Ездрилонской равнины, весьма щедро наделена природой, и в древности там было столько масличных деревьев, что то колено, которому досталась она, так сказать, утопало в масле¹¹⁶. Средина страны, лежащая к югу от этой равнины, также отличалась изобилием всего и щедро вознаграждала за труд. Повсюду из скал журчат ручьи, орошая землю и давая силу для мельниц. Местность эта, отданная во владение сынов Иосифа – Ефрема и Манассии, отличалась «вождеденными дарами неба, росой, вождеденными плодами солнца и вождеденными произведениями луны, превосходнейшими произведениями гор древних и вождеденными дарами холмов вечных» (Втор. 33:13–15). По склонам гор повсюду были роскошные сады и виноградники, и самые горы, теперь поражающие своею пустынностью, покрыты были густым лесом – теревинфом, буком, дубом и многими другими лиственными породами. На особенно теплых местах вздымались стройные пальмы, приносившие сладкие плоды и часто от избытка изливавшие свой сок на землю. К югу плодородие уменьшается, по мере того как долины сменяются сплошными известковыми холмами. Но и там были хорошие пастбища для стад. Только уже к югу от Хеврона местность получает совершенно пустынный характер, и только по местам попадаются орошаемые ключевой водой оазисы, в которых растительность тем роскошнее и богаче. Зато вся береговая полоса представляла изумительное плодородие, и даже теперь, несмотря на общее запустение страны, хлебные растения дают изобильный урожай при самой незначительной обработке земли, и из деревьев роскошно растут всякие пальмы, маслины, лимоны и бананы, хотя, к несчастью, при отсутствии трудолюбивого населения, прибрежный песок с каждым годом все более засыпает эту некогда благодатную полосу земли.

При своем необычайном плодородии и всех удобствах для тела, обетованная земля представляла здоровую пищу и для души. Она была до ничтожества мала в сравнении с обширными пространствами, которые занимались такими государствами древнего мира, как Египет, Индия, Ассирио-Вавилония. С некоторых пунктов на горных вершинах посредине земли можно сразу видеть ее границу и на востоке и на западе: с одной стороны волны Средиземного моря, с другой – мрачно сверкающую поверхность Мертвого моря с Иорданом и высящимися за ним горами Галаадскими. С горы Ермон глаз окидывает большее пространство, и перед ним открывается дивная панорама прекраснейших ландшафтов, которые в изумительно прозрачном воздухе рисуются пред взорами подобно ряду чудесных картин, начертанных рукою божественного Художника. Сколько здоровой пищи такие виды давали для души, и сколько возвышенных чувств и дум пробуждали они! В этой благословенной земле каждый холм и каждая долина способны были пробуждать в отзывчивой душе чувства беспредельного благоговения и благодарения к Творцу, перст которого чувствовался повсюду. Только под впечатлениями такой дивнобожественной красоты могли изливаться из души израильского царя-поэта, боговдохновенного псалмопевца Давида, те дивные псалмы, в которых вся одушевленная и неодушевленная природа, солнце и луна, звери и птицы, горы и холмы, юноши и девы, старцы и отроки – все призываются хвалить имя Господа, слава Которого на небесах и на земле (Пс. 148).

Неудивительно, что эта благословенная страна не оставалась безлюдною. С самой глубокой древности она была густо заселена различными племенами, и именно потомками Ханаана, сына Хамова, вследствие чего и самая земля называлась Ханаанскою. У Ханаана было одиннадцать сыновей, ставших родоначальниками одиннадцати отдельных племен. Четыре из них поселились в Сирии и Финикии, а остальные семь (хеттеи, иевусеи, аморреи, гергесеи, евеи, хананеи и ферезеи) заняли и заселили Палестину. Южную часть приморской равнины занимали филистимляне, в соприкосновение с которыми

приходили еще Авраам и Исаак и которые, впоследствии, достигли такого могущества, что по ним и самая страна стала называться Палестиной (филистимляне – пелиштим, отсюда Палестина). Среди них по местам встречались и остатки первобытного исполинского племени рефаимов, следы которого сохранялись до позднейшего времени.

Все эти народцы, при частных различиях, говорили языком весьма близким к еврейскому, так что израильтяне могли свободно понимать их и говорить с ними. Во всяком случае, при всех сношениях с ними как патриархов, так и позднейших израильтян дело вполне обходилось без переводчиков, и самые имена царей этих племен и названия городов звучали совершенно по-еврейски (как напр. Авимелех, Мелхиседек, Сихем, Кириаф-Сефер и пр.). Вместе с языком по местам среди них сохранялась и истинная религия, как это мы видим в лице Мелхиседека, который был священником Бога Вышнего, и даже в лице филистимского царя Авимелеха, который также обнаруживал знание истинного Бога – Элогим, Того Самого, в которого веровал Авраам (Быт. 21, 23). Но помимо этих следов истинной религии, в общем племени эти были погружены в самое темное идолопоклонство. В наиболее развитом виде оно было у финикийцев, которые, как наиболее просвещенные между ними, служили для них образцом и в религиозном отношении. Как финикийцы, так и все остальные ханаанские народцы боготворили силы природы, которые олицетворялись в божеской чете под именем Ваала и Астарты. Ваал олицетворял солнце, а Астарта луну, но не как чистейшие небесные светила, а как производительные силы природы, насколько они возбуждают к плодоношению землю, животных и людей. Кроме того, ханаанитяне почитали еще семь низших богов, олицетворявших собою семь известных тогда планет, и с ними еще особого восьмого бога под именем Асмун, который олицетворялся под образом змея и считался богом-целителем. Служение этим богам отличалось крайнею степенью грубой чувственности. При этом главную роль играли женщины. Жертвенники и капища устраивались на вершинах гор, под деревьями, и посвящались Ваалу и Астарте. В каждом капище Ваала был конусообразный

камень, как изображение оплодотворяющего органа, служившего главным предметом религиозного чествования. В конце осени совершался праздник печали, заканчивавшийся самым грубым распутством. Женщины в течение семи дней скорби отыскивали исчезнувшего Ваала, т.е. его деревянное или каменное изображение, от исступленной скорби рвали на себе волосы и ударяли себя в грудь. Жрецы под раздражающие звуки унылой музыки резали себе руки и тело ножами и кололи копьями. Но вот к концу праздника печали все исступленно восклицали: «жив Ваал!» и от этой исступленной радости девицы бесстыдно жертвовали своею честью за деньги, которые предназначались в жертву Астарте. При храмах существовали особые храмовые блудницы, которые в течение целого года предавались распутству как в самых храмах, так и на улицах, и назывались «посвященными» (кедешот). В честь Астарты мужчины и юноши оскпляли себя и одевались в женские одежды, чтобы этим уподобиться богу, который одновременно был и Ваалом и Астартой, мужским и женским началом. Эти фанатические скопцы, которые занимались выпрашиванием милостыни для капищ, назывались также посвящениями (кедешим). Понятно, что такая религия всю жизнь этих народов делала нечистою и омерзительною, уже навлекавшею на себя страшный гнев Божий – в наказании Содома и Гоморры. Вследствие этого Моисей решительно запретил израильтянам вступать в союз с ханаанскими народами. Чтобы освободить и очистить землю обетованную от такого осквернения, они должны были окончательно истребить или изгнать их, как племена, навлекшие на себя праведный суд Божий – за то, что они за благословенные дары заселенной ими благодатной земли не только не славословили истинного Бога, а, напротив, нашли в них источник омерзительного идолопоклонства и нечестия.

В гражданском отношении ханаанские народы находились уже на довольно высокой степени цивилизации. Не говоря уже о финикиянах, которые в это время уже вели обширную морскую торговлю и знакомы были со всеми сторонами цивилизованной жизни, другие ханаанские племена вслед за ними умели добывать металлы из рудников, ковали золотые и серебряные

вещи для украшения, оружие и колесницы для войны, строили храмы и дворцы, умели укреплять стенами города, вели торговлю и знакомы были со счетоводством и письменностью. На высокое развитие и распространенность письменности указывает замечательное обстоятельство, что один из городов в южной Палестине носил название Кириаф-Сефер, т.е. город книг, каковое название предполагает в нем существование целой библиотеки или книжного дома. Развитию гражданской жизни способствовала самая густота населения. Страна наполнена была городами и селениями, между которыми расстилались роскошнейшие нивы и пастбища. Города, большею частью сильно укрепленные, строились по преимуществу на высотах гор, что делало их еще более неприступными для вражеского нападения и что, между прочим, особенно устрало израильских соглядатаев. Несмотря однако же на это, ханаанские народцы не могли оказать непреодолимого противодействия израильтянам, так как между ними не было никакого государственного единства. Не только отдельные племена, но и отдельные города считали себя совершенно независимыми от других, управлялись своими собственными царьками, которые постоянно соперничали между собою и в непрерывных войнах взаимно истощали свои силы. Даже общая, угрожавшая им всем опасность не могла объединить их между собою, и каждый город защищался своими собственными силами. Только уже впоследствии образовывались союзы из нескольких городов, которые общими силами пытались отстоять свое существование. Но даже и при этой политической разрозненности ханаанских племен, чтобы завоевать землю обетованную с ее многочисленными твердынями, требовавшими для взятия их высокого военного искусства и осадных машин, какими, естественно, не мог обладать такой пастушеский народ, как израильтяне, и победить царей, располагавших испытанным в битвах войском и страшными железными истребительными колесницами, – для этого требовалось не только необычайное мужество со стороны вождя и его народа, но и особая помощь Божия. И эта помощь обещана была новому предводителю

народа израильского – доблестному и испытанному воину Иисусу Навину.

XXIV. Иисус Навин, завоевание земли обетованной и разделение ее. Религиозное одушевление израильского народа¹¹⁷

Славный преемник Моисея происходил из колена Ефремова и был одним из тех двух мужественных и преданных Моисею людей, которым одним только дано было из всего народа, выведенного из Египта, увидеть землю обетованную. При выходе из Египта Иисусу Навину было около сорока пяти лет и, таким образом, ко времени вступления в землю обетованную на его плечах лежала уже тяжесть восьмидесятипятилетнего возраста. Но подобно великому своему предшественнику, Иисус Навин и в этом возрасте был еще полон сил и неустрашимого мужества и вполне отвечал высоте своего положения. Как ближайший сподвижник Моисея, он вполне был знаком со всем относящимся к управлению народа и потому не нуждался в подробных наставлениях. Для него достаточно было одного божественного слова: «будь тверд и мужествен», чтобы всецело посвятить себя исполнению возложенной на него задачи – завоевания земли обетованной. Последний стан израильтян находился в Ситтимае, у горы, на которой почил Моисей, Местность кругом изумляла своею роскошью, чисто тропической растительностью, поддерживаемую множеством журчащих повсюду ручьев. От земли обетованной их отделял лишь Иордан, за которым во всем своем великолепии красовались горы и холмы земли, текущей молоком и медом. Но она не была совершенно открыта для них. Прежде всего, нужно было перейти самый Иордан, а затем верстах в двенадцати от него высились грозные твердыни Иерихона, который как бы держал в своих руках ключи к земле обетованной. Поэтому нужно было исследовать как место перехода чрез Иордан, так и особенно состояние Иерихона. С этою целию Иисус Навин отправил двух соглядатаев, которые должны были тайно проникнуть в Иерихон и разведать о состоянии как его, так и окружающей страны. Пробираясь к Иерихону, соглядатаи, наверно, изумлялись роскоши и богатству окружающей местности, которая и теперь

поражает щедростью даров своей природы. Пальмовые рощи и бальзамовые сады наполняли воздух чудесным ароматом, и вся местность звенела от щебетания множества самых разнородных и редких птиц. В самом Иерихоне собрано было множество богатств, как естественных, так и промышленных, и взятие его обещало богатейшую добычу. Но город был одним из самых сильных в стране, и граждане его были настороже. Чтобы не навлечь на себя подозрения, соглядатаи, тайно проникнув в город, остановились на самой его окраине и нашли приют у некоей Раавы, которая содержала на окраине города, в самой городской стене, нечто вроде гостиницы, но настолько грязной и сомнительной, что и сама содержательница пользовалась в городе худой славой блудницы. Несмотря на все предосторожности соглядатаев, иерихонцы, очевидно находившиеся в страшной тревоге и бдительно следившие за всеми подозрительными личностями, узнали об их присутствии и донесли царю, который тотчас же потребовал выдачи их от Раавы. Но она, пораженная рассказами о чудесах, сопровождавших шествие израильтян к земле обетованной, и признавая превосходство их Бога, скрыла их в снопах льна у себя на кровле и тайно выпустила их через окно стены за город, направив их по совершенно другой дороге, чем по которой отправились в погоню за ними иерихонцы. Предчувствуя неминуемое падение города, она взяла с соглядатаев обещание пощадить ее и ее родню во время взятия города, условившись, что знаком ее дома, в отличие от других, будет служить та самая «червленая веревка», на которой она спустила израильтян за стену.

Благополучно возвратившись в стан, соглядатаи известили, что как жители Иерихона, так и другие народы поражены ужасом от побед израильтян, и Иисус Навин на следующее же утро приказал двинуться за Иордан. Это было время жатвы пшеницы (в апреле), когда Иордан обыкновенно выступает из берегов, благодаря таянию снегов на горах Антиливана, и потому переход через реку был более затруднителен, чем во всякое другое время. Но когда, по особому откровению, священники, несшие ковчег завета во главе народа, ступили в реку, воды в ней разделились,

верхняя часть стала стеною, а нижняя стекла в Мертвое море, так что образовался сухопутный проход на ту сторону. Священники двинулись с ковчегом на середину русла реки и стояли там, как бы сдерживая воду, пока не перешли через реку все израильтяне. В ознаменование этого чуда двенадцать избранных мужей взяли из русла двенадцать камней, из которых потом воздвигнут был памятник в Галгале перед Иерихоном, где израильтяне остановились станом по переходе Иордана, а из других двенадцати камней, взятых на суше, поставлен был памятник на том самом месте, где стояли священники с ковчегом завета. В Галгале устроен был укрепленный лагерь, который сделался не только местом продолжительной стоянки, но и опорным пунктом для завоевания. Там израильтяне в сороковой раз по исходе из Египта совершили Пасху, и так как во время странствования в пустыне, вследствие постоянных тревог и бедствий, по необходимости часто оставляем был без исполнения закон об обрезании, то перед совершением Пасхи на почве земли обетованной народ должен был исполнить этот закон, и весь мужеский пол был подвергнут обрезанию. Тут же прекратилась и манна, которою доселе питался народ, и теперь он должен был питаться уже плодами самой земли обетованной.

Наконец, нужно было приступить ко взятию страшных твердынь Иерихона¹¹⁸. Когда Иисус Навин осматривал укрепления вражеского города, он вдруг увидел пред собой человека, с обнаженным мечем в руке. «Наш ли ты, или из неприятелей наших?» спросил его храбрый вождь. «Нет, я вождь воинства Господня», отвечал незнакомец. Иисус Навин в благоговении пал ниц и получил откровение о том, как может быть взят Иерихон. Согласно этому высшему указанию, Иисус Навин велел священникам выступить с ковчегом завета и нести его вокруг стен Иерихона, причем семь священников должны были идти пред ковчегом и трубить в трубы, а вооруженные воины молча идти впереди и позади ковчега. Шесть дней обходили они так город по одному разу – к великому изумлению иерихонцев, которые, конечно, ожидали приступа на город. В седьмой день шествие повторилось семь раз, в конце последнего обхода вдруг раздался потрясающий возглас

безмолвного дотоле народа, и страшные твердыни Иерихона пали от чудесного сотрясения, оставив город совершенно беззащитным пред израильтянами. Все жители, кроме Раавы и ее сродников, были истреблены, самый город разрушен, и произнесено было проклятие на всякого, кто бы попытался построить его вновь. Раав за свою веру во всемогущество истинного Бога была награждена принятием ее в общество избранного народа. И эта ветвь от дикой маслины принесла добрый плод. Выйдя замуж за Салмона, она сделалась матерью Вооза, прадеда Давида, и имя ее наряду с тремя другими женщинами занесено в родословную Христа (Мф. 1:5)¹¹⁹.

Падение столь крепкого города, как Иерихон, было весьма важно для израильтян, так как искусство правильной осады городов находилось и вообще в младенческом состоянии, а тем более у такого пастушеского народа, каким были израильтяне. Города к востоку от Иордана брались битвами на открытом поле, а некоторые укрепленные города в самой Палестине держались долго и после поселения в ней израильтян. Ободренный таким успехом, Иисус Навин отправил отряд в 3 000 человек против соседнего города Гая, который, по свидетельству соглядатаев, был слишком слаб, чтобы утруждать все войско¹²⁰. Но это высокомерие наказано было тем, что гаине разбили израильский отряд и обратили его в бегство. Эта неудача навела страх и на весь народ, а Иисус Навин и старейшины, разодрав одежды, пали пред скиниею. Тогда вождю народа было откровение, что причиной этого несчастья был один израильтянин, который из своекорыстия утаил часть из добычи иерихонской.

Брошен был жребий, и он указал на Ахана, из колена Иудина, который и был побит камнями, а труп его со всем имуществом предан сожжению – в предостережение и другим, кто захотел бы увлечься своекорыстием и присвоить себе что-нибудь из общего достояния народа. После этого израильтяне опять отправились против Гая и, употребив военную хитрость, взяли город. Все жители подверглись истреблению, царь был повешен, а имущество сделалось достоянием победителей.

Взятие первых двух укрепленных городов отдавало в распоряжение израильтян обширный округ обетованной земли и

служило обеспечением дальнейших успехов завоевания. Но прежде чем продолжать завоевательную деятельность, народ израильский должен был торжественно принять на себя обязательство свято хранить врученный ему закон Божий. Божественную целию при отдаче израильтянам земли обетованной было не просто заменить прежних жителей ее новыми, но истребить язычников и поселить на их место народ избранный и освященный так, чтобы на развалинах царства мира сего основать царство Божие. Во свидетельство этого народ должен был совершить клятву при самой торжественной обстановке¹²¹. На каменных плитах были выбиты главные положения Синайского законодательства, и на горе Гевал принесены обильные жертвы. Затем священники с ковчегом завета заняли долину между горами Гаризимом и Гевалом, а народ, разделенный на две половины, по шести колен, должен был расположиться на самых горах. И вот, когда священники провозглашали известное положение закона, то на благословение его с горы Гаризима и на проклятие его с горы Гевала народ отвечал громким и дружным «аминь», подтверждая этим истинность и неизбежность как благословений за исполнение закона, так и проклятий за его нарушение. – Место, где совершен этот торжественный акт, способно было вместе с тем влить новое мужество в народ и одушевить его самыми возвышенными чувствами. Кругом волнообразно шли холмы, зеленевшие по склонам виноградниками и нивами, среди них изумрудной полосой лежала долина Сихемская, та самая, где некогда Авраам воздвиг свой первый жертвенник Богу и Иаков устроил свою первую ставку в земле обетованной (Быт. 12:7; 33:19), и по обеим ее концам великанами высились горы Гаризим и Гевал, дружный «аминь» с которых громовыми отголосками разносился по долине, замирая в отдаленных холмах. И с этих гор пред изумленными глазами народа развертывалась чудесная картина всей средней Палестины. На север последовательно возвышались Гелвуя, Фавор, Кармил и убеленный снегами северный страж земли – Ермон, с зеленеющими между ними долинами и равнинами. К востоку сверкали прозрачные воды озера Гениссаретского с тянущейся

от него голубою лентою Иордана, а к западу виднелась чудная синева Средиземного моря с окаймляющей его песчаной полосой. Таким образом, как бы вся земля обетованная была свидетельницей великой клятвы Израиля, и вся она, с ее горами, озерами, реками, холмами и долинами, была торжественно посвящена Господу.

Между тем стоустая молва о победах и самоуверенном поведении израильтян, распорядившихся в Палестине как в своей собственной земле, пронеслась по всей стране и навела еще более ужаса на ханаанские племена. Жители некоторых городов, не надеясь выстоять против завоевателей, стали прибегать даже к хитростям¹²². В израильский стан, все еще находившийся в Галгале, прибыли послы, которые, судя по их износившейся одежде и обуви, были издалека; они заявили старейшинам, что действительно прибыли из отдаленной страны, куда, однако же, донеслись слухи о великих победах Израиля, и просили о заключении мирного договора. Израильтяне согласились на договор с ними, но потом оказалось, что это были послы от жителей находившегося неподалеку города Гаваона и принадлежащих ему сел. Договор считался священным, и потому жители его были пощажены от избиения, но обращены в рабов для исполнения религиозных обязанностей в скинии, в каковом положении они встречаются и в последующее время.

Другие народы между тем, видя, что каждый из них в отдельности не может выстоять против израильтян, заключили между собой оборонительный союз¹²³. Именно соединились пять царей, под предводительством. Адониседека, царя иерусалимского, и они, прежде всего, решились наказать гаваонитян за их измену общему делу. Гаваонитяне обратились за помощью к Иисусу Навину, который и двинулся против соединенных сил неприятеля. Быстрым ночным маршем настигнув неприятеля, он внезапно напал на него, разбил и обратил в бегство. Каменный град произвел в нем еще большее опустошение, чем оружие израильтян. Солнце уже склонялось к вечеру, а между тем преследование было еще не окончено. Тогда Иисус Навин, сильный верою во всемогущество Божие,

повелительно воскликнул: *«Стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слушал бы гласа человеческого; ибо Господь сражался за Израиля»*¹²⁴. Это новое необычайное чудо опять показало израильтянам, какого сильного Помощника и Покровителя имеют они, и вместе с тем еще более устрасило хананеян, которые теперь видели, что сами боги их (солнце и луна) стали на сторону народа-завоевателя. Цари-союзники, бежав с поля битвы, пытались скрыться в пещере, из которой, однако же, были взяты и преданы смерти.

За этой победой завоевание стало совершаться легко и быстро. Города падали один за другим, и вместе с ними подвергались истреблению или изгонялись владевшие ими народы. Так была покорена вся южная половина обетованной земли, за исключением нескольких сильных крепостей, как напр. Иерусалим, и Иисус Навин с богатой добычей возвратился в Галгал.

Теперь оставалось покорить еще северную половину. Видя надвигающуюся грозу, цари северных племен начали готовиться к защите. Во главе союза из семи царей выступил царь асорский Навин, который собрал многочисленное войско «подобно песку морскому» и расположился станом у озера Меромского. Особенную силу этому войску придавала конница, состоявшая из множества военных колесниц. Но сильный верою в правое дело, Иисус Навин внезапно напал на них, и одна битва решила судьбу и этой части страны. Неприятели были разбиты, конница захвачена была в плен и уничтожена, город Асор, как «глава всех царств сих», сожжен, жители истреблены и все богатство их сделалось добычей победителей.

Эта решительная победа отдала в руки завоевателей всю землю обетованную. Они уже не могли встречать себе сильного противодействия, хотя еще оставались укрепленные города, державшиеся благодаря крепости своих стен. Война продолжалась около семи лет; в течение ее были покорены, хотя и не вполне истреблены, семь народов, и в битвах пали

тридцать один царь. Наконец израильтяне утомились войной и желали воспользоваться плодами своих побед. Воины заиорданских колен, давно оторванные от своих семейств, стали просить отпуска в свои владения. Вследствие этого война была приостановлена, хотя завоевание не было покончено, и многие хананеи остались в пределах обетованной земли, сделавшись, впоследствии, источником страшных зол и всевозможных бедствий для израильтян.

Наконец последовал раздел земли¹²⁵. Кроме двух с половиной заиорданских колен, получивших себе наделы еще до перехода Иордана, вся завоеванная земля была разделена между остальными девятью с половиною коленами. Раздел производился по особому жребию, указывавшему каждому колену сообразный с его численностью участок земли. Первый жребий выпал колену Иудину, которому достался обширный округ с Хевроном в центре. Рядом с ним, еще южнее, достался удел колену Симеонову, составившему южную границу земли, и затем, начиная от севера, уделы распределялись следующим образом. Самая северная часть земли досталась колену Неффалимову, именно в прекрасных долинах Антиливана. Асирову колену назначен был приморский берег, длинная и узкая полоса земли, от границ Сидона до горы Кармила. Колено Завулоново заняло поперечную полосу земли между озером Геннисаретским и Средиземным морем. Южнее его одно за другим расположились колена Иссахарово, вторая половина Манассиина и Ефремово, занимая пространство между Иорданом и Средиземным морем. Ефремово колено, таким образом, заняло самую средину обетованной земли и, благодаря этому счастливому положению, а также и своей многочисленности, оно получило особенное значение в судьбе израильского народа, так как и главные центры религиозной и политической жизни народа находились именно в пределах этого колена. – В южной половине страны морской берег и западная часть материка выпали на долю колену Данову. Вениаминово колено расположилось по равнине Иерихонской и по долине Иорданской до Мертвого моря, доходя к западу до непокоренной крепости иерусалимской. И затем остальная часть южной

половины страны, как сказано раньше, досталась в удел коленам Иудину и Симеонову. В общем заиорданские наделы отличались богатыми пастбищами, северные и средние представляли наибольшие удобства для земледелия, а южные изобиловали виноградниками и маслинами.

После раздела земли, по особому откровению дан был надел и самому вождю народа Иисусу Навину, именно город Фамнаф-Сараи в колене Ефремовом. Так как колено Левиино, по его особому служению, осталось без земельного надела, то ему выделено было в среде различных колен сорок восемь городов с принадлежащими к ним угодьями; из них тринадцать городов назначено собственно для священников и шесть особых городов с предоставлением им права убежища для невинных убийц. «Таким образом отдал Господь Израилю всю землю, которую дать клялся отцам их; и они получили ее в наследие и поселились на ней. И дал им Господь покой со всех сторон, как клялся отцам их; и никто из всех врагов их не устоял против них; и всех врагов их предал Господь в руки их. Не осталось не исполненным ни одно слово из всех добрых слов, которые говорил Господь дому Израилеву; все сбылось».

Возвратились в свои уделы и заиорданские колена¹²⁶, воинов которых Иисус Навин, с выражением благодарности за их содействие общему делу и с увещанием держаться веры в единого истинного Бога, наконец нашел возможным отпустить. С большой добычей, выпавшей на их долю из богатств ханаанских, они отправились за Иордан и у места перехода израильтян чрез реку воздвигли большой жертвенник. Но это обстоятельство крайне встревожило остальные колена, которые усмотрели в этом желание заиорданских колен отделиться от своих братьев в религиозном отношении. Негодование было так велико, что готова была разразиться братоубийственная война. Но к счастью, благоразумие предотвратило это бедствие. Назначенная по этому делу особая депутация, состоявшая из священника Финееса и десяти избранных старейшин, выяснила сущность дела и из объяснений заиорданских колен пришла к убеждению, что, созидавая жертвенник, они не только не думали отделяться от религии своих отцев, а напротив, этим видимым

жертвенником хотели наглядно подтвердить связь свою с остальными коленами и для будущих своих поколений.

Общею связью для всех колен служила скиния с ковчегом завета, но чтобы сделать эту народную святыню доступною всем коленам, Иисус Навин перенес ее в Силом, в колене Ефремовом, как занимавшем срединное положение в стране. И отсюда Иисус Навин продолжал мирно управлять народом до самой смерти. Все управление его продолжалось двадцать пять лет. Наконец «он вошел в преклонные лета»¹²⁷. Чувствуя приближение смерти, он созвал к своему смертному одру представителей и начальников всех колен и обратился к ним с сильным увещанием исполнять все, заповеданное в книге закона Моисеева. Он напомнил им при этом обо всем, что Бог сделал ханаанским народам ради их, а также о Его обещании, что, если они останутся верны Ему, вся земля сделается их полным владением, все язычники будут изгнаны из нее. Это же увещание он повторил и в Сихеме, священном жилище Авраама и Исаака, и закончил свою предсмертную беседу словами: «Итак бойтесь Господа и служите Ему в чистоте и искренности, отвергните чуждых богов, которым служили отцы ваши за рекою в Египте, а служите Господу. Если же неудобно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить; ...а я и дом мой будем служить Господу, ибо Он свят». «И отвечал народ, и сказал: нет, не будет того, чтобы мы оставили Господа и стали служить другим богам!» Умиравший вождь записал эти слова в книгу закона, взял большой камень и положил его под дубом у святилища, сказав народу: «вот, камень сей будет вам свидетелем... да будет он свидетелем против вас в последующие дни, чтобы вы не солгали пред Господом, Богом вашим». Отпустив затем народ по своим уделам, Иисус Навин мирно и с сознанием исполненного долга скончался 110 лет от роду и был погребен в своем наследственном наделе в Фамнаф-Сараи. Вскоре за ним скончался и первосвященник Елеазар, сын Аарона. Останки Иосифа, вынесенные израильянами из Египта, были должным образом преданы земле в Сихеме, на том участке, который был некогда куплен Иаковом и подарен им своему любимому сыну.

«И служил Израиль Господу во все дни Иисуса Навина и во все дни старейшин, которых жизнь продлилась после Иисуса, и которые видели все дела Господа, какие Он сделал Израилю»(ИсН. 24:31) Сорокалетнее воспитание в пустыне, очевидно, имело весьма благотворное влияние на народ. Такой преданной веры в Бога мы уже почти не встречаем ни в одном из последующих периодов истории израильского народа.

Времена судей

XXV. Уклонения израильтян в идолопоклонство и обращения к их Богу во время постигавших их бедствий. Девора и Варак¹²⁸

По смерти Иисуса Навина израильтяне остались без вождя. Настал период, когда вполне должно было осуществиться то богоправление, которое лежало в основе Моисеева законодательства о государственном управлении израильского народа. Каждое колено должно было управляться своими собственными старейшинами, с отдельным князем или начальником колена во главе, и связующим звеном для них, кроме естественного родства и общих исторических воспоминаний, должна была служить их общая вера в единого истинного Бога, как единственного Царя и Судию народа, общее живое сознание, что все колена составляют одно нераздельное царство Иеговы. Видимым знаком этого религиозно-политического единства была общенародная святыня – скиния, поставленная с этою целию в середине страны – в Силоме, в колене Ефремовом. Но такое правление предполагает действительно высокую степень религиозно-нравственного состояния народа, и потому первые годы жизни израильтян в земле обетованной, когда «Израиль служил Господу», т.е. был верен Его завету и послушен Его законам, были временем всеобщего мира и благоденствия, и каждый израильтянин мирно обитал под своей смоковницей. Такое состояние продолжалось до тех пор, пока еще живо было то поколение, которое было свидетелем великих благодеяний Божиих и чудес, совершенных ради избранного народа. За это время некоторые колена (Иудино и Симеоново) успели продолжить завоевание обетованной земли, но так как окончательного завоевания ее не было сделано раньше общими усилиями, то израильтяне должны были примириться с этим обстоятельством и, терпя около себя ненавистных и проклятых хананеев, должны были побеждать их силою своего религиозно-нравственного превосходства и таким образом приобщать их к общему достоянию царства Божия на земле. К сожалению, народ израильский даже в тех случаях,

когда имел возможность побеждать хананеян силою оружия, не всегда изгонял и истреблял их, а часто предпочитал оставлять их в качестве данников себе, нарушая, таким образом, из своекорыстия прямое повеление Божие. Но этим самым израильтяне подготовили себе страшные бедствия, потому что, как предсказывал им Ангел Господень, эти оставшиеся народы сделались для них петлею и боги их стали для них сетью. Молодое поколение, выступившее на место прежнего, видевшего все великие благодеяния и чудеса Божии для народа, не знало и не хотело знать *«Господа и дел Его, которые Он делал Израилю. Сыны Израилевы стали делать злое пред очами Господа и стали служить Ваалам; оставили Господа, Бога отцов своих, который вывел их из земли Египетской, и обратились к другим богам, богам народов, окружающих их, и стали поклоняться им, и раздражали Господа; оставили Господа и стали служить Ваалам и Астартам»¹²⁹*, хананейским божествам, идолопоклонство которых сопровождалось самым гнусным нечестием и распутством. За уклонением от истинной религии последовало и вообще ослабление нравственности в народе, водворилось господство неправды, необузданного произвола, неповиновение властям, за которыми, в свою очередь, следовало полное расстройство государственного и общественного управления и полное ослабление политического могущества народа. Таким состоянием, конечно, пользовались туземные и соседние народы, нападали и безнаказанно грабили и убивали израильтян, заставляли их платить себе дань, так что тот период, который должен был служить осуществлением истинного богоуправления, вследствие непостоянства и неверности народа израильского сделался для него временем страшных испытаний, новою школою религиозно-нравственного воспитания. В наказание за богоотступничество и беззаконие Бог отдавал их в руки местных врагов, но из сожаления к злополучному народу воздвигал им особых избавителей, так называемых судей, которые при помощи Божией избавляли народ от притеснителей и чужеземного ига. Из таких судей наиболее известны: Гофониил, Аод, Девора с Вараком, Гедеон, Иеффай, Самсон, Илий и

Самуил. Некоторые из них были призваны Богом, другие избраны самим народом, а некоторые правили народом по праву наследства. Правление судей израильских обнимало период около 350 лет.

Когда израильтяне, забыв повеление Божие, начали дружить с нечестивыми хананеями и заключать с ними брачные связи, влекшие за собою идолопоклонство, то Бог поразил их первым бедствием и предал их в руки месопотамского царя Хусарсафема¹³⁰, который поработил их себе на восемь лет. Это бедствие заставило народ образумиться, и он возопил к Господу об избавлении. Тогда Господь воздвиг им избавителя, в лице первого судии Гофониила, внука Халева. Укрепляемый Духом Божиим, он сделался правителем народа, собрал войско и низверг месопотамское иго, после чего народ наслаждался миром в течение сорока лет, до смерти Гофониила.

Но продолжительное благоденствие опять обращено было народом во зло, и по смерти Гофониила «сыны Израилевы опять стали делать злое пред очами Господа». В наказание за это на них послан был Еглон, царь моавитский, который в союзе с соседними племенами разбил израильтян и поработил их себе на восемнадцать лет, пока не явился избавитель в лице второго судии Аода¹³¹, который лично, посредством хитрости, убил тучного Еглона и затем с войском израильским разбил моавитян, после чего обетованная земля покоилась восемьдесят лет. После Аода судьей был Самегар, известный тем, что он воловьим рожком побил 600 человек филистимлян, сделавших набег на израильтян, и тем избавил их от разорения, грозившего нарушить период восьмидесятилетнего благоденствия.

Так как и после этого народ «делал злое пред очами Господа», то должен был понести еще более тяжкое иго¹³². Пользуясь слабостью израильтян, хананеи на севере Палестины чрезвычайно усилились. Ханаанский царь Иавин, составив из окружающих мелких племен сильный союз, перешел в наступление. Его полководец, жестокий Сисара, сделал опустошительное нашествие на северные колена, которые не могли выстоять против его страшной конницы, состоявшей из 900 железных колесниц. Подавленные силою, северные колена,

чувствуя свою полную беспомощность, в течение целых двадцати лет должны были сносить самое тяжкое угнетение от торжествующего врага. Но вот, когда народ уже терял надежду на избавление, и храбрейшие мужи не смели и думать о низвержении ига грозного врага, избавительницей угнетенных колен выступила женщина. В гористой местности, между Рамой и Вефилом, немного к северу от Иерусалима, жила знаменитая Девора, пророчица. Слава о ее мудрости гремела по всей стране и весь народ израильский приходил на суд к ней. До нее донеслись и стоны угнетенных колен, и она мужественно выступила для их избавления.

Верст на полутораэта к северу от ее жилища, в самом центре угнетенной страны, в городе Кедесе, колена Неффалимовом, близ озера Меромского, жил некий Варак, самое имя которого – «молния», как бы указывало на его мужественный дух¹³³. Его-то мудрая Девора и порешила сделать вождем того воинства, которое должно было собраться по ее призыву под освободительное знамя. Отправив к нему посольство, Девора именем Бога, открывшего ей надежду на избавление от врага, повелела Вараку стать во главе десятитысячного отряда воинов из колен Неффалимова и Завулонова и выступить против жестокого Сисары. Но даже и мужественный Варак смутился от такого поручения, и он не осмеливался взяться за дело, пока к нему не явилась лично Девора. Поспешая на север, она лично явилась среди угнетенного народа, и появление ее не только ободрило Варака, но и пробудило энтузиазм в народе, который стал собираться под ее знамя. При вести о восстании, Сисара быстро снарядил свои смертоносные колесницы и занял равнину Ездрилонскую, это главное боевое поле Палестины. Извивающаяся здесь небольшая речка Кисон, почти вся высыхая летом, превращается зимою и после дождей в бурный поток, который, выходя из берегов, наводняет всю окружающую местность, превращая ее по местам в непроходимые болота. Мужественная и мудрая руководительница войска израильского, собравшегося под знаменем Варака на горе Фаворе, господствующей над Ездрилонской равниной, сразу оценила выгоду для себя этого

обстоятельства и дала знак Вараку – с неожиданною быстротою ринуться на неприятеля.

Гордый своим могуществом и железными колесницами, Сисара, быть может, пренебрежительно отнесся к израильскому войску, во главе которого, притом, вместе с Вараком стояла женщина Девора. Но это должно было тем более придать значения молниеносному натиску Варака, который сразу же смешал ряды неприятелей и обратил их в беспорядочное бегство. Дорогу бегущим преграждал разлившийся Кисон, в произведенных им топях колесницы вязли и делались совершенно бесполезными, так что все войско подверглось полной гибели – как от воды, так и от меча торжествовавшего Израиля. Сам Сисара с жалкими остатками своего войска бежал на север, пытаясь скрыться в горных проходах. Молниеносный Варак настигал его и там, и он, не видя более спасения, хотел скрыться хоть в шатре одной кенеянки, Иаили. Но последняя, будучи потомком Иофора, тестя Моисеева, и сознавая свою духовную связь с народом израильским, не пощадила грозного угнетателя этого народа. Приняв его в своем шатре с видом дружелюбия, она собственноручно убила его, когда он заснул от утомления.

Эта великая победа над жестоким и сильным угнетателем переполнила сердца победителей ликованием, и *«в тот день воспели Девора и Варак такими словами: Израиль отмщен, народ показал рвение; прославьте Господа! Слушайте цари, внимайте вельможи; я Господу, я пою, бряцаю Господу, Богу Израилеву»* (Сд.5:1). Затем в этой знаменитой песне Деворы подробно описывается бедственно состояние израильтян и славное избавление, и она заканчивается торжествующими словами: *«Так да погибнут все враги Твои, Господи! любящие же Его да будут как солнце, восходящее во всей силе своей!»* – *«И покоилась земля сорок лет»*.

XXVI. Гедеон и Иеффай¹³⁴

Хотя чудесное избавление, совершенное Деворой и Вараком от иноплеменного ига, водворило в земле обетованной мир и благоденствие на целые сорок лет, но самое состояние народа в религиозном и гражданском отношении было таково, что и в будущем могли угрожать подобные же бедствия. Живя среди идолопоклонников, народ израильский при виде сладострастных форм их идолослужения сам увлекался ими, нравственные силы его ослабевали, внутри усиливалось разъединение между коленами, приведшее, наконец, к тому, что каждое колено начало считать себя как бы отдельным, совершенно самостоятельным государством. Когда это государственное раздробление совершенно ослабило народ, то этим не преминули воспользоваться окружающие кочевые племена, которых постоянно манили к себе богатства и роскошь земли обетованной. И вот, когда «сыны Израилевы стали опять делать злое пред очами Господа, Господь предал их в руки мадианитян» и сродных с ними кочевых племен. Мадианитяне, амаликитяне и все «сыны востока» в бесчисленном множестве, с волами и верблюдами, сделали нашествие на Палестину, переправившись чрез Иордан и сломив всякое сопротивление, какое только могли оказать им раздробленные силы израильтян, они наводнили собою всю страну от Ездрилонской равнины на севере до Газы – на самом юге. И это нашествие повторялось из года в год. Лишь только производились израильтянами посевы полей, как опять появлялась эта дикая орда, которая своими кибитками покрывала все холмы и долины, угоняла весь встречавшийся скот и потравляла своими стадами всякую растительность. Ничего не могло быть тяжелее и разорительнее подобных нашествий, так как после них не оставалось ни хлеба, ни скота. Огонь и меч распространяли ужас по всей стране; отчаянное сопротивление отдельных отрядов израильтян приводило лишь к беспощадному избиению храбрых защитников своего отечества, и, наконец, единственным спасением оставалось лишь поголовное бегство населения в горы, где оно и скрывалось в пещерах. Так продолжалось целых семь лет.

«И весьма обнищал Израиль», и он опять возопил к Господу. Тогда Господь опять сжалился над своим неверным и непостоянным народом и послал ему избавителя в лице Гедеона.

Гедеон происходил из города Офры, лежавшего в холмах средней Палестины, того именно ее округа, который подвергался наибольшему опустошению от дикой орды. Это был, как показывает самое его имя, «отважный воин», отличавшийся царственным величием в своей внешности. Он был младший член семьи, которая дала уже несколько храбрых воинов и защитников отечества от иноплеменников, и два старших брата его уже положили свою жизнь в борьбе с этими именно хищниками в отчаянной стычке при Фаворе. Живя среди упавшего духом народа, он один не терял надежды на избавление и ждал пробуждения в народе духа раскаяния и возрождения. В это время среди народа явился пророк, который пламенной речью призвал к покаянию, упрекая израильтян в забвении ими всех благодеяний Божиих со времени выхода их из Египта. Это, естественно, пробудило дух народа, который еще пламеннее стал просить об избавлении от тяжкого ига. И тогда именно Гедеон получил высшее призвание к делу избавления страждущего народа.

Осенью в седьмой год нашествия мадианитян, Гедеон украдкой и торопливо молотил пшеницу, чтобы скорее укрыться от рыскавших повсюду врагов. Тенистый дуб давал ему защиту от палящего солнца. Занятый поспешной работой, Гедеон не заметил, как под дубом появился какой-то путник. Но это был «Ангел Господень», который сказал ему: «Господь с тобою, муж сильный!» Приветствие это странно поразило Гедеона и болезненно затронуло в нем чувство угнетенного положения, в котором находился как он сам, так и весь народ. Не злая ли это ирония со стороны незнакомца? – «Господин, отвечал ему Гедеон: если Господь с нами, то отчего постигло нас все это бедствие? и где все чудеса Его, о которых рассказывали отцы наши, говоря: из Египта вывел нас Господь. Ныне оставил нас Господь и предал в руки мадианитян», – с грустью и отчаянием заключил Гедеон. Но ангел уверил его в предстоящем

избавлении. Из чудесного знамения (чудесного появления огня в принесенной жертве) Гедеон убедился в своем высшем призвании для избавления народа, и в его душе исчезла и та малейшая тень сомнения и отчаяния, которая начала было закрадываться и в его мужественный и верующий дух. Но чтобы иметь больше успеха в возложенном на него деле, Гедеон должен был, прежде всего, возбудить дух истинной религии в народе, подавленный вторжением идолопоклонства. Идолопоклонство проникло даже в самое семейство, в котором младшим членом был Гедеон. Отец его Иоас, отчаявшись в помощи Иеговы, предался идолопоклонству, и на одной из ближайших гор воздвиг жертвенник Ваалу, солнечному богу своих ханаанских соседей. Рядом с жертвенником стояло дерево, посвященное Астарте. Гедеон получил божественное внушение разрушить это капище и тем выразить открытый протест против идолопоклонства. И он, пылая ревностью о вере в истинного Бога, немедленно исполнил это внушение. Взяв десять человек рабов своих и пару тельцов, он ночью разрушил капище, срубил заповедное дерево, на месте низвергнутого жертвенника Ваалова воздвиг жертвенник истинному Богу и принес в жертву одного из тельцов, употребив на дрова самое дерево Астарты. Все это было сделано ночью, так как днем это возбудило бы суеверный ужас и восстание его домашних и жителей города. Но тем большим изумлением и негодованием охвачены были эти последние, когда с наступлением дня они увидели, что сделано было с капищем и святыней. Народная молва не замедлила приписать это мнимое «святотатство» Гедеону, и среди жителей города раздались яростные голоса, требовавшие смерти виновного. Но его спасла мужественная решимость и находчивость его отца Иоаса. Последний раньше всех других убедился из подвига своего сына в жалком ничтожестве Ваала, и на требование толпы о выдаче Гедеона смело отвечал: «вам ли заступаться за Ваала, вам ли защищать его? Если он бог, то сам вступится за себя». Эта смелая и просвещенная речь действительно устыдила толпу и заставила ее убедиться в своем заблуждении, и Гедеон получил название Иероваала, т.е. «противоборца Ваалу».

Слава об этом подвиге быстро разнеслась по стране, имя Гедеона было у всех на устах, и он мог теперь выступить в качестве избавителя от внешних врагов. «Дух Господень объял Гедеона, и он вострубил трубою». Звуки этой трубы нашли быстрый отголосок в окружающих коленах, и под знаменем Гедеона собралось 32 000 воинов, готовых положить свой живот за истинную веру и свое отечество. Еще раз получив уверение о своем призвании двумя чудесными знаменами (появлением росы на шерсти при отсутствии ее на окружающей земле и отсутствием ее на шерсти при обилии ее кругом), Гедеон выступил против неприятеля. Но избавление должно было совершиться не собственными силами народа, а силою Божиею, и потому Гедеону поведено было уменьшить свое войско, отпустив всех боязливых и робких. Осталось только 10 000 человек; но и этого было много для победы. Посредством особого испытания при водопое на реке, избрано было всего только триста человек, но очевидно самых храбрых и испытанных воинов, которые были настолько закалены, что даже воду из реки, пренебрегая всякими удобствами, «лакали языками своими как лакает пес». С этою горстью воинов Гедеон и должен был выступить против неприятелей, которые огромным полчищем в 135 000 человек расположились в равнине Ездрилонской. Проникнув ночью в неприятельский лагерь и узнав о тревожном настроении врагов, до которых уже дошла молва о движении среди израильтян, Гедеон решил поразить их неожиданным нападением и особым стратегическим приемом, нередко употреблявшимся в древности. Разделив свой отряд на три части и дав каждому воину по трубе и по светильнику в кувшине, Гедеон приказал этим частям ночью выступить в обход неприятеля. По данному сигналу все воины сразу затрубили в трубы, разбили кувшины и громко воскликнули: «Меч Господа и Гедеона!» Пораженные неожиданно появившимся множеством светильников и громом труб и военного крика, неприятели пришли в страшное смятение, в суматохе убивали друг друга и бросились в беспорядочное бегство за Иордан. Но там их при переправе встретило колено Ефремово, подвергнув их еще большему разгрому, во время которого убиты были два

мадиамских царя Орива и Зива. Сам Гедеон, подкрепленный десятитысячным отрядом, преследовал неприятеля и за Иордан, где еще нанес ему поражение, захватив в плен еще двух мадиамских царей Зевея и Салмана, которые как оказавшиеся убийцами братьев Гедеона, были убиты им самим. При возвращении с победного похода он должен был кротостью утишить недовольство ефремлян на то, что они не позваны были раньше для войны с мадианитянами, чрез что лишились значительной части добычи, и строго наказать жителей городов Сокхофа и Пенуела, которые, не надеясь на поражение Гедеоном сильных мадиамских царей, из опасения мщения последних отказали воинам его в хлебе, насмешливо говоря ему: «разве рука Зевея и Салмана уже в твоей руке, чтобы нам войску твоему давать хлеб?» Когда действительно эти некогда страшные мадиамские цари были уже в руках Гедеона, он прибыл с ними в Сокхоф и, напомнив жителям его об изменничестве, «взял старейшин города и терновник пустынный и зубчатые молотильные доски, и наказал ими жителей Сокхофа, и башню Пенуельскую разрушил и перебил жителей города».

Слава о победе Гедеона разнеслась по всей стране, и благодарные израильтяне сказали Гедеону: «владей нами ты и сын твой, и сын сына твоего, ибо ты спас нас из руки мадианитян». Но мужественный освободитель страны был доволен сознанием исполненного долга и скромно отказался от предложенной ему наследственной власти, ответив израильтянам: «ни я не буду владеть вами, ни сын мой не будет владеть вами; Господь да владеет вами». Он удовольствовался только частью военной добычи (в 1700 золотых сиклей, кроме пряжек, пуговиц и пурпуровых одежд с мадиамских царей и кроме золотых цепочек с шеи верблюдов их). К сожалению, он имел неосторожность сделать из этой добычи эфод или священническую ризу, и суеверный народ, придав ей магическое значение, стал «блудно ходить туда за ним», совершая нечто вроде идолопоклонства. Впрочем, земля покоилась сорок лет, и сам Гедеон мирно дожил до глубокой старости, оставив от своих многих жен семьдесят сыновей, и, главное всего, ту добрую

славу, которая дала ему впоследствии великую честь быть записанным в число славнейших героев веры (Евр. 11:32).

По смерти Гедеона, жестоковыйный и неверный народ опять «стал блудно ходить во след Ваалов», забыл своего Господа Бога, который избавлял его от окружающих врагов, и даже «дому Гедеонову не сделал милости за все благодеяния, какие он сделал Израилю». Наступили смуты, и этим думал воспользоваться побочный сын Гедеона, от его сихемской наложницы, Авимелех, и решил присвоить себе царскую власть, от которой отказался сам Гедеон¹³⁵. Войдя в соглашение с родственниками своей матери, он собрал войско, напал на Офру, где жили сыновья Гедеона, и, избив их, добился затем провозглашения себя царем. Из семидесяти сыновей Гедеона спасся только один младший сын Иофам. С вершины Гаризима, высившегося над городом Сихемом, он обратился к вероломным жителям с обличительной притчей, в которой под видом дерев, избравших себе царя, изобразил несправедливость народа и коварство Авимелеха: смоковница и виноградная лоза отказались принять на себя царское достоинство, а колючий репейник сразу принял предложение и приглашал всех покоиться под своею тенью. Это, по-видимому, образумило сихемлян. Едва прошло три года, как между ними и Авимелехом начались раздоры, поведшие к междоусобию; разъяренный самозванец осадил город, разрушил его и засеял солью, а городскую башню, в которой укрылись жители, сжег вместе с тысячью оказавшихся в ней мужчин и женщин. При осаде другого непокорного города, Тевеца, он был ранен отломком мельничного жернова, брошенным в него женщиной, и стыдясь умереть от руки женщины, велел своему оруженосцу пронзить его мечем. «Так воздал Бог Авимелеху за злодеяние, которое он сделал отцу своему, убив семьдесят братьев своих», и так бесславно окончилась первая попытка самовольно основать царскую власть в народе израильском.

Во время управления двух следующих судей Фолы и Иaira израильтяне, по-видимому, наслаждались миром и благоденствием, но это благоденствие лишь еще более усилило идолопоклонство и развращение среди народа, который начал

без разбора «служить Ваалам, Астартам, и богам арамейским, и богам сидонским, и богам моавитским, и богам аммонитским, и богам филистимским», забыв только единого истинного Господа Бога. «И воспылал гнев Господа на Израиля, и Он предал их в руки филистимлян и в руки аммонитян. Они теснили и мучили сынов израилевых восемнадцать лет». Постигшее бедствие было тем тяжелее, что враги теснили народа одновременно с двух сторон – с востока и запада. По обыкновению, бедствие это опять заставило израильтян обратиться с мольбою о помощи к забытому ими своему Господу; но на этот раз и Господь в праведном гневе Своем отвечал им: «вы оставили Меня, и стали служить другим богам; за то Я не буду уже спасать вас. Пойдите, взывайте к богам, которых вы избрали, пусть они спасают вас в тесное для вас время». Но милосердие Божие беспредельно. Когда израильтяне в покаянии обратились к Нему опять и отвергли чужих богов, став служить только Господу, то «не потерпела душа Его страдания Израилева», и Он послал им избавителя в лице Иеффая¹³⁶. Это был даже по своему происхождению вполне сын своего распущенного времени. Мать его была блудница из Галаада, в заиорданском полуколоне Манассином, и он, лишенный своими сводными братьями наследства в доме своего незаконного отца, удалился в вольную землю Тов и там, собрав около себя праздных и бездомных людей, сделался начальником шайки грабителей. Но со своею вольницей Иеффай не забыла и патриотического долга, и потому он делал нападения на врагов своей страны, отбивая у них стада и караваны. Отвага и храбрость его обратили на него внимание старейшин Галаада, особенно страдавшего от нападений аммонитян, и они пригласили его стать во главе их для борьбы с врагами. Иеффаю тяжело было принимать приглашение от старейшин города, где он потерпел страшную обиду и несправедливость. Но любовь к родине превозмогла, и он, выговорив себе условие главенства в народе в качестве судии, принял предложение. Став во главе быстро образовавшегося отряда, он двинулся против неприятеля, но сначала попытался уладить дело мирным путем и вступил с аммонитянами в переговоры для определения прав двух

враждующих народов на заиорданские области. При этом Иеффай обнаружил тонкое знание всей предыдущей истории завоевания земли израильской, и, опираясь на исторические данные, требовал удаления аммонитян. Когда же аммонитяне гордо отвергли всякие мирные предложения, заявив свои притязания на все заиорданские области, то Иеффай вынужден был добиваться своего права оружием. Сильный собственным мужеством и одушевлением народа, он выступил в поход, но пред этим, по обычаю древнего времени, дал обет Господу, говоря: «если Ты предашь аммонитян в руки мои, то, по возвращении моем с миром от аммонитян, что выйдет от ворот дома моего на встречу мне, будет Господу, и вознесу сие во всеожжение». Поход был успешен, неприятель разбит и усмирен. С торжеством победитель возвратился в свой город Массифу и направился к своему дому. «И вот дочь его выходит на встречу ему с тимпанами и ликами», его единственная дочь, хотевшая более всех отпраздновать победу своего отца-победителя. «Когда он увидел ее, разодрал одежду свою и сказал: ах, дочь моя! ты сразила меня; и ты в числе нарушителей покоя моего» я отверз о тебе уста мои пред Господом и не могу отречься». Узнав страшную тайну, доблестная дочь храброго отца однако же не предалась безутешному отчаянию и просила у него только двухмесячного срока, чтобы пойти на горы и оплакать девство свое с подругами своими. «По прошествии двух месяцев она возвратилась к отцу своему, и он совершил над нею обет свой, который дал, и она не познала мужа». Что касается способа исполнения обета, то, вследствие таинственной неясности библейского текста, он понимается различно. Одни толкователи (по преимуществу древние) понимают его в буквальном смысле, что именно девица была действительно принесена в жертву всеожжения; но некоторые новейшие толкователи, основываясь на ясном запрещении человеческих жертв в Моисеевом законе (Лев. 18:21; 20:2–5; Втор. 12:31), полагают, что она осталась только в девстве и посвящена была на служение скинии. На такой смысл обета, по-видимому, указывает и то выражение, что дочь Иеффая оплакивала не свою молодость, а свое «девство», и что

она умерла «не познав мужа», т.е. в девственном (по обету) состоянии.

Но Иеффая ожидало еще и другое испытание. Ему пришлось быть свидетелем печального события, показывавшего, до какой степени дошло разъединение между коленами в это время. Гордые ефремляне, с надменностью относясь к заиорданским коленам и особенно к Манассиину полуколену, которое они считали частью своего колена, отказались признать за ним право на отдельное независимое существование, а тем более право иметь из себя «судью» народа, и довели дело до междоусобицы. Но народное воодушевление было еще сильно: ефремляне понесли страшное поражение в битве и старались спастись бегством на противоположный берег Иордана; но разъяренные галаадитяне перехватили броды и, узнавая ефремлян по своеобразному выговору ими слова шибболет (они выговаривали сибболет), избили из них 42 000 человек, подвергнув таким образом жестокому наказанию возмутителей общественного мира. Это горестное событие должно было тяжким бременем лечь на душу такого пламенного патриота, каким был Иеффай. Он был судьей Израиля только шесть лет и скончался, будучи погребен в одном из городов галаадских. Одиноким он жил, одиноким и умер, не оставив в потомстве даже воспоминаний о точном месте своего погребения.

XXVII. Самсон¹³⁷

Следовавшие за Иеффаем трое судей израильских мирно правили народом – Есевон семь лет, Елон десять лет и Авдон восемь лет. Все они пользовались семейным благословением, имели многочисленных сыновей, а также и владели значительными богатствами, так что напр. у судии Авдона «было сорок сыновей и тридцать внуков, ездивших на семидесяти молодых ослах», – в знак особенного достоинства и богатства. Между тем, при отсутствии сильной и общепризнанной власти, которая бы твердой рукой управляла всем народом, израильтяне все более и более поддавались нечестию и идолопоклонству, ослабевая в то же время и политически. Этим воспользовались филистимляне и поработили их. Филистимляне были одним из самых воинственных народов земли Ханаанской. Они переселились с о. Крита и еще во времена Авраама твердо укрепились на богатой прибрежной равнине (Шефела), к северу и югу от Аскалона. Впоследствии они сильно расширили свои владения и достигли такого могущества, что влияние их чувствовалось на всем протяжении страны, в которой они сохраняли свое господство до самого Давида. Соединившись с несколькими туземными племенами, еще продолжавшими жить в Газе, Хевроне и других местах, они совершенно сокрушили силы израильтян, которые, как земледельческий народ, не в состоянии были выдержать напор народа, главным ремеслом которого была война. Даже храброе колено Иудино должно было положить пред ними свое оружие и подчиниться тяжкому и позорному игу, для обеспечения которого филистимляне к тому же совершенно обезоружили побежденных, увели у них в плен всех кузнецов и оружейников, так что израильтяне для всякой кузнечной и слесарной работы вынуждены были обращаться к своим жестоким врагам. Неудивительно, что при таких обстоятельствах филистимское иго могло тяготеть целых сорок лет, не вызывая даже попытки к освобождению от него. Народ пал духом и в полном унынии отчаялся уже в надежде на какое-либо избавление. Но избавитель уже явился в его среде и готов был выступить на защиту своего народа. Это был необычайный

герой – по имени Самсон. Самсон был сын бездетной дотоле четы Маноя с женой из колена Данова, соседнего с филистимской землей и потому наиболее терпевшего от жестоких врагов. Самое рождение его было возвещено ангелом, который объявил жене Маноя, «что она зачнет и родит сына, и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий, и он начнет спасать Израиля от руки филистимлян». То же известие повторено было и самому Маню с подтверждением его особым видением ангела, поднимавшегося в пламени жертвенника. В определенное время действительно родился у них сын, которому дано было имя Самсон.

Колено Даново, к которому принадлежал Самсон, всегда было сравнительно малым и не в силах было даже отвоевать отведенного ему И. Навином удела у филистимлян, которые совершенно отрезали его от приморской равнины и стеснили в горах. Положение его было столь стесненным, что впоследствии оно вынуждено было даже выселить из себя значительную часть, предоставив ей искать себе местожительство на северной границе страны. Но у них был укрепленный лагерь на горах, господствовавших над филистимской равниной, и там-то именно возрастал Самсон. Будучи назореем, т.е. человеком, всецело посвященным на служение Богу и Его царству¹³⁸, и представляя живой урок, что сила и спасение избранного народа заключались только в его невидимом Царе, который давал Свою помощь только за исполнение Его святых законов, Самсон возрастал в виду городов и деревень своих угнетателей. При виде угнетенного положения своего народа от жителей этих идолопоклоннических городов и страдая за честь своего отечества и своего Бога, юный назорей возмущался духом, и в народе уже носились слухи, как «Дух Господень» по временам действовал в длинноволосом отроке, уже начинавшем обнаруживать необычайную силу.

Достигнув возмужалости, Самсон не сразу выступил на спасение своего народа от врагов, а показал сначала ту же слабость, которою страдали все вообще израильтяне. Он был в нравственном отношении как бы зеркалом своего народа.

Будучи, как и весь народ, посвященным Богу, он воплотил в своей жизни как добродетели, так и пороки своего народа, и потому на первых же порах привязался к одной филистимлянке и просил своих родителей позволить ему жениться на ней. Увидев, как напрасно было бы их сопротивление неразумному поступку их пылкого юноши-сына, они согласились. По дороге к своей невесте Самсон впервые обнаружил свою необычайную силу. Неподалеку от виноградников Фимнафы, местожительства его невесты, на него напал молодой лев; но Самсон, почувствовав в себе чудесную силу, не смутился, а растерзал льва как козленка, хотя у него не было в руках никакого оружия. Он никому не сказал об этом, но, проходя в другой раз той же дорогой, увидел, что в труп убитого им льва, успевшего под палящим зноем совершенно высохнуть, завелся рой пчел. Захватив с собою мед, Самсон в качестве жениха устроил семидневный пир для тридцати своих брачных друзей и, будучи в веселом расположении духа, предложил им отгадать загадку, под условием в случае успеха уплатить им тридцать синдонов (рубашек из тонкого полотна) и тридцать перемен одежд, выговаривая то же и себе в случае их неумения отгадать ее. Те согласились, и он сказал им: «из ядущего вышло едомое, из сильного вышло сладкое». Три дня бесплодно бились брачные друзья над этой таинственной для них загадкой, наконец, видя, что не в силах разгадать ее, они обратились к его новобрачной жене и начали приставать к ней, чтобы она добилась у Самсона разгадки, угрожая в противном случае сжечь ее и дом отца ее. «Разве вы призвали нас, чтобы обобрать нас?» грубо приступали к ней озадаченные брачные друзья. Слезами и мольбами новобрачная склонила Самсона отгадать ей загадку, и добившись от него решения, передала его и брачным друзьям, которые с торжеством и отгадали ее Самсону. «Что слаще меда и что сильнее льва!» сказали они негодующему Самсону, который сразу же понял измену своей жены и заметил им: «если бы вы не орали на моей телице, то не отгадали бы моей загадки». Однако нужно было уплатить по условию, и тут он в первый раз воспользовался случаем отомстить филистимлянам. Придя в филистимский город Аскалон, он убил там тридцать

человек, снял с них одежды и отдал перемены платья их разгадавшим загадку. С гневом он оставил свою неверную жену, и она вышла за одного из его брачных друзей. Терзаемый ревностью, он хотел вновь сойтись с своей женой, но, получив отказ от бывшего тестя, он жестоко отомстил филистимлянам, пустив в их созревшие для жатвы пшеничные поля триста лисиц с привязанными к их хвостам зажженными факелами. Это, в свою очередь, навлекло мщение филистимлян на его бывшего тестя, дом которого они сожгли вместе с бывшей женой Самсона. Чтобы наказать самого виновника своего бедствия, они с войском выступили против израильтян, и последние, совершенно потеряв всякую надежду на избавление от тяжкого ига, унизились в своем раболепстве перед врагами до того, что готовы были выдать филистимлянам своего единственного героя-патриота. Связанный двумя новыми веревками, Самсон был отведен к филистимлянам; но когда те, увидев его в таком положении, от мстительного злорадства вскричали, на Самсона сошел Дух Господень, и веревки, бывшие на руках его, сделались как перегоревший лен, и упали узы его с рук его», а он, схватив попавшуюся ему свежую ослиную челюсть, избил ею тысячу ошеломленных филистимлян. Утолив свою жажду из чудесно образовавшегося источника, Самсон возвратился домой и «был судьей Израиля во дни филистимлян двадцать лет».

С течением времени однако же свойственная всему народу порочность все более и более одолевала богатыря-судию, и чудесный победитель храбрых воинов поддался чувственной страсти к коварным женщинам. Застигнутый однажды в Газе, филистимском городе, на ночлеге у одной блудницы, Самсон был окружен врагами, решившимися убить его поутру. Но он, встав в полночь, вырвал городские ворота вместе с веревками и, взвалив их себе на могучие плечи, отнес их на вершину горы, в получасе пути от города. Таким образом он еще раз избежал мщения филистимлян; но час падения его уже был близок. Свое назорейство он нарушил позорным распутством, и потому, еще и нося на себе длинные волосы, уже не носил в себе Духа Божия. И гибель его скоро довершена была новой, увлекшей его в свои сети женщиной, коварной Далидой. Это была известная

красавица, злоупотреблявшая своей красотой. Зная сластолюбивый нрав Самсона, филистимские князья порешили воспользоваться этой женщиной для погубления своего страшного врага и, как это нередко делалось в древности, подкупили ее, чтобы она своими ласками склонила его открыть ей, в чем заключалась тайна его чудесной сверхъестественной силы. Три раза Самсон уклонялся от раскрытия тайны, но коварство Далиды победило наконец. Узнав, что сила Самсона заключалась в его назорейских волосах, она усыпила его на своих коленях, «и призвав человека, велела ему остричь семь кос головы его. И начал он ослабевать и отступила от него сила его». Этого только и ждали его смертельные враги. Захватив своего обессиленного врага, филистимляне выкололи ему глаза, привели его в свой главный город Газу и, сковав его двумя медными цепями, заставили его молотить «в доме узников». Через несколько времени филистимляне в честь своего национального бога Дагона (идола с человеческим туловищем и рыбьим хвостом) устроили великолепный пир, соединив вместе с ним торжество в память победы над своим страшным врагом. Чтобы позабавиться беспомощным богатырем, они привели на пир также и Самсона, где и подвергли его всевозможным издевательствам и побоям. Между тем волосы его успели уже отрасти опять. Вновь почувствовав в себе силу, ослепленный богатырь велел своему вожатому подвести себя к колоннам, на которых утверждался увеселительный дом, переполненный веселящимися филистимлянами, Обхватив два средних столба и с последнею молитвою к Богу воскликнув: «умри, душа моя, с филистимлянами», Самсон зашатал колонны, и весь дом, со всеми веселившимися в нем, рухнул на Самсона, похоронив его под своими развалинами вместе с тысячами отмщенных им за свое поношение филистимлян. Пораженные ужасом, филистимляне не воспрепятствовали родственникам Самсона взять его тело, которое и было погребено на его родине, между Цором и Естаолом, в гробнице отца его Маноя.

Чтобы понять и оценить все величие Самсона, нужно принять во внимание обстоятельства его времени. Поистине велик и силен верую в непреложность божественного обетования

о назначении избранного народа был человек, который один, среди всеобщего уныния и подавленности, осмелился выступить против жестоких угнетателей. И это было в такую мрачную пору нравственного падения, когда даже колено Иудино совершенно пало духом и готово было выдать израильского героя его смертельным врагам, делая ему оскорбительный укор. «Разве ты не знаешь, говорили ему раболепные и малодушные собратья, что филистимляне господствуют над нами? Что ты сделал нам, навлекая месть филистимлян?» Народ уже примирился с своим тяжелым положением и согласен был жить в рабстве у идолопоклонников, и за такой-то народ Самсон, не имея никакой поддержки от него, должен был вести отчаянную борьбу с врагами. Он и сам тяжело и часто падал нравственно, – но, несмотря на все эти падения, сохранял самую трогательную верность Иегове, которая еще более окрепла в нем под влиянием тяжких испытаний последующей жизни. Несмотря на кажущееся оставление его Богом отцов, когда он находился в плену у филистимлян и, ослепленный, осужден был на каторжную работу, вера его не ослабевала и там, и ее-то он неопровержимо доказал, когда потряс столбы здания, в котором веселились идолопоклонники, торжествовавшие победу своего бога Дагона над поборником Иеговы. И неудивительно, что память о нем свято сохранилась из века в век, и в этой памяти народ черпал новое мужество и новые жизненные силы.

Но кроме личного величия, история Самсона имела глубоко поучительный характер и для всего народа. Весь смысл ее заключается в том, что он был назорей. Своею необычайною силою он обязан был своему назорейству, как посвящению Богу; но слабость его заключалась в преданности чувственным и плотским похотям, предаваясь которым, он нарушал свой обет. В обоих отношениях он был не только типом своего народа, но и зеркалом, в котором Израиль воочию мог видеть и себя, и свою историю. Израиль также был своего рода назорей, как народ, посвященный Богу, и пока он соблюдал свой завет с Богом, он был непреборим в своей силе, но когда он нарушал этот завет, предавался чувственности и грязному идолопоклонству, этому духовному прелюбодейству, то сила его ослабевала, он делался

жалким рабом и повергался в бездну духовного и гражданского падения. Таким образом, история Самсона есть как бы олицетворение истории самого израильского народа, и она показывала, что сила народа заключается только в сохранении им своего завета с Богом. Самсон своею жизнью преподавал всему народу поразительный и глубочайший урок, что Израиль, нарушая свой завет, неизбежно найдет свою коварную Далиду, которая, лишив его назорейства, отдаст его врагам на поправление и издевательство.

XXVIII. Религиозно-нравственное состояние израильтян во времена судей. История Руфи¹³⁹

Жизнь Самсона, равно как и некоторых других судей израильских, ясно показывает, до какого религиозно-нравственного падения дошел народ израильский в земле обетованной. Вся история периода судей есть печальная история постоянных заблуждений, беззаконий и идолопоклонства с неразлучно следовавшими за ними бедствиями. Даже в жизни самих судей пороки часто берут верх над добродетелями, и злые вождения заглушают робкий голос совести и сознание долга. Среди избранного народа почти совсем забыта была истинная религия и на место ее явились жалкие суеверия, распространявшиеся разными бродячими, беспутными левитами. Безнравственность сделалась настолько всеобщей, что прелюбодейное сожителство считалось обычным делом и как бы заменяло брак, а в некоторых городах развились даже такие гнусные пороки, которые некогда навлекли на Содомское пятиградие страшный гнев Божий. Внутреннее безначалие и всеобщее самоуправство довершают картину жизни израильского народа «в те дни, когда у него не было царя и когда каждый делал то, что ему казалось справедливым». В подтверждение всего этого книга «Судей», излагающая историю времени судей до смерти Самсона, в заключение приводит несколько поразительных случаев и событий, ярко характеризующих религиозно-нравственное и общественно-государственное состояние народа в это время.

В колене Ефремовом жил некий Миха, который украл у своей матери тысячу сто сиклей серебра. Мать прокляла неизвестного ей вора, но сын, утраченный проклятием, сознался в своей вине, возвратил деньги, и суеверная мать обратила эти деньги на слитие истукана и кумира, которые поставлены были в доме, ставшем, вследствие этого, как бы «домом Божиим». Чтобы довершить подобие святилища, Миха сделал эфод и терафимы и самовольно посвятил одного из своих сыновей в священника. Но видя незаконность своего

поступка, он скоро воспользовался для этой цели одним праздно блуждавшим молодым левитом из Вифлеема иудейского и нанял его служить себе в качестве священника за ежегодное жалование в десять сиклей серебра с готовым одеянием и пропитанием. Но вот тут случилось проходить сынам Дановым в поисках за новыми владениями для себя. Зайдя однажды в дом Михи, они украли его святыни и сманили к себе молодого левита, а затем, завоевав город Лаис, переименованный ими в Дан, сделали из истукана Михина свое особое святилище, которому и поклонялись во все то время, когда истинная святыня народа, «Дом Божий», находился в Силоме. Другое происшествие еще ярче обнаруживает ужасное нравственное и общественное расстройство израильского народа в период управления судей. Один левит, ездивший в Вифлеем за своей сбежавшей от него наложницей, возвращаясь домой, по пути зашел с ней на ночлег в город Гиву, в колене Вениаминовом. Но когда он, найдя приют в доме одного старца, пользовался его гостеприимным угощением, развратные жители города сделали нападение на этот дом и требовали к себе самого левита-странника для удовлетворения своих гнусных похотей. Старец заступился за своего гостя. «Вот у меня дочь девица и у него наложница, говорил он развратной толпе: выведу я их, смирите их, и делайте с ними, что вам угодно; а с человеком сим не делайте этого безумия. Но они не хотели слушать его». Однако же, левит действительно вывел свою заложницу на улицу и грязная чернь «ругалась над нею всю ночь до утра», и по утру она найдена была мертвою у порога дома. Тогда левит разрубил труп несчастной женщины на двенадцать частей и разослал их во все колена с известием о случившемся злодеянии. И «всякий видевший это говорил: не бывало и не видно было подобного сему со дня истребления сынов Израилевых из земли Египетской до сего дня». Страшное негодование распространилось по всей земле и отовсюду стали собираться воины для наказания гнусных злодеев. Собравшись в городе Массифе, они потребовали от колена Вениаминова выдачи преступников, чтобы предать их смерти и таким образом «искоренить зло из Израиля». Но вениамитяне отказали в этом, и тогда неизбежной

сделалась междоусобная война. Два раза израильтяне терпели неудачу в столкновении с войском колена Вениаминова, но потом, посредством военной хитрости, овладели городом Гивой, преступный город разрушили до основания, истребив и все соседние города со всем их населением и богатством. 50 100 сынов Вениаминовых пало в битве, и осталось только 600 человек, спасшихся бегством на пустынную гору Риммон, где они и оставались четыре месяца. Между тем, когда чувство мщения было удовлетворено и пыл негодования остыл в израильтянах, они невольно ужаснулись всего случившегося и, собравшись в Дом Божий, начали горько плакать: «Господи Боже Израилев! для чего случилось это во Израиле, что не стало теперь у Израиля одного колена!» Принесены были жертвы всесожжения в знак примирения, и тогда решено было позаботиться о восстановлении погубленного колена. Но в гневе своем они поклялись не отдавать своих дочерей в замужество преступному колону. Чтобы выйти из затруднения, они воспользовались неверностью жителей города Иависа Галаадского, отказавшихся принять участие в общенародном деле наказания виновных, и в наказание за это истребили их всех кроме четырехсот девиц, которых и отдали в замужество оставшимся в живых вениамитянам. Остальные двести человек должны были достать себе жен посредством похищения силомских девиц во время праздничных хороводов в виноградниках, как это они и сделали с согласия старейшин израильских. Тогда, успокоившись за судьбу двенадцатого колена, израильтяне разошлись по домам, каждый в удел свой. «Тогда не было царя у Израиля, заключает повествователь эту печальную историю; каждый делал то, что ему казалось справедливым».

Как ни мрачна была эта эпоха в истории израильского народа, но в ней встречаются и светлые стороны, показывающие, что свет истинной религии и добродетели еще светил в этой ужасающей нравственной тьме, хотя лучи его, в посрамление самим израильтянам, иногда исходили от ненавистных для них хананеев. К этому именно времени, к концу периода судей относится история одной женщины, получившей

впоследствии громадное значение для истории народа и всего человечества. Это именно история Руфи.

Во время правления судей случился однажды голод в земле израильской, и одно семейство, состоявшее из четырех лиц – Елимелеха с его женой Ноеминой и двумя сыновьями Махлоном и Хилеоном, переселилось для пропитания в землю Моавитскую. Там сыновья их поженились на моавитянках Орфе и Руфи. Лет чрез десять, однако же, Елимелех и оба его сына умерли, и осталась одна Ноеминь с своими двумя невестками. Услышав, что в земле израильской настали урожайные годы, она решилась возвратиться в родную землю и стала прощаться со своими невестками. Но они обе заявили решимость идти с ней. Вследствие ее увещаний, Орфа, однако же, согласилась оставить ее, но Руфь ни за что не хотела расстаться с ней и решительно заявила, что она хочет вполне разделить с ней судьбу: «где ты жить будешь, сказала она Ноемини, там и я буду жить; народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом; смерть одна разлучит меня с тобою». Тогда они вместе пошли в израильскую землю и пришли в Вифлеем, как раз во время жатвы ячменя. Чтобы прокормить себя и свою свекровь, Руфь пошла собирать оставшиеся после жнецов колосья на поле жатвы, как это позволялось бедным жителям по закону Моисееву. Поле, на котором ей пришлось собирать колосья, оказалось принадлежащим богатому и знатному человеку Воозу, родственнику ее покойного свекра Елимелеха. Вооз, увидев ее на поле и узнав, кто она такая, велел своим слугам оказывать ей всякое внимание, накормил ее вместе за одним столом с собою и дал ей позволение собирать колосья даже между снопами, где их было конечно больше, так что она собрала и намолотила около ефы ячменя, которую и принесла домой вместе с захваченными после обеда остатками пищи – для своей свекрови. Ноеминь, обрадованная всем этим и видя здесь особое намерение Божие, разъяснила Руфи, что она имеет право на замужество с Воозом, так как он ближайший родственник ее мужа и по закону должен восстановить семья ее умершему бездетным мужу. Когда она действительно заявила об этом (сообразно с тогдашним обычаем) Воозу, то он благословил

ее во имя Иеговы, похвалил ее добродетельную жизнь и верность тому, кого закон сделал ее законным мужем, и обещал ей исполнить все по закону. И он сдержал свое слово. На другое утро он созвал старейшин города и пред ними заявил, что он, как родственник покойного мужа Руфи, намерен исполнить по отношению к ней закон деверства, если только это право будет предоставлено ему имевшимся в городе еще более близким, чем он, родственником покойного сына Елимелеха. Этот родственник действительно уступил ему свое право, выразив это публичным снятием своего сапога и передачей Воозу, как требовалось обычаем, и Вооз действительно стал законным мужем Руфи моавитянки. Брак был утвержден старейшинами города которые, благословив его, пожелали новобрачным семейного счастья и благоденствия. Брак этот был благословлен Богом. У Вооза с Руфью родился сын Овид, который был впоследствии отцом Иессея, отца царя Давида. И таким образом эта благочестивая моавитянка, которая обнаружила веру, редкую во Израиле, и муж которой был потомком Раавы, верующей блудницы иерихонской, сделалась одною из родоначальниц Христа «сына Давидова». – История Руфи составляет предмет отдельной книги в св. Писании Ветхого Завета, именно «книги Руфь».

История Руфи представляет светлый луч истинной добродетели и законности среди тьмы преобладающего развращения и беззакония, и эта тьма, вследствие этого, становится еще более мрачною. Религиозно-нравственное и общественное состояние народа израильского дошло уже до печального падения во время судейства Самсона; но после него скоро случилось событие, которое грозило окончательной гибелью народу, хотя, вместе с тем, оно послужило и спасительным началом религиозно-нравственного и государственно-общественного возрождения.

XXIX. Илий – первосвященник и судия¹⁴⁰

По смерти Самсона положение народа израильского оставалось прежним. Все его геройские подвиги не в состоянии были низвергнуть тяжелого ига филистимлян и только раздражили их еще более против израильтян. Но они имели великое нравственное значение, пробуждая упавший дух народа, который, наконец, стал все более приходить к убеждению, что бедствия его не прекратятся до тех пор, пока сам он не возродится духовно и не свергнет, прежде всего, тяготеющее на нем иго безверия и внутреннего разделения. И вот, шагом к этому внутреннему возрождению было то, что по смерти Самсона должность судии предоставлена была лицу, которое, по своему положению, более всяких других могло содействовать духовному подъему и объединению народа, именно первосвященнику Илию. Уже самое появление во главе народа первосвященника (о которых в течение смутного периода прежних судей история совершенно умалчивает) указывает на пробуждение в народе религиозного духа, а соединение в его лице и должности гражданского правителя или судии явно свидетельствует о том, что народ израильский, наконец, понял, что главная сила его в религии и именно в вере в истинного Бога, и соединением должности судии с должностью верховного служителя религии хотел показать свою верность верховному Царю Израиля. Только одна религия с ее святыней и могла объединить народ между собою в одно целостное государство, способное сбросить, наконец, иго идолопоклонников.

Первосвященник-судия жил, конечно, при скинии, которая со времени Иисуса Навина постоянно находилась в Силоме, местечке, лежавшем в верстах тридцати к северу от Иерусалима. Лежа на возвышенной долине, закрытой со всех сторон горами, покрытыми садами и виноградниками, Силом представлял по своему срединному положению в стране наиболее удобное место для общенародной святыни.

Но общая испорченность коснулась и этого убежища святыни. Народ массами собирался для жертвоприношений в скинии и для совершения праздников, но к этому уже

примешалось немало обычаев, заимствованных у окружающих идолопоклонников, и религиозные празднества часто сопровождалось такими же плясками и таким же народным разгулом и распутством, как это было и около языческих храмов и капищ. Для того, чтобы очистить религиозную жизнь от этой нечистой примеси, нужен был сильный характер, а им-то, к несчастью, и не обладал Илий. Самое первосвященство его не имело достаточного оправдания, так как он происходил не от старшего сына Ааронова Елеазара, а от последнего его сына Ифамара. Но при этом он был слаб и по самой своей природе. Правда, мы видим его уже в престарелом возрасте, и правление его, насколько можно судить вообще, отличалось достоинством и кротостью, водворявшими некоторый внешний порядок в жизни народа. Но он не имел той твердости, которая требовалась от правителя столь распущенного народа, и когда к слабости его характера прибавились немощи престарелого возраста, то он оказался настолько слабым, что даже не в силах был обуздать крайнего своеволия и страшного святотатства своих собственных взрослых сыновей Офни и Финееса, которые своим нахальным и зазорным поведением не только давали худой пример народу, но и отчуждали его от скинии. Так, они нахально забирали мясо, принесенное для жертвоприношений, и даже соблазняли женщин, собиравшихся у скинии. Престарелый первосвященник скорбел о таком поведении своих сыновей и даже делал им выговоры, *«но они не слушали голоса отца своего, ибо Господь уже решил предать их смерти»*¹⁴¹.

Но когда таким образом над домом престарелого первосвященника готовился суд Божий, при скинии возростал один отрок, которому Промысл Божий определил передать руководство судьбами народа. Это именно Самуил, сын Елкана и Анны, из Армафема, в колене Ефремовом¹⁴². Он был для благочестивой Анны (представляющей отрадное доказательство того, что истинная вера и пламенное благочестие еще не совсем угасли в народе) благословенным плодом, испрошенным от Бога слезной молитвой об отвращении от нее позора бездетства, и в благодарность Богу был посвящен на служение при скинии в качестве назорея. Своею жизнью и

поведением он вполне оправдал обет своей благочестивой матери и в ревностном служении Богу «более и более приходил в возраст и благоволение у Господа и людей», нисколько не поддаваясь развращающему влиянию и примеру нечестивых сыновей Илия. И это благочестие скоро сделало его достойным страшного откровения Божия.

Однажды ночью он услышал голос, называвший его по имени. Думая, что это зовет его первосвященник, он встал и подошел к нему в ожидании приказа. Но первосвященник удивился этому, так как не звал его, и когда еще раз повторилось то же, он понял, что это был голос Божий, и велел Самуилу приготовиться к выслушанию божественного откровения. И действительно, в третий раз Господь, призывая отрока на высокую должность Своего пророка, сообщил Самуилу страшное откровение о суде Божиим над домом Илия и вообще о предстоящем совершении такого «дела во Израиле, о котором кто услышит, у того зазвонит в обоих ушах». Самуил сначала боялся сообщить об этом Илию, но когда тот настаивал, он объявил ему страшную тайну, и престарелый первосвященник встретил ее с полным упованием на волю Божию, сказав только: «Он – Господь; что Ему угодно, то да сотворит».

Предсказание скоро совершилось во всей своей ужасной точности¹⁴³. Филистимляне, после нескольких лет сравнительного покоя для израильтян, заметив среди них движение к объединению, порешили сделать грозное нашествие, чтобы в корне подрезать силы этого народа. Но последний успел уже достаточно укрепнуть для того, чтобы вступить в открытую борьбу со своим врагом. Враждебные войска встретились при Афеке, в северной части колена Иудина. Произошла битва, в которой израильтяне потерпели поражение, потеряв около 4 000 человек. Не надеясь более собственными силами держаться против неприятеля, израильтяне прибегли к помощи Божией и послали в Силом за ковчегом завета, с которым и прибыли в войско нечестивые сыновья первосвященника – Офни и Финеес. Появление народной святыни сразу подняло дух в израильском войске, от радостного ликования которого «земля стонала», и привело в смущение и страх филистимлян, в стане которых

раздавались унылые восклицания: «горе нам! кто избавит нас от руки этого сильного Бога? Это тот Бог, который поразил египтян всякими казнями в пустыне», как доходили до них страшные, но не вполне ясные слухи.

Но уныние не отняло у них мужества, и в последовавшей битве они нанесли израильтянам такое поражение, что последние обратились в беспорядочное бегство, потеряв тридцать тысяч убитыми. Но ужаснее всего было то, что и самая святыня народа, ковчег завета был взят в плен, и оба сына первосвященника убиты при его защите. Престарелый первосвященник «сидел на седалище при дороге у ворот и смотрел; ибо сердце его трепетало за ковчег Божий». Но вот один вестник с поля битвы прибежал в город со страшным известием, и «громко восстал весь город». Девяностовосьмилетний первосвященник в тревоге спросил его: «что произошло, сын мой?» «И отвечал вестник и сказал: побежал Израиль пред филистимлянами, и поражение великое произошло в народе, и оба сыновья твои, Офни и Финеес, умерли, и ковчег взят». Последнего известия не вынес старец. Лишь только вестник упомянул о ковчеге, как «Илий упал с седалища навзничь у ворот; сломал себе хребет и умер; ибо он был стар и тяжел». Жена убитого Финееса от ужасной вести совершила преждевременные роды; когда окружающие ее женщины хотели утешить ее радостным известием о рождении сына, она была безутешна и, умирая, вопила не о своем погибшем муже, а о том, что «отошла слава от Израиля: ибо взят ковчег Божий», в горестное воспоминание о чем и сыну своему дала имя Ихавод, т.е. Бесславие. И действительно, это страшное бедствие грозило не только бесславием, но и полной гибелью народу. Сам Бог оставил его теперь, с ковчегом завета отходила от него не только слава, но и политическое существование, за которым должно было следовать рабство и полное уничтожение от торжествующих врагов.

Но милость Божия беспредельна, и даже это страшное бедствие было лишь новым уроком неверному народу и новым доказательством истины и всемогущества единого Бога Израилева. Среди воплей израильтяне скоро услышали

удивительное известие, что филистимляне по прошествии семи месяцев с необычайным благоговением возвращали ковчег завета обратно народу израильскому. По взятии его в плен, филистимляне с торжеством повезли его в свой город Азот и в качестве победного трофея поставили в капище своего бога Дагона.

Но на следующее утро оказалось, что «Дагон лежит лицом своим к земле пред ковчегом завета». Филистимляне опять поставили его на свое место; но когда жрецы опять на следующее утро отворили двери храма, то им представилось еще более ужасное зрелище: их бог не только свергнут был со своего места, но и самые члены его как бы отсечены были от чудовищного человекорыбообразного туловища и валялись по полу капища. Вместе с тем жители города были поражены страшною болезнью (наростами на теле), а внутри страны размножились мыши, поедавшие хлеб и усиливавшие бедствие и отчаяние.

Тогда азотяне решили перевести ковчег завета в другой город Геф, а оттуда в Аскалон, но те же бедствия повторялись повсюду, где только появлялся ковчег завета. Объятые ужасом, филистимляне, наконец, по совету своих прорицателей решили вернуть его обратно израильтянам и, поставив его на колесницу вместе с золотыми изображениями постигавших их бедствий, отправили на двух первородивших коровах в землю израильскую, перегнав их одних за пределы своей земли. Колесница пришла на поле некоего Иисуса вефсамитянина и остановилась там. В это время на поле происходила жатва пшеницы и, увидев свою святыню, народ возликовал от радости, левиты сняли ковчег завета, и привезшие его коровы были тут же принесены в жертву всесожжения. Но у жителей Вефсамиса и собравшихся отовсюду масс народа любопытство было сильнее благоговения, и они, вопреки строгому запрещению закона, «заглядывали в ковчег Господа», и за это поражено было среди народа пятьдесят тысяч семьдесят человек. Затем ковчег был перенесен в город Кириафиарим, где он и находился все время, пока Давид не перенес его в Иерусалим, и таким образом скиния, остававшаяся в Силоме, опозоренном нечестивою

жизнью сыновей первосвященника, на время лишена была своей главной святыни, как главного знака присутствия Божества.

XXX. Самуил – пророк и судия¹⁴⁴. Школы пророков. Просвещение. Летосчисление

После ужасного события – пленения ковчега завета прошло еще не менее двадцати лет, в течение которых продолжалось господство филистимлян. Но урок этих печальных лет не остался потерянным для Самуила, который, хотя после смерти Илия и не сразу призван был на должность народного судии, но уже пользовался обширной известностью и большим влиянием в народе. Своим проницательным умом он открыл самый источник бедствий своего народа и порешил совершить религиозно-общественное преобразование. Он всецело посвятил себя делу поднятия религиозного духа в народе, и, будучи общепризнанным пророком и учителем, в своей длинной, присвоенной этому служению мантии то и дело странствовал по уделам колен и повсюду пробуждал ревность к вере отцов. Пламенной речью он увещевал народ отвергнуть всех иноземных богов, всех этих Ваалов и Астарт, которые увлекали непостоянный народ грязными прелестями идолослужения им, навлекая, вместе с тем, всевозможные бедствия. И народ под давлением пережитых тяжелых испытаний не оставался глух к его проповеди. Началось религиозно-нравственное возрождение. Статуи Ваалов и Астарт были повсюду низвергнуты и поломаны, и водворилось поклонение одному Иегове. Чтобы закрепить это доброе настроение внешним актом, Самуил созвал народ от всех колен на торжественное собрание в Массифе, горном городе в колене Вениаминовом, где и должно было совершиться публичное покаяние народа и возобновление завета с Богом. Давно уже не было у израильского народа таких торжественных собраний. Весь народ постился, каясь в своих прежних грехах, и затем как бы вновь воспринял забытую им веру отцов. Самуил горячо молился за кающийся народ, и собрание закончилось торжественным жертвоприношением.

Слухи об этом необычайном собрании, между тем, дошли до филистимлян, и они, предполагая, что израильтяне намерены восстать против своих угнетателей, двинулись на них с сильным

войском; но Господь теперь уже был со Своим избранным народом, и сильным громом навел на филистимлян такой ужас, что они бежали, и израильтяне преследовали их, окончательно низвергнув их долголетнее и тяжелое иго и возвратив города, отвоеванные было у них филистимлянами. В воспоминание об этом Самуил воздвиг памятник, назвав его «камнем помощи».

С этого времени Самуил сделался вполне народным судьей, и под его управлением страна наслаждалась миром и благоденствием. Он жил в своем родном городе Раме, который и сделался центром государственной жизни народа, и отсюда он ежегодно обходил Вефиль, Галгал, Массифу и другие города, повсюду отправляя должность народного судьи. Со времени Моисея ни один правитель не пользовался таким огромным влиянием на народ, как именно Самуил. Будучи одновременно левитом, назореем, пророком и судьей, он сосредоточивал в своей личности и духовную, и гражданскую власть в народе, и как пламенный ревнитель веры отцов, он решил употребить это влияние на благо народа, и не только в настоящем, но и в будущем. С этою целью он, сам, будучи пророком и учителем веры, пришел к мысли основать учреждение, которое могло бы навсегда служить источником учительности и просвещения и из которого могли бы выходить просвещенные ревнители веры. Такое учреждение и явилось в виде пророческих школ или «сонмов пророков».

Пророки, как особые провозвестники воли Божией, являлись и раньше Самуила, но они еще не носили высокого звания «пророков», а назывались просто «прозорливцами», «человеками Божиими». Только Самуил стал называться в собственном смысле пророком (наби), а после него и все следовавшие за ним. Уже и раньше во времена судей, когда религиозно-нравственное падение народа достигло наибольших размеров, по местам являлись люди Божии, чтобы пробуждать совесть в народе, возбуждать в нем дух и укорять за нечестие. Но ко времени Самуила таких ревнителей появилось уже много, и из них-то Самуил и основал правильные «сонмы пророков», составившие нечто вроде религиозных братств или школ. Хотя в св. Писании очень мало сообщается о внешней и внутренней

жизни этих братств, но все-таки можно составить некоторое представление о них. Принадлежавшие к ним назывались «сынами» или «учениками», и глава их назывался «отцом». Большинство их были молодые люди – признак того, что молодое поколение, как наиболее чуткое к добрым нравственным влияниям, скорее всего, отозвалось на призыв Самуила. Они жили общинами, пользовались общинным содержанием, ели вместе, носили особую отличавшую их мантию с кожаным поясом, ходили целыми сонмами или толпами и были так многочисленны, по крайней мере в позднейшее время, что есть упоминания случаев, когда пророки собирались по сто и больше человек (3Цар. 18:4; 22:6). Главные школы находились в родном городе Самуила – Раме, затем в Вефиле и Галгале; но меньшие школы находились и в других городах. Отдельные общины находились под надзором и попечением старших и наиболее известных пророков, которым «сыны» или «ученики» оказывали должное послушание и уважение, причем, некоторые из членов общины даже прислуживали им, когда старшим пророкам-учителям приходилось бывать на стороне. Старшие пророки или учителя, в свою очередь, заботились о благосостоянии своих «сынов», и известны случаи, как напр. пророк Елисей однажды во время голода кормил не менее ста учеников и по смерти одного из них дал возможность его вдове заплатить оставленные им долги (4Цар. 4). Источниками содержания братств служили, по крайней мере, в некоторых случаях, обычные труды по земледелию и скотоводству, а также и вообще ремесленные занятия, к каким кто был приучен и способен; но, вместе с тем, они принимали и те приношения, которые давались им посторонними, искавшими у них назидания, утешения и просвещения. Прием в братство, по-видимому, был свободный: принимался всякий, кто по своей жизни более или менее был способен для того дела, которое составляло задачу этих братств. – Главную целью их основания было содействовать начавшемуся движению к восстановлению истинной веры и возрождению религиозно-нравственной жизни народа.

Сообразно с этою целию, главным предметом изучения в пророческих школах был Закон Божий, и не только в его букве, но и духе. Вместе с тем в них изучалась религиозная обрядность и священная музыка. Последняя была одною из отличительных особенностей сонмов, пророчество которых сопровождалось «псалтирю и тимпаном, свирелью и гуслиями», что особенно способно было привлекать народ. Общинная жизнь под благотворным религиозно-нравственным влиянием старших пророков способна была закалять характеры «сынов» пророческих, и из них выходили те доблестные мужи, которые бесстрашно говорили горькую правду сильным мира сего. Одушевленные самоотверженною ревностью об истинном благе народа, они были бесстрашными поборниками истинной религии и выступали решительными защитниками ее при всякой угрожавшей ей опасности. Деятельность их развивалась и крепла по мере хода исторической жизни народа, и с течением времени они сделались грозными мстителями за всякое попрание религии, истины и справедливости. Своею неустанною проповедью они с этого времени не переставали будить совесть народа и его правителей и тем поддерживали в нем дух истинной религии и доброй нравственности.

Мудрое правление Самуила продолжалось до его преклонных лет, когда он, чувствуя на себе тяжелое бремя лет, на помощь себе по управлению народом призвал своих сыновей Иоиля и Авию, которые и сделались помощниками судии-отца по разбору обычных судебных дел¹⁴⁵. Но какую скорбю был поражен великий старец-судия, когда до него скоро дошли слухи, что его сыновья «уклонились в корысть, брали подарки и судили превратно». Ввиду строгого характера Самуила очевидно, что такое поведение сыновей не было результатом его отеческой слабости к детям, как это было у первосвященника Илия. Напротив, это была жертва его самоотверженной общественной деятельности, всецело поглощавшей его силы и внимание и лишавшей его возможности должным образом заняться воспитанием своих детей. И это обстоятельство послужило прямым поводом к важному перевороту в истории израильского народа. Время судей было временем безначалия и сопряженных

с ним бедствий, так как вследствие отсутствия твердой власти народ потерял политическую силу и постоянно терпел поражения от соседних народов, имевших во главе себя сильную царскую власть. Видя теперь, что даже сыновья такого благочестивого и мудрого правителя и судии как Самуил неспособны к управлению народом, израильтяне собрались на совещание, и старейшины порешили просить Самуила, чтобы он поставил над ними царя, который бы «судил их, как и у прочих народов». Это желание народа не было противозаконным, а предусмотрено было в законодательстве. Мудрый законодатель народа Моисей, предвидя своим пророческим взглядом будущую судьбу исторической жизни своего народа, заранее дал закон, определявший круг царской власти. *«Когда ты приидешь в землю, говорил он, которую Господь Бог твой даст тебе, и овладеешь ею и поселишься на ней, и скажешь: поставлю я над собою царя, подобно прочим народам, которые вокруг меня; то поставь над собою царя, которого изберет Господь Бог твой»* (Втор. 22, 15). Но престарелый судья неблагоприятно отнесся к этой просьбе, и не только ради своих недостойных сыновей, но, главным образом, потому, что желание народа было выражено без предварительного испрошения воли Божией. По внушению Божию Самуил изложил пред народом опасности крайнего деспотизма, гнета и своеволия царей. Но народ, утомленный безначалием, готов был вынести все эти опасности, только бы иметь твердую власть, и отвечал Самуилу: «нет, пусть царь будет над нами: и мы будем как прочие народы: будет судить нас царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши». Тогда Господь повелел Самуилу удовлетворить желание народа и поставить над ним царя.

Желание иметь царя вызвано было в народе израильском окончательным сознанием своей неспособности к самоуправлению по тем возвышенным началам богоправления, которые изложены были в законодательстве Моисеевом. За время судей пришла в расстройство вся жизнь народа, как религиозно-нравственная, так и государственно-общественная и семейная. Богослужение, хотя продолжало совершаться главным образом при скинии, но жертвы приносились и в других

местах, что легко вело к развитию суеверия и прямо к уклонению в идолопоклонство. При отсутствии твердой власти для наблюдения за исполнением законов, нравственность, к великому прискорбию отдельных благочестивых людей, все более падала. Господствовавшие повсюду своеволие и хищничество все более ослабляли силы народа, чем пользовались хананеи, безнаказанно расхищавшие царство Иеговы. Такое состояние было тем более тяжелым, что за это время просвещение израильтян значительно подвинулось вперед. В лице пророков явились достойные учителя, которые, поучая народ закону Божию, пробуждали в его сознании его высшее назначение, и показывая, как далеко не соответствовала ему действительность, возжигали в нем патриотизм и заставляли искать исхода из бедственного положения, каковой исход и представлялся ему единственно в учреждении твердой царской власти.

Памятником письменности этого времени служат две книги: «Иисуса Навина» и книга «Судей Израилевых». В двадцати четырех главах первой описана история завоевания и раздела земли обетованной. Она написана самим Иисусом Навином (кроме 29–36 стихов последней главы) и составила исторический документ, в котором точно обозначены границы уделов каждого колена и на который, поэтому, можно было ссылаться при тяжбах по землевладению. «Книга Судей» состоит из двадцати одной главы и в ней исчисляются события, последовавшие после смерти И. Навина, и обнимает весь период управления судей до рождения Самуила, который и был ее автором. В И. Нав. 10 ст. упоминается еще особая «книга праведного», которая, по всей вероятности, представляла сборник религиозно-нравственных и патриотических песней израильского народа; но она не сохранилась до нас. Образцом этих песней может служить знаменитая победная песнь Деворы (Суд. 5:2–31). В отношении летосчисления пятый период крайне смутен, особенно по причине безначалия времени судей. Но есть основание думать, что он продолжался не менее 350 лет. Основанием для такой цифры служит указание, что храм Соломонов начал строиться в 480 году от исхода израильтян из

Египта (3Цар.6:1). Если из этой цифры исключить 40 лет странствования по пустыне, 80 лет правления царей Саула (совместно с Самуилом) и Давида и 3 года царствования Соломона до основания храма, то остаток и будет служить приблизительным определением времени от смерти Моисея до помазания первого царя.

Период шестой. От помазания царя до разделения царства еврейского

XXXI. Помазание Саула на царство. Первые годы его царствования. Отвержение Саула и помазание Давида¹⁴⁶

После того, как решение народа иметь царя получило окончательное утверждение со стороны верховного Царя Израиля, пророку Самуилу не пришлось долго ждать дальнейшего указания для совершения этого дела. Обстоятельства, по-видимому, совершенно случайные, но явно обнаруживающие руку Промысла в самой этой случайности, скоро поставили его лицом к лицу с человеком, который предназначен был быть первым царем избранного народа. В городке Гиве, в Вениаминовом колене, жило семейство некоего Киса, у которого был единственный сын Саул. Семейство это было небогатое и добывало насущный хлеб земледельческой работою, которою занимался сам отец вместе со своим сыном и немногими слугами. Но оно щедро наделено было природой и отличалось внешним величием и красотою, а вместе с тем непреодолимым мужеством, закаленным в борьбе с врагами. И вот у этого-то семейства однажды пропали рабочие ослицы. Потеря эта была весьма значительна для небогатого Киса, и для отыскания их он отправил сына своего Саула, который в это время уже был средних лет. Тщетно Саул искал их в течение трех дней и хотел уже возвратиться домой, как сопровождавший его слуга посоветовал ему зайти в ближайший город (Массифу), где, по его словам, был «человек Божий, человек уважаемый; все, что он ни скажет, сбывается»; не укажет ли он им, где им искать своих запропавших ослиц. Саул выразил сожаление, что у него нечем заплатить «прозорливцу»; но когда слуга заметил, что у него есть четверть сикля серебра, то он согласился, и вот искатель ослиц отправился к пророку, который должен был дать ему царство.

Самуил в это время участвовал в торжественном жертвоприношении по случаю народного праздника и, предуведомленный свыше, с почтением встретил Саула, отвел ему первое место на пиршестве и, предложив ему лучшую часть

мяса (плечо), высказал в знаменательных словах предстоящее ему высокое назначение. Затем, по окончании пиршества, Самуил взял сосуд с елеем, вышел с Саулом за город, помазал его и, поцеловав его, сказал ему: «Вот, Господь помазывает тебя в правители наследия Своего в Израиле, и ты будешь царствовать над народом Господним, и спасешь их от руки врагов их, окружающих их»¹⁴⁷. Саул мог только изумиться всему этому, потому что он был человек незнатного рода, происходил из самого малого, едва не подвергшегося полному истреблению колена израильского. Но не в силе и знатности Бог, а в правде. В подтверждение своего действия Самуил дал Саулу три знамения, исполнение которых не замедлило показать Саулу истинность всех предсказаний прозорливца. По одному из знамений Саул должен был встретить сонм пророков и сам пророчествовать с ними. И действительно, в указанном месте «встречается ему сонм пророков, и сошел на Саула Дух Божий, и он пророчествовал среди них». Событие это было так необычно для всех знавших Саула раньше, когда он видимо не отличался особенною религиозною ревностью, что все в народе говорили друг другу: «что это случилось с сыном Кисовым? Неужели и Саул в пророках?» Перемена в нем была так глубока, что последнее выражение вошло даже в пословицу («еда и Саул во пророцех?»), употреблявшуюся для выражения изумления при виде всякого необычайного и поразительного явления. Между тем, нашлись и ослицы, как предсказал Самуил; но мысли Саула теперь были заняты не тем, как управлять ослицами при пахании земли, а тем, как управлять вверенным ему царством.

Помазание его, однако же, было еще тайной для народа, и чтобы оно получило гражданскую силу, нужно было подвергнуть все дело народному решению. С этою целию Самуил созвал всенародное собрание в Массифе. Там торжественно был брошен избирательный жребий, и он пал сначала на колено Вениаминово, затем на племя Матриево и в нем на Саула, сына Кисова. Саула самого, однако же, не оказывалось налицо; из скромности он оставался в обозе. Узнав об этом, народ побежал и взял его оттуда, «и он стал среди народа, и был от плеч своих выше всего народа». Самуил сказал народу: «Видите ли, кого

избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь!» В новоизбранном царе народ израильский приветствовал воплощение своего политического идеала, и действительно Саул был олицетворением самого народа, его добродетелей и недостатков. Его добрые качества заключались, главным образом, в его величавой внешности, которая особенно и расположила народ в его пользу; а его внутренние качества, качества его ума и сердца, должны были постепенно выработаться и развиться в послушании воле Божией. помазание уже просветило его ум Духом Божиим, но в своей деятельности он должен был сам показать сознание высоты своего призвания и добрыми делами должен был оправдать свое избрание, подобно и самому народу, который, будучи избран совне, мог стать истинно избранным народом Божиим только чрез послушание заповедям Божиим и закону Моисееву. Насколько Саул в послушании воле Божией оправдывал свое избрание, это должна была показать его будущая деятельность; но так как пока народ был доволен избранием, то Самуил изложил народу права «царства», т.е. права и обязанности царя, записал их в книгу и положил в скинии вместе с другими памятниками исторической жизни народа. Среди народа слышались и голоса недовольных избранием, которые даже презрительно отзывались о Сауле, говоря: «ему ли спасать нас?» – но Саул ждал только случая, чтобы доказать и этим недовольным, что он способен спасти народ от внешних врагов, и потому как бы не замечал этих презрительных отзывов о себе.

Скоро представился случай, давший возможность Саулу оправдать свою царственную способность¹⁴⁸. После своего избрания Саул с чисто патриархальной простотой отправился в свой родной город Гиву и там продолжал заниматься земледелием. Но вот до него дошел слух, что на город Иавис Галаадский напал князь аммонитский Наас и требовал сдачи города под жестоким условием выколоть правый глаз у каждого жителя. Это известие воспламенило гнев царя, и на него сошел Дух Божий, давший ему силу тотчас же приступить к избавлению своих страждущих собратий. Разрубив пару своих волов на

куски, он разослал их во все пределы земли с объявлением, что так будет поступлено с волами всякого, кто не откликнется на его призыв для поражения неприятеля. Народ единодушно последовал призыву, собралось войско в 330 000 человек, с которыми и разбит был жестокий Наас. После такого славного дела, приближенные внушали было Саулу отомстить тем недовольным, которые говорили: «Саулу ли царствовать над нами?» Но царь великодушно отвечал: «в сей день никого не должно умерщвлять; ибо сегодня Господь совершил спасение во Израиле». Затем, по предложению Самуила, вновь созвано было всенародное собрание в Галгале, и там совершилось окончательное утверждение Саула на престоле. Самуил торжественно сложил с себя звание судии, передав все свои права новоизбранному царю. Затем принесены были мирные жертвы пред Господом, «и весьма веселились там Саул и израильтяне». Первою заботою Саула было образовать постоянное и сильное войско, как это и требовалось внешними политическими обстоятельствами. С этою целию он составил из храбрейших людей трехтысячный отряд, который сделался его постоянной гвардией и был расположен в главных городах колена Вениаминова. По месту пребывания Саула, центром всего управления сделался город Михмас, откуда он начал предпринимать военные походы для окончательного освобождения страны от властвовавших над отдельными ее частями врагов. Главнее всего нужно было оттеснить филистимлян¹⁴⁹. Эти давние враги израильского народа успели проникнуть в самую глубь страны, и один из их «охранных отрядов» стоял даже в Гиве, в центре Вениаминова колена. Первый удар был направлен именно на этот филистимский отряд, который и был разбит сыном Саула Ионафаном. Но это, естественно, раздражило филистимлян, и они, узнав об учреждении царской власти у своих соседей и опасаясь усиления их политического и военного могущества, решили в самом начале разрушить возникающую монархию, и вторглись в страну с большим войском, имевшим 30 000 колесниц и 6 000 конницы. Израильтяне были поражены ужасом и по обыкновению бежали в горы и пещеры, ища убежища от врага. Это поголовное

бегство израильтян пред филистимлянами показывало, каким грозным врагом были для них последние, столь долго господствовавшие над Палестиной. Ужас еще усиливался от того, что одною из целей нашествия филистимлян на землю израильскую был захват возможно большого количества пленных, которых они и продавали на своих невольнических рынках, выручая большие деньги от сбыта этого живого товара купцам соседних богатых стран – Египта и Финикии.

Саул, однако же, не потерял мужества и, сознавая на себе долг защитить страну от наступающего врага, собрал войско в Галгале и готов был выступить против неприятеля. К сожалению, самое войско трепетало и, не надеясь на успех борьбы, стало быстро разбегаться. Чтобы ободрить народ, решено было принести жертвы Богу и для совершения их обещался прибыть и высокочтимый пророк Самуил. Но он замедлил, и Саул должен был ожидать его в течение семи дней. Прошел почти и седьмой день, а так как Самуил не являлся, войско же разбежалось все более, то Саул решил обойтись без Самуила и, самовольно приняв на себя священные обязанности, сам совершил жертвоприношение, явно доказывая этим, что он менее надеялся на высшую помощь, чем на силу своего войска. Такое самовольство составляло великое преступление. В израильской монархии основным началом было подчинение гражданской власти воле Божией в лице пророков и священников. Нарушив это начало, Саул нарушил основное условие своего избрания на царство, так как он заявил незаконное желание действовать не как представитель высшего Царя, а самовольно, как независимый правитель. Он заявил притязание на объединение в своей личности не только независимой гражданской царской власти, но и религиозной, священнической, а такое объединение их в одном лице, с одной стороны, могло придать чрезмерный вес царской власти в ущерб священства, а с другой, самое священство потеряло бы свою самостоятельность, став в подчиненное положение к гражданской власти. Этот поступок Саула сразу показал, что дальнейшая его деятельность пойдет вопреки воле Божией, что, увлекаемый политическими интересами, он готов пренебрегать религиозными. Поэтому

Самуил выразил ему торжественный укор и в качестве предостережения сказал ему, что он этим своим незаконным действием поколебал устойчивость своего царствования.

Между тем, филистимляне продолжали опустошать страну и дошли до берегов Мертвого моря и Иордана. Чтобы лишить израильтян самой возможности иметь оружие и даже необходимые земледельческие орудия, они, как это бывало уже и прежде, захватили всех кузнецов и увели их в плен. Положение самого Саула, стоявшего в крепости Гивы, было критическое. Но он избавлен был мужественным подвигом своего сына Ионафана, который один со своим оруженосцем, пробравшись в неприятельский лагерь, убил нескольких филистимлян и произвел такое между ними смятение, что они бросились в бегство, преследуемые израильтянами. Чтобы довершить поражение преследуемого врага, Саул дал необдуманый обет: «проклят, сказал он, кто вкусит хлеба до вечера, доколе я не отомщу врагам моим». Народ был крайне истомлен, но не осмеливался нарушить заклатья, пока не нарушил его Ионафан, вкусив найденного в лесу меда. За ним последовал весь народ, который алчно бросился на оставленный филистимлянами скот, убивал его и ел даже с кровию вопреки закону, чем навлек на себя гнев Божий, сказавшийся в неполучении ответа на вопрошение Саулом Господа о том, продолжать ли ему погоню за неприятелем. Узнав, что причиной этого было нарушение сыном его данного им обета, Саул хотел даже казнить его, но народ заступился за своего любимца-героя и не допустил до казни.

То же самовольство замечается и в дальнейшей деятельности Саула. Для полного обеспечения страны от внешнего нападения необходимо было совершить одно важное дело именно окончательно поразить одного весьма опасного врага – амаликитян¹⁵⁰. Эти кровожадные кочевники то и дело нападали на страну, грабили и убивали, и затем быстро удалялись на своих конях в пустыню, чтобы чрез несколько времени вновь сделать подобный же разбойнический набег. Теперь Саулу повелено было окончательно истребить этот хищный народ, как бы притом в отмщение за то нападение,

которое они первые сделали на израильтян по переходе ими Чермного моря. Саул действительно поразил амаликитян, но при этом опять нарушил волю Божию, так как истребил только худшую часть добычи, а лучшую захватил себе и притом оставил в живых царя амаликитян (Агага). В то же время он уже настолько возгордился своими подвигами, что самовольно воздвиг себе памятник на Кармиле. Тогда Самуил опять явился к нему со строгим укором за непослушание, и на оправдание Саула тем, что он захватил стада амаликитян для совершения жертвоприношения Богу, отвечал высокой истиной, которую, впоследствии, полнее разъяснили пророки и которая окончательно утверждена Христом: *«Неужели, сказал он, всеожжения и жертвы столь же приятны Господу, как послушание гласу Господа? послушание лучше жертвы, и повиновение лучше тука овнов»*. *«За то, что ты отверг слово Господне, торжественно добавил Самуил, и Он отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем»*(1Цар. 15:23). Сказав это, разгневанный пророк хотел удалиться; но Саул, желая добиться у него прощения, так крепко держал его, что оторвал даже край его одежды, на что Самуил прибавил: (как ты оторвал у меня край одежды, так) *«ныне Господь отторг царство Израилево от тебя»*. Однако же он остался с Саулом и в поучение ему собственными руками заклал Агага. Сила амаликитян была сокрушена окончательно, и израильтяне почти совсем избавились от этого опасного врага. Но вместе с тем решена была и судьба Саула. Все его действия показывали, что он неспособен был обуздывать своего своенравия и не хотел быть таким послушным орудием воли Божией, возвещаемой чрез Его пророков, каким должен быть царь избранного народа. Видя все это, Самуил с печалью оставил Саула и уже не виделся с ним до дня смерти своей, но заочно оплакивал так неудачно помазанного им царя.

В своей скорби Самуил скоро был утешен повелением Божиим идти в Вифлеем в колена Иудино, и там помазать на царство нового избранника Божия, именно одного из сыновей Иессея¹⁵¹. Иессей был внук Руфи моавитянки и потомок Раавы иерихонской, и таким образом в его жилах текла, отчасти,

языческая кровь. Но он уже давно состоял членом царства Иеговы и пользовался уважением в городе. Чтобы отклонить подозрение Саула, Самуил должен был придать всему делу вид обыкновенного жертвоприношения с семейством Иессея, как заявлено было им и жителям Вифлеема, с тревогой встретившим приход престарелого пророка. Когда пришло семейство Иессея, то Самуил, увидев сына его Елиава, отличавшегося величественною и красивою внешностью, невольно подумал: «верно сей пред Господом помазанник Его!» Но он должен был разубедиться в этом, потому что голос Божий сказал ему: «не смотри на вид его, на высоту роста его; Я отринул его; Я смотрю не так, как смотрит человек; ибо человек смотрит на лицо, а Господь смотрит на сердце». Избранником Божиим оказался младший сын Иессея Давид, который пас овец отца своего. Это был еще отрок, «белокурый, с красивыми глазами и приятным лицом». Он ничем не поражал в своей внешности, был не более среднего роста, весьма прост в своем пастушеском одеянии, с палкою в руках и котомкою за плечами. Но в его прекрасных глазах светился огонь внутреннего величия. По целым месяцам живя среди своих стад и окружающей природы, он с детства научился углубляться в самого себя и черпать вдохновение в своей собственной богато одаренной душе, возбуждавшейся от звуков и красот родной природы. Уединенное положение среди хищных животных рано научило его смело встречать таких кровожадных хищников как львы и медведи, и развило в нем силу и отвагу, которым удивлялись даже его старшие братья. Но более всего пастушеская жизнь с ее досугом развивала в нем духовную жизнь. Родные горы, сплошь покрытые виноградниками и маслинами, восторгали его дух своею красотою, и он изливал свои возвышенные чувства в дивной игре на арфе, составлявшей неразлучную спутницу юного пастуха. Этот-то юноша-пастух и был избранник Божий. Самуил помазал его, и с того дня почил на Давиде Дух Божий, начав долгое воспитание и приготовление его к занятию престола избранного народа.

XXXII. Саул и Давид. Поражение Голиафа и возвышение Давида при дворе. Гонения на него. Кончина Саула¹⁵²

Саул между тем, мучимый угрызениями совести за свое непослушание Богу и опасениями за свою будущность, сделался мрачным и подозрительным, часто стал страдать от приступов невыносимой тоски. Приближенные, чтобы чем-нибудь развлечь унывающего царя, посоветовали ему прибегнуть к утешению музыки, и это привело к первой встрече Саула с его будущим преемником Давидом. Обладая нежной душой и посвящая большой досуг своей пастушеской жизни музыке, Давид настолько усовершенствовался в музыкальном искусстве, что приобрел обширную известность, так что и приближенные царя указали именно на него как на наиболее способного своей сладостной игрой разогнать мрачные думы и тяжелую тоску Саула. И вот действительно юный пастух был приглашен во дворец и, когда нужно было, играл для царя. Но эту обязанность ему еще приходилось исполнять так редко, что он имел возможность надолго уходить в свой родной город и продолжал заниматься своим пастушеским делом. Один случай, однако же, больше сблизил его с царем.

Началась опять война с филистимлянами, и во время ее выступил из рядов неприятелей один исполин – Голиаф, который предложил единоборством с ним решить дело войны¹⁵³. Несмотря на великолепную и высокопочетную награду, предложенную Саулом, именно выдать свою дочь за победителя, из израильтян никто не осмеливался вызваться на единоборство со страшным, закованным в латы исполином, который поэтому и издевался каждый день над войском израильским. В это время Давид, по поручению своего отца, пришел в израильский стан, чтобы навестить своих состоявших на службе братьев. И при нем опять филистимский исполин, по обычаю, выступил из рядов своих и громовым голосом начал издеваться над трусостью и малодушием израильтян. Когда Давид узнал, в чем дело, то его юная душа не стерпела такого

поношения над «воинством Бога живаго», и он закипел неудержимой отвагой.

В пустыне он поражал львов, нападавших на его стада, – при помощи Божией он решил поразить и этого льва, поносившего его народ. О его решении доложено было Саулу, но царь, увидев пред собой невзрачного юношу и считая его более способным играть на арфе, чем вступать в единоборство со страшным исполином, отклонил его предложение, и только восторженная уверенность и храбрость Давида заставили его согласиться на принятие вызова. Саул предложил ему свои доспехи, но они были слишком велики и тяжелы для Давида, и он решил вступить в борьбу с Голиафом со своим пастушеским оружием. Враждебные войска стояли между Сокхофом и Азеком, верстах в двадцати к юго-западу от Иерусалима, на двух противоположных берегах долины (вади), по которой зимою протекал поток, высохавший летом. И вот, когда исполинский филистимлянин, по обыкновению, выступил для издевательства над израильтянами, из рядов войска на противоположном берегу вади отделился юноша в простой пастушеской одежде, с посохом и пращей в руках и котомкой за плечами. Он смело спустился в долину и, набрав в ней наиболее удобных для пращи гладко омытых кремнистых камней, стал в воинственное положение пред исполинским врагом. Такой противник мог показаться Голиафу только насмешкой над ним, и он в высокомерном негодовании заметил только, что ведь он не собака, чтобы какому-то мальчику выходить против него с палкой в руках и камнями. Когда Давид смело отвечал ему, что он не собака, но хуже ее, то Голиаф разразился на него бранью и грозно закричал, чтобы презренный пастух подошел к нему поближе и Голиаф без унижительной для него борьбы отдаст его тело птицам и зверям на съедение. Но переговариваться долго не было надобности. Меткой и привычной рукой Давид метнул камнем из пращи, и ошеломленный великан повалился на землю, а Давид, подскочив к нему с быстротою лани, его же мечем отсек ему голову. Филистимляне, пораженные таким чудесным подвигом юноши, в смятении бросились в бегство, преследуемые израильтянами. Подвиг Давида приобрел ему

дружбу доблестного Ионафана, который с этих пор «полюбил его как свою душу» (1Цар. 18:3), а Саул приблизил его к себе и сделал военачальником, хотя и не выдал за него своей дочери в награду за победу над Голиафом. Но расположение Саула к Давиду скоро было испорчено восторженными похвалами последнему. Когда они возвращались с поля битвы, женщины и девицы повсюду встречали их песнями и плясками, с торжественными тимпанами и кимвалами; но среди песен подозрительное ухо Саула расслышало оскорбительный для него припев: «Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч!»¹⁵⁴. Мрачное подозрение запало в душу царя по отношению к юному герою, и он два раза как бы в исступлении пытался пронзить его копьем, когда Давид предавался сладостной музыке с целью разогнать тоску царя. Не успев в этом, Саул старался подзадорить храбрость Давида, чтобы отважными подвигами его среди филистимлян привести его к верной гибели. Но Давид постоянно оставался невредимым и за дочь Саула Мелхолу совершил опасный подвиг обрезания не ста даже филистимлян, как назначил Саул, а двухсот, и представил вещественное доказательство самого подвига. Таким образом, Давид сделался зятем царя и все больше приобретал себе любовь народа; но зато «стал Саул еще больше бояться Давида, и сделался врагом его на всю жизнь». Он стал открыто преследовать народного любимца и своего тайного преемника, и вследствие этого начинается ряд изумительных приключений Давида, которыми Промысл постепенно подготовлял его к занятию престола. Это была трудная школа испытаний, в которой должно было укрепиться в Давиде убеждение, что судьба и жизнь человека находятся в руке Божией, и даже царь со всем его воинством, будучи лишен помощи Божией, становится беззащитнее и беспомощнее последнего раба.

Потерпев неудачу в своих замыслах погубить Давида посредством филистимлян, Саул открыто стал искать его смерти, и приказ об этом сообщил не только всем своим приближенным, но даже и другу Давида, своему сыну Ионафану. Последнему удалось на время утишить кровожадную ярость

своего отца, и Саул даже поклялся, что он перестанет замышлять на жизнь Давида. Но новые подвиги Давида в войне с филистимлянами опять растравили рану в сердце Саула, и он в мрачном исступлении опять метнул в него копьем, когда Давид вдохновенно играл пред ним на своей арфе. Трясущаяся от яростного возбуждения рука, однако же, и в этот раз изменила Саулу, и брошенное копье пролетело мимо и вонзилось в стену, а Давид спасся бегством. Разъяренный неудачей этой новой попытки отделаться от своего ненавистного зятя, Саул велел окружить его дом и схватить его ночью. И от этой опасности он спасен был лишь хитростью своей глубоко преданной жены Мелхолы. Тогда Давид бежал к престарелому пророку Самуилу и там в сонме пророков пением и музыкой облегчил свою утомленную гонениями душу. Саул отправил в погоню за ним своих слуг и в Раму, чтобы схватить его там; но слуги три раза поддавались влиянию восторженных песен пророков и сами начинали пророчествовать. Взбешенный Саул, наконец, и сам отправился в Раму; но лишь только он слышал знакомые ему звуки пророческих песен, как мрачная душа его просветлела, дух злобы отошел от него и опять сошел на него Дух Божий, так что он опять на время оставил свою кровожадную мысль. Давид, великодушно прощая злополучному царю, изливал свою скорбь другу своему Ионафану и пытался было чрез него расположить к себе царя. Но кровожадность царя теперь была неисцелима, и когда Ионафан при представившемся случае стал ходатайствовать пред отцом своим за своего друга Давида, то едва и сам не погиб от руки Саула, в ярости метнувшего копьем и в своего любимца наследника-сына. Узнав об этом, Давид трогательно простился с Ионафаном, который, сознавая несправедливость, терпимую своим доблестным другом, при разлуке с ним плакал горькими слезами; но Давид плакал еще больше. Любовь между ними была изумительная, какая только может быть между двумя доблестными чистыми душами. Они расставались почти навсегда и встретились между собою только еще раз в жизни, но уже при самых печальных обстоятельствах¹⁵⁵.

Расставшись со своим другом, Давид направился в священнический город Номву, где в это время находилась скиния, а при ней жил и первосвященник ¹⁵⁶. Он прибыл в город голодным и истомленным и, чтобы подкрепить свои силы, он под предлогом важного царского поручения, требовавшего необычайной поспешности, выпросил у первосвященника Ахимелеха хлебы предложения и меч Голиафа, хранившийся в скинии как трофей, и с запасом священных хлебов, которые по закону можно было вкушать только лицам священнического чина, удалился за пределы родной страны, где в виде простого странника остановился в филистимском городе Геф. Но убежище там оказалось ненадежным. Приближенные Анхуса, царя гефского, стали высказывать ему свои подозрения насчет незнакомца и говорили ему: «не это ли Давид, царь той страны? не ему ли пели в хороводах: Саул победил тысячи, а Давид – десятки тысяч?» Чтобы отвратить это опасное подозрение, Давид принужден был притвориться безумным, и когда его привели к царю, «чертил на дверях, кидался на руки свои, пускал слюни по бороде своей», так что у Анхуса исчезло всякое подозрение, а Давид, воспользовавшись этим, поспешил удалиться отсюда в дикую пещеру Адолламскую, где около него собрались его родители и братья, которые, вероятно, начали подвергаться преследованию Саула, а также и все недовольные отверженным царем, так что около Давида собралось до четырехсот человек. Поместив своих родителей под защиту царя моавского, Давид со своими последователями опять возвратился в пределы родной страны.

Саул, между тем, истощался от бессильной злобы¹⁵⁷. Услышав о том, что первосвященник отдал Давиду хлебы предложения, и подозревая его, а вместе с ним и все священство в заговоре с Давидом, разъяренный царь приказал своим слугам подвергнуть их избиению, но когда слуги отказались поднять руку на служителей Божиих, то он поручил исполнить это кровавое дело некоему Доику идумеянину, который именно и сделал ему донос на первосвященника. Убито было восемьдесят пять священников и разрушен самый город; спасся только сын первосвященника Авиафар, который,

захватив с собою некоторые священные принадлежности (эфод), прибежал к Давиду и рассказал ему о страшном злодеянии Саула. Давид мог только горевать, что сделался невольной причиной такого бедствия, и, дав у себя убежище Авиафару, сам принужден был спасаться от настигавшего его царя. Однажды в городе Кеиле он едва не окружен был войском Саула, но заблаговременно бежал с своими последователями и скрывался в неприступных горах и лесах. При этих гонениях бывали случаи, когда Саул оказывался в полной власти Давида, который легко мог бы предать его смерти и таким образом не только избавиться от гонителя, но и наследовать престол. Но Давид содрогался от одной мысли положить руку на помазанника Божия и скорбел даже после того, как однажды отрезал край одежды Саула, зашедшего для нужды в пещеру, в глубине которой скрывался царственный беглец со своими последователями. Этот последний случай до слез растрогал Саула; когда он узнал о том, с каким всепрощающим великодушием гонимый Давид отнесся к нему даже в тот момент, когда его жизнь вполне находилась в руках последнего, то стал раскаиваться в своей безумии и, уже смиренно признавая Давида своим будущим преемником, просил его только о том, чтобы он не искоренил его потомства и не уничтожил имени отца его, в чем и поклялся ему Давид. Но дух злобы скоро опять овладел Саулом, и он вновь устремился в погоню за Давидом, которому скоро представился новый случай доказать несправедливому царю свое непоколебимое и благородное великодушие. Однажды ночью Давид пробрался в стан царя и, упрекнув своего спутника Авессу за намерение убить Саула, захватил с собой лишь копье и кружку с водой у постели царя, и с вершины соседней горы громко укорял Авенира, начальника царских телохранителей, за его невнимательность и плохую бдительность около священной особы царя. Устыженный этим, Саул опять на время прекратил преследование, но чтобы порвать всякую связь с Давидом, выдал жену его Мелхолу за другого человека. Тяжко огорченный таким оскорблением, Давид, опасаясь дальнейшей ярости царя, в другой раз искал убежища у царя филистимского города Гефа.

Но там положение его было крайне двусмысленное и тяжелое, так как царь гефский Анхус, отдав ему во владение целый город Циклаг, требовал от него враждебных набегов на его родную землю.

Когда началась открытая война с израильтянами, Давид вынужден был даже дать Анхусу прямое обязательство в оказании ему военной помощи и, таким образом, поставлен был в печальную необходимость поднять оружие на свой собственный народ. Только подозрение военачальников в верности Давида избавило его от этого тяжелого обязательства, так как филистимляне принудили Анхуса возвратить Давида из похода как весьма ненадежного союзника в войне с израильтянами. Между тем, на Циклаг за время его отсутствия напали амаликитяне и все в нем истребили. Это бедствие так вооружило против Давида самых его последователей, у которых погибло в разрушенном городе все достояние, что они хотели даже побить его камнями, и только военный успех его в погоне за амаликитянами восстановил авторитет Давида, который быстро настиг хищников, рассеял их, возвратил пленных и захватил богатую добычу.

Но испытания Давида быстро приближались к концу. В родной земле его совершилось важное и, вместе, печальное событие: скончался Самуил на 88 году своей жизни и торжественно погребен был в Раме оплакивавшим его народом¹⁵⁸. Это событие еще более тяжким бременем легло на душу Саула, так как он в глубине своего сердца не переставал благоговеть пред помазавшим его пророком. Смерть его, несомненно, еще сильнее показала его совести все его неправды и преступления, которые так глубоко огорчали престарелого пророка и наверно ускорили смерть его. В нем он, несмотря на полный разрыв с ним, продолжал видеть некоторую для себя нравственную опору в крайней нужде. Теперь его не было, а между тем обстоятельства складывались все грознее и мрачнее¹⁵⁹. Филистимляне, заметив внутренние беспорядки в царстве израильском, порешили воспользоваться удобным случаем для захвата добычи и с огромным войском двинулись внутрь страны. Саул, уже ясно сознававший свою отверженность

пред Богом и своим народом, предчувствовал надвигающуюся беду и был в отчаянии и страхе. С мгновенным пробуждением отголоска прежней веры он спросил Бога об исходе предстоявшей битвы, но Бог не отвечал на его слабую веру. Тогда злополучный царь совершил еще одно великое преступление и прибег к суеверию, обратившись к волшебству, при помощи которого он хотел узнать свою судьбу¹⁶⁰. В Аэндоре, близ горы Ермона, жила волшебница, и к ней-то ночью, переодевшись, отправился Саул в сопровождении нескольких своих приближенных. Волшебница сначала отказалась было приступить к волшебству, опасаясь наказания; но когда посетители поклялись, «что не будет ей беды за это дело», а будет дана хорошая награда, женщина спросила: «кого же вывести тебе?» – «Самуила выведи мне», отвечал Саул. Волшебница совершила свое волхование и вскрикнула от ужаса, потому что она одновременно увидела призрак Самуила и узнала, что посетитель ее царь. «И сказал ей царь: не бойся (скажи), что ты видишь?» – «Вижу, отвечала женщина, как бы бога, выходящего из земли». – «Какой он видом?» спросил у нее Саул. Она отвечала ему: «Выходит из земли муж престарелый, одетый в длинную одежду». «Тогда узнал Саул, что это Самуил, и пал лицом на землю и поклонился». Затем, встав, он в страхе услышал загробный голос пророка: «Для чего ты тревожишь меня, чтобы я вышел?» – «И отвечал Саул: тяжело мне очень; филистимляне воют против меня, а Бог отступил от меня и более не отвечает мне ни чрез пророков, ни во сне, (ни в видении); потому я вызвал тебя, чтобы ты научил меня, что мне делать». «И сказал Самуил: зачем же спрашиваешь меня, когда Господь отступил от тебя? Господь сделает то, что возвестил чрез меня; отнимет Господь царство от рук твоих, и отдаст его ближнему твоему, Давиду. И предаст Господь Израиля вместе с тобою в руки филистимлян; завтра ты и сыны твои будете со мною, и стан израильский предаст Господь в руки филистимлян». Страшный голос смолк, но слова его ужасом гремели в преступной совести Саула; он вдруг всем своим исполинским телом рухнул на землю и лежал в изнеможении. Только уже подкрепившись пищею, он способен был

возвратиться в стан, куда и отправился в ту же ночь. Страшный приговор Самуила не замедлил осуществиться во всей своей точности. Битва с филистимлянами произошла в окрестностях Изрееля¹⁶¹. Израильтяне не выдержали напора железных колесниц своего противника и в первый же день битвы вынуждены были отступить к горе Гелвуде, усеяв путь свой убитыми. Филистимляне между тем все более напирала на бегущего Израиля. Сыновья Саула и между ними храбрый Ионафан уже пали под ударами врагов; но вот неприятельские стрелки настигли уже самого Саула, начали осыпать его градом стрел, «и он очень изранен был стрелками». Гибель была очевидна и неминуема. Гордый царь, однако,, не хочет умереть от руки необрезанных и повелевает своему оруженосцу обнажить меч и заколоть его. Но оруженосец не смеет поднять руки на помазанника Божия, и тогда злополучный царь совершает последнее преступление своей жизни – самоубийство, которому последовал и его верный оруженосец. Торжествующие филистимляне бросились грабить убитых и, найдя тела Саула и Ионафана, варварски надругались над ними и затем повесили их на стенах города Вефсана. Такой позор возбудил мужество в жителях города Иависа Галаадского, которые, помня оказанное им некогда Саулом благодеяние, сделали отважный набег, сняли царственные тела со стены, сожгли их, кости похоронили в своем городе под дубом и в память погибшего царя постились семь дней, выказав таким образом редкую добродетель благодарности к павшему царю.

Весть об исходе битвы гелвудской скоро дошла до Давида. Один молодой амаликитянин, захватив венец и запястье Саула, поспешил к Давиду, надеясь обрадовать его вестью о смерти царя и, чтобы увеличить свою предполагаемую награду, даже ложно заявил, что он сам приколол его. Но Давид пришел в ужас от этого святотатства и велел предать амаликитянина смерти за то, что он поднял руку свою на помазанного царя, и сам с окружающими своими горько оплакивал не только своего друга Ионафана, но и злополучного царя Саула. Скорбь его выразилась в вдохновенной песне: «Краса твоя, о Израиль, поражена на высотах твоих! как пали сильные, погибло оружие

бранное! Саул и Ионафан, любезные и согласные в жизни своей, не разлучились в смерти своей... Дочери израильския, плачьте о Сауле, который одевал вас в багряницу с украшениями... Сражен Ионафан на высотах твоих. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской. Как пали сильные, погребло оружие бранное!..» Песнь эта сделалась историческим памятником, и петь ее научался весь народ¹⁶².

Так закончилось царствование первого царя израильского народа. Жизнь Саула распадается на два периода, из которых первый представляет собою жизнь его с Богом и второй – жизнь без Бога. Первый период, поэтому, служит обнаружением лучших качеств его души – смирения и упования на Бога, послушания воле Божией, за которыми следовали успех и победы. И за этот период он немало сделал для политического возвышения своего государства. Иноземное иго было свергнуто, и окружающие хищнические народы потерпели тяжкие поражения, заставившие их отказаться от расхищения царства избранного народа. Но во втором периоде явно берут перевес его худшие качества – высокомерие, самонадеянность, непослушание, за которыми, в свою очередь, неизбежно следовали неурядицы во внутреннем управлении, тоска, суеверие, поражения, отчаяние и самоубийство. Во всем этом он был зеркалом своего народа и своею судьбою еще раз преподал глубокий урок, что избранный народ должен полагать свою силу не в человеке, хотя бы он был и царь, но единственно в Боге, который один их помощник и покровитель и без Него они неизбежно станут беспомощной и жалкой добычей своих нечестивых соседей. Этот урок глубоко запечатлелся в душе Давида, который теперь беспрепятственно мог выступить в качестве царя израильского народа.

XXXIII. Царствование Давида. Завоевание Иерусалима. Перенесение ковчега завета, победоносные войны и мысль о построении храма¹⁶³

Во время своей изгнаннической жизни Давид уже считался многими прямым и законным преемником Саула, и потому по смерти последнего колена Иудино не замедлило провозгласить его царем, лишь только он вступил в пределы этой земли. Но оставались приверженцы и у Саула, и этим воспользовался приближенный его полководец Авенир, который при помощи жителей Галаада объявил царем Иевосфея, одного из сыновей Саула, и власть его была признана одиннадцатью коленами. При таких обстоятельствах стала неизбежной междоусобная война, которая с переменным счастьем продолжалась около пяти лет. Но перевес, видимо, клонился в сторону Давида, тем более, что между Авениром и Иевосфеем скоро возникли несогласия, которые повели даже к переходу Авенира на сторону Давида, где он, однако же, был убит военачальником последнего Иоавом в отмщение за убийство его брата Асаила. Сам Иевосфей скоро был убит своими приближенными, которые, в надежде получить награду от Давида, принесли ему даже голову вероломно убитого ими царя. Но Давид, с истинно царственным великодушием, голову Иевосфея предал погребению, а убийц его казнил смертью¹⁶⁴.

По смерти Иевосфея у Давида не было больше соперников, и глаза всего народа невольно обратились к нему. Представители всех колен собрались в Хеврон и, перечислив заслуги Давида для страны, торжественно провозгласили его царем над всеми коленами, после чего он окончательно был помазан на царство¹⁶⁵. В лице его народ израильский приобрел себе своего величайшего царя. Ему было тридцать лет от роду. В войне он уже приобрел громкую, всенародную известность своей знаменитой борьбой с Голиафом, которая вместе с другими его подвигами воспевалась в народных песнях, столь возбуждавших мрачную зависть Саула. При своей страннической жизни в

качестве изгнанника он прошел всю страну вдоль и поперек, близко ознакомился с жизнью не только своего собственного народа, но и ближайших соседей, у которых ему не раз приходилось искать себе убежища. Во время тяжелой школы испытаний он научился ценить жизнь не с высоты отдаленного царского престола, а в ее действительных нуждах и потребностях, быть милостивым и сострадательным к простому народу, равно как и великодушным к своим врагам. Но более всего перенесенные им испытания научили его всецелому упованию на Бога и еще более воспламенили в нем тот дух религиозности, который и выразился в его дивных боговдохновенных песнях – псалмах, дышащих безграничным упованием на промысл Божий. Такой царь не мог не пробудить сочувствия в народе, и около него быстро образовалось большое войско, начальники которого всецело отдали себя в распоряжение Давида. В Хевроне Давид царствовал семь с половиною лет¹⁶⁶. За это время он пришел к убеждению, что для утверждения царской власти в стране ему необходима столица, которая, не принадлежа никакому колену в отдельности, могла бы служить общею столицей для всего народа. Для этой цели Давид наметил одну сильную крепость на рубеже между коленами Иудиным и Вениаминовым, которая, несмотря на все усилия израильтян, отстаивала свою независимость и доселе принадлежала иевусеям¹⁶⁷. Это именно Иерусалим, который не только занимал сильное естественное положение на горе, возвышающейся на 2 610 футов над уровнем моря, но и укреплен был кроме того неприступными стенами. Давид, полагаясь на мужество и патриотизм своего храброго войска, порешил во что бы то ни стало взять эту гордую твердыню и объявил, что первый, кто водрузит знамя Давидово на стенах Иерусалима, будет сделан военачальником всего его войска. Честь эта выпала храброму Иоаву. Крепость была взята, и Давид основал в Иерусалиме свою царскую столицу, назвав ее градом Давидовым. Благодаря своему великолепному положению на Сионской горе, господствующей над всею окрестностью, Иерусалим, с возвышением его на степень столицы, начал быстро стягивать к себе иудейское население; новая столица

скоро расцвела пышно и богато, и Иерусалим сделался одним из знаменитейших городов в истории не только израильского народа, но и всего человечества.

В своей новой столице Давид «преуспевал и возвышался, и Господь Бог Саваоф был с ним»¹⁶⁸. Могущество его имени действовало устрашающим образом на филистимлян, этих давних врагов избранного народа. Они попытались было подорвать силу крепнущего государства и открыли против Давида военные действия; но, дважды пораженные Давидом, с большим уроном должны были отступить, оставив в его руках даже своих идолов, которых Давид велел сжечь. Вместе с тем Давид приобрел дружбу своего соседа Хирама, царя могущественного и богатого Тира. Хирам был полезен Давиду особенно при благоустройении его новой столицы, так как посылал ему «кедровые деревья, плотников и каменщиков» для возведения дворца и необходимых государственных построек. Да и вообще эта дружба была в высшей степени выгодна для обоих народов, из которых один (израильский) был по преимуществу земледельческий, а другой – торгово-промышленный, и потому с взаимною выгодой могли меняться произведениями своей земли и своего труда.

Но, благоустраивая свою столицу и свое государство в политическом и экономическом отношении, Давид не забывал, что главное назначение избранного народа – быть светом для язычников в религиозно-нравственном отношении, и потому обратил свое главное внимание на возвышение религиозного духа народа. С этою целью он решил перенести главную святыню народа – ковчег завета в Иерусалим, чтобы сделать свою столицу объединяющим центром страны не только в политическом, но и религиозном отношении¹⁶⁹. Ковчег завета со времени возвращения его от филистимлян находился в Кириафиариме. Давид отправился туда во главе 30 000 избранных мужей. Для ковчега была приготовлена новая колесница, на которой он торжественно был двинут в путь. Два сына Авинадава, в доме которого доселе находился ковчег, везли его в торжественном шествии народа, выражавшего свою восторженность музыкой и священными песнями. Но смерть

Озы, одного из сыновей Авинадава, однако же показала, что для святыни требовался другой способ передвижения, именно на раменах левитов и священников. После трехмесячного пребывания в Гефе, ковчег вновь был двинут в путь и с торжеством несен был первосвященниками от обеих линий Ааронова священства. Через каждые шесть шагов царь приносил жертвы; самое шествие сопровождалось восторженным пением, музыкою и ликованием. Сам Давид, одетый в простой священнический льняной эфод, увлеченный чувством религиозного восторга, «скакал из всей силы пред Господом», изливая свою восторженность в дивных псалмах, смешивавшихся с песнями левитов, радостными кликами народа и торжественными звуками труб, кимвалов и арф. На Сионе для ковчега была приготовлена новая скиния (старая оставлена была в Гаваоне, так как, наверное, успела значительно обветшать и повредиться от времени): там Давид принес всесожжения и жертвы мирные и, «благословив народ именем Господа Саваофа, он раздал всему народу – как мужчинам, так и женщинам – по одному хлебу, и по куску жареного мяса, и по одной лепешке и по кружке вина каждому» в память этого великого события. Но вечную память о нем оставались те псалмы, которые составлены были Давидом по случаю великого торжества. При самом поднятии ковчега для перенесения его в Иерусалим составлен был и пелся псалом 67, начинающийся словами: «Да восстанет Бог и расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его». При вступлении ковчега в крепость Сионскую пелся псалом 23, в котором на самый момент вступления указывает восторженное обращение к вратам крепости: «поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вечные, и войдет Царь славы!» В этом псалме Иегова прославляется как царь славы, который, наконец, завершил победу над языческими врагами Своего народа и водворился на Сионе, откуда Он покорит Себе весь мир. «Кто сей царь славы?» спрашивает в этом псалме один хор, и другой торжественно отвечает: «Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани». «Кто сей царь славы? – Господь сил, Он царь славы!

«Отпустив народ, ликующий царь возвратился в дом свой, чтобы поделиться своею религиозною восторженностью и со всеми своими домашними. Но там он был встречен обидным укором со стороны своей высокомерной жены Мелхолы, которой крайне не понравилось поведение царя пред ковчегом: «как отличился сегодня царь Израилев», с ядовитой иронией сказала она Давиду, «обнажившись сегодня пред глазами рабынь рабов своих, как обнажается какой-нибудь пустой человек!» Такое высокомерие дочери Сауловой должно было понести должное наказание. Высказывая ей справедливый укор, Давид ответил ей, что ради Господа он готов еще более унижиться и религиозную восторженность последних служанок предпочитает гордому высокомерию царицы. «И у Мелхолы, дочери Сауловой, не было детей до дня смерти ее».

После перенесения ковчега завета в Иерусалим Давид занялся делами внутреннего благоустройства, как религиозного, так и гражданского. Так он, прежде всего, учредил при скинии правильный порядок богослужения, назначил особых для этого лиц, чтобы «они славословили, благодарили и перевозносили Господа Бога Израилева». Двое священников должны были постоянно трубить пред ковчегом завета Божия, а несколько левитов назначены были с целию возвышения торжественности богослужения присутствовать при нем с псалтирями, цитрами и кимвалами. Сам Давид составил боговдохновенный псалом, который пелся при богослужении в качестве особого славословия Богу и начинался словами: «Славьте Господа, перевозносите имя Его; возвещайте в народах дела Его; пойте Ему, бряцайте Ему; поведайте о всех чудесах Его»... Псалом заканчивался словами: Благословен Господь Бог Израилев от века и до века», и весь народ восторженно отвечивал кликами: «Аминь, аллилуия!»

В делах гражданского управления Давид обратил особенное внимание на восстановление правого суда, поколебленного во время смут Саулова царствования. С этою целию он, прежде всего, образовал под своим личным председательством совет, составленный из наиболее приближенных лиц. Из них напр. Иоав был начальником войска, Иосафат деесписателем, Садок и

Авимелех главными священниками, Суса писцем, и так далее. При помощи этих советников Давид имел возможность всесторонне следить за жизнью народа и государства и удовлетворять всем его насущным нуждам и потребностям. «И царствовал Давид над всем Израилем, и творил суд и правду всему народу своему».

При благоустройении внутренних дел Давид для обеспечения своих границ от внешних нападений повсюду расставил охранные войска. Но с окончанием этого благоустройства он, располагая сильным войском, мог выступить и на поприще завоевательной политики¹⁷⁰. Вокруг обетованной земли жило много враждебных народов, которые не только часто нападали на израильский народ, но и владели такими землями, которые, по обетованию Божию, должны были принадлежать к владениям избранного народа. И вот начинается целый ряд победоносных походов. Давид, полный живого упования на Бога, решил исполнить волю Божию, заявленную в обетовании, и завоевать все те земли, которые незаконно и только по слабости и неверию израильского народа находились еще во владении его врагов-язычников. Победоносное оружие свое он, прежде всего, направил против филистимлян, которые теперь должны были окончательно расплатиться за многочисленные беды, причиненные их частыми набегами народу израильскому. Они были поражены, и сильнейший их город Геф с зависящими от него городами перешел под власть Давида. Победа эта была решительная и надолго смирила филистимлян, так что, исключая двух-трех незначительных стычек, мы уже долго не слышим о их нападениях. Она обеспечила избранному народу законную ему границу на юго-западе и распространила его владения до «реки Египетской», отделяющей Палестину от владений Египта. Обращаясь к восточной границе, Давид поразил моавитян и, чтобы окончательно сломить их силу, две трети населения предал смерти, а остальную треть сделал рабами и данниками. Такая суровость по отношению к этому народу, с которым Давид был, отчасти, родственен по крови (через свою прабабку Руфь моавитянку) и с которым он вообще находился в дружественных отношениях, так что в одно время

поручал своих родителей покровительству моавитского царя, объясняется сознанием необходимости окончательного отмщения за все бедствия, причиненные народу израильскому со времени Валака, а также, быть может, вызвана была каким-нибудь вероломным поступком с их стороны. Так исполнилось предсказание Валаама: «Происшедший от Иакова овладеет и погубит оставшееся от города» (столицы моавской). Обеспечив восточную границу, Давид направил свое победоносное оружие к северо-востоку, для расширения своего царства до обетованной границы – реки Евфрата. Два сирийских царя Адраазар Сувский и царь Дамасский были поражены Давидом, оставив в его руках множество колесниц, коней, золотых щитов и медного оружия. Уничтожив большую часть колесниц, сто из них Давид оставил для своего двора и вместе с щитами и медными доспехами перевез в Иерусалим. Славный Дамаск положил оружие пред Давидом и сделался его данником. «И помогал Господь Давиду везде, куда он ни ходил».

Эти победы прославили имя Давида во всей Азии. Некоторые цари спешили предложить ему свою дружбу и союз. Так Фой, царь Имафа, услышав о поражении Адраазара Сувского, его собственного врага, отправил своего сына Иорама с поздравлением Давиду и с богатыми дарами из разных золотых, серебряных и медных сосудов. Этот союз вместе с прежним союзом с Хирамом Тирским вполне обеспечивал северную границу царства, и Давид возвратился в Иерусалим, везя в качестве добычи много золота, серебра и меди, что все, впоследствии, пошло на построение храма и дворцов. Чрез несколько времени военная слава Давида прогремела и на юге. Он поразил идумеян и, поставив среди них охранные войска, сделал их данниками и рабами. Граница государства вследствие этой победы раздвинулась до восточного залива Черного моря. И вот, таким образом, благодаря целому ряду блистательных побед, Давид впервые в истории израильского народа владел всем пространством земли, которое обещано было патриархами. Царство израильского народа теперь уже не было незначительным, худо организованным государством, бывшим добычей соседних хищнических народов, которые то и дело

нападали на него, грабили города и убивали жителей. Это была теперь могущественная монархия, которая на время повелевала всей западной Азией и в руках которой находилась судьба многочисленных народов, трепетно приносивших свою дань грозному для них царю.

Исполненный благодарности Богу, благоволившему исполнить теперь Свои обетования относительно владения землей Ханаанской, Давид решил доказать свою благодарность построением величественного храма, который был бы достоин Господа сил и Царя славы. У Давида было много богатств, накопившихся от добычи и дани, и он построил себе великолепный кедровый дворец, в котором и жил, наслаждаясь своими победными лаврами. Ковчег завета, между тем, все еще находился в скинии. Это несоответствие в помещении царя земного и Царя небесного поразило Давида. Призвав своего приближенного пророка Нафана, царь сказал ему: «вот я живу в доме кедровом, а ковчег Божий находится под шатром».

Пророк сначала одобрил мысль царя, но ночью получил божественное внушение, что Давид, занятый благоустройством земного царства, не может приступать к этому великому предприятию и должен предоставить славу совершения его своему сыну, преемнику престола. Храм Всевышнего должен быть храмом мира и потому может быть построен только человеком, который не проливал крови человеческой, Давид же во время своих многочисленных войн много проливал крови и потому недостоин быть строителем храма Богу любви и мира. Но самая мысль о построении храма вытекала в нем из добрых побуждений и потому Господь показал ему Свою милость в великом обетовании, что царство его (в духовном смысле) будет утверждено навеки. Давид пламенной молитвою возблагодарил Бога и смиренно ограничился заготовлением материалов для построения храма в будущем¹⁷¹.

В то же время он еще раз выказал благородное великодушие к дому Саулову. Из уважения к памяти своего друга Ионафана, он отыскал сына его Мемфивосфея, хромого на обе ноги, отдал ему родовые земли Саула и открыл ему доступ к царскому столу¹⁷².

XXXIV. Продолжение царствования Давида. Его могущество и падение. Авессалом и его восстание¹⁷³

В это время Давид находился на вершине своего могущества и своей славы. Дворец его блистал роскошью и богатством и походил на дворцы других великих царей древнего востока. Враги кругом смиренно покорились ему, платили дань и обогащали его казну. Внутри народ благоденствовал и вполне наслаждался благами мудрого и справедливого управления. Такое справедливое положение, скорее всего, способно ослаблять смиренное упование на Бога и пробуждать чувства самонадеянности и самовластия, с неразлучным от них падением нравственной жизни, столь естественным при расслабляющей роскоши восточной придворной жизни. Такого искушения не избег и Давид, и с этого времени начинается новый период его жизни, который представляет историю его нравственного падения, с неразлучными бедствиями. Первый случай греховного падения Давида произошел во время аммонитской войны¹⁷⁴. Во время прежних войн Давида царь аммонитский Наас был верным его союзником и другом, но вот он умер, и ему наследовал сын его Аннон. Давид, желая поддержать свою дружбу и с сыном своего союзника, послал к нему послов с дружественными предложениями и с утешением по случаю смерти отца. Но это посольство приближенными молодого царя перетолковано было в худую сторону, послы были приняты за соглядатаев, и неразумный Аннон нанес им страшное оскорбление, повелев обрить каждому из них «половину бороды и обрезать одежды их на половину до чресел», и в таком безобразном виде отпустил их обратно к Давиду. Такого бесчестия не мог снести Давид и отправил войско наказать дерзкого Аннона, который, между тем, успел уже заключить оборонительный союз с сирийцами, воспользовавшись этим случаем для низвержения власти израильского царя. Сирийцы, однако же, были вновь разбиты, потеряв 7 000 колесниц и 40 000 пехоты, и покорились Давиду, так что аммонитяне остались одни и собственными силами

должны были защищаться против могущественного царя. Иоав двинулся на их главный город Равву и осадил его. Вполне полагаясь на своего военачальника, Давид сам остался в Иерусалиме, и в это-то время он совершил тот тяжелый грех, который страшным бременем лег на его совесть во всю остальную жизнь и омрачил все его царствование¹⁷⁵. Взойдя однажды на кровлю своего великолепного кедрового дворца, он увидел на соседнем дворе открыто купающуюся красавицу, которая мгновенно возбудила в нем пламенную страсть. По наведенной справке это оказалась Вирсавия, дочь Елиама, сына его советника Ахитофела и жена одного из храбрейших воинов – Урии хеттеянина. Одного этого достаточно было бы для того, чтобы подавить страсть даже языческого деспота; но Давид пал, и когда уже готово было обнаружиться самое следствие его греха и грозило навлечь позор на него, злополучный царь, после тщетной попытки прикрыть свое преступление вызовом мужа Вирсавии, завершил его новым тяжким грехом – вероломным убийством Урии, которого он (в собственноручном письме, отнесенном самим Урией) повелел Иоаву поставить в самое опасное место битвы, где бы для него неминуема была смерть. Иоав в точности исполнил преступный приказ своего повелителя и скоро чрез особого посланного известил его, что Урия убит. Так грех прелюбодеяния был покрыт кровью невинного человека. По окончании обычного плача по муже, Вирсавия, которая, видимо, сознательно участвовала в преступлении, сделалась женой Давида и родила ему сына. Но страшное преступление не укрылось от правосудия Божия, «и было это дело, которое сделал Давид, зло в очах Господа». Скоро явился и выразитель этого недремлющего правосудия, в лице пророка Нафана, который пришел к царю с своею известною притчей о богаче, пожалевшем своих многочисленных стад для угощения своего гостя и отнявшем для этого у своего соседа-бедняка единственную овечку, бывшую любимицею его убогой хижины. Давид еще не настолько пал нравственно, чтобы не сознавать вопиющей несправедливости такого поступка, и с пылким негодованием воскликнул: «Жив Господь! достоин смерти человек, сделавший это!» И когда он стал было подробно

перечислять, как должен этот бессердечный богач вознаградить бедняка, из уст пророка прогремели страшные для него слова: «ты – тот человек, который сделал это»! затем пророк высказал грозный приговор Царя царей. Упрекнув Давида в неблагодарности за все благодеяния Божии, пророк объявил ему о предстоящем ему наказании. За разрушение им счастливого семейного очага Урии мечем и позором, меч и позор отселе будут разрушать и его собственную семейную жизнь и притом еще в худшей степени. «Ты сделал тайно, а Я сделаю это пред всем Израилем и пред солнцем». Пораженный таким неожиданным изобличением страшного преступления, царь затрепетал в своей преступной совести и смирился. В полном сокрушении сердца он воскликнул: «согрешил я пред Господом». Пророк изрек ему немедленное наказание, что хотя сам он прощен Богом и не умрет, но за свое преступление должен понести страдание в лице своего новорожденного сына, который, как плод преступления, не должен жить. В страшной скорби ожидал Давид исполнения приговора, и успокоился в своей совести только тогда, когда ему донесли, что сын его действительно умер. Все это событие глубоко запало в душу Давида и сокрушение своего сердца он излил в пламенном покаянном псалме: «Помилуй мя, Боже», ставшем покаянную молитвою всякого кающегося грешника.

Покаяние Давида было так чистосердечно, что Бог послал ему утешение во втором сыне от Вирсавии, который, названный Соломоном, был возлюблен Богом и сделался не только преемником Давиду, но и родоначальником Мессии. В то же время Давид утешен был взятием Раввы. В последнем приступе он участвовал лично и по взятии города жестоко отомстил коварному народу с его дерзким царем, драгоценную корону которого Давид в качестве трофея возложил себе на голову и привез в Иерусалим богатейшую добычу, восполнившую собиравшийся материал для построения храма.

Преступление Давида, между тем, как бы заразило всю его семейную жизнь, и отселе в его доме начинается целый ряд бедствий. Нужно заметить, что в семейной жизни Давид не отличался умеренностью и вопреки прямому постановлению

Моисея, запрещавшего царю «умножать себе жен» (Втор. 17:17), еще в Хевроне имел семь жен и десять наложниц, а затем умножил это число еще несколькими женами, между которыми была и Вирсавия. Многочисленное поколение сыновей от этих многочисленных жен и было естественным источником всевозможных беспорядков, преступлений и бедствий¹⁷⁶. Наибольшею известностью выдаются три его сына: старший – Амнон, третий Авессалом и четвертый Адония. Первые двое, видимо, соперничали между собой из-за первенства и преобладания во дворце, и это соперничество закончилось смертью Амнона, которого убил Авессалом в отмщение за бесчестие, нанесенное его кровной сестре Фамари. Опасаясь, в свою очередь, кровавого мщения и гнева отца, Авессалом бежал к царю Гессурскому, своему деду по матери, и там пробыл три года, увеличивая скорби Давида. Чтобы покончить с таким прискорбным положением дел, Иоав прибег к хитрости и подослал к Давиду «умную женщину» из Фекои, которая слезным рассказом о мнимом событии в своей семейной жизни склонила царя помиловать Авессалома. Но и, позволив Авессалому возвратиться в Иерусалим, Давид еще долго не мог лично видеть своего преступного сына и только чрез два года отеческая любовь в нем восторжествовала над справедливостью и благоразумием, и он, наконец, позволил ему явиться к себе лично и отечески облобызал его.

Но помилованный Авессалом скоро сделался источником нового страшного бедствия, едва не стоившего Давиду самого престола¹⁷⁷. Это был человек необычайной красоты. «Во всем Израиле не было мужчины столь красивого, как Авессалом, и столько хвалимого, как он; от подошвы ног до верха головы не было у него недостатка». У него были такие роскошные волосы на голове, что каждый год он снимал как бы целое руно, весом «в двести сиклей по весу царскому». Своим очаровательным обхождением он невольно располагал к себе всех, так что все хвалили его и восхищались им. Но внешняя красота в нем не находила соответствия во внутренней доброте, и под великолепной внешностью билось злое и коварное сердце. Заметив народное к себе расположение, он задумал

воспользоваться им для удовлетворения своего необузданного властолюбия и, не надеясь законно сделаться наследником престола, решился овладеть им силою даже при жизни отца. С этою целию он прямо начал при всяком удобном случае возбуждать в народе недовольство против управления Давида и льстить народным страстям заманчивыми обещаниями всевозможных льгот в случае, если бы ему пришлось овладеть престолом. В этом преступном замысле он нашел сочувствие даже в одном из ближайших советников Давида, именно в тонком и честолюбивом Ахитофеле, который, видимо, искал случая отмстить Давиду за Урию, как мужа своей родной внучки Вирсавии. Подготовив таким образом почву, Авессалом вдруг удалился в старую столицу Хеврон, открыто поднял там знамя восстания против отца и успел склонить на свою сторону такое множество войска и народа, что Давид для своей безопасности вынужден был бежать из Иерусалима. Рано утром, в сопровождении своих преданных слуг и воинов, при громком плаче верного народа, Давид с сокрушенным сердцем оставил свою возлюбленную столицу и двинулся чрез поток Кедронский на гору Елеонскую. С вершины ее открывался великолепный вид на столицу, восхищавший всякого зрителя; но этот вид теперь еще большею скорбью поражал сердце царя, подобно тому, как, впоследствии, этот же вид вызвал рыдание у его божественного потомка – Иисуса Христа. Давид не скрывал своей скорби: столицу он оставил босым и с посыпанной пеплом главою. Но и в таком бедственном положении Давид сохранял еще в себе свои царственные качества – великодушие, благочестие и вместе упование на Бога, – те лучшие качества, которыми отличался он в первый период своей жизни и которые теперь под тяжким ударом постигшего его бедствия ожили вновь. В изгнание за ним последовали было преданные ему первосвященники Садок и Авиафар с ковчегом завета; но Давид отослал их назад, выражая надежду, что Господь еще не оставил его совсем. «А если он скажет: нет Моего благословения тебе; то вот я; пусть творит со мною, что ему благоугодно», говорил Давид. С царственным же великодушием он отговаривал преданного Еффея от приверженности к павшему парю и с

безграничным смирением перенес оскорбления от дерзкого Семеня, который злословил, бросал в него камнями и пылью. Авесса хотел наказать дерзкого поносителя, нагло кричавшего вслед царя: «уйди, уйди, убийца и беззаконник», но Давид остановил его, сказав, что уж если собственный сын его восстал на него, то тем более имеет право поносить его какой-нибудь Семей, и выразил надежду, что Господь призрит на уничтожение его и воздаст ему благостию за теперешнее поношение. Своего друга и советника Хусия Давид также отослал в Иерусалим, чтобы он своею мудростью мог противодействовать злему коварству Ахитофела.

Авессалом, между тем, вступил в Иерусалим¹⁷⁸, не встретив никакого сопротивления, и первым делом, по совету Ахитофела, обесчестил ложе своего отца, захватив его наложниц. Затем Ахитофел настаивал на немедленном преследовании Давида, чтобы воспользоваться его утомлением и унынием.

От исполнения этого опасного и губительного для Давида совета Авессалом был отвращен Хусием, который сумел внушить к себе доверие узурпатора. Хусий не одобрил этого совета и указал на необходимость крайней осторожности и обдуманности действия в отношении Давида, который известен был храбростью и окружен отважными воинами. Поэтому он советовал подождать, пока соберется весь народ, чтобы тогда с сильным войском можно было нанести Давиду решительный удар. Совет Хусия более понравился Авессалому, он отложил преследование, а Давид, между тем, воспользовался этим временем и, удалившись за Иордан, укрепился в городе Маханаиме, где ему оказано было радушное гостеприимство богатым Верзеллием галаадитянином, который вместе с другими жителями города предложил ему и его войску угощение. Хитрый Ахитофел сразу увидел, что с отвержением его плана неминуемо погибнет и все дело восстания, и, чтобы предупредить неизбежное себе наказание от Давида, совершил самоубийство. События скоро оправдали его опасения. Вокруг Давида собралось сильное войско, с которым можно было выступить для подавления восстания. Враждебные войска встретились около горы Галаада, на вершине которой Авессалом расположился

лагерем. Кругом расстилался обширный и густой Ефремов лес, в котором и произошла решительная битва. Полный упования на Бога и полагаясь на испытанную отвагу и стойкость своих преданных военачальников Иоава, Авессы и Еффея, Давид легко мог предвидеть исход сражения и перед выступлением своих войск с отеческою любовью наказывал всем: «сберегите мне отрока Авессалома». Начавшаяся битва оказалась вполне несчастною для Авессалома: его неопытные войска растерялись по лесу и под храбрым натиском войска Давидова обратились в беспорядочное бегство, потеряв 20 000 человек убитыми и еще более погибшими в лесу. Сам Авессалом поскакал в отчаянии на муле в лес, но «когда мул вбежал с ним под ветви большого дуба, то Авессалом запутался волосами своими на ветвях дуба и повис между небом и землей, а мул, бывший под ним, убежал». В этом положении несчастный юноша был застрелен Иоавом, который в пылу битвы и мщенья за унижение царя не задумался пренебречь даже просьбой самого Давида. Между тем Давид с трепетным сердцем ожидал известия об исходе битвы. Вестники одни за другими быстро приходили к нему с извещением о победе. Но сердце его было больше всего занято судьбой его злополучного сына и первым его вопросом было: «благополучен ли отрок Авессалом?» И когда он узнал о постигшей Авессалома участи, то чувство отеческой любви и горя превозмогло в нем всякую радость о победе. «И смутился царь, и пошел в горницу над воротами, и плакал, и когда шел, говорил так: сын мой Авессалом, сын мой, сын мой, Авессалом! О, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом сын мой, сын мой»... Горе царя распространилось на весь народ, «и обратилась победа того дня в плач для всего народа», и только по настойчивому увещанию Иоава прекратить этот неуместный, хотя и естественный плач, Давид ободрился духом, чтобы должным образом воспользоваться плодами победы и возвратиться в Иерусалим. Но по смерти Авессалома уже ничто не могло препятствовать ему в этом. Все мятежники спешили принести ему повинную, и Давид снова вступил в свою столицу, выказав свое обычное великодушие, и объявил всеобщее прощение, от которого не исключен был и дерзкий Семей, теперь

униженно павший к ногам Давида и умолявший его о прощении за злословие и оскорбление. Престарелый Верзеллий отказался от высокого вознаграждения за свое гостеприимство, но сын его Кимгам был взят ко двору и возведен в высокое звание. Сива, коварный слуга Мемфивосфея, пытался было впутать своего господина в заговор Авессалома и успел в этом настолько, что Давид отдал было ему все владения Мемфивосфея; но последний однако же успел, отчасти, оправдать себя в возведенной клевете, и Давид возвратил ему половину его владения, предоставив другую половину Сиве – в награду за выказанную им преданность царю.

Бунт Авессалома не прошел без последствий для общего политического состояния народа и послужил поводом к возбуждению соперничества между коленами¹⁷⁹. Северные колена, обидевшись за то, что колено Иудино действовало без всякого сношения с ними в деле подавления политической смуты, и, подозревая какое-либо частное соглашение его с Давидом в ущерб другим коленам, открыто заявило свое недовольство, упрекая Иудино колено в том, что оно «похитило царя». Таким недовольством не преминул воспользоваться один «негодный человек» по имени Савей, вениамитянин. Он дерзко поднял знамя восстания и впервые произнес губительный клич разделения: «Нет нам части в Давиде, и нет нам доли в сыне Иессеевом; все по шатрам своим, израильтяне!» Это именно тот самый клич, который впоследствии повел к окончательному разделению и гибели государства; но теперь он встретил противовес в обаянии величественной личности Давида, военачальники которого быстро успели подавить восстание. Савей, преследуемый войсками Давида, укрылся в городе Авеле, который и осажден был Иоавом. Городу грозила неминуемая гибель, но он избавлен был от нее одной «умной женщиной», которая посоветовала гражданам схватить Савея и голову его выдать Иоаву, чем удовлетворился полководец Давида и снял осаду с города.

XXXV. Последние годы царствования Давида. Исчисление народа и наказание. Последние распоряжения и кончина Давида¹⁸⁰

С подавлением восстания Савея в государстве водворился внутренний мир, продолжавшийся почти до конца царствования Давида. Внутренние враги не дерзали больше открыто выступать против царя, который все более завоевывал сердца своего народа, посвящая себя заботам о его внутреннем благосостоянии. Но и этот последний период не прошел без некоторых испытаний, которые Промысл посылает для нравственного очищения и укрепления царей и народов. Первым из них был голод, продолжавшийся три года и послуживший поводом к печальной судьбе Саулова дома¹⁸¹. Исследование о причине голода показало, что он был наказанием за какой-то кровожадный поступок Саула по отношению к гаваонитянам, – поступок, требовавший отмщения. Когда Давид спросил у гаваонитян, какого возмездия они желали бы за этот поступок, то эти жестокие язычники, хотя и приобщенные к израильскому народу в виде рабов, но сохранявшие свои языческие нравы, потребовали выдачи себе потомков Саула в числе семи человек, которых они и повесили самым варварским образом, выставив их трупы под палящим солнцем для гниения и на съедение диким животным и птицам. Трупы висели так в течение целого лета, от начала жатвы ячменя в апреле до осенних дождей, представляя поистине страшное зрелище, которому еще более трагического ужаса придавала склонявшаяся пред ними фигура злополучной матери пятерых повешенных сыновей. Рицпа, наложница Саулова, убитая горем о потере своих сыновей, взяв вретисце, разостлала его пред трупами и провела на нем все лето, не допуская хищных зверей и птиц касаться дорогих для нее тел. Эта безграничная материнская преданность так поразила Давида, что он сам отправился к месту казни и утешил несчастную мать погребением повешенных (равно как и костей самого Саула и своего друга Ионафана), достойным их высокого

звания. «И умилился Бог над странюю после того». В это же время Давиду пришлось еще раз отразить филистимлян¹⁸².

Последние, пользуясь внутренними смутами и бедствиями государства, еще раз попытались сломить его силу и выставили нескольких исполинов, потомков древних Рефаимов, из которых один, Иесвий, едва не убил самого Давида. Этот случай сильно поразил израильтян, и они поклялись, что в будущем не позволят ему лично выходить на войну, «чтобы, как добавляли они, не угас светильник Израиля». Благодаря отваге войска Давидова, филистимляне были разбиты, и на всех границах государства вновь водворился мир. Давид возблагодарил Бога торжественною песнию: «Господь твердыня моя, и крепость моя, и избавитель мой. Бог мой слава моя, на Него я уповаю; щит мой, рог спасения моего; ограждение мое и убежище мое; Спаситель мой, от бед ты избавил меня!»¹⁸³. Эта восторженно хвалебная песнь царя вошла в собрание его других песней и псалмов и составляет 17-й псалом книги Псалтирь.

Давид теперь опять наслаждался полным миром и благоденствием. Он был самодержавным царем великого государства, которое простиралось от Ливанских гор до границы Египетской и от Средиземного моря до реки Евфрата. При таком состоянии Давиду оставалось только смиренно благодарить Бога за оказанные ему и его народу благодеяния, так как он сам сознавал, что всем этим величием он исключительно обязан помощи Божией. Но в нем шевельнулось чувство самонадеянной гордости, и он, быть может имея в виду смелый план дальнейших завоеваний или увеличения своих богатств, велел произвести исчисление всему населению государства¹⁸⁴. Счет был произведен, и по нему оказалось, – что «израильтян было 800 000 мужей сильных, а иудеев 500 000». Но только тогда Давид вполне сознал греховность своих побуждений при этом исчислении, «и вздрогнуло сердце Давида, и сказал он Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего; ибо крайне неразумно поступил я». Своим покаянием он, однако же, не загладил греха и должен был понести наказание. В качестве вестника Божия гнева явился к нему пророк Гад и предложил ему на выбор три наказания:

семилетний голод, трехмесячное преследование от неприятелей, или трехдневную моровую язву. «Тяжело мне очень, воскликнул царь: но пусть впаду я в руки Господа, ибо велико милосердие Его; только бы в руки человеческие не впасть мне». Давид избрал моровую язву, которая и начала опустошать население. В короткое время она похитила 70 000 человек и готова была распространиться и на Иерусалим, чтобы опустошить его. Тогда царь с мольбою о милосердии воскликнул: «вот, я согрешил, я (пастырь) поступил беззаконно; а эти овцы, что сделали они? Пусть же рука Твоя обратится на меня и на дом отца моего!» Такая всецелая самоотверженность ради невинного народа утишила гнев Божий. Давид, по указанию пророка, построил жертвенник на том месте, где он увидел Ангела-карателя и купил это место (гумно Орны иевусеянина) за 600 сиклей золота, чтобы построить на нем и самый храм. Место это получило название Мориа (видение), вследствие именно бывшего Давиду видения Ангела-карателя, губительная рука которого здесь отвращена была от Иерусалима молитвенным ходатайством царя.

Остаток своей жизни Давид посвятил главным образом собиранию материалов и подготовительным работам для построения храма. За все свое царствование он успел уже собрать громадные богатства, которые теперь составляли 100 000 талантов золота и миллион талантов серебра. Искусные рабочие и каменотесы были собраны со всей земли; заготовлено было множество железа и меди без весу и кедровых деревьев без счету. Но Давид помнил волю Божию и ограничился только подготовительными работами, предоставляя построение самого храма своему преемнику, которым он назначил Соломона, Призвав его к себе, Давид рассказал ему историю всего этого великого предприятия и завещал ему совершить его, прося всех князей израильских помогать ему в этом.

Это публичное назначение Соломона наследником престола послужило поводом к новой внутренней смуте, отравившей последние дни царствования Давида. Оно нанесло смертельный удар честолюбивым замыслам четвертого по старшинству сына Давидова – Адонии, который, отличаясь красивой внешностью и

пользуясь видимым расположением отца, доселе считал себя прямым наследником престола¹⁸⁵. Видя такой неблагоприятный для себя оборот дела, он, подобно своему брату Авессалому, решился силою овладеть престолом. Он успел нанять себе немало приверженцев, и на его сторону стали даже беспокойный Иоав и главный священник Авиафар. Заговорщики устроили блистательный пир, на котором открыто провозглашали Адонию царем, а между тем престарелый Давид еще ничего не знал об этом. Тогда пророк Нафан открыл ему о заговоре и грозящей Соломону опасности, и встревоженный царь повелел немедленно взять Соломона к реке Гиону и там торжественно помазать его на царство. Помазание совершено было главным священником Садоком и пророком Нафаном, в присутствии многочисленного народа, который встретил это помазание восторженными ликованиями и сопровождал Соломона при возвращении его в город радостными кликами: «да живет царь Соломон!» Пораженные такою неожиданностью, заговорщики рассеялись. Сам виновник смуты Адония искал спасения у жертвенника, и оставил его только тогда, когда Соломон поклялся пощадить ему жизнь. Чтобы утвердить права Соломона на царский престол, Давид опять созвал главнейших представителей народа и выразил пред ними свою волю о том, чтобы Соломон был наследником его престола. При этом он еще раз увещевал их не ослабевать в ревности при создании великой святыни, именно храма Божия, который «должен быть весьма величествен, на славу и украшение пред всеми землями». Тут же Давид передал Соломону все чертежи будущего храма и его принадлежностей с описью материалов и богатств, которые увеличены были приношениями начальников и князей народа. В подтверждение воли царя принесены были жертвы, Соломон окончательно провозглашен царем, а преданный ему священник Садок помазан в первосвященника. В этом торжественном собрании народа и священнослужителей Давид, между прочим, сделал подробные распоряжения о порядке служения колена Левиина при будущем храме, а также и последние распоряжения касательно войска и всех других государственных дел.

Но вот приблизилась и кончина, когда должен был угаснуть «святильник Израилев»¹⁸⁶. Чувствуя приближение смерти, Давид еще раз призвал своего наследника и с своего смертного одра еще раз увещевал его исполнять заповеди Божии и законы Моисеевы, дав ему в то же время несколько мудрых советов касательно приближенных, из которых одних Соломон должен был удалить (и между ними беспокойного Иоава), а других приблизить и наградить. И затем, вознеся последнюю пламенную молитву о благоденствии своего сына-преемника, Давид умер «в доброй старости, насыщенный жизнью, богатством и славой». Всего царствования его было сорок лет, из которых семь в Хевроне и тридцать три в Иерусалиме, «городе Давидовом», где он и погребен был. Гробница его сделалась общей усыпальницей и для последующих царей иудейских.

В лице Давида религиозно-нравственный дух избранного народа нашел всестороннее и высшее свое выражение. В разнообразных событиях своей жизни Давид выступает пред нами как пастух, воин, поэт, мудрый правитель, пророк и царь, объединяя в себе лучшие качества своего народа – простоту, великодушие, благоразумие и сильный религиозно-нравственный смысл. Его религиозно-нравственные песни и псалмы, в которых он, смотря по обстоятельствам своей богатой приключениями и всевозможными испытаниями жизни, вдохновенно выражал свои чувства веры и упования на Бога, благодарности и славословия, радости и скорби, ликования и покаянного сокрушения, по силе и нежности выражения, равно как и по возвышенности и пламенности религиозного чувства не имеют ничего себе подобного не только в священной поэзии других народов, но и в книгах ветхого завета. Содержащиеся в них истины ближе всего подходят к истинам нового завета, и потому Псалтирь является и у христианских народов самую любимую книгу, в которой миллионы ищут и находят утешение и мир для своей борющейся с искушениями и невзгодами души. Как по своей жизни, так и особенно по своему духу Давид более, чем кто-либо в ветхом завете, был истинным прообразом Христа, который поэтому с особенною выразительностью называется «сыном Давидовым».

Самое имя Давида сделалось историческим именем, и увековечено в таких названиях, как «город Давидов», «престол Давидов», «семья Давидово»; оно считалось столь высоким, что уже никто не осмеливался носить его потом, вследствие чего мы уже и не встречаем его в библейской истории последующего времени. Высшей похвалой для Давида служит то, что в нем Сам Бог нашел «Себе мужа по сердцу Своему» (1Цар. 13:14), и что высотой его религиозно-нравственной жизни измерялась жизнь лучших из его преемников, похвалой для которых было выражение: «он ходил первыми путями Давида, отца своего». Как и всякий человек, он нередко падал с высоты своего религиозно-нравственного идеала, и падал глубоко; но и в этом падении он преподал нам величайший пример покаянного сокрушения, дававшего ему возможность и силу вновь сбрасывать с себя бремя греховности и восставать для новой духовной жизни. Давид есть величайший образец нравственно доброго и одушевленного возвышенными чувствами человека, который всеми силами стремится к добру и мужественно борется с одолевающими его искушениями. В этой борьбе он может падать и падать глубоко, но он никогда не оставит этой борьбы, и после всякого падения – со слезами и сокрушением вновь начнет эту нескончаемую, ожесточенную борьбу, и в конце концов восторжествует в ней над всеми темными силами зла. Поэтому-то Псалтирь, как боговдохновенно поэтическая летопись испытаний духовной жизни великого псалмопевца, и поражает своею изумительною жизненною правдою, и в ней всякий находит боговдохновенное выражение тех самых чувств, которые может испытывать каждый человек при различных обстоятельствах и превратностях жизни.

XXXVI. Царствование Соломона. Мудрость юного царя, его величие и могущество. Построение и освящение храма¹⁸⁷

Соломон вступил на престол не более как 18-летним юношей. От отца своего он наследовал огромное государство, простиравшееся от «реки Египетской до великой реки Евфрата». Для управления таким государством, в котором, притом, было много различных завоеванных племен, готовых при каждом удобном случае восстать против завоевателей, требовался обширный ум и испытанная мудрость. Юный царь от природы был одарен светлым умом и проницательностью и, понимая трудность предстоявшей ему задачи, позаботился, прежде всего, водворить необходимый мир вокруг самого престола, чтобы всецело отдать потом управлению государством. Это было тем необходимее, что, несмотря на окончательное провозглашение Соломона царем, во дворце продолжали существовать сторонники Адонии, к которым принадлежали даже такие лица, как великий священник Авиафар и военачальник Иоав. Нужно было сломить и уничтожить эту партию, и когда Адония однажды косвенно заявил свое притязание на престол просьбою о позволении ему жениться на последней наложнице Давида (Ависаге), то Соломон воспользовался этим случаем, чтобы окончательно устранить опасность посягательств на его престол. Адония был предан смерти, Авиафар «удален от священства Господня», опасный интриган Иоав также лишен был жизни, несмотря на то, что он искал убежища в скинии. Той же участи подвергся и Семей, который хотя и прощен был Давидом за свое злобное издевательство и злословие над ним, но при этом обнаружил такую ненависть к Давиду, что его невозможно было терпеть при себе юному царю.

После этого Соломон до позднейших лет своего царствования наслаждался глубоким миром, который составляет отличительную черту его царствования. Как могущественный государь, он легко приобретал дружбу соседних государей и египетский фараон даже выдал за него свою дочь, с рукой

которой Соломон получил в приданое важный город Газер, командовавший равниной Филистимской – этой большой дорогой между Египтом и Месопотамией¹⁸⁸, Как для израильтян, так и для окружающих их народов этот союз красноречиво свидетельствовал о том высоком положении и политическом значении, которого достиг избранный народ. Невольно рисуется поразительная противоположность теперешнего его состояния с тем, в каком он находился, будучи презренным рабом гордых фараонов. Так чудесно исполнил Бог все Свои великие обетования.

Вместе с государственным наследством, Соломон получил от Давида и богатое духовное наследство – его преданность религии отцов. «И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего». Для изъявления благодарности за доброе начало своего царствования юный царь отправился в Гаваон, где находился главный жертвенник, и там принес богатую жертву – в тысячу всесожжения¹⁸⁹. И жертва была благоутодна Богу. «В Гаваоне явился Господь Соломону во сне ночью, и сказал Бог: проси, что дать тебе». Вопрос этот был испытанием для Соломона, и он ответил на него, как должно было ответить юному царю, призванному к управлению великим народом. «Господи, Боже мой! отвечал Соломон: Ты поставил раба Твоего царем вместо Давида, отца моего; но я отрок малый, не знаю ни моего выхода, ни входа. Даруй же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народ Твой и различать, что добро и что зло; ибо кто может управлять этим многочисленным народом Твоим?» – «И благоутодно было Господу, что Соломон просил этого. И сказал ему Бог: за то, что ты просил этого, и не просил себе долгой жизни, не просил себе богатства, не просил себе души врагов твоих, но просил себе разума, чтоб уметь судить, вот, Я сделаю по слову твоему. Вот, Я даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе. И то, чего ты не просил, Я даю тебе – и богатство, и славу, так что не будет подобного тебе между царями во все дни твои. И если будешь ходить путем Моим, сохраняя уставы Мои и заповеди Мои, как ходил отец твой Давид, Я продолжу и дни твои». От радостного волнения

юный царь проснулся и увидел, что это было лишь сновидение, но сновидение глубоко знаменательное, возродившее всю его духовную жизнь. Чудесно дарованную ему мудрость он скоро доказал знаменитым решением о спорном ребенке между двумя матерями¹⁹⁰ и еще более своим мудрым управлением, благодаря которому его государство сделалось по своему благоустройству образцом для всех окружающих правителей.

Свой двор Соломон устроил с пышным великолепием¹⁹¹. Он окружен был приближенными сановниками, составлявшими как бы его государственный совет, из которых каждый заведовал вверенною ему частью управления. Так, кроме «дееписателя», священников и писпев при дворе были: военачальник (Ванея), Друг царя (Завуф), начальник над приставниками (Азария), начальник над домом царским (Ахисар) и начальник над податями (Адонирам). Все государство в административном отношении разделено было на двенадцать округов, которыми управляли двенадцать «приставников», из которых каждый должен был доставлять продовольствие царскому двору на один месяц. Но кроме этого ему отовсюду присылались дары и подати – от всех покоренных царств и народов на огромном пространстве «от реки Евфрата до земли Филистимской и до пределов Египта». «Продовольствие Соломона на каждый день составляли: тридцать коров муки пшеничной и 60 коров прочей муки, десять волов откормленных и 20 волов с пастбища, и сто овец, кроме оленей и серн, и сайгаков и откормленных птиц». Для охранения внешнего и внутреннего мира Соломон содержал сильное войско, которое он увеличил конницей и колесницами. У него было 1 400 колесниц и 12 000 всадников. Кони и колесницы вывозились из Египта, который славился ими. Каждая колесница стоила 600 сиклей серебра и каждая лошадь 150 сиклей серебра. Благодаря миру с соседними государствами, начала быстро развиваться торговля, которая еще больше содействовала обогащению как двора Соломонова, так и всего народа. В Иерусалиме скоплялось так много драгоценных металлов, что серебро и золото сделались как бы равноценными простому камню; свозилось так много кедров ливанских для построек, что они стали равноценными сикиморам – простому

строевому лесу в Палестине. Население вследствие этого быстро увеличивалось, наслаждаясь довольством и благоденствием. «И жили Иуда и Израиль спокойно, каждый под виноградником своим и смоковницею своею от Дана до Вирсавии, во все дни Соломона». Сам Соломон отличался не только царственным великолепием, но и царственно красивою внешностью и особенно царственною мудростью, изумлявшею современников. Священный историк изощрается в приискании достаточных слов для изображения этой мудрости. «И дал Бог Соломону, говорит он, мудрость и весьма великий разум, и обширный ум, как песок на берегу моря. И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости египтян.

Он был мудрее всех людей, и имя его было в славе у всех окрестных народов»¹⁹². От своего отца он наследовал дар поэтического вдохновения, который вместе с его личною мудростью проявился в том, что он «изрек три тысячи притчей и тысячу пять песней»; вместе с тем его любознательный ум отдался исследованию природы, так что и в области естествознания он поражал современников обширностью и глубиной своих познаний: «и говорил он о деревьях, от кедра, что в Ливане, до иссопа, вырастающего из стены; говорил о животных, и о птицах, и о пресмыкающихся, и о рыбах», т.е., одним словом, по всем отделам естествознания. Сочетание таких необычайных дарований и обширных познаний в юношеском царе, естественно, делало его чудом своего века. «И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его»¹⁹³.

Благоустроив внутренние дела государственного управления, Соломон не замедлил приступить к исполнению главного завещания своего отца Давида, именно к построению «дома имени Господа, Бога своего»¹⁹⁴. Обстоятельства благоприятствовали началу предприятия. Старый друг Давида, Хирам, царь тирский, перенес свою дружбу и на его сына, и, услышав о восшествии его на престол, отправил к нему посольство с поздравлением и заявлением дружбы. Соломон воспользовался этим случаем и через ответное посольство к

Хираму просил его о содействии в построении храма. Хирам вновь ответил Соломону письмом, в котором охотно предлагал ему всякое содействие. Между ними состоялось соглашение, по которому Хирам обязывался доставлять кедровые брусья с Ливана, а Соломон должен был ежегодно поставлять во дворец Хирама условленное количество хлеба и оливкового масла, именно 20 000 коров пшеницы и 20 коров масла. Заготавливаемый на Ливане строевой лес сплавлялся финикийцами морем до Яффы, откуда Соломон перевозил его в Иерусалим. Рабочие для этих работ набирались из подвластных иноплеменников, живших в различных частях страны. Их собрано было 153 600 человек: 70 000 из них употреблялись для перевозки брусьев, 80 000 для рубки леса на Ливане и 3 600 в качестве надзирателей. Кроме того, чтобы сделать храм вполне национальным предприятием и созданием, Соломон обложил повинностью и весь израильский народ, который должен был поставить 30 000 рабочих для работы на Ливане, куда он и посылал их по десяти тысяч в месяц попеременно, так что один месяц они работали на Ливане, а два месяца оставались у себя дома. Кроме рубки леса они должны были тесать огромные камни под фундамент храма, для которого искусственно обделана была и самая гора Мориа, назначенная Давидом для возведения храма. Кроме рабочих и материала Хирам снабдил Соломона и главным архитектором, своим соименником Хирамом. Он был сын одной вдовы из колена Данова. Отец его был тирский художник, от которого он и наследовал многосторонний художественный талант и мог исполнять все дорогие и изящные работы, необходимые для храма. Как главный архитектор и художник, он стал во главе многих других художников, собранных самим Соломоном.

Наконец, приступлено было к построению¹⁹⁵. Это было в 480 году от исхода израильтян из Египта, в четвертый год царствования Соломона, во 2-й день месяца Зиф, второго месяца церковного года (апрель – май). Все подготовительные работы были настолько закончены, что самое возведение здания происходило в полнейшей тишине – без звука молота, и закончено было в 7 1/2 лет, в восьмом месяце (Буле),

одиннадцатого года царствования Соломона. Вся площадь, обнесенная стенами дворов храма, занимала около 600 квадратных футов. Самое святилище было небольших размеров, так как назначалось только для священнодействующих, а для народа предназначались обширные дворы. В общем, план храма был похож на план скинии, от которой он отличался только несколькими пристройками к святилищу, предназначавшимися для помещения священников и других служителей храма, а также сокровищницы и вообще необходимых служб. По своим размерам самый храм был как раз вдвое больше скинии, имел в длину 80 локтей и в ширину 40 локтей (скиния имела 40x20), и высота его была 30 локтей (скиния имела 15 локтей высоты). Храм состоял из трех частей: притвора, святилища и Святого святых. Притвор занимал 10 локтей всего помещения храма и украшен был двумя великолепными бронзовыми колоннами (Иахин и Воаз) в 18 локтей высоты каждая, кроме особых капителей, украшенных дорогой резьбой, представлявшей венцы наподобие лилии с гранатовыми яблоками на цепочках. Святилище, или среднее помещение, имело 40 локтей в длину и 20 в ширину (в скинии 20x10 локтей) и Святое святых представляло кубическое помещение в 20 локтей в длину, ширину и высоту (в скинии 10 локтей во всех трех измерениях). Вся внутренность храма была богато украшена дорогой резьбой и золотом. Над ковчегом завета, поставленном во Святом святых, были поставлены два херувима резной работы, покрытой золотом. Своими внутренними крыльями они соприкасались между собой над ковчегом, а внешними касались стен храма. В святилище кроме кедрового и покрытого золотом жертвенника кадильного поставлено было семь золотых светильников (на место одного в скинии) и стол хлебов предложения был заменен десятью золотыми столами, на которых кроме хлебов предложения помещались и все золотые сосуды, необходимые при богослужении. Храм был окружен двумя обширными дворами, обнесенными стенами. Двор внешний назначен был для народа, а двор внутренний для священников. На последнем находился огромный медный жертвенник, к которому нужно было подниматься по ступеням

лестницы, перемежавшейся тремя площадками. Тут же перед притвором было «медное море», т.е. огромный медный умывальник, названный так по обширности своего объема, имевшего пять локтей высоты, 10 в диаметре и 30 в окружности. Он стоял на двенадцати медных волах, которые по три были обращены к четырем странам света, и имел изящный вид шестилиственной лилии. Рядом с ним находилось десять меньших умывальников для омовения жертв. В общем, храм представлял собою великолепное по богатству материалов и изяществу работы и украшений здание, высившееся на самой вершине горы Мориа. Вход с него был с востока и вел вверх по склону горы сначала во двор внешний, оттуда на несколько ступеней выше во двор внутренний, от которого также на несколько ступеней выше стоял уже притвор храма. Отдельные части храма разделялись между собой деревянными перегородками, покрытыми золотом. В святилище вели двойные врата изящной работы, а врата во Святое святых закрывались еще завесой из драгоценнейших тканей с изображением херувимов. Благодаря такому плану построения храма на горе, он, несмотря на свои сравнительно небольшие размеры, был «весьма величествен», а изумительное богатство украшений и самая ценность материалов поистине делали его «славой и украшением пред всеми землями», как и желал Давид в своем предсмертном завещании.

По окончании построения храма было совершено его торжественное освящение¹⁹⁶. Временем для него был избран самый радостный праздник Кущей, в седьмом месяце (Тисри-сентябрь – октябрь) священного года. Покончив все свои полевые работы и собрав виноград, народ собрался в Иерусалим со всех концов обширного государства Соломонова. Явились представители всех колен народа и все колено Левино – в своем полном составе. Вокруг великого жертвенника во внутреннем дворе рядами расставились священники для жертвоприношения и рядом с ними левиты-певцы в висонных¹⁹⁷ одеяниях с кимвалами, псалтирями и цитрами и 120 священников с трубами. Сам Соломон занимал возвышенное место, дававшее ему возможность видеть весь обряд

освящения. Священнодействие началось с торжественного поднятия и перенесения ковчега завета. Когда левиты с ковчегом приблизились к вратам притвора, многочисленный хор певцов грянул последние стихи 23 псалма: «Поднимите, врата, верхи ваши, и поднимитесь двери вечные, и войдет Царь славы». Часть хора спрашивала: «Кто сей Царь славы?», и весь хор опять отвечал: «Господь сил – Он есть Царь славы». Ковчег завета был поставлен в Святом святых под сению крыл херувимов. В этот момент все огласилось звуками торжества. «И были, как один, трубящие и поющие, издавая один голос к восхвалению и славословию Господа, – и когда загремел звук труб и кимвалов и музыкальных орудий, и восхваляли Господа: ибо Он благ, ибо во век милость Его, тогда дом, дом Господень наполнило облако, и не могли священники стоять на служении по причине облака; потому что слава Господня наполнила дом Божий». Тогда царь поднялся с своего возвышения и благословил народ; рассказав историю построения храма, он опустился на колена и, воздев руки к небу, произнес великую посвятительную молитву¹⁹⁸, в которой просил о благоволении и милости Божией в будущих судьбах Израиля. «Господи, Боже Израилев! молился Соломон. Если небо и небеса не вмещают Тебя, тем менее храм сей, который построил я. Но призри на молитву раба Твоего и на прошение его. Да будут очи Твои отверзты и уши Твои внимательны к молитве на месте сем. Священники Твои, Господи, да облечутся во спасение и преподобные Твои да наслаждаются благами. Господи, Боже мой! не отврати лица Твоего, помяни милость к Давиду, рабу Твоему!» Во время молитвы облако становилось все ярче и светлее, и в знак особенного благоволения «сошел огонь с неба и поглотил всесожжение и жертвы, и слава Господня наполнила дом». «И все сыны Израилевы пали лицом на землю, и славословили Господа, ибо Он благ, ибо во век милость Его». Последовавшее затем празднество продолжалось две недели (вдвое против обычного праздника Кущей) и за это время было принесено в жертву 22 000 волов и 120 000 овец, причем как царь, так и весь народ соперничали щедростью приношений. По окончании празднества Соломон отпустил народ, и все

«благословляли царя, и пошли в шатры свои, радуясь и веселясь в сердце о всем добром, что сделал Господь рабу Своему Давиду и народу Своему Израилю»¹⁹⁹.

XXXVII. Соломон на вершине своей славы. Царица Савская. Падение Соломона и его кончина²⁰⁰

После счастливого окончания сооружения величественного храма Царю царей, Соломон не прекратил строительной деятельности, которая продолжалось почти во все время его царствования. Прежде всего, он приступил к построению себе великолепного дворца в Иерусалиме с роскошными палатами, украшенными рядами кедровых колонн, от многочисленности и богатства которых главная палата получила название «дома леса Ливанского». Из других палат – «притвор из столбов» – был обычным местом торжественных аудиенций, «притвор с престолом» – местом судилища. Дворец стоял на Сионе и соединялся с храмом подземным ходом. В одной из построек дворца было особое помещение для гордой дочери фараона, не хотевшей жить совместно с другими женами царя. Вместе с тем Соломон воздвиг и несколько других дворцов вне Иерусалима, как напр. летний дворец на Ливане. Для увеличения роскоши этих дворцов Соломон развел повсюду великолепные сады и виноградники, среди которых происходят многие события, описываемые в книге «Песнь песней».

По окраинам государства он устроил несколько укрепленных замков или городов для запасов (Фадмор, верхний и нижний Вефорон, Ваалаф и др.). В самом Иерусалиме произведены были капитальные перестройки, сооружены новые стены и устроен дорогой водопровод, дававший возможность продовольствовать огромные массы народа, стекавшегося на годовые праздники, и выдерживать продолжительные осады. По окончании всех главных работ Соломону во второй раз явился Господь²⁰¹ и возобновил с ним завет, в котором обещаны благодеяния и нескончаемость царствования за преданность Богу, хотя при этом высказана и угроза жестоким наказанием за отступления от Него. «Если вы и сыновья ваши отступите от Меня, говорил предостерегающий голос Божий, то Я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм, который Я осветил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль

притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий прохожий мимо его, ужаснется и свистнет, и скажет: за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом? И скажут: за то, что они оставили Господа Бога своего, который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, – за это навел на них Господь сие бедствие».

На все произведенные Соломоном работы требовались громадные средства, и они доставлялись быстро развивавшейся торговлей. В это время царство Израильское сосредоточивало в себе, можно сказать, всю мировую торговлю. Особенно важен был в этом отношении союз с Тиром, главным городом Финикии, тогдашней владычицы Средиземного моря. К нему стягивалась торговля со всех стран Азии, но так как все главные азиатские торговые рынки находились в подчинении у Соломона, то вся торговля, по необходимости, проходила чрез владения израильтян, и самый Тир был лишь как бы богатейшим портом Палестины, который, притом, находился в полной зависимости от нее в жизненном отношении, так как она была главной и почти единственной житницей как этого, так и других финикийских городов. Кроме того, чтобы стать еще независимее от финикийцев, Соломон завел собственный флот, корабли которого из портов Средиземного и Чермного морей делали далекие плавания и привозили огромные богатства как золотом, так и редкими произведениями далеких стран. Корабль, ходивший в Офир (в Аравии), привез Соломону 420 талантов золота, а корабль фарсисский, приходивший в три года раз, привозил золото и серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов. Этот корабль, очевидно, плавал в известную финикийскую колонию в Испании, Тартесс, который был складочным местом лучших и богатейших произведений Африки, откуда они и развозились на кораблях «фарсисских» (тартесских) во все страны тогдашнего цивилизованного мира. Эта обширная торговля давала государственной казне Соломона огромный ежегодный доход в 666 талантов золота. Вследствие этого неизбежно при дворе развивалась необычайная роскошь. Двор Соломона блистал чисто восточную пышностью и изысканным великолепием. Все

сосуды и принадлежности во дворце были из чистого золота, «дом леса Ливанского» был украшен множеством щитов, покрытых чеканным золотом. Престол, царственное одеяние Соломона, убранство дворца – все это сделалось притчей богатства и изысканного великолепия. Если к этому прибавить блестящую конницу со множеством дорогих коней и колесниц и общее благосостояние страны, наслаждавшейся ненарушимым миром и мудрым управлением, то понятно будет, на какой высоте благосостояния находилось царство израильское во время царствования Соломона.

В этот-то период величия, богатства и блеска слава Соломона гремела по всем соседним странам. Все окрестные властелины спешили изъявить ему свое удивление и почтение. Восседая на своем великолепном престоле, Соломон торжественно встречал многочисленные посольства и благосклонно принимал от них всевозможные дары – «сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружие, и благовония, коней и мулов». Но самой замечательной посетительницей его была знаменитая царица Савская²⁰². Это была царица одной из богатейших стран в южной Аравии, царица сабеев, во главе правления которых . всегда стояли женщины (гинеократия), и она впервые могла услышать о славе Соломона благодаря посещению Аравии (Офира) флотом его. Пораженная рассказами о его необычайной мудрости, о его богатстве и славе, она захотела лично убедиться в достоверности этих рассказов и отправилась в Иерусалим с блистательной свитой и богатейшими подарками. Из беседы с Соломоном, а также из наблюдения за всеми порядками его жизни и управления она убедилась, что в рассказах, дошедших до нее, и на половину не было того, что она увидела в действительности, хотя эти рассказы возбуждали в ней мысль о преувеличении. Тронутая всем виденным, она с благословением мудрому царю и всему народу израильскому отправилась обратно в свою далекую страну, оставив Соломону богатые подарки и сама унеся с собой не только взаимные подарки от Соломона, но и искру истинной веры в своем добром сердце, которая немало содействовала

впоследствии тихому прозябанию ее в обширных степях Аравийской земли.

Посещение Соломона царицей Савской отмечает собою высший поворотный пункт в его царствовании. Больше возвышение было уже невозможно. Соломону оставалось только держаться на Достигнутой высоте величия и славы; но удержать за собой это положение для него оказалось труднее, чем достигнуть его. Окружавшая его восточная роскошь не замедлила оказать на него свое расслабляющее действие, и он стал падать нравственно. Первым грехом его, поведшим за собою и дальнейшее падение, был обычный грех восточных царей, именно многоженство²⁰³. С летами в нем развилось кроме неумеренного сладострастия и особое восточное честолюбие, заставлявшее его превзойти всех соседних царей не только признанною за ним мудростью и богатством, но и многочисленностью своих жен. Кроме дочери фараоновой, Соломон стал брать себе жен из всех соседних народов: он «полюбил многих чужестранных женщин – моавитянок, аммонитянок, идумеянок, сидонянок и хеттеянок, из тех народов, о которых Господь сказал сынам Израилевым: не входите к ним, чтобы они не склонили сердца вашего к своим богам; к ним прилепился Соломон любовью. И было у него 700 жен и 300 наложниц; и развратили жены его сердце его». Причина этого противозаконного и губительного увлечения заключалась гораздо глубже, чем простое сладострастие. Оно было лишь естественным и последним выражением общего направления, к которому, видимо, клонилась вся политика Соломона. Уже раньше он во многом отступил от прямых постановлений Моисеева законодательства, как напр. вступлением в союз с Египтом, введением конницы и выступлением на поприще обширных торговых предприятий. Вследствие этого весь склад жизни, как царя, так и народа совершенно изменился и потерял свою первобытную патриархальность и простоту, какую должна бы отличать жизнь избранного народа. На место их вторглись иностранные обычаи и порядки обыкновенной жизни азиатских народов – с ее неумеренностью и порочностью. И многоженство

было завершением такого склада жизни, закончившегося полным нравственным падением некогда «мудрейшего» царя.

«Во время старости Соломона, рассказывает священный историк, жены склонили сердце его к иным богам, и сердце его не было вполне предано Господу Богу своему, как сердце Давида, отца его. И стал Соломон служить Астарте, божеству сидонскому, и Милхому, мерзости аммонитской. И делал Соломон негодное пред очами Господа, и не вполне последовал Господу, как Давид, отец его. Тогда построил Соломон капище Хамосу, мерзости моавитской, на горе, которая пред Иерусалимом, Молоху, мерзости аммонитской. Так сделал он для всех своих чужестранных жен, которые кадили и приносили жертвы своим богам»²⁰⁴. В политике Соломона и раньше замечались уклонения от начал Моисеева законодательства, но так как они касались лишь внешнего склада жизни, то и находили забвение во всепрощающей милости Божией; но теперь дело касалось основного начала самого богоправления. Соломон не только нарушил закон, запрещавший входить в брачные связи с гнусными идолопоклонниками, но допустил и самое следствие их: допустил в самой святой земле, в самом центре ее, перед самым храмом Божиим гнусные мерзости идолопоклонства! Этим в основе разрушался завет с Богом и уничтожалась самая цель избрания Израиля в качестве «света для народов». Тогда Господь разгневался на Соломона. Ему произнесен был строгий приговор, что царство будет «отторгнуто» от него и передано рабу его.

Скоро не замедлили обнаружиться и первые признаки гнева Божия. Ослабленный придворною пышностью, Соломон не обращал достаточного внимания на внутреннее состояние своего государства. Этим не преминули воспользоваться некоторые князьки покоренных народов и подняли восстание²⁰⁵. На юго-востоке восстание поднял идумейский князь Адер, спасшийся во время завоевания Идумея Давидом бегством в Египет и теперь вновь явившийся с целью вернуть себе потерянные тогда владения, а на северо-востоке мятеж поднял некий Разон, раб разбитого Давидом царя Адраазара. Став во

главе шайки, он овладел Дамаском и водворился там в качестве владетельного князя, образовав сильное Сирийское царство с Дамаском, как столицей, во главе.

Но эти смуты на далеких окраинах были ничто в сравнении с тою опасностью, которая готовилась для престола Соломонова внутри самого государства. Господь во гневе своем предсказал Соломону, что царство его будет отторгнуто от него и передано «рабу его». И этот «раб» был Иеровоам, сын Наватов, из колена Ефремова²⁰⁶. Это был человек «мужественный» и настолько выделялся своими способностями, что Соломон поставил его смотрителем над оброчными рабочими из его родного колена, наравне с другими, употреблявшимися для царских работ. Здесь он познакомился с обратной стороной государственной жизни, видел тягости, которые должен был нести народ для удовлетворения неумеренных прихотей царя, слышал ропот рабочих, видел предворные неурядицы и нравственную распущенность самого царя. При виде всего этого в нем проснулась давняя гордость ефремлянина, и он устыдился за свое родное колено. В благословении Иакова Ефрему предсказана была великая будущность, которая, отчасти, находила осуществление в том, что из его колена вышел такой великий вождь, как Иисус Навин, и вообще оно до воцарения дома Давидова было центром и давало тон всей религиозной и государственной жизни народа; и вот теперь оно должно было рабски служить представителям ненавистного ему колена Иудина. Эта мысль была естественным подготовлением к предстоящему ему назначению, и оно окончательно укрепилось в нем, когда оно подтверждено было ему силомским пророком Ахией, который, встретив его однажды в поле, разорвал пред ним свой плащ на двенадцать частей и, отдавая из них десять Иеровоаму, сказал, что так Господь раздерет царство Израильское и что при преемнике Соломона к нему отойдут десять колен израильских, а за домом Соломоновым останется только два колена, и то только «ради Давида, дабы оставался этот светильник Израилев пред лицом Божиим, и ради города Иерусалима, который Бог избрал Себе для пребывания там имени Его». Когда известие об этом дошло до Соломона, то он

хотел насильем над Иеровоамом отвратить грозящий ему суд Божий; но Иеровоам бежал в Египет, был принят фараоном новой династии Сусахимом и там ожидал смерти Соломона, чтобы возвратиться на родину и приступить к осуществлению своего предназначения.

Среди таких тревог и испытаний Соломон приближался к своей кончине. История не говорит, как повлияли на него все эти испытания и не пробудили ли они в нем искреннего сокрушения и покаяния. Но оставленные им книги и особенно книга «Екклесиаст» дополняют историю его жизни. В этой последней книге делается полный обзор всего опыта его жизни. Тут мы видим человека, который испытал все удовольствия жизни и до дна испил чашу земных радостей, и все-таки остался неудовлетворенным, и, в конце концов, должен был с грустью воскликнуть: «суета сует, все суета, и томление духа!» Из своего великого опыта жизни он пришел к убеждению, что истинная жизнь состоит в послушании Богу и исполнении Его святых заповедей. «Выслушаем сущность всего, заключает он свою книгу: бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека».

Соломон умер в Иерусалиме на 40 году своего царствования и погребен был в городе Давидовом. История его царствования описана была пророками Нафаном и Ахией, в «видениях прозорливца Иоиля о Иеровоаме» и в особой книге «дел Соломоновых»²⁰⁷. Первые три сочинения, вероятно, послужили основой для повествования о нем в 3 книге Царств, а сущность последней книги передана во 2 книге Паралипоменон. Несмотря на множество своих жен, Соломон оставил по себе только одного сына Ровоама, от Наамы аммонитянки, и он сделался преемником его престола.

XXXVIII. Внутреннее состояние израильского народа во времена царей. Религия и богослужение. Просвещение и боговдохновенные книги. Летосчисление

Период управления трех великих царей израильского народа был временем его высшего расцвета как в политическом, так и в духовном отношении. После бедствий и безурядицы периода судей, это было время благосостояния, могущества и блеска, когда народ израильский достиг полного осуществления великих обетований Божиих и под покровом твердой власти мог беспрепятственно обнаружить все лучшие качества своего национального гения, своим государственным благоустройством показать истинный образец «богоправления», а высотой своей религиозно-нравственной жизни во всем блеске оправдать свое великое призвание – быть светом для язычников. Если народ израильский не оправдал своего назначения и при таких благоприятных обстоятельствах и представил много печальных фактов религиозно-нравственного падения даже в лучших своих представителях, в лице самих своих царей, то это показывает только, как исконное зло внедрилось в нравственную природу человека и подобно жернову на шее неудержимо тянуло его в бездну зла, несмотря на все усилия в стремлении к добру. Такова была общая судьба ветхозаветного человечества, томившегося в рабстве греху, и единственным утешением для него служила надежда на будущее избавление – в лице того божественного Избавителя, быть хранителем обетований о котором и был предназначен избранный народ.

Обетование о Спасителе в этот период нашло ясное подтверждение в славном обетовании Давиду, что Бог восставит ему семя его, престол которого устоит вовеки, и этому семени Он будет Отцом, а оно Ему Сыном (2Цар. 7:12–16). Давид не мог относить этого обетования к своему преемнику и потому понял его в том именно смысле, как истолковал его впоследствии ап. Павел, именно в смысле обетования о духовном преемнике и «Сыне Давидовом», Сыне Божиим, Спасителе мира и Царе

вселенной, престол которого «устоит во веки». Кроме этого обетования, подтвержденного и в завете с Соломоном (3Цар. 9:5), мысль о будущем Избавителе в это время проникает всю жизнь народа: самое политическое могущество его было прообразом духовного могущества Мессии и самые цари его, особенно Давид и Соломон в лучшие периоды их жизни, были явными прообразами Спасителя – первый прообразом Его как Царя победы, второй – как Царя мира. Затем все псалмы Давида переполнены выражениями пламенного ожидания Мессии и самыми ясными пророчествами о всех событиях Его земной жизни, от рождения до страдания и смерти, от воскресения до прославления одесную Отца. Пророческие псалмы Давида представляют ясное доказательство того, как живо было в лучшем народном сознании великое обетование Божие о Спасителе мира и как религиозно-нравственный дух человечества жаждал исполнения этого обетования.

Внутреннее оживление религиозно-нравственного чувства нашло полное свое выражение в развитии богослужения и связанных с ним обрядов и учреждений. В этом отношении неизмеримые услуги делу истинной религии и ветхозаветной церкви оказал Давид своими церковно-религиозными учреждениями. Будучи сам боговдохновенным псалмопевцем и пророком, он употреблял все свои усилия к упорядочению и возвышению богослужения. Перенеся ковчег завета в Иерусалим, он произвел полное преобразование в порядке левитского служения, установив правильное и постоянное богослужение в скинии. С этою целью избраны были три семейства братьев-певцов, чтобы «они провещали на цитрах, псалтирях и кимвалах». Под руководством этих искусных певцов (Асафа, Емана и Идифуна, имена которых значатся в надписании многих псалмов) образовался многочисленный хор в 288 человек, который вместе с служащими левитами и священниками «славословил, благодарил и превозносил Господа Бога Израилева» пред ковчегом Господним. Всех левитов отделено было на служение 4 000 человек, а остальные левиты в количестве 34 000 человек были распределены на различные службы при скинии в качестве привратников,

носильщиков священных сосудов и других принадлежностей скинии, помощников и послушников священникам в принесении жертв и совершении других обязанностей своего служения. Для исполнения высших обязанностей священнослужения были назначены потомки двух сыновей Аароновых – Елеазара и Ифамара. Хотя Аарону, собственно, наследовал старший сын его Елеазар, но честь первосвященства некоторым образом делил с ним и Ифамар, к дому которого иногда всецело переходило первосвященство (напр. в лице Илия первосвященника). Во время Давида мы видим представителей обеих этих линий в лице великих священников Садока и Авиафара, из которых один первосвященствовал в старой скинии в Гаваоне, а другой в новой скинии – в Иерусалиме. Но дом Елеазара числом священнических семейств вдвое превосходил дом Ифамара, так как по переписи, произведенной Давидом, в первом было шестнадцать и во втором только восемь семейств. Двадцать четыре главы этих семейств были сделаны при Давиде начальниками двадцати четырех «чред», т.е. очередных служений в храме, на которые последовательно являлись члены этих священнических семейств. На такие же «чреды» разделены были и левиты, и певцы, которые и отправляли богослужение совместно с соответствующими чредами священников. «Чреда», по всей вероятности, начиналась в субботу и продолжалась в течение недели, когда на смену ее являлась следующая чреда. Разделение это в точности соблюдалось до позднейшего времени, как это видно из истории Захарии, отца св. Иоанна Крестителя, который удостоился бывшего ему видения ангела, «когда он в порядке своей чреды служил пред Богом» (Лук. 1:8). Учрежденный в скинии порядок служения перенесен был и в храм Соломонов, где, однако же, для возвышения торжественности богослужения участились случаи, когда при богослужении участвовали одновременно все двадцать четыре чреды, как это и было особенно при освящении храма. С освящением храма все богослужение сосредоточивалось в нем, и старая скиния в Гаваоне потеряла всякое значение; вместе с тем с извержением Авиафара из священного сана (за принятое им участие в

политическом заговоре Адонии) первосвященство окончательно прекратилось в ветви Ифамара и сосредоточилось в ветви Елеазара, в лице Садока, помазанного на первосвященство при Соломоне. Церковная обрядность при богослужении в это время получила широкое развитие, но только с внешней стороны, в смысле пышности и величия. В существенном она оставалась такою же, какую установлена была Моисеем при скинии, хотя в то же время, соответственно новым потребностям, явились и новые обряды. Таков особенно обряд помазания на царство. Оно было частное и торжественное. Первое, обыкновенно, совершал пророк, как исполнитель воли Божией, а второе совершал при общенародном собрании главный священник или первосвященник, как посредник между волей Бога и волей народа. При помазании употреблялся елей, как видимое орудие сообщения благодати Божией. Посвящаемому вручалась книга закона, с которой он должен был сообразоваться во всей своей жизни и управлении.

В государственном управлении за это время совершилась важная перемена, состоявшая в учреждении царской власти. Учреждение ее было вызвано насущною потребностью народной жизни, так как отсутствие твердой власти во времена судей привело к полному безначалию и связанным с ним бедствиям. Но учреждение ее в то же время было, отчасти, и выражением недостаточного упования со стороны народа на непосредственное правление Самого Бога и желанием иметь правление на подобие окружающих народов. Поэтому на вопрошение Самуила Господь отвечал ему: «не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1Цар. 8:7). Самое учреждение царской власти в теократическом государстве ослабляло существеннейшее начало его жизни, так как народ мог получить склонность более возлагать свои надежды на видимого царя, забывая Верховного и Невидимого. Тем не менее, твердая власть была насущною потребностью и внутренней, и внешней политической жизни народа, и потому она была учреждена с теми ограничениями, которые поставлены были в законодательстве Моисея, уже заранее предвидевшего этот неизбежный момент в жизни избранного народа.

Ограничения эти состояли, прежде всего, в том, что народ не должен был поставлять себе царем иноземца, а непременно природного израильтянина, и притом такого, «которого изберет Господь Бог» (Втор.17:15). За этим ограничением избрания следуют законы, ограничивающие самую власть царя. И замечательно, что эти ограничения главным образом направлены против того, чем особенно отличались восточные пари, именно против накопления личных богатств и развития роскоши, всегда влекущих за собою нравственную порчу и забвение законов и народа.

«Поставь себе царя, говорит законодатель, только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней» (Втор.17:16). Смысл этого закона тот, что им запрещается входить в сношения и в союз с Египтом, отличавшимся в древности коннозаводством. Желание иметь лучших коней – один из главных предметов тщеславия восточных монархов – заставило бы войти в сношения с фараонами, а потом и в политический союз с Египтом, между тем как такой союз, по географическому положению Палестины, мог быть губительным для еврейского народа, что, впоследствии, и оправдалось историей. Кроме того, умножение коней, совершенно ненужных в гористой стране, служило бы не к охранению народных интересов (напр. во время войны), а только к удовлетворению тщеславной гордости царя. – «Чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его» (ст. 17). Гаремы до сих пор на востоке составляют одно из гнуснейших придворных учреждений, в которых монархи-деспоты теряют последние нравственные и физические силы, погружаясь в грубейший разврат. Поэтому постановление, запрещающее иметь гаремы, понятно само собою. «И чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно». Чрезмерное накопление богатств могло давать повод, как это видно из истории Соломона, к обширным торговым предприятиям, которые были бы несообразны с истинно народными интересами, содействовало бы развитию неравенства по состоянию и тем нарушило бы основной закон Моисея, установивший общественно-экономическое равенство, ввело бы несообразную с

теократическим строем государства роскошь при дворе и тем отдалило бы царя от народа. «Но когда он сядет на престол царства своего, должен списать для себя список закона сего в книге, находящейся у священников и левитов, и пусть он будет у него, и пусть он читает его во все дни жизни своей, дабы научился бояться Господа, Бога своего, и старался исполнять все слова закона сего и постановления сии». Царь не был законодателем и должен был управлять государством не по своему личному произволу, а по данному закону, с которого он должен был иметь правильный список, чтобы, постоянно имея его пред собою, не уклонялся ни направо, ни налево (ст. 20), следовательно, вообще должен был править по признанному народом закону. Таким постановлением положен был предел деспотизму, в который так легко впадают восточные правители. Наконец, законодатель дает общее определение отношения царской власти к народу. В древних восточных монархиях отношение между правителями и народом обыкновенно отличалось высокомерным презрением со стороны правителя и рабским подострастием со стороны народа. В государстве избранного народа такого отношения не должно было быть; поэтому законодатель требует от царя, «чтобы не надмевалось сердце его пред братьями его» (ст. 20), или, в применении этих слов к правлению, чтобы правил своими подданными с кротостию и любовью», не как рабами, а как братьями. Лучшие цари были верны этому правилу. Давид напр., в обращении к народу называл своих подданных братьями: *«И стал Давид царь на ноги свои, и сказал: послушайте меня, братья мои и народ мой!»* (1 Парал. 28:2). Таким образом, власть царей израильского народа была ограничена строгой регламентацией – в духе древних начал богоправления и самоуправления народного. Такою она и является в истории. Для сообщения ей большей обязательности для царя, был даже установлен такой порядок, что при вступлении на престол царь заключал договор с народом, в котором, по всей вероятности, обязывался исполнять законы, определяющие границы его власти (1Цар. 10:25; 2Цар. 5:3; 4Цар. 11:17). Из истории видно, что цари не всегда точно исполняли эти законы касательно царской власти, и

в лице Соломона мы видим царя, который даже прямо нарушил некоторые из основных положений законодательства, так как вступил в союз с Египтом и завел конницу, предался многоженству и неумеренной роскоши. Но в этом они были лишь выразителями общего духа непослушания своего народа и несли наказание в самых следствиях своих нарушений закона, как это и было особенно с Соломоном. Но, в общем, царская власть была весьма полезна для развития гражданских доблестей и государственной жизни народа. Благодаря именно ей народ израильский достиг необычайного политического могущества и блеска, так что под его политическим влиянием находился весь современный цивилизованный мир. В случае более строгого послушания как царей, так и самого народа святым законам Божиим народ израильский мог бы соединить со своим политическим влиянием и религиозно-нравственное влияние и, таким образом, в полном смысле мог бы стать великим светочем для человечества. Но преступления против закона быстро подточили его могущество и его нравственную силу, и он неудержимо стал стремиться к падению.

С ограничением непосредственного богоправления, вследствие учреждения царской власти, воля Божия нашла себе непосредственных выразителей в лице пророков, деятельность которых во времена царей получает весьма важное значение в государстве. Это были живые носители воли Божией, которую они мужественно высказывали царям и тем призывали их к послушанию закону и к покаянию. Некоторые из пророков, как напр. Нафан и Гад, были приближенными советниками царя, направлявшими его деятельность согласно требованиям воли Божией и закона. При всяком согрешении или преступлении царя против закона они являлись бесстрашными мстителями за попраный закон, равно как и выразителями воли Божией, которую они лично высказывали согрешившим царям. Мужественным и суровым укорам Нафана Давид обязан был высшими моментами своего сокрушения и покаяния во грехах. Пророки же были и главными «деесписателями», т.е. историографами, описывавшими деяния царей.

Пророки, вместе с тем, были главными распространителями просвещения в израильском народе в это время. К этому времени особенно умножились пророческие братства или школы, в которых изучался закон и священная поэзия и музыка. «Сонмы пророков» были в нескольких главных городах, откуда они переходили и в другие соседние города, сопровождая свое пророчество, т.е. проповедь о законе, торжественной музыкой на различных музыкальных инструментах (псалтири, тимпане, свирели и гуслях – 1Цар. 10:5), и они оказывали такое сильное влияние, что вдохновению их поддавались и окружающие, как это было напр. с Саулом, который после своего помазания вступил в сонм пророков, где и получил необходимое подготовление к предстоявшему ему высокому назначению. В школах пророческих, несомненно, получил свое образование и, особенно, свое высокое искусство в поэзии и музыке и великий псалмопевец Давид, при котором священная поэзия и музыка сделалась необходимою принадлежностью богослужения. И вообще, к этому времени «сонмы пророков» сделались вполне школами всестороннего образования и просвещения. О высоте и обширности этого образования свидетельствует пример Соломона, который, несомненно, в этих же школах или от придворных учителей-пророков почерпнул свое всестороннее образование во всех отделах научного и художественного знания.

Вместе с распространением просвещения распространялась и письменность, которая в это время получила такое широкое развитие, что сделалась средством обычных сношений, и мы встречаем упоминание о письмах, посредством которых велась корреспонденция между находящимися в отдалении лицами²⁰⁸. При дворе для государственного производства имелись особые писцы и даже придворный «дееписатель» или историограф. Придворные пророки вели свои записки о деятельности и жизни царей, как это известно, особенно о Самуиле, Нафане и Гаде. Результатом этих записок явились относящиеся к этому времени священные книги; первая и вторая книга Царств, из которых в первой содержится история израильского народа от рождения Самуила до смерти Саула, и во второй продолжение этой

истории до помазания Соломона на царство. К этому же периоду относится составление книги «Руфь», появление которой могло быть вызвано потребностью исторически выяснить родословную величайшего царя избранного народа – Давида.

Но кроме этих исторических книг, лучшим показателем высоты просвещения этого времени служат книги самих царей – именно Давида и Соломона. Давиду принадлежит большая часть тех боговдохновенных песней или псалмов, которые вместе с псалмами других певцов как его, так и последующего времени, составили книгу Псалтирь. По своему содержанию и изложению эти псалмы суть истинно великое излияние боговдохновенного гения-поэта, который в дивных песнях воплотил лучшее содержание религиозно-нравственного мирозерцания своего времени, – настолько высокого мирозерцания, что оно не потеряет своего вдохновляющего интереса до скончания мира, пока будет сердце человеческое биться чувствами веры, надежды и любви. – Соломону приписываются четыре священные книги: Пень песней, книга Притчей Соломоновых, книга Екклесиаст или Проповедник и книга Премудрости Соломона. Эти книги, несомненно, составляют часть тех 3 000 притчей и 1 005 песней, о которых говорится в третьей книге Царств (9:32). По иудейскому преданию, из этих книг первая написана Соломоном в юности, вторая в зрелом возрасте и третья в старости. Четвертой книги совсем не имеется в еврейском каноне книг, и она сохраняется только в греческом переводе 70 толковников, откуда переведена и на русский язык. В книге Песнь песней, т.е. высокой, прекрасной песни, под видом жениха и невесты изображается таинственный союз Христа с Церковью, под каковым символом он неоднократно изображается и в других книгах св. Писания как ветхого, так и нового завета (см. [Исх. 44](#); [Иез. 16](#); [Ос. 2:19](#); [Матф. 25](#)). В книге Притчей, как видно из самого ее названия, содержатся притчи и мудрые нравоучительные наставления мудрого царя, изрекавшего глубокие житейские истины на основании своего собственного опыта. Собрание притчей сделано отчасти самим Соломоном, а отчасти последующими собирателями изречений мудрого царя в позднейшее время. В книге Екклесиаст или

Проповедник мы имеем как бы последнее завещание мудрого царя, который, испытав все доступное человеку счастье на земле, пришел, наконец, к печальному убеждению, что все земное «суета сует, и все суета и томление души», Единственно, в чем человек может найти себе удовлетворение, это в исполнении правила: *«бойся Бога и заповеди Его соблюдай, потому что в этом все для человека»* (Еккл. 12:13).

В рассматриваемый период народ израильский во всех отношениях стоял выше окружающих его народов. В политическом отношении он был самым могущественным народом западной Азии и не имел себе на востоке соперников по оружию. Египет в это время был крайне ослаблен внутренними и внешними невзгодами; царствовавшая в нем XXI династия должна была все свои усилия направлять к ограждению своей страны от нападения на нее ливийцев и других кочевников африканских пустынь, которые, воспользовавшись ослаблением Египта, постоянно делали на него разбойнические набеги. Другая сильная держава Ассирио-вавилонская также всецело поглощена была внутренним раздором между составлявшими ее двумя половинами (Ассириею и Вавилонией, постоянно соперничавшими между собою) и, таким образом, потеряла свое значение в международной политике. Оставались лишь мелкие царства, которые или силою были подчинены царям израильским и платили им дань, или сами искали союза и дружбы с ними (как напр. царь тирский Хирам) и тем усиливали их могущество. Вместе с политическим могуществом Израиль высоко стоял над окружающими народами и в духовном отношении. Все эти народы в сравнении с ним не обладали никакими выдающимися литературными произведениями. Если бы политическое преобладание Израиля было более прочным и продолжительным, то окружающие народы не избегли бы благотворного влияния его и в литературном и в религиозно-нравственном отношении, как это и оказалось на примере царицы Савской, которая возвратилась в свою страну с чувством глубокого благоговения ко всему виденному ею. К сожалению, известная слабость Соломона воспрепятствовала этому, и он

допустил даже в Иерусалиме свободное отправление тех омерзительных языческих культов, которые составляли непримиримую противоположность с возвышенной религией Иеговы. История падения Соломона показывает, что в религиозном отношении соседние народы стояли на той же низкой ступени, как и во время вступления израильтян в землю обетованную, и дикая безнравственность их культов еще сильнее выступала пред лицом такого возвышенного выражения истинной религии, каким были напр., псалмы Давида и другие современные ему книги, вошедшие в канон Св. Писания.

В хронологическом отношении период царей-монархов обнимает круглую цифру в 120 лет, так как каждый из них царствовал по 40 лет. Важное хронологическое указание заключается в замечании 3Цар. 6, 1 ст., именно, что построение храма началось в 480 году «по исшествии сынов израилевых из земли Египетской», что в то же время совпадало с 4 годом царствования Соломона. Таким образом, учреждение монархии было в 396 и смерть Соломона в 516 году от исхода из Египта. По общепринятому летосчислению смерть Соломона падает на 980 год до Р. Христова.

**Период седьмой. От разделения царства
до разрушения храма Соломонова
вавилонянами**

XXXIX. Разделение царства, его причины и значение. Иеровоам и произведенный им религиозный раскол²⁰⁹

Скоро после смерти Соломона исполнилось предсказание пророка Ахии; царство его разделилось, и более значительная часть его отошла к Иеровоаму. Этот великий государственный переворот ускорен был неблагоприятием его наследника, сына Ровоама. При вступлении на престол он по установившемуся обычаю должен был заключить особый договор с народом, но дело затруднялось уже тем, что при его восшествии на престол с особенною силою проявилось соперничество между коленами Иудиным и Ефремовым, выражавшими притязания на главенство в народе. Чтобы уладить соперничество, Ровоам не удовольствовался провозглашением себя царем в Иерусалиме, а отправился в Сихем (главный город Ефремова колена), чтобы найти подтверждение своих прав на престол и со стороны другого сильного колена. Этим и воспользовались представители северных колен, чтобы предъявить ему известные условия для облегчения народных повинностей, которые в последние годы царствования Соломона, по причине его непрерывных построек и неумеренной роскоши, возросли до такой степени, что сделались «тяжким игом» для народа. Дело было серьезное и требовало тем более благоразумного отношения к себе, что предъявлено было представителями народного собрания во главе с Иеровоамом, возвратившимся в это время из Египта. Царь дал себе три дня для обсуждения этого вопроса. В государственном совете голоса разделились. Старые советники, служившие при Соломоне, понимая действительное состояние государства и народа, советовали ему уступить народу, говоря: «если ты на сей день будешь слугою народу своему, и послужишь ему, и удовлетворишь им, и будешь говорить с ними ласкою, то они будут рабами твоими на все дни». Но молодой неопытный царь пренебрег этим благоразумным советом и последовал совету своих молодых сверстников, которые, воспитавшись под развращающим

влиянием последних лет царствования Соломона, смотрели на все легкомысленно. Они посоветовали решительно отказать народу в его просьбе, заявив при этом, что потребности нового царя еще больше потребностей Соломона, так как «мизинец его толще чресл его отца». Чтобы раз навсегда отучить народ от подобных требований, царь должен был, по совету этих сановников, пригрозить ему еще большим увеличением ига. Когда Иеровоам во главе представителей народного собрания вновь явился к царю, то Ровоам ответил им «по совету молодых людей и сказал: отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами», т.е. теми униженными шпильками плетьюми, которыми наказывались тяжкие преступники. Тогда раздраженный народ дал волю накопившемуся в нем чувству недовольства, и повсюду раздался уже слышавшийся раньше клич: «какая нам часть в Давиде? Нет нам доли в сыне Иессеевом, по шатрам своим, Израиль! Теперь знай свой дом, Давид! И разошелся Израиль по шатрам своим». Ровоам, не сознавая еще неблагоприятия своего шага, послал было Адонирама, начальника над податями, для сбора податей, но «израильтяне забросали его камнями, и он умер». Сам царь должен был спасаться бегством в Иерусалим, а народное собрание в Сихеме провозгласило царем Иеровоама, которого признали десять колен, так что за Ровоамом осталось только колено Иудино, к которому присоединилось еще Вениаминово. Свою государственную ошибку Ровоам хотел поправить военной силой и собрал 180-тысячное войско для подчинения отложившихся колен, но кровопролитие было предотвращено Самеем «человеком Божиим», который убедил Ровоама, что все это совершилось по воле Божией, и потому братоубийственная война будет прямым преступлением против Бога, и Ровоам должен был примириться с совершившимся переворотом, хотя вражда у него с Иеровоамом, часто переходившая в опустошительную войну, не прекращалась «во все дни их жизни».

Так совершилось разделение еврейского народа на два царства, получившие названия царства Иудейского и царства

Израильского. На первый взгляд можно подумать, что царство Израильское, как составившееся из десяти колен, составлявших две трети всего населения страны и занимавших лучшую и плодороднейшую часть ее, имело на своей стороне все преимущества и явный залог большого политического могущества. Но, с другой стороны, нужно иметь в виду, что за царством Иудейским осталась столица, как центр установившегося правления и материальных интересов народа, вместе с огромными государственными сокровищами, накопленными там Соломоном. Притом, не говоря уже о закаленной энергии и предприимчивости самого колена Иудина, на его стороне были все преимущества в религиозном и нравственном отношении, так как в его столице находился храм, главная святыня всего народа, построенная общими народными усилиями, освященная при общем народном участии и потому невольно притягивавшая к себе всеобщее народное сочувствие.

Таким значением храма объясняется и вся дальнейшая история отношений между обоими царствами. Видя это тяготение народа к храму иерусалимскому, цари израильские стали смотреть на него с подозрением, опасаясь, чтобы религиозное тяготение к храму не перешло в политическое тяготение к самому Иерусалиму, как политической столице. И вот, вопреки обетованию Божию, ставившему верность и преданность истинной религии условием долговечности дома Иеровоамова, цари израильские с первых же шагов своего царствования начинают стремиться к отчуждению своего народа от храма иерусалимского, стараются основать собственный центр религиозной жизни и даже ввести такую религию, которая не имела бы ничего общего с религией иерусалимского храма. Такая политика прямо вела к религиозному расколу, который и совершен был открыто первым царем израильским Иеровоамом.

Будучи провозглашен царем²¹⁰, Иеровоам, прежде всего, приступил к упрочению своего положения с внешней стороны. С этою целью он укрепил несколько городов, и именно Сихем по сю сторону и Пенуэл по ту сторону Иордана, которые и сделались двумя главными твердынями его обширного царства, хотя свою собственную резиденцию он основал в прекрасном

городе Фирце, в живописных горах к северу от Сихема. Но и при обладании таким прекрасным царством Иеровоама не оставляла роковая мысль. Чувствуя недостаточность своих прав на престол, он невольно думал: «царство может опять перейти к дому Давидову. Если народ сей будет ходить в Иерусалим для жертвоприношения в доме Господнем, то сердце народа сего обратится к государю своему, к Ровоаму, царю иудейскому; и убьют они меня, и возвратятся к Ровоаму, царю иудейскому». Посоветовавшись с своими приближенными, царь решил основать новую религию²¹¹; умышленно опираясь на пример Аарона, он сделал двух золотых тельцов и, повторяя слова тогдашних идолопоклонников, сказал народу: *«не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои, Израиль, которые вывели тебя из земли Египетской»* (3Цар. 12:28; ср. Исх. 32:4, 8). Одного из этих тельцов он поставил в Дане, а другого в Вефиле, сделав последний главным святилищем нового культа. Тут он построил капище на высоте, как это делалось у ханаанских народов. Для служения в этом капище он хотел было воспользоваться теми священниками и левитами, которые жили в отошедших к нему левитских городах; но ошибся в своем расчете. Все истинные священники и левиты, видя нечестивые затеи царя, оставили свои города и владения и переселились в Иудею и в Иерусалим. Тогда царь сделал новый шаг к нарушению закона и «поставил из народа священников, которые не были из сынов Левиных»; установил праздники на подобие праздников иудейских и на воздвигнутом жертвеннике в Вефиле сам лично хотел принести жертвы, чтобы торжественно открыть служение по обряду новоучрежденной им религии. Но вот из Иудеи явился «человек Божии»²¹² и, став лицом к лицу с Иеровоамом, произнес предсказание, что один из потомков Давида, именно Иосия, на этом самом жертвеннике принесет в жертву идолослужущих священников, и подтвердил свое предсказание знамением, что самый жертвенник распадется и пепел с него рассыплется. Разъяренный царь приказал схватить дерзкого прорицателя и сам простер на него руку свою, – но рука его вдруг оцепенела, а вместе с тем жертвенник распался и пепел с него рассыпался. Тогда Иеровоам смирился, и по

молитве «человека Божия» рука его выздоровела от поражения. Он предложил «человеку Божию» зайти к нему во дворец и подкрепить себя пищею, обещая предложить ему и особый подарок. «Но человек Божий сказал царю: хотя бы ты давал мне полдома твоего, я не пойду с тобой и не буду есть хлеба и не буду пить воды в этом месте. Ибо так заповедано мне словом Господним: не ешь там хлеба и не пей воды, и не возвращайся тою дорогою, которою ты шел». Однако же он сам нарушил эту заповедь и, послушавшись одного ложного пророка, зашел к нему и принял угощение, за что и умерщвлен был в пути напавшим на него львом – в предостережение всем тем, кто не твердо стоит в заповеди Божией. Так как Иеровоам не вразумился от бывшего ему предостережения, то его постигло семейное несчастье: умер его сын Авия, единственный в его доме, «в ком нашлось нечто доброе пред Господом, Богом Израилевым». Когда он сделался болен, Иеровоам хотел тайно воспользоваться милостью того Бога, которого он отвергал открыто²¹³. Он велел своей жене переодевшись отправиться в Силом к престарелому пророку Ахни, тому самому, который предсказал ему, что он будет царем, и спросить его о предстоящей участи сына. Но когда она вошла в дом Ахии, то престарелый пророк, несмотря на свою слепоту, сразу узнал, кто его посетительница, и не только не принял принесенных ему подарков («десять хлебов и лепешек и кувшин меду»), но произнес строгое осуждение на весь дом Иеровоамов, заявив, что за введенное им идолопоклонство Господь наведет всевозможные бедствия на его дом и «выметет дом Иеровоамов, как выметают сор до чиста», а сам Израиль будет извергнут из земли обетованной и отведен будет за реку (Евфрат – в плен) «за то, что они сделали у себя идолов, раздражая Господа». Больной сын царя должен был умереть, что и случилось, лишь только царица по возвращении переступила порог своего дворца.

Но вот умер и сам Иеровоам, процарствовав двадцать два года²¹⁴. Ему наследовал сын его Нават, который во всем последовал примеру своего отца: «делал он неугодное пред очами Господа, ходил путем отца своего и во грехах его,

которыми тот ввел Израиля во грех». Поэтому его скоро постигло наказание Божие, и он пал жертвою военного заговора, составленного военачальником Ваасой, который убил царя и истребил дом Иеровоамов, как и предсказал пророк Ахия, и сам сделался самозванным царем Израиля²¹⁵. Но династия Ваасы, следовавшего в своей политике системе Иеровоама и даже более последнего предававшегося нечестию и идолопоклонству, прекратилась с его сыном Илой, который был убит военачальником его конницы Замврием, умертвившим его, когда он «напился допьяна» в гостях у начальника своего двора Арсы. Замврий провозгласил себя царем и истребил весь дом Ваасы, но сам процарствовал лишь семь дней. Узнав, что народ, не признавая его, провозгласил себе царем другого военачальника Амврия, который во главе сильного войска подступил к Фирце и уже взял укрепления столицы, Замврий, подобно ассирийскому царю, «вошел во внутреннюю комнату царского дома и зажег за собою царский дом огнем, и погиб за свои грехи, в чем он согрешил, делая неугодное пред очами Господними, ходя путем Иеровоама и во грехах его, которые тот сделал, чтобы ввести Израиля во грех».

Но и этим не кончились политические смуты царства Израильского. Рядом с Амврием, претендентом на престол выступил некто Фамний, который увлек за собою половину народа, так что царство Израильское разделилось между собой, и началась четырехлетняя междоусобная война, и только по смерти Фамния престол утвердился за Амврием, который и царствовал еще восемь лет. Для упрочения престола за своей династией, он оставил Фирцу с ее сгоревшим дворцом и полуразрушенными стенами, и построил новую для себя столицу, знаменитую Самарию, которая оставалась резиденцией царей израильских до самого падения царства. Но и в эту новую столицу он перенес старое нечестие и идолопоклонство своих предшественников, и в этом отношении «поступал даже хуже всех, бывших пред ним», подтачивая таким образом нравственную силу государства, в котором он хотел укрепить свой престол. Так, основанное Иеровоамом царство Израильское, став, вследствие произведенного последним

религиозного раскола, на ложную дорогу, с каждым царствованием все более удалялось от истинного пути, подготавливая свою гибель.

XL. Слабость и нечестие Ровоама и Авии, царей иудейских, и благочестивое царствование Асы и Иосафата

После неудавшейся попытки силой подчинить себе отложившиеся колена, Ровоам стал заботиться об укреплении за собой оставшегося ему владения²¹⁶. Он укрепил несколько городов и между ними Вифлеем, Фекою и Хеврон, превратив их в сильные крепости и снабдив оружием и провиантом. Когда определились границы Иудейского царства, то оно обняло собою не только владения двух главных колен Иудина и Вениаминова, но и прежние земли колена Данова, переселившегося на север, и земли колена Симеонова, настолько ослабевшего политически, что оно как бы перестало даже считаться самостоятельным коленом. Кроме того, под власть Ровоама оставались еще покоренные раньше земли Эдома и Аммона, продолжавшие платить дань, установленную Давидом. В нравственном отношении царство Иудейское было усилено еще тем, что в него переселилось все колено Левиино – все священники и левиты, выселившиеся из царства Израильского вследствие введения там идолопоклоннического культа золотых тельцов. Вследствие всего этого первые годы царствования Ровоама отличались значительным для тогдашнего политического состояния страны благоденствием. К несчастью, Ровоам наследовал от своего отца его худшие качества и содержал многочисленный гарем – из 18 жен и 60 наложниц, давших ему двадцать восемь сыновей и шестьдесят дочерей. С этим неразлучны были обычные соперничества и интриги, тем более, что Ровоам показывал явное свое предпочтение своей любимой жене Маахе, дочери (или, вернее, внучке) Авессаломовой, за сыном которой Авией упрочил наследство престола и заранее сделал его «главою и князем над братьями его». Чтобы ослабить их соперничество, он благоразумно «разослал всех своих сыновей по всем землям Иуды и Вениамина, во все укрепленные города, и дал им содержание большое, и прислал много жен».

Но при временном благоденствии ускорилось лишь забвение недавних грозных испытаний, и Ровоам, а вместе с ним и весь народ иудейский «оставили закон Господень» и «делали неугодное пред очами Господа». «И устроили они у себя высоты, и статуи, и капища на всяком высоком холме, и под всяким тенистым деревом. И блудники были также в этой земле и делали все мерзости тех народов, которых Господь прогнал от лица сынов Израилевых». Такое религиозно-нравственное падение требовало наказания и оно явилось в лице египетского фараона Сусакима²¹⁷.

Сусахим или Шешонк I был родоначальником новой XXII династии фараонов, сменившей прежнюю династию, в родстве с которой находился Соломон. Эта перемена династии совершилась еще при жизни Соломона, и новый фараон тогда же обнаружил враждебность по отношению к дому Соломонову тем, что дал у себя приют Адеру, князю эдомскому, и Иеровоаму. Теперь, воспользовавшись ослаблением политического могущества этого дома, он в пятом году царствования Ровоама предпринял поход против Иерусалима. Быстро взял он несколько укрепленных городов иудейских и подступил к самому Иерусалиму. При виде страшной опасности царь и народ смирились и возопили о помощи к Богу, который и спас их от плена. Сусахим, однако же, ограбил храм и царский дворец, захватив с собою все их сокровища и вместе знаменитые золотые щиты, сделанные Соломоном, так что Ровоам принужден был заменить их медными, чтобы сохранить некоторую пышность при обычных торжественных выходах царя. Царство иудейское на время сделалось данником Сусакима, чтобы неверный народ опытом познал, «каково служить Богу и служить царствам земным».

Поход Сусакима вновь приводит Библейскую историю в соприкосновение с египетской, и библейское сказание о нем вполне подтверждается свидетельствами египетских памятников. На стенах знаменитого египетского храма Карнакского (в Фивах) изображено все это событие, и среди пленных, захваченных фараоном, ясно видны пленники с иудейскими чертами в физиономии и одежде, и в

присоединенном к этим изображениям списке покоренных народов и царств значится и имя «Иуда Мелхи», т.е. царство Иудейское. Этот тяжкий урок, по-видимому, не прошел даром для царя и народа иудейского. «В Иудее было нечто доброе», но в общем Ровоам «делал зло, потому что не расположил сердца своего к тому, чтобы взыскать Господа». Он царствовал семнадцать лет, умер 58 лет от роду и был погребен в городе Давидовом. Его царствование описано было в записях пророка Самея и Адды прозорливца – в книге царских родословий.

Ровоаму наследовал сын его Авия, на восемнадцатом году царствования Иеровоама²¹⁸. Он попытался еще раз силою возвратить себе отпавшие колена, и в начатой войне ему удалось поразить Иеровоама и отнять несколько городов, в числе которых был и Вефиль. Победа эта была результатом сильного религиозного одушевления как самого царя, который укорял израильтян за введенное у них идолопоклонство, так и вообще иудеев, «которые уповали на Господа, Бога отцов своих». Но сам Авия не удержался на высоте этого доброго начала и скоро последовал дурному примеру своих предшественников: завел большой гарем из 14 жен, от которых у него родилось 22 сына и 16 дочерей, и вообще начал «ходить во всех грехах отца своего, которые тот делал прежде него», вследствие чего и царствование его было непродолжительным. Он царствовал около трех лет и погребен был в городе Давидовом, передав царство своему сыну Асе.

Аса, третий царь иудейский, взошел на престол на 20-м году царствования Иеровоама и царствовал в Иерусалиме сорок один год²¹⁹. Воспитавшись среди испытаний прежних царствований, он воцарился с добрым намерением следовать во всем примеру великого своего прапрадеда Давида и с сердечною преданностью истинной религии приступил к очищению своего царства от накопившегося в нем религиозно-нравственного зла. «Он изгнал блудников из земли, и отверг всех идолов, которых сделали отцы его, И даже мать свою Ану лишил звания царицы за то, что она сделала истукан Астарты», который он, вместе с тем, изрубил и сжег у потока Кедронского, как некогда Моисей поступил с золотым тельцом. Впрочем, и он

не довел своего преобразования до конца, так что не уничтожил всех «высот» с их идолопоклонническими принадлежностями, предоставляя совершение этого дела своим преемникам. Но вообще Аса показал столько благочестивой ревности, что его царствование на время опять сосредоточило на себе благословение Божие и отличалось полным благоденствием. Победа отца его над Иеровоамом обеспечила ему десятилетний мир, и он воспользовался им для того, чтобы поддержать выгодную торговлю с Аравией, востоком и богатыми серебром странами западной Европы, что дало ему возможность вновь скопить значительные сокровища, как в храме, так и во дворце. Вместе с тем, он вновь укрепил важнейшие города.

Благоустроив внутренние дела государства, он собрал сильное войско в 580 000 человек – с целью низвергнуть данническое иго египтян. Узнав об этом, египетский фараон Зарай Эфиоплянин выступил против него с огромным «войском в тысячу тысяч и тремястами колесниц» и дошел до Мареши (близ позднейшего Елевферополя), в юго-западной части колена Иудина. Здесь встретил его Аса и, сильный упованием на Бога, помощь которого он призвал в пламенной молитве пред битвой, разбил его наголову, захватив громадную добычу. При победоносном возвращении его в Иерусалим его встретил пророк Азария, который своею боговдохновенною речью о благодеяниях Господа в случае упования на Него и о страшном гневе Его при отпадении от Него возбудил в царе и народе новый порыв ревности и истинной религии. «Мерзости языческие» были удалены из всех иудейских городов, и царь обновил осквернявшийся, вероятно, идолослужением «жертвенник Господень, который пред притвором Господним».

Вместе с тем, в третий месяц 14-го года своего царствования Аса созвал в Иерусалиме великое народное собрание, на котором участвовали не только жители его царства, но и народ из остальных колен, и на нем был заключен торжественный завет, «чтобы взыскать Господа, Бога отцов своих, от всего сердца своего и от всей души своей», причем за идолопоклонство назначена была смертная казнь.

Это стечение в Иерусалим истинных поклонников Иеговы из всех колен, естественно, увеличивало нравственную силу царства Иудейского, но, вместе с тем, оно пробудило с новой силою подозрительность царей израильских, вследствие чего Вааса возобновил войну против Иудейского царства и укрепил пограничную Раму, чтобы преградить своим подданным доступ в пределы Асы. К несчастью, на этот раз Аса поколебался в своем уповании на Бога и не только призвал к себе в союзники Венадада, царя сирийского, но и купил его союз дорогою ценою сокровищ храма Господня и своего дворца. Хотя, благодаря этому союзу, нашествие Ваасы было с успехом отражено, но сам Аса должен был выслушать строгий укор за свой грех от пророка Анании, который смело укорил его за измену заключенному им завету, – за то, что «он понадеялся на царя сирийского и не уповал на Господа», чем преградил себе возможность покорения самого царства Сирийского.

Но раз свернув с правого пути, человек легко переходит от одного греха к другому. Аса не только не раскаялся в своем грехе, но «разгневался на прозорливца и заключил его в темницу, так как за этот укор был в раздражении на него». Вместе с тем, он начал притеснять и некоторых других лиц из народа в то время. В этом уклонении от долга справедливости его постигла на 39 году царствования тяжкая болезнь ног, которая, развиваясь постепенно, «поднялась до верхних частей тела, но он и в болезни своей взыскал не Господа, а врачей».

На 41-м году своего царствования он умер и с царскою торжественностью погребен был в городе Давидовом, в заранее приготовленной им себе гробнице. Несмотря на прегрешения последних лет своего царствования, он оставил по себе добрую память в народе, который и выразил ему свое почтение сожжением в честь его праха великого множества благовоний и умащением его дорогими искусственными мастями. Благословение Божие на нем сказалось в самой продолжительности его царствования, во время которого он был современником восьми быстро сменявшихся нечестивых царей царства Израильского.

Преемником его был сын его Иосафат, который вступил на престол 35 лет от роду и царствовал 25 лет²²⁰. Вместе с престолом он наследовал от отца своего лучшие начала первой половины его царствования и обладал всеми качествами, которые делали его подобным Давиду, бывшему для него высшим образом. При нем царство Иудейское достигло высокой степени процветания и могущества. Он начал свое царствование укреплением важнейших городов царства, в которых разместил охранные войска. Обеспечив себя от внешнего нападения, он приступил к внутреннему благоустройству и, сам «поступая по заповедям Божиим», энергически принялся за искоренение идолопоклонства в народе, отменял «высоты» и истреблял «дубравы», посвященные идолам. Не довольствуясь этим, он в третий год своего царствования принял более действительные меры к поднятию религиозно-нравственной жизни народа и послал некоторых своих приближенных князей, чтобы они вместе с левитами и священниками учили народ закону Божию по всем городам Иудеи. Наградой ему за такие благочестивые дела было необычайное благоденствие. Он находился в мире со всеми окружавшими его народами. Филистимляне платили ему дань серебром, аравитяне пригоняли множество всякого скота, и могущество его поддерживалось сильным войском, под начальством храбрых полководцев.

Такое состояние Иудейского царства, естественно, было опасным для царства Израильского, хотя, в то же время, оно было слишком могущественно, чтобы можно было начинать против него новую войну. Так как в то же время на границе царства Израильского быстро развивалось и крепло опасное для него царство Сирийское, то царь израильский Ахав счел за лучшее войти в тесный союз с Иосафатом. Последний принял это предложение и таким образом вступил в союз и даже породнился с нечестивейшим царем царства Израильского, навлекая тем самым целый ряд бедствий на свое собственное царство.

ХЛІ. Цари израильские Ахав и Охозия. Полное водворение при них идолопоклонства в царстве Израильском. Пророк Илия. Вредные последствия союза Иосафата с царями израильскими

В то время, как в царстве Иудейском после нечестия первых царей начались усилия к восстановлению истинной религии и закона Моисеева в народе и достигли довольно благоприятных результатов, в царстве Израильском с каждым царствованием усиливалось нечестие и идолопоклонство. Но высшей своей степени это зло достигло при восьмом царе израильском Ахаве, который наследовал отцу своему Амврию в 38 году царствования Асы, и царствовал 22 года. Уже отец его приобрел худую славу, но Ахав превзошел и его, и оставил по себе в истории самую печальную память²²¹. От природы он наделен был задатками добра и они выражались в нем в любви к искусствам и способности воспринимать добрые советы. К несчастью, он имел слабую волю и всецело подчинился своей властолюбивой и высокомерной жене Иезавели, с именем которой связывается даже еще более худая слава, чем с его собственным. Она была дочь сидонского царя Ефваала, бывшего жреца, который достиг престола чрез убийство своего брата. Дочь его вполне унаследовала от него его худшие качества – деспотическое высокомерие, отчаянную настойчивость, кровожадную жестокость и, более всего, фанатическую преданность постыдному и возмутительному идолопоклонству Астарте, жрецом которой некогда был ее отец. Неудивительно, что, сделавшись царицей израильского народа, она стала презирать религию Иеговы и решила водворить в израильском народе свое нечестивое идолопоклонство. Ахав вполне подпал ее влиянию и по ее настоянию построил в Самарии храм и жертвенник Ваалу, а вместе с ним устроил особую дубраву для гнусных оргий в честь Астарты. Затем приняты были меры к полному искоренению религии Иеговы и водворению финикийского культа. Учреждена была особая школа жрецов или пророков нового культа, и о численности их

можно судить по тому, что при дворе Иезавели состояло 450 пророков вааловых и 400 дубравных, и все они питались от стола Иезавели. Все истинные пророки по ее повелению были избиты, кроме ста человек, которые спаслись бегством и укрылись в пещере, где их тайно питал хлебом и водой благочестивый Авдий, начальник дворца Ахавова. Наступил самый мрачный период в истории израильского народа. Истинная религия гнула в нем, а вместе с ней рушились и все великие для него обетования. Тогда стало необходимым особое орудие Промысла Божия для поддержания гибнущего корабля веры. И оно явилось в лице пророков, самоотверженность которых в деле охранения истинной веры возрастала по мере увеличения нечестия и идолопоклонства. Так как идолопоклонническое нечестие достигло своей высшей степени при Ахаве, то в царствование его явился и величайший пророк ветхозаветной церкви, грозный мститель за попрание завета, Илия, прообраз того великого проповедника покаяния, который был предтечей Христа²²². И он не был лишь проповедником слова. Нечестие при нем представляло собою высшую земную силу в лице царя и проявлялось в осязательных делах гнусной порочности и неправды; поэтому и пророк Илия явился представителем силы Божией, которую он ставил в противовес силе зла, и отсюда целый ряд великих чудес, которые должны были служить новой, более осязательной, чем словесная проповедь, формой назидания и обличения огрубевшей совести нечестивого царя с его заблудшим народом.

Св. пророк Илия является в истории с поражающею внезапностью, – как молниеносная стрела, мгновенно озарившая полуночное небо. О его месторождении существуют только неясные догадки. Судя по его названию «фесвитянин», можно думать, что родом он был из Фисвы, городка в северной части Палестины, откуда он, однако же, переселился за Иордан, где и жил в пустынях Галаада, со всею простотою и суровостью образа жизни пустытника. Оттуда он и явился внезапно на блестящих улицах Самарии. Необычайный вид этого чужестранца – босого, с длинными волосами на голове, в грубом плаще из верблюжьего волоса, с кожаным поясом на чреслах и

посохом в руках – сразу должен был произвесть немалое движение в преступной столице преступного царя; но пророк прямо направился ко дворцу и там пред лицом самого Ахава в кратких словах произнес страшный приговор Божий: «Жив Господь Бог Израилев», сказал Илия, тем самым обличая гнусное нечестие и неразумие идолопоклонства, – «в сии годы не будет ни росы, ни дождя; разве только по моему слову»²²³. Произнеся этот приговор, Илия удалился, избегая мщения нечестивой царственной четы. На время он укрылся у потока Хорафа, впадающего в р. Иордан, где «вороны приносили ему хлеб и мясо» каждое утро и вечер. Но вот поток высох, потому что приговор Божий вступил в свою силу, и Илия должен был удалиться в Сарепту, город во владениях царя сидонского. Там он нашел приют у одной бедной вдовы, гостеприимство которой награждено было чудесным восполнением ее скудного запаса муки и масла и восстановлением к жизни ее сына, который был так сильно болен, «что не оставалось в нем дыхания»²²⁴. А засуха все еще продолжалась. Плодородные равнины колена Ефремова превратились в знойную, бесплодную пустыню, и в Самарии настал голод. Ахав со своим царедворцем Авдием отправился обозревать страну, чтобы убедиться в размерах постигшего бедствия. Он отправил гонцов во все концы царства и в соседние страны в поисках за Илией, но его нигде не находили.

Тогда пророк явился сам и, прежде всего, Авдию, повелевая ему известить царя о его явлении. Но лишь только трепещущий Авдий донес об этом Ахаву, как пред ним лично явился и сам Илия. «Ты ли это, смущающий Израиля?» гневно спросил царь пророка. – «Не я смущаю Израиля, а ты и дом отца твоего, отвечал Илия, – тем, что вы презрели повеления Господни и идете в след ваалам». Чтобы доказать истину религии Иеговы и ложность Ваала, Илия предложил сделать всенародный опыт чрез жертвоприношение, с условием, какой Бог скорее услышит молитву и низведет небесный огонь для сожжения жертвы²²⁵. Ахав принял предложение и созвал жрецов Ваала в числе 450 человек. Опыт должен был происходить на горе Кармиле, с величавой вершины которой с одной стороны открывается вид

на безбрежное море, а с другой на богатейшие равнины земли обетованной. Собралось множество народа, и Илия одиноко стоял против сотен жрецов и тысяч идолопоклонников. Жрецы Ваала устроили жертвенник и положили на него тельца.

Когда их бог Ваал (бог солнца) начал подниматься с восточного небосклона, они приветствовали его появление дикими плясками, с причитанием и воплями: «Ваале, услышь нас!» Но не было ни голоса, ни ответа. «В полдень Илия стал смеяться над ними и говорил: кричите громким голосом, ибо он бог; может быть, он задумался или занят чем-либо, или в дороге, а может быть и спит, так он проснется». Жрецы еще более забесновались, крича до неистовства и нанося себе удары ножами и копьями, так что истекали кровью. «Но не было ни голоса, ни ответа, ни слуха». Дневное светило, которое безумно боготворилось ими, скатилось с небосклона и скрылось в волнах Средиземного моря. Тогда очередь была за пророком Бога живого. Подозвав к себе народ, Илия воздвиг жертвенник из двенадцати камней, по числу колен Израилевых, окопал его рвом, который наполнил водой, и, положив жертву, произнес пламенную молитву к Богу, прося Его показать идолопоклонникам, что Он есть единый истинный Бог, Бог отцов заблудшего народа. Тогда внезапно сверкнул огонь и истребил не только жертву, но и воду во рве. «Увидев это, весь народ пал на лице свое и сказал: Господь есть Бог! Господь есть Бог!» По отношению к идолослужителям приведено было в исполнение постановление Моисеева закона: все жрецы были схвачены и избиты на берегах потока Киссона²²⁶. Бедствие тотчас же прекратилось. На западе с моря поднялось облачко, как предвестник дождя, и вся страна ожила от обильной влаги. Ахав с радостью поскакал в свою летнюю резиденцию Изреель, и торжествующий Илия, «опоясав чресла свои, бежал пред Ахавом до самого Изрееля», на расстоянии 28 верст. Но оттуда он должен был скоро удалиться: Ахав признал силу Бога Израилева, но все происшедшее только еще более распалило злую ярость Иезавели. Она решила скорее умереть, чем оставить Илию без отмщения за избивание ее жрецов и пророков. Безумствуя от злобы, она послала передать Илие грозную весть:

«Если ты Илия, то я Иезавель; пусть то и то сделают мне боги, и еще больше сделают, если я завтра к этому времени не сделаю с твоею душою того, что сделано с душою каждого из них», т.е. ее жрецов. Но пророк Илия, как ветер пустыни, явился и исчез. Сначала он отправился в Вирсавию, где ослабевшая было в нем бодрость была поддержана явлением ангела, принесшего ему пищу для подкрепления, а затем он удалился в Синайскую пустыню «к горе Божией Хориву», той священной горе, где Моисей впервые получил свое призвание и в соседстве с которой дано было законодательство. Там он вновь ободрился, как бы восприяв в себя дух самого великого законодателя Моисея, с которым он, как два величайших представителя ветхозаветной церкви, явился впоследствии на Фаворе пред лицом божественного Начальника нового завета. Там же он, подобно Моисею, сподобился видения Бога, Который явился ему не в грозных знамениях бури, огня и землетрясения, как он мог ожидать, а в «веянии тихого ветра», как в знамении благодати, незримо и тихо снисходящей на душу человеческую. Ободрив великого пророка заявлением, что среди израильтян было еще «семь тысяч мужей, колена которых не преклонялись пред Ваалом и уста которых не лобызали его», Господь повелел ему возвратиться своею дорогою и в Дамаске помазать Азаила царем над Сириею, Ииуя царем над Израилем и Елисея пророком вместо себя. Все эти трое помазанников его должны были выступить на истребление идолопоклонников Ваала. Обстоятельства позволили Илие исполнить только последнее из этих поручений, именно помазание Елисея, которому он предоставил исполнить остальные.

Елисей, сын Сафатов, был родом из Авел-Мехолы, в долине реки Иордана, близ соединения ее с равниной Ез-дрилонской²²⁷. Он был зажиточный земледелец и имел двенадцать пар волов. Илия нашел его на поле, когда он пахал при двенадцатой паре волов. Проходя мимо него, Илия набросил на него свою «милоть» – в знак пророческого призвания, и Елисей тотчас же оставил полевые работы, простился с родителями и, принеся в жертву ту самую пару волов, на которых пахал, последовал за Илиею «и стал служить ему».

Между тем Ахав, долго не встречая грозного пророка, наверно подумал, что окончательно освободился от него, и воспользовался этим временем для совершения весьма гнусного преступления. Хотя обыкновенной столицей его была Самария, но он любил жить также в веселом городе Изрееле, отличавшемся очаровательными красотами окружающей природы. При расширении и украшении своего дворца там, ему захотелось овладеть великолепным виноградником, принадлежавшим одному жителю Изрееля Навуфею²²⁸. Он предложил Навуфею поменяться виноградниками или продать его; но Навуфей, как истинный израильтянин, ни за что не хотел расстаться со своим наследственным имением, с которым связана была память о всем роде его отцов. Тогда капризный и своенравный, но слабыхарактерный деспот от досады и злобы слег в постель и перестал есть. Из этого затруднения вывела его на все готовая Иезавель. Узнав, в чем дело, она сказала ему: «что за царство было бы в Израиле, если бы ты так поступал?» Встань, ешь хлеб и будь спокоен: я доставлю тебе виноградник Навуфея изреелитянина». И она выполнила свое обещание. Написав от имени Ахава тайные письма старейшинам и судьям города, она приказала им во что бы то ни стало обвинить несчастного Навуфея в богохульстве и измене. Судьи с гнусной готовностью исполнили преступный приказ. Против Навуфея выставлены были ложные свидетели, на основании показаний которых, будто он «хулил Бога и царя», он был осужден и побит камнями, а виноградник его отдан во владение царя. Но преступное дело Иезавели возмутило даже черствую совесть Ахава. Когда царица явилась к нему с ликующим известием, чтобы он взял даром тот виноградник, которого Навуфей не хотел отдать ему и за серебро, то Ахав, узнав о гнусном убиении честного израильтянина, «разодрал одежды свои, надел на себя вретисце», и только когда уже подавил в себе голос совести, «встал, чтобы пойти в виноградник Навуфея и взять его во владение». Но там, на пороге в виноградник его встретил грозный Илия с приведшими его в трепет словами: «Ты убил, и еще вступаешь в наследство?» – так говорит Господь: на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою

кровь». Озадаченный и пораженный появлением этого грозного мстителя за правду на самом месте кровавого злодейства, Ахав нашелся только сказать: «Нашел ты меня, враг мой?» – «Нашел», отвечал пророк; «ибо ты предался тому, чтобы делать неуютное пред очами Господа и раздражать Его», и затем изрек страшный приговор над всем домом Ахава, который должен погибнуть, а нечестивую Иезавель съедят псы за стенами Изрееля. Тогда еще раз проснулась совесть в Ахаве. Выслушав этот приговор, «он умилился пред Господом, ходил и плакал, разодрал одежды свои, и возложил на тело свое вретище, и постился, и спал на вретище, и ходил печально». Вследствие такого смирения приговор был смягчен: он должен был пасть не на него лично, а на дом его, так что царство перейдет от него к его наследнику-сыну.

В последние годы своего царствования Ахав был занят, главным образом, двумя большими войнами с Сирией²²⁹. Важные победы его в первой из этих войн были как бы знаком принятия его покаяния в деле убийства Навуфея. Против него выступил сирийский царь Венадад II с 32 союзными князьями и осадил Самарию, требуя от Ахава вассального подчинения ему. Но когда высокомерный Венадад потребовал от него выдачи жены и детей, то Ахав ответил ему отказом, употребляя поговорку: «пусть не хвалится подпоясывающийся, как распоясывающийся». Один пророк обещал ему победу, и действительно, когда Венадад, приказавший громить Самарию, беззаботно пирует с своими князьями-союзниками и напился допьяна, Ахав сделал удачную вылазку, разбил неприятеля и обратил его в беспорядочное бегство с пьяным царем во главе. Через год, однако же, война возобновилась, так как Венадад приписал свое поражение тому, что Бог израильский есть Бог гор, а не долин, и потому, если он потерпел поражение в гористой местности, то, наверно, одержит победу в долинах, куда он и направил свое войско. Но в долинах Венадад потерпел еще большее поражение. В битве около города Афека он потерял 100 000 пехоты. Остальные хотели укрыться за укрепленными стенами этого города, но обвалившейся стеной его задавило их еще 27 000 человек. Для Венадада остался один исход –

сдаться на милость Ахава, что он и сделал с своими военачальниками. Ахав принял смирившегося царя с почетом, пощадил ему жизнь под условием возвращения всех отвоеванных им городов и предоставления царю израильскому права иметь особый квартал в городе Дамаске для пребывания израильтян. Это необычайное содружество с врагом обетованной земли, которого он должен бы подвергнуть примерному наказанию для устрашения и других врагов ее, вызвало негодование пророков, из которых один явился к Ахаву весь избитый и с пеплом на голове и наглядной притчей укорил царя за его неразумную мягкость. Ахав в неудовольствии возвратился в Самарю.

Мир с Сирией продолжался в течение трех лет; но Венадад, по-видимому, не возвратил отвоеванных городов, вследствие чего стала неизбежною новая война с ним. Ахав порешил силою отнять у сириян важный город Рамоф Галаадский, но для обеспечения успеха призвал на помощь своего союзника Иосафата, царя иудейского, который еще раньше этого «породнился» с ним и теперь приехал навестить его. Благочестивый Иосафат не решался предпринять такого опасного дела без испрошения воли Божией чрез пророков. Ахав представил ему 400 пророков, которые в один голос предсказывали союзникам блестящую победу, а один из них, Седекия, даже сделал себе железные рога, чтобы наглядно показать, как Ахав «избодет сириян до истребления их». Но устами всех этих пророков говорил «дух лживый». Один только честный Михей откровенно предсказал предстоявшее поражение и гибель, но за это правдивое предсказание рогатый Седекия ударил его по щеке, а Ахав велел посадить его в темницу с строгим приказом «кормить его скудно хлебом и скудно водою», пока царь не возвратится с похода в мире и с победным торжеством. Однако же, слова Михея заставили Ахава принять некоторые предосторожности. Он снял с себя царское одеяние, чтобы не быть особенно заметным неприятелю, коварно предоставив одному Иосафату честь носить царские одежды во время сражения. Венадад приказал своей коннице направить всю свою силу против неприятельского царя, и сирийская

конница с такою неотразимою силою ринулась на Иосафата, что он спасся только отчаянным криком: «я не Ахав»! Между тем, несмотря на все предосторожности, Ахав был смертельно ранен стрелою из вражеского лука. Из пыла битвы он вывезен был на колеснице и умер. При его падении войско израильское дрогнуло и обратилось в бегство. Тело царя было привезено в Самарию и погребено там, а когда окровавленную колесницу мыли в пруде Самарийском, то кровь Ахава лизали псы, как и предсказал ему Илия.

Иосафат, между тем, невинно возвратился в Иерусалим, раскаиваясь в своем неразумном союзе с нечестивым царем. Он смиренно выслушал укор от пророка Ии-уя за этот союз и делами благочестия хотел загладить свой проступок. Но вредные последствия его не замедлили сказаться и после этого. Весть о поражении его разнеслась по всем окрестным народам, и этим несчастьем не преминули воспользоваться аммонитяне и моавитяне, которые решили отомстить израильтянам за свое прежнее подчинение им. Соединившись с другими соседними племенами, они составили сильный союз против царя иудейского и сделали нашествие на богатую садами местность около Енгеди, к западу от Мертвого моря. Благочестивый Иосафат прибег к высшей помощи: объявил пост по всей стране и с пламенной молитвой обратился к Богу. Молитва его была услышана. Между союзниками-неприятелями произошли раздоры, они напали друг на друга, а иудеи воспользовались богатой добычей в оставленном ими лагере.

Союз между двумя еврейскими царствами продолжался, однако же, и в течение короткого царствования сына и преемника Ахавова Охозии²³⁰. Он во всем следовал своему отцу и своей матери, «делая неугодное пред очами Господа». Упав однажды с балкона своей горницы, он отправил в филистимский город Аккарон послов спросить у славившегося своими целебными силами бога Веелзевула, выздоровеет ли он от ушиба. Тогда опять явился Илия, который, встретив послов, сказал им: «разве нет Бога в Израиле, что вы идете вопрошать Веелзевула, божество Ак-каронское? За это так говорит Господь: с постели, на которую ты (Охозия) лег, не сойдешь с нее, но

умрешь». Сказал и удалился. Устрашенные послы возвратились в столицу и донесли царю. Разъяренный царь приказал схватить Илию и привести к себе. Два отряда войск по 50 человек подступали к нему на горе, но оба были уничтожены небесным огнем. Только на мольбу благочестивого сотника третьего отряда Илия согласился оставить свое неприступное убежище, явился к царю и бесстрашно повторил пред ним свое грозное предсказание. И вскоре Охозия умер, не оставив по себе прямого наследника, а на место его воцарился брат его Иорам.

Вместе с тем, окончилось и земное поприще великого пророка²³¹. Предчувствуя конец своей земной жизни, пророк Маня хотел закончить ее наедине с Богом, и с этою целию несколько раз пытался разлучиться с своим неразлучным спутником и служителем Елисеем. Но Елисей и сам сознавал, что с его великим учителем готовится произойти нечто необычайное, и не отлучался от него. Перейдя около Иерихона чрез Иордан, который от мановения мантии Илии расступился пред пророками, последний, наконец, открыл своему спутнику и ученику, что он «взят будет от него», и сказал ему: «проси, что сделать тебе, прежде нежели я буду взят от тебя». Елисей отвечал: «дух, который в тебе, пусть будет на мне вдвойне». Елисей просил слишком много, но ему было дано просимое отчасти. Когда они шли далее, «вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой! колесница Израиля и конница его! – и не видел его более». В печали о разлуке со своим возлюбленным учителем он разодрал свою одежду и вместо нее поднял упавшую милоть Илии. Ею на обратном пути он разделил воды Иордана; встретившие его пророки признали в нем духовного преемника Илии и поклонились ему до земли. На пути в Вефиль его встретили насмешками дети из этого города, которые, очевидно, следуя примеру своих нечестивых родителей, издевались над пророком, крича ему: «иди, плешивый, иди, плешивый!» За это, в наказание и предостережение нечестивым родителям, сорок два из этих детей были растерзаны вышедшими из соседнего леса медведицами, а Елисей отправился на гору Кармил, чтобы

там, в этом любимом убежище его великого учителя, в уединенном общении с Богом укрепить свой пророческий дух. Затем, уже оттуда он направился в Самарию, где царствовал младший сын Ахава Иорам.

XLII. Преемники Ахава. Пророк Елисей, Нееман Сириянин. Гибель дома Ахавова

Иорам, десятый царь израильский²³², хотя и сын нечестивых Ахава и Иезавели, воспитался под влиянием последних испытаний своего отца, заставивших его не раз смиряться пред Богом, в знак чего, быть может, он дал и самое имя своему сыну Иорам или полнее – Иегорам, что значит: «велик Иегова». Он вступил на престол в 18-й год царствования Иосафата иудейского, с которым поддерживал полезный для него союз. Вероятно, под влиянием благочестивого Иосафата он уничтожил в своем царстве наиболее гнусные учреждения идолопоклонства, как напр., сделанную его отцом статую Ваала, хотя, в общем, также «делал неугодное в очах Господа, держась грехов Иеровоама, сына Наватова». Ему на первых порах пришлось вести войну с моавитским царем Месой. Этот царь сильного и богатого народа, обладавшего многочисленными стадами всякого скота, был данником царей израильских и платил им дань «во сто тысяч овец и во сто тысяч не остриженных баранов». Заметив слабость Израильского царства, он отложился от него и прекратил уплату дани, вследствие чего сделалась необходимой война против него. Война эта, которую Иорам предпринял в союзе с Иосафатом и царем, эдомским, окончилась в его пользу, и именно благодаря мудрому совету Елисея, который с этого времени выступает видным деятелем в царстве Израильском. Сделанные по его совету каналы ввели моавитян в гибельное для них заблуждение, вследствие чего они неожиданно были застигнуты и разбиты израильтянами. Спасаясь бегством, Меса с остатками своего войска заперся в неприступном по своему возвышенному положению городе Кир-Харешете. Но когда и там стрелки израильские с окружающих высот начали производить опустошение в городе и самый город стал терпеть крайнюю нужду в продовольствии, то Меса в отчаянии, с целью умиловить богов, хотел принести в жертву своего собственного наследника-сына. Это произвело такое

негодование в израильтянах, что они отступили от города и прекратили войну²³³.

Между тем, по смерти Иосафата в царстве Иудейском воцарился его сын Морам²³⁴, так что в обоих еврейских царствах были соименные цари, которые продолжали поддерживать союз между собою. В лице этого царя с особенною силой сказались вредные последствия такого союза. Женившись на дочери Ахава и Иезавели – Гофолии, он поддался влиянию своей кровожадной жены, при вступлении на престол избил всех своих братьев и своим неблагоразумием и гнусною жизнью навлек на свое царство целый ряд бедствий. Против него восстали эдомитяне, которые отняли главный торговый порт на Черном море – Елаф; филистимляне и аравитяне сделали нашествие на его страну, напали даже на его дворец, захватили его жен и избили его сыновей. Сам он умер от безобразной и мучительной болезни – в таком презрении, что не удостоен был даже погребения в усыпальнице царей. Ему наследовал сын его Охозия²³⁵, продолжавший дружбу с Иорамом израильским, история которого с этого времени тесно связывается с историей пророка Елисея, как достойного носителя великого духа своего учителя Илии.

Уже в войне с моавитянами Елисей оказал союзным царям незаменимую услугу, которая прославила его имя в обоих царствах. Но затем начинается целый ряд изумительных чудес, которые наполняют все царствование Иорама. Еще будучи в Иерихоне, он чудесно очистил злокачественную воду одного источника, причинявшего бесплодие; затем умножил масло в сосуде бедной вдовы, давая возможность уплатить долг покойного мужа, за который заимодавец угрожал взять ее двух сыновей в рабы к себе; в Сонаме избавил от неплодия одну богатую женщину, у которой он пользовался гостеприимством, и воскресил ее умершего сына; уничтожил губительные свойства ядовитых трав, случайно попавших в пищу пророческих учеников в Галгале; чудесно наплат двенадцатью ячменными хлебами и несколькими зелеными колосьями сто человек и заставил всплыть на поверхность воды упавший в Иордан топор. Слава об этих чудесах разнеслась не только по всей Палестине, но и за

пределы ее, и это послужило поводом к одному из самых замечательных событий в жизни Елисея.

Когда, после разделения еврейского народа на два враждебных царства, политическая сила его ослабела, то различные завоеванные единодержавными царями народы отложились от них и составили независимые государства. Одним из самых сильных было царство Сирийское, со своей столицей – древним Дамаском. Цари этого новообразовавшегося государства скоро сделались столь могущественными, что вступали в борьбу даже с грозными царями Ассирии, и смотря по обстоятельствам – то дружили, то враждовали с соседними царствами Израильским и Иудейским, которые иногда призывали их на помощь в своих взаимных войнах. Эти постоянные сношения, естественно, сближали их между собою и в других отношениях – в торговом и даже религиозном, так что влияние израильских пророков чувствовалось и в Дамаске. И вот случилось, что главный военачальник сирийского царя Нееман, на военном гении которого держалась вся сила государства в те бурные времена, поражен был проказой, страшною и отвратительною болезнью, повергнувшею в горе не только самого Неемана, но и царя – Венадада²³⁶. Болезнь считалась неизлечимою, и злополучному полководцу оставалось в горе и отчаянии сложить свои славные доспехи. В это время среди рабынь, прислуживавших жене Неемана, была одна израильская девочка, захваченная сирийцами в плен при одном из тех неожиданных набегов, которые были обычным явлением при враждебных отношениях соседних государств. Пораженная бедствием своего великого господина, она с детскою сообразительностью вспомнила о пророке Елисее, слава о чудесах которого гремела по всему царству Израильскому, и сказала своей госпоже, что этот пророк, несомненно, исцелит Неемана, – стоит только обратиться к нему. Так как народная молва об израильском пророке, несомненно, доносилась и до Дамаска, то убитая горем жена Неемана с проблеснувшим лучом надежды в душе доложила об этом своему мужу, а чрез него и самому царю. Обрадовавшись случаю хоть чем-нибудь утешить своего знаменитого полководца, Венадад написал официальное

письмо Иораму, с которым он в это время находился в мирных отношениях, и просил его оказать зависящее от него содействие в предприятии, причем приложил большие дары в десять талантов серебра и 6 000 сиклей золота, кроме десяти перемен одежд. С этим письмом Нееман, в сопровождении блестящей свиты ивооруженного конвоя, отправился в Самарию. Венадад, как язычник, написал письмо в чисто языческом духе, не упомянув даже о пророке, а прямо выразив желание, чтобы сам царь израильский позаботился об этом. Но Иорам, пораженный столь странною просьбою, увидел в этом лишь повод со стороны Венадада начать против него военные действия, и от раздражения и страха даже разодрал на себе одежды. Тогда сам пророк Елисей выручил его из этого затруднения, и послал царю сказать, чтобы он к нему направил знатного иноземца, и последний узнает, «что есть пророк в Израиле». Нееман действительно направился в дом пророка, но незнанием обрядовых законов иудейской религии едва не испортил всего дела. Елисей, как строгий иудей, не мог приблизиться к прокаженному, и поэтому выслал к Нееману лишь своего слугу с наставлениями. Привыкший к восточному низкопоклонству себе, Нееман не мог понять и стерпеть такого пренебрежительного отношения к своей высоко-сановной личности. Притом и самое средство, предлагавшееся пророком, казалось ему почти насмешкой. Пророк чрез своего слугу велел ему пойти к реке Иордану и выкупаться в ней семь раз. Озадаченный таким, на его взгляд странным предложением, высокомерный Нееман открыто выразил свое негодование и сказал своим приближенным: «вот я думал, что он выйдет, станет и призовет имя Господа, Бога своего, и возложит руку свою на то место, и снимет проказу». А он выслал лишь какого-то слугу и велит просто выкупаться в этом мутном Иордане! «Разве Авана и Фарфар, реки Дамасские (с своими прозрачными водами), не лучше всех вод израильских?»

Разгневанный всем этим, Нееман повернулся от дома пророка и поехал в обратный путь. Но, к счастью, в числе его свиты нашлись люди, которые умели утишить гнев своего господина. Они сказали ему, что ведь пророк требует лишь

весьма немногого, и что если он, наверно, сделал бы гораздо больше для своего исцеления, то отчего же ему не исполнить этого простого предложения пророка, которое кажется оскорбительным лишь вследствие своей необычайной простоты. Убежденный этими доводами, Нееман согласился, и направился к Иордану, который находился верстах в сорока от Самарии. И вот, когда он действительно семь раз выкупался в священной реке израильского народа, «обновилось тело его как тело малого ребенка, и очистился». Обрадованный таким чудесным исцелением, Нееман тотчас же направился опять в Самарию, к дому пророка, чтобы выразить ему свою живейшую признательность и предложил богатые дары. Теперь и пророк лично вышел к нему навстречу, хотя честь Иеговы и запрещала ему принять подарки, чтобы Нееману не показалось, будто исцеление произведено продажным волшебством языческих жрецов, как это бывало в Дамаске. Это бескорыстие еще больше поразило Неемана, и в душе его совершился полный религиозный переворот. «Вот я узнал, что на всей земле нет Бога, как только у Израиля. Не будет впредь раб твой, воскликнул Нееман, приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа». Чтобы достойно поклоняться истинному Богу, Нееман даже просил позволения у Елисея взять с собою священной израильской земли, на которой бы и можно было ему в своем Дамаске совершать всесожжения Иегове. При этом, однако же, Нееман попросил снисхождения к себе как лицу официальному, так как ему по обязанности своего положения придется присутствовать при идолопоклонстве своего царя и наружно также преклоняться пред сирийским идолом Риммоном. «Да простит Господь раба твоего в случае сем!» говорил он пророку. Сердце его предано Господу, но обстоятельства требовали от него хоть внешнего, формального идолопоклонства. Елисей видел искренность его сердца и ответил только ему: «иди с миром». И Нееман действительно отправился обратно в свою страну с миром и искрою истинной веры в своей доброй, возрожденной душе, а проказа его перешла на корыстолюбивого слугу пророка, Гиезия,

захотевшего обманом воспользоваться хоть частью тех богатых даров, от которых отказался сам пророк.

При обычной враждебности древних государств даже чудесного исцеления Неемана недостаточно было для того, чтобы упрочить мирные отношения между царями сирийским и израильским, и скоро между ними возгорелась война. В этой войне пророк Елисей опять оказал важные услуги Иораму, давая ему такие мудрые советы, что ими расстраивались все военные планы неприятеля. Раздраженный этим, Венадад сирийский послал отряд своего войска, чтобы окружить находившийся неподалеку от Самарии город Дофаин и схватить находившегося там Елисея²³⁷. Но войско было поражено слепотою и заведено было в Самарию, хотя пророк не допустил до его истребления и велел царю отпустить воинов с угощением. Тем не менее, Самария была крепко обложена неприятелем со всех сторон. Жизненные припасы необычайно вздорожали, так что «ослиная голова продавалась по 80 сиклей серебра, а четвертая часть каба голубинового помета – по пяти сиклей серебра». Две женщины в отчаянных муках голода согласились по очереди заколоть своих детей в пищу, и одна из них явилась с жалобой к царю, чтобы принудить свою товарку к исполнению страшного условия. Услышав об этом, царь в отчаянии разодрал на себе одежды и надел вретище, в котором и ходил по стенам столицы. Иорам хотел уже отомстить это ужасное бедствие на Елисею, как пророк предсказал скорое избавление столицы от осады и неожиданное изобилие и дешевизну жизненных припасов. Предсказание вполне оправдалось. Четверо несчастных прокаженных, не вынося больше мук голода, с отчаяния решились идти в стан сирийцев, говоря: «что нам сидеть здесь, ожидая смерти? Пойдем лучше в стан сирийский. Если оставят нас в живых, будем жить, а если умертвят, умрем». Но с приближением к вражьему стану они, к своему необычному изумлению, нашли его оставленным, со всем богатым запасом жизненных припасов. В отдалении лишь слышались отзвуки беспорядочного бегства сирийцев, которые, как оказалось, услышав шум приближающегося войска и думая, что это грозная армия египетского царя, пришедшего на выручку Самарии, были

поражены внезапной паникой и бросились в бегство. Богатая добыча вознаградила жителей Самарии за вынесенные ими страдания. Один сановник, не поверивший предсказанию пророка, видел исполнение этого предсказания, но сам не воспользовался добычей, как и предсказал ему пророк, потому что был задавлен в городских воротах народом, бросившимся за собиранием добычи. После этого события пророческая слава Елисея распространилась далеко за пределы царства Израильского, так что сам Венадад сирийский во время своей болезни послал к нему военачальника Азаила спросить об исходе этой болезни. Пророк, открыв Азаилу близкую смерть царя, в то же время с слезами предсказал ему, что к несчастью израильтян он будет царем Сирии. И действительно, на другой день Азаил задушил Венадада намоченным одеялом и провозгласил себя царем Сирии.

Этим переворотом хотели воспользоваться цари израильский и иудейский для того, чтобы вернуть себе Рамоф Галаадский, остававшийся все еще под властью сириян. Иудейский царь Охозия до того подчинился влиянию своей нечестивой матери Гофолии (дочери Ахава и Иезавели) и дяди своего Иорама израильского, что идолослужение Ваалу и Астарте водворилось и в царстве Иудейском. Но восседание внука Ахавова на престоле Давидовом переполнило меру долготерпения Божия, и потому это военное предприятие еврейских царей должно было послужить поводом к наказанию их обоих, как представителей дома Ахавова. Иорам был ранен при самом начале войны и возвратился в Изреель, куда отправился и Охозия – навестить больного, Елисей, между тем, во исполнение воли Божией, послал одного из учеников пророческих помазать на царство Ииуя, военачальника царя израильского. Узнав об этом, войско также провозгласило его царем. Не медля больше, Ииуй, отличавшийся изумительным наездничеством и неукротимостью духа, лихо помчался в Изреель, чтобы упрочить за собой царство. Обоих царей он встретил в винограднике Навуфея, этом ужасном доказательстве гнусной кровожадности дома Ахавова. Во время грозного предсказания Илии Ахаву Ииуй был с ним в этом самом

винограднике и теперь поспешил исполнить это предсказание. Натянув лук, он прострелил Иорама, сидевшего в колеснице, и велел выбросить его тело на участке Навуфея на съедение собакам. Охозия бросился было в бегство, чтобы спастись в Самарии; но был настигнут и также убит. Престарелая Иезавель, услышав о смятении, хотела отвратить от себя бедствие чарами своей поблекшей, нарумяненной красоты», но Ииуй велел евреям выбросить ее в окно из ее высокого терема. «И они выбросили ее. И брызнула кровь ее на стену и на коней, и растоптали ее»²³⁸. Ииуй, впрочем, велел «похоронить ее проклятую, так как царская дочь она», но от нее уже не нашли ничего, кроме черепа, ног и кистей рук. Тело ее было съедено собаками, как предсказано было Илией. Не зная меры в своей ревности, Ииуй потребовал от старейшин Самарии голов 70 сыновей Ахава. По пути в Самарию, встретив 42 человека родственников Охозии, которые, не зная ничего о случившемся, шли посетить сыновей Ахава, умертвил также и всех их, оправдывая свою кровожадную лютость определением Божиим.

В Иудее владычество дома Ахавова было продолжено еще на шесть лет захватом престола со стороны Гофолии; но она ускорила свою гибель поголовным истреблением царского рода, от которого спасся лишь один новорожденный сын Охозии Иоас, скрытый от неистовства своей нечестивой бабки своею теткою Иосавефою. Муж ее, первосвященник Иодай, тайно воспитал его при храме и на седьмом году провозгласил его царем. Узнав об этом, Гофолия завопила: «заговор, заговор!» но тотчас же была убита. С ее смертью погибла последняя отрасль дома Ахавова, «и веселился весь народ земли, и город успокоился». Первосвященник Иодай воспользовался этим для пробуждения религиозно-нравственной совести народа, торжественно «заклучил завет между Господом и царем и народом», и обрадованный народ «пошел в дом Ваала, и разрушил жертвенники его, и изображения его совершенно разбили, и Матфана, жреца Ваалова, убили пред жертвенниками», после чего восстановлен был порядок истинного богослужения в храме. Так с уничтожением нечестивого дома Ахавова были истреблены, отчасти, и нечестивые дела его.

XLIII. Царь израильский Ииуй и его преемники. Пророк Иона. Падение царства Израильского и рассеяние десяти колен. Праведный Товит

С истреблением дома Ахавова в обоих царствах явилась надежда на восстановление в них истинной религии, ревность к которой на первых порах показана была правителями обоих царств. Но надежде этой не суждено было вполне осуществиться. Ииуй израильский был слишком кровожаден для этого святого дела²³⁹, а Иоас иудейский еще был малолетен. Правда, Ииуй показал себя ревностным исполнителем воли Божией при вступлении на престол, и с своею обычною лютостью, собрав пророков Ваала под видом торжественного богослужения, умертвил их при самой жертве, идола разбил и капище его осквернил и разрушил; но сам он, все-таки, не мог вполне освободиться от нечестивой политики Иеровоама и потому не хотел вполне оставить идолослужения. Поэтому, хотя за выказанную им ревность, основанной им династии обещана была устойчивость до четвертого рода (династия его царствовала 111 лет), но в его именно царствование началось и общее падение царства Израильского, которое, как не оправдавшее высших намерений Божиих, с этого времени «Господь начал урезывать по частям», предоставляя их иноплеменникам, и особенно Азаилу сирийскому, который при Ииуе завладел всей заиорданской страной.

После 28-летнего царствования Ииуя, ему наследовал сын его Иоахаз²⁴⁰, который за свою преданность идолопоклонству также подвергался нападениям сириян и избавился от них только своею пламенной молитвой. Милость Божия, однако же, не исцелила всех язв его совести и государства, и он передал престол не более благочестивому своему преемнику – сыну Иоасу²⁴¹. При этом царе скончался пророк Елисей²⁴². Когда он приближался к смерти и лежал на одре болезни, его посетил царь Иоас и, вполне оценивая значение великого пророка в государстве, плакал над его постелью, приговаривая те самые слова, которыми сам Елисей прощался с возносившимся на

небо Илией: «Отец мой, отец мой, колесница Израилева и кони его!» В утешение царю Елисей велел ему стрелять из лука в землю, в знак того, что он победил сириян. Иоас выпустил только три стрелы и остановился, не веря в возможность одержать над сириянами более трех побед. Если бы он имел больше веры и упования на всемогущество Божие, то совершенно бы низложил их, – заметил ему умирающий пророк. Но и тремя одержанными победами над Венададом, сыном Азаила, Иоас возвратил отнятые у отца его владения, и смирил надменность иудейского царя Амасии. В его царствование совершилось последнее чудо Елисея. Чрез год после смерти пророка моавитяне сделали набег на землю Израильскую. В это самое время несли погребать покойника. Устрашенные набегом, носильщики бросили тело в первую попавшуюся гробницу, которая оказалась гробницей Елисея, и от соприкосновения с костями чудотворца мертвец ожил и встал.

Преемником Иоаса был сын его Иеровоам II, один из замечательнейших царей царства Израильского²⁴³. Он царствовал 41 год и за этот продолжительный период сумел на время восстановить могущество и блеск своего государства. Это был царь воинственный, и, прежде всего, он направил свое оружие против хищных врагов своего царства моавитян и аммонитян, которые, пользуясь безурядицами царства Израильского, стали опять расхищать его. Для наказания их, полки израильские переправились за Иордан, взяли Равву, столицу аммонскую, сожгли ее и захватили в плен самого царя с его главнейшими сановниками. Подобная же участь постигла и моавитян. После отступления израильтян от Кир-Харешета, столицы моавской, Меса конечно опять продолжал отказывать в дани израильтянам, а затем стал делать даже хищнические набеги на израильскую землю. Теперь моавитяне должны были понести должное наказание. Иеровоам II в союзе с эдомитянами сделал грозное нашествие на них. Города их подверглись истреблению, и вопль населения пронесся по всей пустыне. Счастливым был тот, кто хоть нагим бежал в пустыню и спасся от гибели. Все, кто успели, бежали в горы, но множество было убито или продано в рабство. Самые виноградники, нивы и

пастбища были выжжены и истреблены. Смирив эти мелкие хищные народы, Иеровоам II выступил и против более могущественных врагов своего царства, именно сириян, и достиг в этом отношении блестящих успехов. Пред его могуществом склонился даже самый Дамаск, столица Сирии, которую он принудил к сдаче. В этом отношении неожиданную помощь оказал ему Салманассар II ассирийский, который стеснил сирийского царя с востока, взяв с него огромную контрибуцию, подорвавшую силы государства. После этих побед у Иеровоама II не было сильных соперников на востоке. Оставалась только Финикия на северо-западе; но и эта страна истощалась от внутренних раздоров. Междоусобные войны, заставившие, наконец, бежать знаменитую царевну Элиссу, которая под именем Дидоны прославилась как основательница знаменитой финикийской колонии в северной Африке, именно Карфагена, подорвали могущество Тира, который также подпал под власть Салманассара II. Что касается царства Иудейского, то царь его Охозия поддерживал с Иеровоамом II мир, вследствие чего между обоими царствами установились дружественные отношения, и Иерусалим и Самария соперничали лишь на поприще мирной промышленности и торговли. Материальное благосостояние государства вследствие этого достигло высокой степени. Самария разбогатела от военных добыч и торговли. Повсюду возвышались великолепные дома, внутренние стены которых, в подражание дворцу Ахава, обшивались плитками слоновой кости, привозившейся из Африки финикийцами. Комнаты наполнялись роскошной мебелью, отделанною тем же дорогим материалом. Были особые прохладные дома для жаркого времени года, и теплые дома для зимы. Превосходными виноградниками покрывались прилегавшие к ним склоны гор. Все богатые равнины к востоку и западу от Иордана засеивались разнородными хлебами и повсюду видны были сеятели и жнецы – каждые в свое время. Богатые люди обоего пола блистали изысканною роскошью; но вместе с тем, большинство населения находилось в нужде и бедности. В то время как богатство немногих все возрастало, масса населения все более беднела. Огромное большинство населения уже не имело собственной

земли, которая, вследствие всеобщего попрания законов Моисеевых, переходила в руки богатых, и народ принужден был жить лишь наемною платою за обработку чужой земли, что низводило его на степень рабов.

Уже из последнего обстоятельства видно, что все внешние успехи Иеровоама II не имели для себя прочного обеспечения в религиозно-нравственном отношении, так как в общем он держался того же направления, которое намечено было первым царем израильского народа, Иеровоамом I. Государственной религией по-прежнему оставалось поклонение Иегове, но под языческим символом в виде священного тельца. В Вефиле, религиозной столице государства, был особенный храм со множеством священников и пышною обрядностью. Сделанная попытка очистить религию от наиболее грубых наростов язычества не имела успеха, и идолопоклонство вторгалось со всех сторон. Даже идолослужение Ваалу, столь ревностно искорененное Ииуем, опять водворилось в различных городах страны. В самой Самарии было несколько капищ. Вновь открыто было в столице и капище Ашере. Женщины по примеру идолопоклоннических народов приносили курения пред постыдными символами богини и совершали разгульные празднества. Изображения Ваала, сделанные из золота и серебра, воздвигались даже частными лицами. Дым идольских жертв курился на горных высотах, и идолослужение совершалось в священных дубравах. Бесстыдством языческого культа вновь осквернялась земля обетованная. Девицы и женщины забывали женскую честь и делались блудницами при капищах. Все это показывало, что сила зла окончательно водворилась в царстве Израильском, и блестящее царствование Иеровоама II было лишь последним и, притом, призрачным расцветом пред полным увяданием. Так именно и оказалось по смерти этого царя.

После его сравнительно благоустроенного царствования, царство Израильское вновь поверглось в страшную неурядицу, во время которой престол сменялся рядом цареубийц-узурпаторов, в свою очередь делавшихся жертвою следующих узурпаторов. Могущество государства чрез это быстро падало, и

оно само собою стремилось к разрушению, а между тем на востоке, за великой рекой Евфратом быстро росла и развивалась великая Ассирийская монархия, скоплявшая силы для завоевания мира.

Ассирийская монархия после временного ослабления, благодаря которому Давид мог распространить владычество израильтян до самой реки Евфрата, опять начала быстро развивать свое политическое могущество. На ассирийском престоле в столице монархии – Ниневии появляется ряд знаменитых царей-завоевателей, которые начали предпринимать далекие походы. Первый удар они нанесли Сирийскому царству, которое и должно было положить оружие пред грозными завоевателями. Та же участь затем ожидала и царство Израильское. Но Бог хотел еще продлить свое долготерпение по отношению к нему, а так как у народа израильского уже не было достаточных военных сил для противодействия завоевателям, то спасение его оставалось только еще в силе нравственной, и вот представителем этой именно силы явился пророк Иона, который послан был проповедовать ниневитянам смирение и покаяние. Влияние пророков израильского народа и раньше простиралось за пределы его владений и признавалось даже во враждебной Сирии, но теперь силу боговдохновенного слова посланников Иеговы должны были признать и жители далекой, гордой столицы могущественной Ассирии. Посланничества этого устранился даже сам пророк и хотел тайно бежать в Фарсис, далекую финикийскую колонию в Испании; но во время бури, изблещенный мореходами в своем грехе и выброшенный по жребию в море, он был пожран большою морскою рыбою, и только уже выброшенный ею на берег отправился к месту своего назначения. Ниневия в это время находилась на вершине своего могущества и богатства. Это был один из величайших городов древности. Стены его грозно возвышались почти на пятнадцать сажен и были настолько широки, что по ним могли рядом скакать три колесницы, и они защищались 1 555 башнями, каждая до тридцати сажен высотой. Занимаемое ею пространство было не менее ставерст в окружности. Что касается населения, то о нем можно судить по тому, что в нем числилось 120 000 таких

младенцев, которые не умели еще различать правой руки от левой. Как город языческий, Ниневия отличалась чрезмерной гордостью и нечестием, и вот израильский пророк и должен был преподать ей урок смирения и благочестия. И проповедь его имела полный успех. Ниневитяне смирились и покаялись, признавая в Ионе вестника какого-нибудь «неведомого Бога», которого, однако же, чтили язычники. Подробности этого знаменитого путешествия пророка Ионы описаны в его книге, именно в «книге пророка Ионы».

Таким образом, на время была отвращена от царства Израильского опасность чужеземного завоевания и предоставлена возможность для покаяния и исправления. Но зло в нем восторжествовало окончательно. После Иеровоама II идет ряд царей (Захария, Селлум, Менаим, Факия, Факей), которые быстро сменяются один за другим на престоле в Самарии, ознаменовывая свое кратковременное правление нечестием и кровожадностью, все более ослабляя свое царство и подготавливая ему неминуемую гибель. Но Господь и тогда все еще не оставлял Своего народа без нравственного ободрения и посылал пророков, которые своею проповедью напоминали о попранном законе и своими пророчествами предостерегали о наступающем гневе Божиим. Таковы были относящиеся к этому времени пророки Амос (пастух фекойский) и Осия. Они уже ясно предсказывали о предстоящем пленении, и хотя смягчали это страшное предсказание пророчеством об избавлении, но в пророчествах их слышался неутешный плач о предстоящей участи. Обращаясь к народу израильскому, пророк Осия так говорил от лица Бога: «народ Мой закохнулся в отпадении от Меня, и хотя призывают его к горнему, он не возвышается единомушно. Как поступлю с тобою, Ефрем? Как предам тебя, Израиль? поступлю ли с тобою, как с Адмою, сделаю ли тебе, что Севоиму²⁴⁴. Повернулось во Мне сердце Мое; возгорелась вся жалость Моя». Грозными предостережениями народу служили и страшные естественные бедствия, как напр., землетрясение, о котором предсказывал пророк Амос. Но все было напрасно. Нечестие и неправда переполнили чашу

долготерпения Божия, и тогда Господь попустил грозному завоевателю положить конец царству Израильскому.

При Менаиме, 17-м царе израильском, совершилось первое нашествие ассириян, которые обложили израильтян тяжкою данью; при Факее, 19-м царе, ассирийский царь Феглаф-Фелассар, покорив царство Сирийское, вместе с тем завоевал и всю восточную сторону Иордана, и увел в плен жителей заиорданских колен. Но затем, чрез несколько лет, подобная же участь постигла и все остальные колена царства Израильского. Это было при Осии, последнем, 20-м царе израильском, который, подобно своим предшественникам, достиг престола чрез цареубийство²⁴⁵. Когда он отказался платить ассириянам дань, то этим вызвал нашествие Салманассара, который порешил наказать его за восстание. Тогда в отчаянии Осия, вопреки прямому запрещению закона Моисеева, прибег к помощи Египта. В это время с особенною силою обнаружилось соперничество между этими великими восточными монархиями, и при дворе в Самарии была партия, которая видела единственное спасение от ассириян в союзе с Египтом. Но этот союз лишь еще более раздражил Салманассара и даже испугал самого Осию, который, чтобы умилоствить грозного завоевателя, выехал ему навстречу и тем ускорил участь своего царства. Салманассар «взял царя под стражу и заключил его в дом темничный», а затем осадил и Самарию²⁴⁶. Под стенами этого города последовала отчаянная борьба, какою отличается вообще борьба погибающих народов. Крепкое положение давало возможность Самарии держаться против неприятеля в течение трех лет, так что сам Салманассар скончался, не дождавшись сдачи упорной столицы, и осаду закончил, как показывают ассирийские памятники, сын его Саргон. Он взял Самарию в девятый год царствования несчастного Осии и на памятниках ассирийских высокомерно говорит об этом: «Взглянул я на Самарию, и взял ее»²⁴⁷. Чтобы совершенно обессилить страну и лишить ее возможности восстания, Саргон значительную часть израильтян увел в плен и поселил в пределах Ассирийской монархии, где они и рассеялись среди различных племен этой громадной монархии, а на место их в Палестину он переселил

язычников, из смеси с которыми образовалась смешанная народность, получившая впоследствии название самарян.

Так покончило свое существование царство Израильское. Оно просуществовало 257 лет и имело 20 царей, но ни один из них не был достойным своего высокого призвания в качестве представителя избранного народа: все были идолопоклонниками и нечестивыми изменниками религии Иеговы. «И прогневался Господь сильно на Израильтян, и отверг их от лица Своего. Не осталось никого, кроме колена Иудина».

Но, несмотря на всеобщее распространение нечестия, среди израильского народа находились отдельные праведники, которые продолжали строго соблюдать законы Моисея и содержать истинную религию. Таков был праведный Товит из колена Неффалимова, который не только отличался праведностью и благочестием в своей родной стране, но не оставил своего благочестивого образа жизни и в плену, в Ниневии. За свои благодеяния бедствующим единоплеменникам он подвергся преследованию от ассирийского правительства и затем пережил целый ряд испытаний, которые закончились для него и его потомства полным благословением Божиим. Поучительная история жизни этого праведника подробно изложена в «книге Товита», которая принадлежит к числу неканонических книг ветхого завета.

XLIV. Цари иудейские Иоас, Ахаз, Езекия и Манассия. Пророк Исаия. Преобразовательная деятельность царя Иосии

В то время, как царство Израильское, окончательно отвергнувшее закон Божий, неудержимо стремилось к неизбежной гибели, ускорявшейся возрастающим нечестием и идолопоклонством быстро сменявшихся в нем царей, в царстве Иудейском еще по временам просвечивала надежда на лучшее будущее. Там с возведением на престол малолетнего Иоаса, единственного оставшегося в живых потомка рода Давидова, под благотворным влиянием первосвященника Иодая началось религиозно-нравственное возрождение народа²⁴⁸. Молодой царь вполне следовал мудрым советам первосвященника, восстановил храм в его прежнем благолепии и для упорядочения его доходов сделал денежный ящик у ворот храма для приношений. Богослужение правильно совершалось в нем до самой смерти первосвященника Иодая, последовавшей в 23 год царствования Иоаса. Но со смертью первосвященника рушились и все добрые начинания. Владетельные князья иудейские, которые, видимо, с недовольством сносили влияние первосвященника на царя, теперь постарались уничтожить это благотворное влияние и открыто стали подавать народу пример пренебрежения к храму Иеговы и идолопоклонства, к чему склонили и самого царя. Против такого нечестия мужественно восстал пророк Захария, сын Иодая; но голос его был заглушен страшным преступлением, убийством, которое по приказанию царя совершено было над ним на самом дворе храма, между жертвенником и храмом (2Пар. 24:21; Матф. 23:35), – на том самом месте, где некогда отец пророка помазал на царство забывшегося теперь Иоаса. Умирая под градом камней, пророк вопил: «да видит Господь и да взыщет!» И Господь скоро взыскал за праведную кровь. Царство было наказано нашествием сириян, которые, истребив множество народа и князей иудейских, принудили выдать себе сокровища храма, а Иоас, пораженный болезнью, убит был в постели своими

приближенными и не удостоен даже погребения в общей царской усыпальнице, где вместо него погребен был первосвященник Иодай.

Следующие иудейские цари Амасия, Озия и Иоафам представляют странную раздвоенность в своем характере. Стараясь быть благочестивыми, они, в то же время, проявляют крайнее своеволие и непочтение к святыне, так что Озия дерзнул даже присвоить себе священническое право каждения пред жертвенником фимиама, за что и был поражен проказой. Тем не менее, они сумели возвести государство на довольно высокую степень политического могущества, и привели в данничество себе многие соседние филистимские города и аммонитян. Но это могущество быстро разрушено было опять с восшествием на престол двенадцатого царя иудейского – Ахаза, сына благочестивого Иоафама²⁴⁹. Он не только не последовал примеру своего благочестивого отца, который боролся против возраставшего в народе нечестия и идолопоклонства, но сам всецело отдался господствовавшему злу: воздвигал идолов Ваалу и приносил в жертву Молоху своих собственных детей в долине Еммоновой, «подражая мерзостям народов, которых изгнал Господь пред лицом сынов Израилевых». Наказанием для него было опустошительное нашествие соединенных сил царя сирийского и израильского (Факея), которые, нанеся страшное поражение войску иудейскому, потерявшему 120 000 человек, вместе с богатой добычей захватили в плен 200 000 жен, сыновей и дочерей, хотя, по увещанию пророка Одеда, пленные и отпущены были на свободу. Кроме того, царство Иудейское подверглось также нападению идумеян и филистимлян, которые, пользуясь несчастным положением царства, мстили ему за свое прежнее унижение от него и захватили несколько укрепленных городов. Но и этот тяжкий урок не образумил Ахаза. Видя себя в безысходном положении, он не думал искать помощи единственного Помощника избранного народа, а решился опереться на могущественную Ассирию, сблизившись, таким образом, с монархией, которая пользовалась всяким случаем для завоевания и поглощения всех соседних и враждебных, и дружественных ей государств. Ахаз не отступил от этого

безумного шага и тогда, когда выступивший в это время пророк Исаия, прозревая в будущее, предсказывал, каким бедствием этот союз угрожал народу иудейскому, и пламенно убеждал держаться единственного знамени спасения – веры в имеющего прийти Еммануила, что значить с нами Бог. В это именно время Исаия изрек свое знаменитое пророчество: «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил»²⁵⁰. Союз с ассирийцами содействовал ускорению падения царства Израильского, но не принес никакой пользы для Ахаза, хотя он униженно пресмыкался пред могущественным Феглаф-Фелассаром II и отдал ему все свои сокровища, ограбив даже храм иерусалимский, который он после этого запер и таким образом прекратил богослужение, водворяя вместо него идолопоклонство с омерзительными жертвенниками идолам по всем углам Иерусалима.

Но еще не совсем погас свет благочестия на престоле Давидовом, и он опять воспламенился в лице сына и преемника Ахазова – Езекии²⁵¹. Тяжкие испытания и бедствия предыдущего царствования, а также и проповедь великого пророка Исаии заставили Езекию вспомнить славный пример своего великого предка Давида, этого истинного «светильника Израилева». С восшествием на престол он порешил восстановить богослужение в храме и благочестие в народе. Открыв запустевший храм и восстановив в нем весь богослужебный порядок, Езекия для оживления религиозно-нравственного сознания в народе постановил торжественно отпраздновать Пасху, на которую пригласил не только своих подданных, но и жителей царства Израильского. Одушевленный религиозною ревностью, Езекия приступил к разрушению всех жертвенников и притонов идолопоклонства, и разрушил даже медного змия, который в глазах невежественного народа стал служить предметом суеверного поклонения. Затем, сильный верою и упованием на Бога, он низверг ассирийское иго, принятое на себя его отцом Ахазом, изгнал из пределов своего царства хищных филистимлян и с мужеством и упованием встретил страшную весть о нашествии ассирийского царя Сеннахирима, который выступил с огромным войском, чтобы наказать его за

непокорность. Чтобы избавить страну от опустошения, Езекия попытался отвлечь гнев Сеннахирима уплатой ему военной контрибуции в 30 талантов золота и 300 талантов серебра. Но это лишь на время удовлетворило разгневанного завоевателя, и он, услышав о сношениях Езекии с египетским фараоном Тиргаком, решил окончательно разгромить непокорного царя иудейского, тем более, что данный им пример непокорности нашел отголоски и в соседних странах, которые также отложились от Ассирии. И вот грозная армия Сеннахирима уже осадила Иерусалим. Но город Давидов со своими твердынями был неприступен. Тогда царь ассирийский приступил к правильной осаде его. Вокруг города были построены высокие башни, с которых стрелки могли причинять вред жителям. Для самого Сеннахирима был выстроен великолепный павильон, с которого гордый монарх, сидя на своем блистательном троне, лично наблюдал за осадой и ожидал окончательной победы. Положение Езекии становилось безвыходным и падение города неизбежным. В этой крайности он опять с пламенной мольбой обратился к Господу и утешен был уверением пророка, что молитва его услышана и государство его в безопасности. И действительно, в следующую же ночь между ассириянами произошло какое-то таинственное поражение, постигшее не только всех храбрейших воинов, но и самого главнокомандующего. Сам гордый царь должен был поспешно снять осаду и отступить, и со стыдом возвратился в свое государство.

На воздвигнутых им в Ниневии памятниках (ныне открытых и прочитанных) он подробно описывает этот свой поход, упоминает даже о взятой с Езекии контрибуции, но из понятной гордости совершенно умалчивает о своем позорном отступлении от стен Иерусалима. По возвращении в Ниневию он был убит своими собственными сыновьями. От чудесного поражения под стенами Иерусалима у ассириян пало 195 000 человек, чем сильно ослаблено было могущество царей Ассирии.

Благоволение Божие к Езекии было подтверждено еще одним чудесным знамением, когда во время его тяжкой болезни тень солнечных часов передвинулась назад на десять ступеней –

в подтверждение предсказания Исаии, что он выздоровеет от своей болезни. Он действительно выздоровел и получил от Меродоха Баладана, независимого царя Вавилонского, поздравление чрез посредство пышного посольства, в числе которого, вероятно, находились и халдейские мудрецы, желавшие исследовать чудесное и загадочное для них явление передвижения тени. Посольство это вместе с тем, вероятно, имело ввиду и политическую цель – войти с Езекией в соглашение для совместного низвержения ассирийского ига. Езекия принял посольство с необычайным радушием и открыл ему все свои сокровища, вероятно увеличенные вследствие оставленной бежавшим Сеннахиримом богатой добычи. За это неосторожное тщеславие, которой могло возбудить алчность чужеземцев, царь получил от пророка Исаии укор, сопровождаемый предостережением о наказании. Внутренние смуты в Ассирии дали Езекии возможность спокойно провести остальные годы своего царствования. Казна его была богата, народ также благоденствовал. Царь укреплял города и снабдил Иерусалим новым водопроводом, и, наконец, после 29-летнего царствования «почил Езекия с отцами своими, и похоронили его под гробницами сыновей Давидовых, и почесть ему воздали по смерти его все иудеи и жители Иерусалима». С его смертью кончилась и историческая слава и политическая независимость царства Иудейского. Ему наследовал Манассия, неверие и преступления которого, главным образом, навлекли на иудеев ожидавшие их странные бедствия.

В лице Манассии на престоле Давидовом воцарилось дикое нечестие и безверие²⁵². Вступив на престол 12-летним мальчиком, он всецело подпал влиянию своих негодных приближенных, которые успели привить ему все свои худые качества. Придя в совершеннолетие, Манассия начал с ревностью восстанавливать идолопоклонство и сам первый показывал пример идолослужения и связанных с ним пороков и суеверий. «Подражая мерзостям» ханаанских народов, он «провел сына своего чрез огонь, и гадал, и ворожил, и завел вызывателей мертвецов и волшебников; много сделал неугодного в очах Господа, чтобы прогневить Его». Нечестие

свое он завершил тем, что истукан Астарты, богини распутства и всякой нечистоты, поставил в самом храме Бога Всевышнего! Всем этим царь развратил свой народ до того, «что они поступали хуже всех народов, которых истребил Господь от лица сынов Израилевых». Вместе с нечестием Манассия отличался кровожадною жестокостью, и когда пророки стали обличать его, он пролил «весьма много невинной крови, так что наполнил ею Иерусалим от края до края». Среди других пророков от его кровожадной руки погиб мученической смертью и маститый пророк Исаия, который, по преданию, был распилен пополам, запечатлев таким образом своею кровию истину своего пророчества, не умолкавшего в течение царствования пяти царей иудейских (на протяжении по меньшей мере 60 лет). С ним смолкло слово пророков, и остались только «немые псы», как язвительно называл Исаия мнимых пророков, потворствовавших порокам нечестивого царя. Но долготерпение Божие истощилось. Для наказания царственного нечестивца явился Есаргаддон, объединивший под своею властью Ассирию и Вавилонию. На 22 году царствования Манассии он осадил Иерусалим, взял Манассию в плен и в оковах увел его в Вавилон. Суровость постигшего его тюремного заключения пробудила в нем покаяние; по восстановлении на престоле он старался хоть отчасти загладить свое прежнее нечестие и восстановил богослужение в храме. Его прежние дела, однако же, лишили его чести погребения в царской усыпальнице, и имя его сделалось ненавистным в потомстве. Мрачное время царствования Манассии ознаменовалось одним доблестным делом, которое показало, что еще не совсем погасла вера в Промысл Божий в израильском народе и что среди него еще были люди, сильные верою и как ее плодом – геройскою самоотверженностью в защиту народа. Это именно знаменитый подвиг Иудифи, рассказываемый в книге ее имени.

По этому рассказу, в 18-й год царствования Навуходоносора, царствовавшего над ассирийцами в великом городе Ниневии, на Палестину сделал нашествие ассирийский полководец Олоферн и, подозревая остатки израильтян в измене, начал истреблять все огнем и мечем. Такая же участь угрожала и городу Ветилуе,

запиравшему путь из равнины Ездрилонской в Иудею. Стесненные крепкой осадой, жители намеревались уже сдаться; но вот явилась Иудифь, которая, устыдившись за малодушие своих сограждан, порешила показать им пример древней доблести. Безоружная, она отправилась в лагерь неприятелей, и, упоив вином Олоферна, увлекшегося ее красотой, собственноручно отсекла ему голову, которую и принесла в виде трофея своим согражданам; неприятели между тем, пораженные неожиданною смертью своего полководца, пришли в ужас и в беспорядке бежали из Палестины. – Это событие, по всей вероятности, относится ко времени пребывания Манассии в плену вавилонском, когда Иудея и примкнувшие к ней остатки израильского народа находились под управлением первосвященника Иоакима. Если так, то под именем Навуходоносора разумеется Ассурбанипал, который, будучи в это время властелином Вавилона, мог носить в качестве титула и имя Навуходоносора, в честь вавилонского бога Набу²⁵³.

Наследовавший ему сын его Амон²⁵⁴, во всем подражавший примеру своего нечестивого отца, царствовал только два года и пал жертвою заговора своих приближенных, очистив место для своего малолетнего, но достойного сына Иосии.

Иосия взошел на престол в восьмилетнем возрасте и царствовал 31 год²⁵⁵. С его именем связана одна из самых славных страниц в Библейской истории. В его лице как бы вспыхнул последний отблеск угасавшего «светильника Израилева». Время его малолетства ознаменовалось самым мрачным господством развращения и безбожия; но уже в восьмой год своего царствования, в 16-летнем возрасте, Иосия «начал прибегать к Богу Давида, отца своего», а в двенадцатый год своего царствования прямо приступил к истреблению идолопоклонства, и не только в пределах своего царства, но и других колен. По его повелению и в его личном присутствии повсюду были разрушены «жертвенники Ваалов и статуи, возвышавшиеся над ними; и посвященные деревья он срубил; и резные и литые кумиры изломал, и разбил в прах, и рассыпал на гробах тех, которые приносили им жертвы. И кости жрецов сжег на жертвенниках их, и очистил» не только Иудею и Иерусалим,

но и землю Израильскую²⁵⁶. Затем, по возвращении в Иерусалим, он приступил к восстановлению и очищению храма. Это благочестивое дело увенчалось необычайно важным событием. Первосвященник Хелкия, под руководством которого производилось восстановление и очищение храма, нашел там «книгу закона Господня, данную рукою Моисея». Когда благочестивый царь приступил к чтению этого давно забытого закона, он ужаснулся при виде того, как далеко жизнь избранного народа уклонилась от заповедей Божиих и какой страшный гнев Божий ожидает за это. В отчаянии он разодрал одежды свои и обратился к пророчице Олдане (второй пророчице после Деворы) с просьбою изъяснить ему смысл многих непонятных, но поразивших его мест закона. Уверившись из ее объяснения в неизбежности праведного гнева Божия за нечестие и милости к себе за благочестивую ревность, Иосия созвал всенародное собрание и велел священникам читать ему открытую книгу закона, и затем, торжественно возобновив завет народа с Богом, он еще с большею ревностью принялся за искоренение остатков идолопоклонства.

Он сам отправился в Вефиль, где впервые Иеровоам ввел идолослужение, заразившее потом всю обетованную землю, и истреблением там не только всех принадлежностей языческого культа, но и самих жрецов, в точности исполнил сделанное о нем некогда предсказание Иеровоаму. По возвращении в Иерусалим Иосия совершил Пасху, согласно постановлению новооткрытого закона, и с такою торжественностью, с какою она уже не совершалась до самого падения царства. Ввиду всего этого царство Иудейское как бы вновь возрождалось к жизни и славе, тем более, что этому временно благоприятствовали и внешние политические обстоятельства. Ассирийская монархия окончательно падала, и на место ее выступала и усиливалась монархия Вавилонская. Последний ассирийский царь Сарак²⁵⁷, осажденный в своей столице Ниневии (около 625 г. до Р.Х.) соединенными силами Мидии, Вавилонии и Египта, не видя другого исхода, сжег себя во дворце со всеми своими женами и сокровищами. С Египтом все еще поддерживалась заведенная прежними царями дружба, и Иосия мог замышлять о

восстановлении царства Давида и Соломона. Но час падения царства Иудейского уже пробил, и все начинания Иосии окончились его несчастною смертью во время стычки при Меггидоне с войском египетского фараона Нехао, которому он вздумал воспрепятствовать на его пути к Евфрату. «И умер он, и похоронен в гробницах отцов своих. И вся Иудея и Иерусалим оплакали Иосию», который был почти последним и после Давида лучшим и благочестивейшим из иудейских царей. Плачевные песни, которыми сопровождалось погребение Иосии, сделались историческим достоянием народа и, собранные в особую книгу, долго употреблялись в народе.

«Оплакал Иосию и Иеремию (пророк) в песне плачевной». Время царствования благочестивого Иосии ознаменовалось возрождением пророчества, которое совсем смолкло при двух его нечестивых предшественниках. К этому времени относится деятельность пророков Наума, Софонии, Аввакума и величайшего из них – Иеремии. Пророческая деятельность его началась в 13-й год царствования Иосии. Хотя имя его только однажды упомянуто в истории царствования Иосии, но все содержание его пророческой книги доказывает, что он своею проповедью ободрял царя и народ в деле религиозно-нравственного преобразования. В своих пламенных пророчествах он ясно предсказывал приближающееся разрушение и грозно изобличал ту партию в Иерусалиме, которая при надвигавшейся политической грозе хотела искать спасения в противозаконном союзе с Египтом.

XLV. Падение царства Иудейского. Пророк Иеремия. Гибель Иерусалима. Пленение Вавилонское

По смерти Иосии царство Иудейское в действительности подпало под владычество Египта, фараон которого Нехао сумел настолько поднять могущество своего государства, что пред ним трепетали даже воители месопотамские. Он овладел всею северною Сирией, составлявшей провинцию Ассирии, и, чтобы удержать ее за собою, устроил военный стан на берегу Оронта, близ Имафа. Имея в виду главного противника – Ассиро-Вавилонию, фараон на время оставил царство Иудейское без всякого внимания. Иудеи воспользовались этим обстоятельством и, воображая себя еще самостоятельным государством, приступили к избранию нового царя, которым и избран был четвертый сын покойного Иосии – Селлум²⁵⁸, предпочтенный другим вероятно потому, что он был от наиболее любимой жены покойного царя. Помазанный на царство, Селлум, по обычаю, получил новое священное имя Иоахаз – «поддерживаемый Иеговою». Но его царствование продолжалось лишь до тех пор, пока от фараона Нехао не прибыли послы, возвестившие народу неблагосклонность фараона к этому произвольному выбору и напоминавшие ему о его вассальном положении по отношению к фараону. Противодействие могущественному воителю было бы бесполезно, и Иоахаз был уведен в плен – в военный стан фараона. Оттуда, по-видимому, он был отправлен в Египет, где и оставался в качестве пленника до самой смерти. Лучше бы умереть ему на поле битвы, подобно своему отцу. Это был юноша энергичный и много-обещавший, «молодой лев, ставший ходить между львами и научившийся ловить добычу». Но иноземный властелин *«посадил его в клетку на цепи и отвел его в крепость, чтобы не слышен уже был голос его на горах Израилевых»* (Иер. 19:6, 9). Говоря о его судьбе, пророк Иеремия восклицал: *«не плачьте об умершем и не жалеете о нем; но горько плачьте об отходящем в плен, ибо он уже не возвратится, и не увидит родной страны своей»* (Иер. 22:10).

На место низвергнутого царя фараон поставил Елиакима²⁵⁹, второго сына Иосии, на тяжелых условиях – ежегодной уплаты огромной дани. Этот ставленник фараона (переименованный в Иоакима) обязался уплачивать своему властелину сто талантов серебра и один талант золота, – сумму, которая была невыносима для маленького царства Иудейского, и, тем более тяжелой, что она взималась с беспощадною строгостью. Но и эту данью не ограничивались тягости народа. Сам царь, стараясь жить с царскою пышностью, делал и со своей стороны новые налоги на народ, которые взимал при помощи военной силы. Он построил себе новый дворец в Иерусалиме и на построение употреблял даровой труд народа, вынуждавшегося к тому силой. Понятно, что такой царь мог только ускорить гибель своего государства. Все эти бедствия должны были действовать на народ вразумительно и обращать его взоры к единому истинному Царю Израиля; но увы – зло прежнего идолопоклонства уже настолько отравило совесть народа, что он в самых этих бедствиях стал видеть себе мщение со стороны отвергнутых при Иосии богов. Ему казалось, что он был счастливее, когда поклонялся Ваалам и Астартам. Нашлись люди, которые стали проповедовать восстановление язычества. *«Будем, говорили они, кадить богине неба и возливать ей возлияния, как мы делали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, в городах Иудеи и на улицах Иерусалима; потому что, прибавляли они, тогда мы были сыты и счастливы, и беды не видели»* (Иер. 44:17). Иоаким, конечно, охотно присоединился к этому движению, и идолопоклонство вновь стало быстро водворяться в земле. Кроме ханаанских идолов введены были и идолы египетские. В самых подвалах храма Иерусалимского поставлены были священные животные, боги покровителя Иоакимова, фараона, и им возносились курения. У северных врат храма женщины вопили об исчезновении финикийского бога Адониса, чтобы при отыскании его предаваться самому бесстыдному распутству. Еще хуже того – во внутреннем дворе, между портиком и святилищем, собирались языческие жрецы, которые, обратившись лицами к востоку, боготворили

восходящее солнце как своего бога Ваала. Боги в Иудее сделались столь же многочисленными, как и города.

Идолы из золота и серебра, дерева и камня боготворились и в частных домах. Высоты холмов курились от идолопоклоннических жертвоприношений. Рощи осквернялись позорными капищами Астарты. В долине Гинномовой, под самыми стенами Иерусалима, опять раздавалось дикое торжество безумцев, приносящих своих детей в жертву Молоху. Сообразно с таким религиозным состоянием было столь же ужасно и состояние нравственное. Страницы книг современных пророков поражают изображением бездны нравственного падения общества. Вокруг пророков Иеремии, Варуха и Аввакума еще группировался маленький кружок людей, преданных Иегове, но они бессильны были остановить все более распространявшийся поток зла. За свою верность религии они подверглись притеснениям и гонениям. Самая жизнь становилась для них бременем, и они хотели бы найти себе убежище даже где-нибудь в дебрях пустынь, чтобы только избавиться от зла. Но долг служения удерживал их на месте. Некоторые из пророков и их последователей должны были вынести тяжкие гонения и страдания. Иеремия заключен был в колоду и брошен в подземную водосточную яму, обращенную в тюрьму, и принужден был для спасения своей жизни бежать из Иудеи; пророк Урия за свое обличение царя и народа подвергся также преследованию от Иоакима, который хотел предать его смерти. Спасаясь от мщеника царя, Урия бежал в Египет, но по просьбе Иоакима он выдан был египетским правительством и гнусно умерщвлен в Иерусалиме. Самая природа как бы возмущалась совершавшимся на земле беззакониям, и небо не давало дождя, так что страну постигла страшная засуха, которая, по объяснению пророков, была именно наказанием за беззакония. Суббота совершенно не соблюдалась и этот священный день проводился на рынке, в торговле и разгуле. За все это, по предсказанию пророков, царство Иудейское должно было подвергнуться величайшим бедствиям от внешних завоевателей, и к этому именно приведет союз с Египтом. Но подобная проповедь делала только самих проповедников-

пророков еще более ненавистными народу, который презирал их и гнал как нарушителей общественного порядка. Между тем, быстро надвигалась гроза. Ниневия уже пала, и все могущество Месопотамии сосредоточилось в Вавилоне. Навуходоносор, сын основателя Вавилонской монархии Набополассара, предводительствуя войсками отца, не только дал отпор египетскому фараону, который продолжал заявлять свои притязания на Месопотамию, но и нанес ему решительное поражение в битве при Каркемише на Евфрате. Тогда пред этим новым завоевателем открылся свободный путь к Средиземному морю, и он двинулся для подчинения себе всех народов и стран, которые, составляя некогда данников Ассирии, затем подпали под власть Египта и теперь, по наследству, должны были перейти во власть Вавилонии. На этом пути грозного завоевателя лежала и Палестина, которая неминуемо должна была сделаться его добычей. Эту опасность яснее всех предвидел пророк Иеремия, который и предсказал, что Вавилон сокрушит царство Иудейское и народ будет отведен в плен, в котором и останется в течение семидесяти лет (Иер. 25). Такое бедствие должно было служить сильным побуждением к религиозно-нравственному подъему, чтобы умиловать разгневанного Иегову; но жестоковыйный народ оставался в своем нечестии и беззаконии. Наконец, чтобы как-нибудь пробудить дремлющую совесть народа, пророк написал свои пророчества на особом свитке и велел громко читать их при входе в храм, где постоянно толпились богомольцы. И он достиг, отчасти, своей цели. Страшные пророчества заставили трепетать всех. Но только когда уже Навуходоносор приближался к Иерусалиму, все убедились в истинности пророчества Иеремии. Устрашенный народ огласил воздух молитвами и воплями. Тревога распространилась по всему городу. Варух, читавший пророческий свиток при входе в храм, потребован был во дворец, где его заставили прочитать пророчество пред самим царем, который в это зимнее время жил в теплых палатах своего великолепного дворца. Можно было надеяться, что царь, услышав грозные слова пророчества, преклонится пред велением Промысла и раскается. Но надежда не оправдалась.

Услышав предсказание о гибели царства, царь в раздражении вырвал свиток из рук чтеца, сам изрезал его в куски и бросил в топившуюся печь, желая этим показать свое презрение к тому, что ему казалось пустыми бреднями полоумных людей. Сами пророки должны были бежать от царя, который грозил им примерным наказанием за нарушение спокойствия царя и города. Тогда изречено было ему новое пророчество Иеремией, который предсказал, что за такую самонадеянность и неверие царь не передаст лично престола Давидова своему сыну, что его тело будет выброшено непогребенным на улицах, и только после разложения будет погребено «ослиным погребением», и никто не произнесет о нем обычных причитаний: «уввы, государь!» – «уввы, его величие!»... Предсказание это скоро оправдалось во всей своей ужасной точности.

Вторгшись в Палестину, Навуходоносор потребовал от Иоакима подчинения, и уstraшенный царь поспешил отказаться от египетского фараона и передаться Вавилону. Таким быстрым подчинением он на время отвратил гибель своего государства и, если бы оставался верным своему новому властелину, мог бы удерживать за собою престол до конца жизни. Но он поддался внушениям египетской партии в Иерусалиме, и по ее совету чрез три года отложился от вавилонян и опять передался фараону Нехао. Лишь только донеслась об этом весть до Навуходоносора, как он быстро явился пред воротами Иерусалима, которые уstraшенный царь без сопротивления отворил пред грозным воителем, надеясь этим хоть отчасти смягчить гнев его. Но он все-таки должен был заплатить тяжелый штраф и с печалию видел, как вавилонский воитель захватил с собою все дорогие сосуды и отправил их в Вавилон. Вместе с тем, завоеватель захватил в плен несколько тысяч народа и нескольких знатных юношей в качестве заложников, предполагая в то же время дать им халдейское образование и сделать из них, впоследствии, верных слуг престола. Между этими юношами был Даниил с его тремя товарищами – Ананией, Азарией и Мисаилом, последующая судьба которых сделала их знаменитыми в истории²⁶⁰. Это было так называемое первое пленение, которое и считается началом семидесятилетнего

плена Вавилонского. Сам Иоаким чрез несколько лет погиб бесславною смертью. Своими новыми интригами в пользу фараона он опять вызвал гнев вавилонян, которые взяли Иерусалим, заковали в цепи непокорного царя для отправления его в Вавилон; но он скоро был убит в самом Иерусалиме, и тело его, по иудейскому преданию, было выброшено на улицу и только после уже предано «ослиному» погребению.

Между тем, смерть Набуполассара заставила Навуходоносора поспешить с возвращением в Вавилон для обеспечения за собой престола, чем на время было отсрочено окончательное падение царства Иудейского. Изменнические сношения нового царя Иехонии²⁶¹ с Египтом, однако же, снова вызвали нашествие Навуходоносора, который лично явился под стенами Иерусалима, и город спасен был от разрушения только сдачей царя со всеми его женами и приближенными. Все они вместе со множеством лучших воинов и ремесленников, в числе 10 000 человек, отведены были в Вавилон. Среди пленных были пророк Иезекииль и Семей, дед прославившегося впоследствии Мардохея. В Иудее осталось лишь бедное и низшее население. Это событие называется великом пленом. Но с ним еще не вполне закончилось существование царства Иудейского. Для управления жалкими останками его поставлен был Навуходоносором третий сын благочестивого Иосии Матфания, переименованного в Седекию²⁶². Во время своего одиннадцатилетнего царствования он злоупотреблял властью даже больше своих жалких предшественников. В девятый год царствования он, несмотря на мудрые предостережения пророка Иеремии, вздумал свергнуть вавилонское иго и опять завел сношения с Египтом. Навуходоносор в последний раз явился под стенами Иерусалима и начал его осаду²⁶³. Иерусалим отчаянно защищался в течение полутора лет, и являлась даже надежда на избавление, особенно когда дошло известие, что на выручку его выступил египетский фараон. Но Навуходоносор быстрым движением настиг и разбил египтян и затем еще крепче обложил Иерусалим. В городе начался страшный голод. Не выдержали, наконец, и стены. В одном месте сделан был пролом, чрез который и вторглись вавилоняне. Седекия думал

спастись бегством, но был схвачен и приведен к Навуходоносору.

Его дети были убиты пред его глазами и сам он был ослеплен. Бездетный и слепой, последний царь иудейский был отведен в плен и заключен в тюрьму. Иерусалим затем подвергся беспощадному мщению победителя. Он вместе с храмом и дворцами разрушен был до основания, и все сокровища, не исключая знаменитых бронзовых колонн, достались в добычу неприятелю и увезены в Вавилон. Первосвященники были убиты, а большая часть остального населения уведена в плен. Это было в 10 день пятого месяца, в 19 год царствования Навуходоносора, и этот страшный день падения города Давидова доселе у иудеев воспоминается строгим постом.

Жалкие останки населения, оставленные Навуходоносором для обработки земли и виноградников под управлением Годолии, были потом, после произведенного ими возмущения и убиения правителя, уведены в Египет, и таким образом окончательно опустела земля иудейская.

Все постигшие царство Иудейское бедствия были заранее предсказаны пророком Иеремией, и он был очевидцем страшного исполнения своего предсказания. Падение Иерусалима пророк оплакал в глубоко трогательных песнях, которые составляют книгу «Плач Иеремии». Сам пророк скончался в Египте, куда он насильственно уведен был вместе с остатками иудейского населения.

XLVI. Внутреннее состояние избранного народа в VII периоде. Состояние окружающих народов. Летосчисление

Период разделения избранного народа на два враждебных между собою царства повлек за собою не только ослабление политического могущества народа, но и падение его в религиозно-нравственном отношении. Та склонность к нечестию и идолопоклонству, которая проявлялась в народе и во время монархии, не находила противовеса в благочестии царей, наблюдавших (в лучшие годы своего правления) за исполнением религиозно-нравственных законов Моисея, с разделением царства получила государственное одобрение и поощрялась всем направлением политики в царстве Израильском. Цари последнего, начиная с Иеровоама, выставили идолопоклонство как знамя своей политической независимости, и в видах упрочения своего престола всеми средствами отчуждали народ от храма иерусалимского. При таком направлении царство Израильское было навсегда потеряно для домостроительства Божия, и хотя Бог, по Своей великой милости, воздвигал в нем великих пророков, будивших своею проповедью и чудесами преступно-дремлющую совесть царей и народа, но их проповедь уже не могла отвратить этого царства от того пути религиозно-нравственного заблуждения, на который оно вступило и который неминуемо вел его к гибели. Все лучшие надежды сосредоточились тогда в царстве Иудейском, в столице его Иерусалиме, «который Бог избрал Себе для пребывания там имени Его». Но *«и Иуда также не соблюдал заповедей Господа Бога своего, и поступал по обычаям израильтян, как поступали они»* (4Цар. 17:19). Тогда стало очевидно, что и царство Иудейское не может быть верным носителем вверенного избранному народу обетования, и оно также должно было погибнуть, но не навсегда. В нем оставалось все-таки больше здоровых религиозно-нравственных задатков, и потому, хотя оно также, как и царство Израильское, подверглось разрушению, и народ был отведен в плен, но плен был для него лишь

временным испытанием, и народ иудейский должен был опять возвратиться в свою землю, чтобы вновь засветился «святилище Давида, раба Божия», пока не придет исполнение времен.

Но чем немощнее становился избранный народ, тем все сильнее раздавался голос Божий, будивший преступно спящую совесть народа. По мере религиозно-нравственного падения народа, все явственнее и громче повторились ему обетования о Спасителе, – единственном Избавителе, на которого должен был уповать народ в години своих ужасных бедствий. В это именно время один за другим выступают величайшие пророки, которые вместе с другими (малыми) и словом, и делом предсказывают о приближающемся исполнении времен и в этих пророчествах не только подробно указываются признаки пришествия Мессии, но и с изумительною точностью описывается вся Его земная жизнь от рождения от Девы (Исаия 7:14) в Вифлееме (Мих. 5:2), до дарования нового завета (Иер. 31:31), страдания (Ис. 53:5), воскресения (Ос. 6:2) и излияния Духа Божия на всякую плоть (Иоиль 2:28). Богослужение продолжало совершаться по установленному раньше порядку в храме иерусалимском, но благолепие его все более падало по мере падения самого царства. При благочестивых царях оно возвышалось, как напр. при царях Иосафате, Езекии, Иосии, а при нечестивых самый храм подвергался осквернению и даже закрывался для богослужения, как это было особенно при Ахазе и Манассии. Богатства его постепенно расхищались как внешними завоевателями, так и самими парями иудейскими, которые за неимением других средств к уплате дани или контрибуции пользовались для этого сокровищами храма. Самый храм, по мере огрубения религиозно-нравственного чувства в народе, полагавшем благочестие в мертвой обрядности, терял свое высокое значение, и пророки открыто проповедовали преимущество внутреннего благочестия над внешним, превосходство дел милости и любви над обрядовыми делами жертвоприношений. С разрушением Иерусалима Навуходоносором погиб и храм, и самый ковчег завета исчез бесследно.

По мере того, как избранный народ все более становился неспособным быть живым носителем и хранителем завета Божия и обетований о Спасителе, получала все большее в этом отношении значение письменность, которая достигла ко времени падения царств высокого развития. Главными представителями просвещения были пророки, которые по-прежнему составляли религиозные братства или пророческие школы, достигшие наиболее цветущего состояния при пророках Илие и Елисее. После этих двух величайших представителей устного пророчества начинает все более развиваться писанное пророчество, как дававшее более возможности для сохранения изрекаемых истин в наступившие смутные и тяжелые времена жизни народа. Так составились относящиеся к этому времени одиннадцать книг пророков, написанных пророками Ионой, Осией, Амосом, Иоилем, Исаией, Михеем, Наумом, Аввакумом, Авдием, Софонией и Иеремией. Пророком Иеремией составлена еще особая книга под названием «Плач Иеремии», в которой оплакивается падение Иерусалима. К этому же периоду относится и происхождение неканонической книги «Иудифь», содержащей историю подвига этой доблестной израильтянки. В гражданском управлении с разделением монархии сделались неизбежными политические смуты, ослаблявшие оба государства и часто переходившие в междоусобные опустошительные войны. Но в царстве Иудейском наблюдается больше устойчивости и порядка, чем в царстве Израильском. В нем престол, согласно обетованию Божию, неизменно сохранялся в роде Давидовом и вообще переходил от отца к сыну; между тем, в царстве Израильском новоучрежденная династия Иеровоама закончилась его сыном, и затем следовал целый ряд цареубийств и узурпаций, вследствие чего цари быстро сменялись на израильском престоле. На пространстве от разделения царства до одновременного умерщвления Охозии, царя иудейского, и Иорама, царя израильского, Ииуем (что составит период в 95 лет) на престоле иудейском сменилось только шесть царей, между тем как на израильском десять царей, и в течение всего 258-летнего периода от разделения до падения царства Израильского на израильском престоле

сменилось 20 царей, между тем как на иудейском только 12, – явное доказательство большей устойчивости правления в последнем. Как эту неустойчивостью, так и тем, что в царстве Израильском нагло попирались все законы справедливости (история Навуфея) и тем подтачивались самые основы государственной и общественной жизни, объясняется и то, что царство Израильское на 134 года пало раньше Иудейского. Притом, оно погибло окончательно, между тем как последнее воскресло к новой политической жизни и просуществовало до основания истинного духовного царства Давида его Божественным Сыном, Царем вселенной.

Позорная слабость избранного народа в этот период проявилась в том, что он все более терял предназначенное ему положение – быть светом для всех остальных народов. Вместо того, чтобы нравственно господствовать над окружающими народами и готовить их к приобщению к царству Божию, народ израильский сам всецело поддался растлевающему влиянию этих народов, и не только в царстве Израильском, но и в царстве Иудейском идолопоклонство вполне водворилось на почве земли обетованной и часто торжествовало над истинной религией, особенно при Манассии, который поставил истукан омерзительной Астарты в самом храме Божиим. Такое состояние было тем более печально, что культ языческих народов становился все более омерзительным и безобразным по тому безнравственному влиянию, которое он производил. Отсюда суеверие и развращение были неизбежными следствиями такого культа, и в этом отношении избранный народ часто падал даже ниже своих совратителей-язычников. Последние, конечно, только радовались такому падению израильского народа и во время его гибели открыто высказывали свое злорадство. При виде разрушения обоих царств, особенно Иерусалима, аммонитяне злорадно восклицали: *«а! а! о святилище, потому что оно поругано; о земле Израилевой, потому что она опустошена, и о доме Иудином, потому что они пошли в плен»* (Иез. 25:3). Моав и Сеир с презрением говорили: *«вот и дом Иудин, как все народы!»* (ст. 8). Филистимляне, видя гибель израильского народа, *«поступили мстительно, и мстили с презрением в душе,*

на погибель, по вечной неприязни» (ст. 15). Некогда дружественный Тир теперь говорил об Иерусалиме: «*а! а! он сокрушен – врата городов; он обращается ко мне; наполнюсь: он опустошен*» (Иез. 26:2). А Эдом жестоко мстил царству Иудейскому за вынесенное некогда от него рабство и злорадно восклицал: «*Разрушайте, разрушайте до основания его*» (Пс. 136:7).

Что касается состояния окружающих народов, то, как видно было из самого хода истории, за этот период произошло много переворотов в их судьбе. После временного ослабления могущественнейших монархий древнего Востока Египта и Ассирии, – ослабления, давшего возможность израильским единоподержавным царям расширить свое государство до крайних пределов его владения, опять началось усиление этих государств, и уже при Ровоаме египетский фараон Сусахим начал делать обычные походы вглубь Азии, причем взял и ограбил Иерусалим. Вместе с тем, на северо-востоке от обетованной земли успело весьма усилиться новое государство – Сирийское, которое, имея своей столицей Дамаск, славный своей древностью и богатством, обладал достаточным могуществом, чтобы постоянно угрожать обоим царствам еврейским. Но вот за Евфратом опять начало быстро возрастать могущество Ассирии, на престоле которой является ряд неукротимых воителей, жаждущих завоевания. Могучей рукой они двинули свои полчища на запад, разрушили Сирийское царство, оттеснили египтян, покорили все мелкие государства – вплоть до финикийских городов, и под ударами этих воителей пало царство Израильское, как ближе лежавшее к военной дороге ассирийских завоевателей. Непрестанные походы, однако же, ослабили Ассирию: Ниневия была взята и разрушена соединенными силами мидян, египтян и вавилонян, и могущество Месопотамии сосредоточилось в Вавилоне. Египетские фараоны хотели воспользоваться этим ослаблением своей давнишней соперницы, и Нехао заявил притязания на все азиатские страны, бывшие дотоле под владычеством Ассирии. Но он встретил грозного противника в Навуходоносоре вавилонском, который, сокрушив силу египтян, сделался

властелином всей западной Азии и довершил гибель израильского народа – взятием и разрушением Иерусалима, что произошло в 19-й год его царствования в Вавилоне, именно в 588 году до Р.Х.

Основанием летосчисления VII периода служат показания св. книг Царств и Паралипоменон касательно лет царствования каждого царя как в царстве Иудейском, так и в Израильском. Оно облегчается еще тем, что при сообщении о воцарении всякого нового царя указывается и год царствования соответствующего царя в другом царстве. Но эта двойная система счисления имеет и свои невыгоды, так как при малейшем видоизменении цифры (что, несомненно, и случилось при переписке книг) запутывалось все летосчисление. В книге пророка Иезекииля все время «беззакония дома Израилева» определяется в 390 лет; эта цифра и показывает приблизительно время существования народа еврейского от Иеровоама до разрушения Иерусалима. Цифра эта согласуется и с частным показанием лет царствования царей в обоих царствах²⁶⁴.

Период восьмой. Времена вавилонского плена

XLVII. Внешнее и религиозное состояние иудеев. Пророческая деятельность Иезекииля. Пророк Даниил

Страна, в которую иудеи были уведены в плен, представляла обширную низменную равнину, заключенную между реками Евфратом и Тигром. Тут вместо родных живописных гор пленники видели пред собою необозримые поля, пересеченные искусственными каналами, среди которых высились исполинские башни необъятных городов. Вавилон, столица царства, в это время представлял собою величайший и богатейший город на земле и блистал роскошью и величием многочисленных храмов и дворцов, пред которыми в немом изумлении останавливались пленники. Главный дворец вавилонских царей с его знаменитыми висячими садами был вдвое больше всего Иерусалима, а главный храм, посвященный Бэлу (халдейскому богу солнца), представлял собою исполинскую семиэтажную башню, вершина которой как бы доходила до небес, напоминая иудеям о древней вавилонской башне, которую во гневе Своем разрушил Бог. Для пленных народов в Вавилоне отводились особые кварталы, где они и поселялись. Особый квартал был отведен и для иудеев, хотя большая часть их была расселена и по другим городам, также на отведенных им участках земли. Состояние иудеев в вавилонском плену было несколько похожим на состояние их предков в Египте. Простая масса народа, несомненно, употреблялась на полевые и другие тяжелые работы: их заставляли рыть и исправлять многочисленные каналы, строить укрепления и исполнять черную работу при возведении тех многочисленных построек, которыми Навуходоносор украшал свою гордую столицу. Но все эти работы, однако же, не были особенно обременительны и не имели характера каторжного или рабского труда, как это было в Египте. Вавилонское правительство относилось к пленникам с некоторым человеколюбием и предоставляло им полную свободу во внутренней жизни, так что они управлялись своими

собственными старейшинами, строили себе дома, разводили виноградники, вообще, кроме некоторых исключительных случаев, пользовались свободой религиозной совести. Многие из них кроме земледелия начали заниматься торговлею, и настолько обжились, что забыли даже о своей родной земле. Но для большинства народа память об Иерусалиме оставалась священной. Заканчивая свои дневные работы где-нибудь на каналах и сидя при этих «реках вавилонских», пленники плакали при одном воспоминании о Сионе и невольно воссылали мольбу об отмщении «окаянной дочери Вавилона, опустошительнице». Под тяжестью постигшего их испытания и вдали от обетованной земли и ее разрушенной святыни у иудеев сильнее чем когда-либо пробуждалось раскаяние в своих прежних согрешениях и, вследствие этого, укреплялась привязанность к истинной религии, которая, при отсутствии храма, проявлялась в домашней молитве и частных собраниях для молитвы и священных песнопений.

О поддержании религиозно-нравственной жизни в иудейском народе продолжали заботиться пророки, которые, как верные хранители завета Иеговы, не оставляли избранного народа и в годину его бедствия. Благодаря невмешательству вавилонского правительства во внутреннюю жизнь пленников, пророки имели полную возможность продолжать свою деятельность по духовному руководительству народа. Такой деятельности посвятил себя в это время великий пророк Иезекииль. Он уведен был в плен еще при царе Иоакиме, до разрушения Иерусалима, и поселен при реке Ховаре, впадающей в Евфрат неподалеку от знаменитого торгового города Каркемиша (или Кархамиса), где у него был свой дом. Будучи священником по своему положению, он заранее был подготовлен к пророческой деятельности, на которую и получил высшее призвание в пятый год своего плена. С замирающим сердцем следил он из земли своего пленения за последними событиями, предшествовавшими падению и гибели Иерусалима. Провидя его неминуемую участь, он грозно изобличал лживых пророков, смущавших народ несбыточными мечтами о том, что Иерусалим не погибнет, и подготовлял народ к ожидающей его судьбе,

утешая его, в то же время, надеждой на имеющее со временем последовать избавление от плена и подкрепляя веру в обетованного Спасителя, истинного и славного сына Давидова. Пророчества его отличаются богатством таинственных символов и видений. К самому пророчеству он призван был видением Божественного мужа, восседающего на таинственном престоле, утвержденном на кристаллоподобном своде, поддерживаемом головами четырех крылатых животных, подобно молнии двигавшихся на четырех одухотворенных колесах, ободья которых «полны были глаз». Дар пророчества воспринят был им чрез съедение книжного свитка, на котором написано было: «плач, и стон, и горе». Символами были, например, лежание в течение 390 дней на левом боку и 40 дней на правом для означения продолжительности беззаконий еврейского народа; печение ячменных лепешек на человеческом кале в знак голода и крайней нужды осажденных; истребление волос на голове и бороде мечем, огнем и ветром – для изображения бедственной участи иудеев во время разрушения Иерусалима. Величественное видение воскресения иссохших костей было наглядным изображением восстановления и избавления народа. Пророчество его заканчивается видением нового храма, нового Иерусалима и нового раздела обетованной земли. Все эти символы и видения были необходимы для пробуждения огрубевших чувств народа, который оставался или совсем бесчувственным к простому словесному проповеднику и пророку, или слушал его как «забавного певца с приятным голосом и хорошо играющего музыканта», – чтобы послушать и позабыть.

Деятельность пророка Иезекииля ограничивалась непосредственным кругом иудейского народа и лишь косвенно касалась языческих народов, на которых он изрек грозные заочные пророчества. Но кроме него во время плена вавилонского действовал еще другой пророк, который был представителем и проповедником истинного Бога пред лицом самих царей-завоевателей. Это именно пророк Даниил. Он еще отроком уведен был в плен при первом взятии Иерусалима Навуходоносором. Чтобы привязать к себе иудейский народ, Навуходоносор тогда же велел начальнику своих евнухов

Асфеназу выбрать несколько знатнейших, красивейших и способнейших иудейских юношей, «чтобы научить их книгам и языку халдейскому»²⁶⁵ с целью приготовить из них впоследствии способных и преданных слуг престола в Вавилоне. В числе их оказался Даниил со своими товарищами Ананией, Азарией и Мисаилом, которым всем в Вавилоне даны были новые имена – Валтасар, Седрах, Мисах и Авденаго. Но с переменою имени в них не изменилось их глубокое благочестие и непоколебимая преданность истинной религии, которые и награждены были целым рядом чудесных событий – особенно в судьбе пророка Даниила. Им, как знатым юношам, предоставлено было пользоваться пищею и вином с царского стола; но они, опасаясь как-нибудь оскверниться при принятии чего-нибудь посвященного идолам, предпочли питаться простыми овощами и пить воду, и, несмотря на это, при представлении царю оказались полнее и здоровее всех остальных юношей. Вместе с тем, они оказали и блистательные успехи собственно в мудрости халдейской. Вавилон, как столица величайшего в то время государства, был и центром просвещения своего времени. Но то, что собственно называлось «мудростью халдейскою», состояло, главным образом, в изучении астрологии или науки, дававшей возможность по движениям небесных светил разъяснять таинственные явления настоящего и предсказывать будущее. При главных храмах состояли целые классы мудрецов или волхвов, которые постоянно с особых обсерваторий или вершин пирамидальных храмов производили свои наблюдения и давали отчет царю о том, что имело, по их заключениям, совершиться в природе, политике и частной жизни. «Мудрость» этих ученых была славой и гордостью Вавилона. И такую-то мудрость должен был изучать Даниил со своими товарищами. Успехи их были чудесные, так что царь послепроизведенного им испытания нашел их, и особенно Даниила, «в десять раз выше всех тайноведцев и волхвов, какие были во всем его царстве»²⁶⁶. Так Бог, в промышленности о Своем избранном народе, при всяком тяжком испытании его, воздвигал ему вождя, стоявшего на высоте мудрости его врагов; таким при переселении в Египет был Иосиф, мудрый снотолкователь и великий государственный

муж; при исходе Моисей, знавший «всю мудрость египетскую», и теперь Даниил, величайший мудрец Вавилонского царства. Через него именно Бог определил преподать гордому вавилонскому завоевателю три урока, которые должны были показать ему, что власть и сила даже могущественнейшего царя на земле (каким в то время был Навуходоносор, царь вавилонский) бессильны пред властью и могуществом того самого Бога, которого он считал побежденным в лице иудейского народа.

Покорив все окружающие народы и стоя на вершине своего могущества, Навуходоносор, подобно всем великим восточным завоевателям, предался мечтанию об основании всемирной монархии под владычеством Вавилона. Это та самая мечта, которая замечалась еще у первых основателей Вавилона и повела к построению башни до небес, разрушенной Богом. Но в ответ на эту мечту ему преподан был первый урок. Навуходоносор видел необычайный сон, который поразил его своею таинственностью, тем более, что царь забыл и самое его содержание в подробностях²⁶⁷. Все мудрецы и волхвы халдейской земли оказались бессильными рассказать и объяснить этот сон.

Тогда он был объяснен Даниилом, именно знаменитый сон о четырехсоставном истукане, означавшем четыре великие монархии мира, которые последовательно должны были сменять одна другую и между ними царство самого Навуходоносора, и на развалинах этих монархий «Бог небесный воздвигнет царство, которое не разрушится во веки», духовное царство Сына Давидова. Пораженный точностью передачи забытого, но страшного сна и мудростью юного иудея, Навуходоносор признал могущество Бога Даниилова и в награду за мудрое истолкование сна щедро наградил Даниила и поставил его правителем всей области вавилонской и главою всех мудрецов страны, вверив, в то же время, соподчиненные ему должности трем его сотоварищам.

Возвышение этих трех юношей на высокий пост послужило поводом ко второму уроку для Навуходоносора²⁶⁸. Последний, не зная границ своему самовластию и самовозвеличению, в один из припадков своего деспотического каприза приказал

воздвигнуть огромный золотой истукан близ Вавилона²⁶⁹, и в праздник, устроенный для прославления своих подвигов, повелел всему населению поклоняться ему. Безусловность, с которою дано было это приказание, обнаруживает влияние на Навуходоносора посторонних лиц, придворных волхвов, которые, видимо, завидуя успеху ненавистных им чужеземцев, превзошедших их своею мудростью и тем подвергших их посрамлению в глазах царя и народа, всячески изыскивали случая навлечь на них немилость царя. И этот праздник давал им верные надежды на успех. Они хорошо знали, что ненавистные им иудеи предпочтут скорее умереть, чем поклониться истукану. Так действительно и было. Юноши отказались поклониться идолу, и волхвы не замедлили донести об этом царю. Разъяренный царь тотчас же решил подвергнуть виновных примерному наказанию: он повелел всемеро против обыкновенного раскалить печь, служившую обычным способом наказания богохульников и нечестивцев в Вавилоне, и в эту печь были ввержены все трое сотоварищей Даниила; но чудесное спасение их чрез ангела заставило Навуходоносора опять преклониться пред могуществом их Бога, так что он издал указ о смертной казни всякому, кто бы стал хулить Его.

Третий урок, преподанный Навуходоносору, должен был окончательно смирить его гордость и привести к полному признанию могущества Иеговы²⁷⁰. Когда не только все враги были покорены, но и покончены все величественные постройки, которыми царь, пользуясь даровым трудом пленных народов, украшал свою столицу, Навуходоносор, любуясь однажды с кровли своего дворца величием и красотою Вавилона, от упоения гордым восторгом воскликнул: «это ли не величественный Вавилон, который построил я в дом царства силою моего могущества и в славу моего величия?» Но на это безумное выражение гордого восторга грозным отголоском прогремел ответ с неба: «тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! и отлучат тебя от людей, и будет обитание твое с полевыми зверями, травю будут кормить тебя, как вола, и семь времен пройдут над тобою, поколе познаешь, что Всевышний владеет над царством человеческим, и

дает его, кому хочет». И тотчас исполнился страшный приговор. Навуходоносор впал в особого рода помешательство (ликантропия), когда человек избегает общества людей и воображает себя животным. Это страшное семилетнее испытание окончательно смирило Навуходоносора и по выздоровлении он издал указ «всем народам, племенам и языкам, живущим по всей земле», в котором, рассказав историю своего испытания, «славит, превозносит и величает Царя небесного, которого все дела истинны и пути праведны, и который силен смирить ходящих гордо». В таком убеждении и скончался Навуходоносор на 43-м году своего царствования, передав свое царство сыну своему Евилмеродаху (562 г. до Р.Х.).

Евилмеродах, наученный испытаниями отца, относился милостиво к иудейскому народу и освободил иудейского царя Иехонию от тюремного заключения, где он томился в течение 37 лет, и окружил его царскими почестями. Но сам он чрез два года низвергнут был с престола мужем своей сестры Нериглиссаром, после чего начались смуты, которые подготовили падение Вавилона, повлекшее за собою полную перемену в судьбе народа иудейского.

XLVIII. Падение Вавилона. Положение иудеев при Кире. Манифест об освобождении пленников. Летосчисление

Древние восточные монархии, как основанные на завоевании и угнетении, не имели в себе задатков прочности и жизненности. Это были большею частью насильственно сплоченные из разнородных и взаимно-враждебных частей государства, которые держались лишь до тех пор, пока сильна была рука царя-завоевателя, и распадались при первом ослаблении правителя или первом толчке совне. Вследствие этого жизнь народов находилась в постоянном брожении, и как внутри монархии, так и вне ее непрерывно происходили перевороты, благодаря которым одни правители и народы падали, другие возвышались на место их. То же самое совершилось и после смерти Навуходоносора. Лишь только смерть отняла его железную руку от кормила возвеличенной им монархии, как при слабых преемниках его началось внутри государства брожение разноплеменных народов, старавшихся пользоваться случаем для своего освобождения и тем ослаблявших силу монархии. Это, в свою очередь, привлекало внешних завоевателей, которые, надеясь найти союзников среди недовольных народов монархии, смело приступали к разрушению некогда грозных царств. Таким завоевателем выступил Кир, основатель могущественной Персидской монархии. Он был сын Камбиза, царя Елама, находившегося в соподчиненном отношении к Мидии с ее царем Астиагом. Почувствовав в себе призвание завоевателя, Кир, прежде всего, ниспроверг владычество мидийского царя и затем с своим отважным войском двинулся на восток, который и завоевал до самых Гималайских гор, составлявших последний предел известного ему мира. Не имея больше пространства для завоеваний на востоке, он двинулся на запад, который также должен был преклониться пред ним. Выступление Кира на завоевательную деятельность отмечает собою весьма важный период в истории человечества. В лице его на поприще

всемирной истории выступало новое племя. Доселе господство и главная роль принадлежали народам хамитским и семитским (Египет и Ассирия-Вавилония); теперь эта роль переходила в руки племени арийского (Иафетова), того самого, которому принадлежало будущее и которое уже начинало возрастать и крепнуть на западе. Самое восшествие Кира на престол своего отца (в 558 г. до Р.Х.) совпадало с правлением Пизистрата в Афинах, Креза в Лидии и Тарквиния Гордого в Риме, – тех лиц, которые являются представителями совершенно нового западного мира, имевшего сменить собою мир старый, восточный. Персидская монархия была переходною ступенью к этому новому миру.

Орел (бывший знаменем нового завоевателя), вызванный, по слову пророка Исаии, «с востока, из дальней страны» для исполнения определений Божиих (Ис. 46:11), победоносно пронесся на запад, до самых берегов Эгейского моря, и все народы западной и Малой Азии преклонились пред ним. В этих завоеваниях прошло не менее двадцати лет, но Вавилон все еще сохранял свою независимость, хотя многие соподчиненные ему народы уже отложились от него и сделались добычею Кира. Между тем, для довершения завоевательной деятельности необходимо было взять и Вавилон, который именно и мог только служить средоточием новой монархии. Это был величайший город своего времени и центр мировой жизни. За его грозными, увенчанными боевыми башнями стенами лежала как бы целая плеяда городов, перемежавшихся садами, каналами и полями. Чрез него проходили главные торговые пути Азии, и человеческое трудолюбие и промышленность превратили пустыню вокруг него в обильно орошаемый оазис, плодороднейшую равнину на земном шаре. В его школах процветала высшая ученость того времени, а в его дворцах и палатах собраны были несметные сокровища, отобранные у всех покоренных царей и народов. Наконец, Вавилон был и религиозным центром востока, твердыней великих и страшных богов, пред которыми трепетали народы. Поэтому Персидская монархия не могла бы считаться мировою, не покорив и не смилив Вавилона, и Кир действительно двинулся на гордую

«столицу мира», и был тем именно камнем, который (по толкованию Даниилом сна Навуходоносора) должен был разбить здание Вавилонской монархии. Это и случилось при Валтасаре, правнуче Навуходоносора.

Внутренние смуты и неспособность правителей настолько ослабили силы Вавилона, что войска его не могли оказать Киру более или менее мужественного сопротивления на открытом поле. Он разбил их и подступил к самым стенам столицы. Но здесь он встретился с неприступными укреплениями. Вавилон представлял собою огромную квадратную площадь, чрез которую протекал Евфрат. Каждая сторона этого квадрата имела около 25 верст длины. Двойные стены в 40 сажен высоты и двенадцать ширины с 250-ю укрепленными башнями и множеством всяких других укреплений и приспособлений для обороны делали его решительно неприступным, так что, несмотря на осаду столицы, царь и все жители ее могли беспечно предаваться всем удовольствиям жизни. Но над Вавилоном произнесен уже был высший приговор и против него не могли защитить никакие твердыни. Будучи вполне уверен в безопасности столицы, Валтасар дал однажды великолепный пир, на который приглашено было до тысячи вельмож и придворных дам²⁷¹. – Пиршества вавилонские отличались крайнею неумеренностью и распущенностью. Не только мужчины упивались вином, но и женщины, которые в упоении теряли всякий стыд. Роскошные палаты гремели музыкой, и драгоценные сосуды, отобранные у различных покоренных царей, служили настольными чашами. Чтобы еще более усилить торжественность пира, развеселившийся царь велел принести те золотые и серебряные сосуды, которые захвачены были в храме иерусалимском, и вот в поругание Богу этого храма «пили из них царь и вельможи его, жены его и наложницы его; пили вино и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных», богохульственно противопоставляя их могущество Богу иудейскому. Вдруг на стене, при полном свете люстры, показалась рука человеческая и медленно стала писать какие-то слова по извести стенной штукатурки. Увидев ее, «царь изменился в лице своем; мысли (его спутались), связи чресл его

ослабели, и колена его от ужаса стали биться одно об другое». В страшном испуге он закричал, чтобы тотчас же позвали мудрецов – разъяснить надпись. Но мудрецы, несмотря на высокую награду, предложенную царем, остановились в немом изумлении перед таинственной для них надписью, к еще большему смущению царя, который бледнел и трепетал. Тогда в залу пиршества вошла «царица», вероятно мать или бабушка Валтасара, и она, помня о чудесной мудрости, которую проявил при Навуходоносоре теперь не пользовавшийся царской милостью Даниил, посоветовала к нему обратиться за разъяснением страшной надписи. Даниил был действительно призван, и он прочитал надпись, которая гласила: «Мене, мене, текел, упарсин», что означало: «Мене – исчислил Бог царство твое, и положил конец ему, текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; упарсин²⁷² – разделено царство твое и отдано мидянам и персам». Несмотря на неблагоприятное истолкование таинственной надписи, Даниил за свое мудрое истолкование получил обещанную царем награду: его одели в багряницу, возложили на его шею золотую цепь и провозгласили третьим властелином в царстве. А в ту же самую ночь исполнилось предсказание таинственной руки. Кир, не надеясь взять города приступом, употребил хитрость: он отвел воду Евфрата в особый канал, по освободившемуся от воды руслу его беспрепятственно проник в город, жители которого беспечно спали или веселились, и овладел Вавилоном. Валтасар погиб во время ночного смятения, и Вавилонская монархия пала²⁷³.

Управление Вавилона Кир вверил Дарию Мидянину²⁷⁴, и последний, желая наградить необычайную мудрость Даниила, столь чудесно предсказавшего переход Вавилона под власть Кира, назначил его одним из трех главных князей царства, в каком положении он пользовался высоким уважением правителя. Но это, естественно, пробудило зависть других обойденных вельмож, и они порешили коварством погубить Даниила. Вавилонские цари, а, следовательно, и их преемники, издавна считались своего рода богами, которым воздавалось по временам божеское поклонение. Ввиду этого, приближенным сановникам Дария нетрудно было склонить его, с целью

возвышения своей власти в глазах вавилонян, издать повеление, чтобы в течение целого месяца поклонение со всеми молитвенными прошениями делалось только ему одному. Но этого как раз и не мог сделать Даниил. Несмотря на строгий указ, угрожавший за неисполнение его ввержением в ров львиный, престарелый и сановный пророк, отворив в своем доме окно по направлению к Иерусалиму, «три раза в день преклонял колена и молился своему Богу, и славословил Его», как это делал он и прежде того. Этого только и нужно было завистникам, которые тотчас же сделали донос, и Дарий, несмотря на всю привязанность к своему высокочтимому сановнику, не мог нарушить своего указа и должен был привести его в исполнение над Даниилом. Пророк действительно брошен был в ров, в котором содержались львы, обыкновенно имевшиеся при дворе вавилонских царей для часто устраивавшейся и весьма любимой последними охоты на них. Судьба всякого брошенного в такой ров конечно была верною и ужасною гибелью. Но, к величайшему изумлению злобных завистников и невыразимой радости Дария, Даниил на другой день оказался невредимым и вынут был из рва, а на место его были брошены сами злобные завистники и клеветники, которые тотчас же и растерзаны были львами. Событие это так поразило Дария, что он сам склонился к вере Даниила и издал новый указ, которым повелевал оказывать благоверие к его Богу, как живому и вечному, что, конечно, послужило не только к славе народа Божия, но и к спасению многих язычников.

Между тем, Даниил удостоился еще нескольких видений, таинственно предзнаменовавших будущие судьбы иудейского народа и человечества, и в это же время сподобился великого откровения, в котором седминами исчислялось самое время, остававшееся до искупления мира его Божественным Спасителем²⁷⁵. Во время молитвы Даниилу явился архангел Гавриил (впервые здесь упоминаемый в истории, хотя он был виден Даниилом и раньше – Дан. 9:21), и сказал ему: «семьдесят седьмин определено для народа твоего и святого города твоего, чтобы открыто было преступление, запечатаны были грехи и заглажены беззакония и чтобы приведена была

правда вечная, и запечатаны были видение и пророк, и помазан был Святой Святых». В течение этих седмиц (70 x 7 = 490 лет) должно было состояться освобождение народа из плена, восстановление Иерусалима и храма и искупление мира «смертию Христа-Владыки». Предсказание это исполнилось в точности, так как от второго и окончательного указа о восстановлении Иерусалима (в 457 г.) до смерти Христа (в 33 г. по Р.Х.) протекло ровно четыреста девяносто лет.

Но вот приблизился и конец плена для иудеев. Кир, закончив свою завоевательную деятельность, принял Вавилон под свое личное управление и приступил к полному преобразованию своего обширного государства. Как мудрый и великодушный царь, он, узнав о всех необычайных знамениях и о том, что древнее пророчество давно уже предназначило его быть освободителем этого народа из плена вавилонского, решил оказать этому народу особенную милость и в первый же год своего царствования издал указ об освобождении иудеев из плена и о построении храма в Иерусалиме. Этот указ гласил следующее: «Так говорит Кир, царь персидский: Все царства земли дал мне Господь, Бог Небесный; и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас – из всего народа Его, да будет Господь Бог его с ним, и пусть он туда идет»²⁷⁶. Это было в 536 году, которым и закончилось семидесятилетие плена вавилонского. Великий пророк Даниил, который уведен был в плен в своей цветущей юности и который так много сделал для славы Божией и блага своего народа во время этого плена, дожил до этого счастливого события, которое, несомненно, и совершилось отчасти по его мудрому совету, данному Киру, и мирно скончался в том же самом году, напутствуя себя словами: «иди к твоему концу и успокоишься, и восстанешь для получения жребия к концу дней». Издавая указ об освобождении иудейского народа, Кир в точности исполнил предсказание пророка Исаии, который за двести лет до его рождения назвал его по имени, как освободителя иудейского народа и восстановителя храма, разрушенного вавилонянами.

Самый Вавилон с течением времени постигла предсказанная ему пророками участь. Оставленный царями, он

постепенно падал и пустел, и, наконец, в полном смысле стал «грудю развалин, жилищем шакалов, ужасом и посмеянием, без жителей», как предсказал пророк Иеремия (51:37). Постигшее его опустошение было несравненно ужаснее того, которому он подверг Иерусалим: на целые тысячелетия было забыто самое место его расположения, и только в настоящем столетии начались раскопки, которые показывают как величие его былой славы, так и грозный над ним суд Божий.

Семидесятилетие плена считается со времени первого взятия Иерусалима Навуходоносором, в четвертом году царствования Иоакима, когда он увел первую партию пленных. Это было в самый год воцарения Навуходоносора в Вавилоне, за девятнадцать лет до разрушения Иерусалима и храма. Таким образом, плен продолжался в течение всего его царствования – 43 года, при его сыне Евилмеродахе – 2 года, при Нериглиссаре – 3 с половиной года, Лабороосоарходе – 9 месяцев, Набониде – 17 лет, при Валтасаре – 2 года, и в правление Дария Мидянина – 2 года. Сумма этих цифр и составит 70 лет, с 605 г. по 536 г. до Р.Х.

Период девятый. Состояние ветхозаветной церкви от Ездры до Рождества Христова

XLIX. Возвращение иудеев из плена. Создание второго храма. Деятельность Ездры и Неемии. Последние пророки. Судьба иудеев, оставшихся в пределах царства Персидского: история Есфири и Мардохея

На призыв царского указа об освобождении откликнулись все иудеи, которым была дорога и священна память об Иерусалиме. Но их оказалось немного – всего 42 360 человек с 7 367-ю слугами и служанками. Это большею частью были люди бедные, и все их достояние состояло из 736 лошадей, 245 мулов, 435 верблюдов и 6 720 ослов. Гораздо большая часть пленников, – все те, которые успели обзавестись значительным хозяйством в стране своего пленения, предпочли остаться там, и между ними большинство высших и богатых классов, которые легко теряли свою веру и народность и перерождались в вавилонян. Но и среди высших классов еще оставались истинно патриотичные и благочестивые люди, каковым был князь иудейский Зоровавель, принявший на себя начальство над караваном поселенцев. С ним был первосвященник Иисус, соименник того вождя, который впервые ввел избранный народ в землю обетованную, и того Божественного Искупителя, который должен был в будущем ввести человечество во владение несокрушимого царства «не от мира сего», и еще девять старейшин, принявшие на себя бремя устройства переселенцев на почве родной земли. Получив вспомоществование как от оставшихся в Вавилонии своих соплеменников, так и от самих вавилонян, и неся с собою 5 400 сосудов храма, некогда захваченных Навуходоносором и теперь возвращенных Киром, этот малый остаток некогда могущественного народа двинулся в путь – в землю обетованную.

Из переселенцев, конечно, каждый старался скорее увидеть свое старое пепелище, и потому они возвратились в свои различные города. Но в седьмой священный месяц Тисри они все собрались в Иерусалиме и там, возобновив жертвенник на груде развалин, отпраздновали праздник Кущей. Тогда же

приступлено было и к заготовке материалов для возобновления храма, и при этом, как и во времена Соломона, им помогли тиряне и сидоняне, которые нанялись доставлять им кедровый лес с гор Ливана²⁷⁷. Во второй месяц следующего года (535), в самое время основания скинии Моисеем, была произведена торжественная закладка нового храма. Все торжество закладки было произведено «по уставу Давида», с песнопением священников и левитов, которые с трубами и кимвалами славил Господа; «и весь народ громогласно восклицал, славя Господа за то, что положено основание дома Господня». Но многие при этом, особенно старики из священников, левитов и старейшин, видевшие прежний храм, не могли удержаться от слез, «и плакали громко», «и не мог народ распознать восклицаний радости от воплей плача народного». Затем приступлено было к самому построению храма. При отсутствии достаточных средств, труд этот был тяжелый и медленный, тем более, что явились противники этого дела в лице самарян, которые, считая Палестину теперь своим владением, враждебно отнеслись к переселенцам и разными наветами пред персидским правительством добились даже указа об остановке работ. Работы возобновились опять при Дарии Гистаспе, который подтвердил указ Кира, и народ, ободряемый пророками Аггеем и Захариею, еще с большим усердием принялся за труд, и здание было закончено в шестом году царствования Дария (515 г.), через 21 год после закладки его основания. Совершено было торжественное освящение нового храма, который строился по образцу первого, хотя и из менее ценных материалов. Кроме 700 жертв всесожжения было принесено двенадцать козлов в жертву за грех, «за всего Израиля по числу колен». Восстановлены были по уставу Давида «чреды» священников и левитов для служения при храме, хотя для того, чтобы составить полное число этих чред, пришлось оказавшиеся налицо четыре чреды разделить каждую на шесть частей. Освящение закончено было торжественным совершением Пасхи.

Слух о возобновлении храма и богослужения в нем распространился по всем пределам Персидской монархии, где только оставались иудеи и, ободренные успехом своих

собратьев, многие из них решились хоть теперь воспользоваться указом Кира; и вот собралась новая партия переселенцев, которые в числе полторы тысячи семейств направились в святую землю. Предводителем этой партии был Ездра, ученый священник из рода Ааронова, пользовавшийся особенным благорасположением царя Артаксеркса Лонгимана, указ которого от 457 года и служит началом для счисления седмины Данииловых. Когда переселенцы прибыли в Иерусалим, то Ездра был поражен печальным состоянием народа. Многие из иудеев поженились на язычниках, и дети их воспитывались в полуязычестве. Огорченный всем этим, Ездра разодрал свои одежды и настолько растрогал народ своими увещаниями в незаконности и опасности таких браков, что многие порешили развестись с своими языческими женами.

Между тем, несмотря на все усилия Ездры, положение народа оставалось печальным: по своей бедности и несогласию, а также и по противодействию врагов, иудеи еще и не начинали восстанавливать Иерусалима, так что стены его находились все еще в развалинах. Весть об этом крайне опечалила благочестивого Неемию, занимавшего высокое положение виночерпия при дворе персидского царя. Он задумал помочь своему народу, и когда, после усердной молитвы Богу, доложил об этом царю, то последний не только милостиво отнесся к его просьбе об увольнении его на время в св. землю, но и снабдил его царскими грамотами к областеначальникам для оказания ему всякого содействия и охранным отрядом всадников для безопасности в пути. Осмотр Иерусалима вполне подтвердил его сведения о состоянии города и народа, и он энергично приступил к работам, несмотря на враждебное отношение начальников соседних областей и племен, которые, опасаясь усиления иудейского народа, всячески препятствовали работам, замышляя убить самого Неемию и наклеветали на него перед царем персидским, будто бы он укреплял Иерусалим с изменническим намерением провозгласить себя царем и отложиться от Персидской монархии. Но все козни их были напрасны. Чтобы обеспечить себя от нечаянного нападения врагов, Неемия вооружил народ и разделил его на две смены, из

которых одна работала, а другая стояла под оружием. Дело шло так быстро, что через 52 дня Иерусалим как бы воскрес из своих развалин, и враги иудейского народа с изумлением увидели перед собою сильные твердыни. Это было в 444 году. Закончив главное дело, Неемия приступил к внутреннему преобразованию в жизни народа, и, прежде всего, облегчил участь бедного народа, страдавшего от угнетения и алчности богатых. Затем, в ознаменование вступления народа в новую жизнь, с особым торжеством отпразднован был праздник Труб (в месяце Тисри). К празднику собрались все переселенцы, и этим Неемия вместе с Ездрой воспользовались для того, чтобы возобновить в сознании народа заповеди Божии и закон Моисеев. В торжественном собрании народа Ездра явился в сопровождении книжных левитов и, с величайшим благоговением раскрыв книгу закона, начал читать ее народу, который с умилением слушал священное чтение. Но во время своего пребывания в плену народ уже значительно забыл древний еврейский язык, на котором написаны были книги закона Моисеева, и потому понадобился перевод читаемого на народный язык, каким был арамейский, что и делали книжные левиты, сопровождавшие чтение закона переводом и надлежащими толкованиями. Народ плакал от умиления, благодаря Бога за все Его благодеяния возлюбленному Им народу и каясь во всех грехах и преступлениях, которыми навлечен был Его праведный гнев. Все это торжество было закончено заключением нового завета с Богом, который и скреплен был подписью и печатью князей, священников и левитов. Приняв меры к заселению Иерусалима, Неемия возвратился к персидскому двору на свою прежнюю должность. Но слухи о новых настроениях в Иерусалиме опять заставили его возвратиться в родную землю. Там он нашел, что заведовавший храмом первосвященник Елиашив допустил страшные беспорядки, дозволив даже одному из врагов народа – Товии аммонитянину поселиться на самом дворе храма и вступил в родство с другим врагом его Санаваллатом, – вследствие чего религиозно-нравственная жизнь народа пала, суббота не соблюдалась, десятины левитам не платились, по-прежнему заключались браки с язычниками. пылая ревностью к

святыне, Неемия выгнал Товию из отведенного ему жилища и выбросил все его домашние вещи, сделал выговор старейшинам за допущенные ими беспорядки, запретил торг в субботу, восстановил правильную выдачу десятины левитам и строгими мерами заставил иудеев исполнять закон о несмешении с идолопоклонниками. Свою деятельность Неемия описал в особой книге, носящей его имя («Книга Неемии») и заканчивающейся молитвой: «Помяни меня, Боже мой, во благо мне». Деятельность Ездры описана в «книгах Ездры».

Ко времени деятельности этих знаменитых мужей относится и деятельность последних пророков Аггея, Захарии и Малахии. Первые двое выступили с пророческим словом еще при Зоровавеле и ободряли народ не ослабевать в своем усердии о построении храма, предсказывая полный успех святому делу, хоть, в то же самое время, предвещая скорое наступление царства Мессии, когда сам народ за свое непослушание Ему будет отвергнут вновь и на его место явится и водворится в святом городе новый род, над которым воссияет слава Божия. Ряд ветхозаветных пророков закончил собою последний пророк Малахия. В лице его ветхозаветное пророчество сказало свое последнее слово. В проповеди его уже слышится предвестие о приближении «исполнения времен», и он призывает народ к покаянию, чтобы достойно встретить этот великий момент. Так как в его проповеди изобличаются те же самые настроения, с которыми боролся Неемия, то и деятельность их нужно считать современной. Во всяком случае пророческая деятельность Малахии падает на конец V-го столетия, и, возможно, что Ездра, составивший в это время канон книг Ветхого завета, завершил его включением в него и книги «пророка Малахии», которою и заканчивается еврейский канон книг св. Писания.

Но воздвигая великих и благочестивых мужей для устроения жизни иудеев, возвратившихся из плена в землю обетованную, Господь не оставлял Своим промышлением и тех, которые остались в пределах Персидского царства. В годину бедствий рука Его и там воздвигала им достойных защитников от злобы врагов. Такова знаменитая царица Есфирь и ее родственник Мардохей, благочестивый иудей, в малолетстве увиденный в

плен вместе с царем Иехонией. Будучи бездетным, Мардохей воспитал юную сиротку Гадассу (таково еврейское имя Есфири) как свою родную дочь, и добродетель его была награждена чудесною судьбою, поведшею к необычайному возвышению их обоих. Мардохей, занимая скромную должность привратника при царском дворце, спас жизнь царю, предупредив один придворный заговор, за что имя его занесено было на страницы царской летописи, а его воспитанница Гадасса так понравилась царю Артаксерксу²⁷⁸, когда он делал выбор себе новой жены из красивейших девиц всего государства на место отвергнутой им за гордость царицы Астини, что он «возложил царский венец на голову ее и сделал ее царицею на место Астини», дав ей почетное имя Есфирь – «звезда». Такое возвышение представительницы иудейского народа вызвало крайнюю ненависть и злобу у некоторых придворных и особенно некоего Амана амаликитянина, который, сам будучи поставлен «выше всех князей» царства, пользовался своею властью лишь для высокомерного угнетения всех, кто с рабским подобострастием не падал перед ним ниц. Узнав, что Мардохей не оказывает ему такого раболепства, как это делали вообще придворные сановники, Аман пришел в ярость и решил погубить не только его самого, но и весь его народ. Коварным наветом на иудеев, как самый вредный народ в государстве, Аман добился согласия царя на издание указа об истреблении их. Узнав о грозящей своему народу участи, Мардохей известил об этом Есфирь и требовал от нее, чтобы она заступилась перед царем за свой народ. Мужественная Есфирь, под страхом потерять свое положение и жизнь, вопреки строгому придворному этикету явилась к царю без приглашения и, найдя у него милость, пригласила его вместе с Аманом на пир к себе. Аман, польщенный таким приглашением и думая, что царица решила не ставить ему никаких препятствий в исполнении его мщения иудеям, приказал, вместе с тем, уже воздвигнуть высокую виселицу для Мардохея. Между тем царь, чтобы разогнать скуку бессонной ночи, приказал читать себе царские летописи, и когда ему прочитано было о подвиге Мардохея, остававшемся доселе без должного вознаграждения, то он на следующее же утро

спросил своего любимца Амана: «что сделать тому человеку, которого царь хочет отличить почестию?» Аман, вполне убежденный, что царь имеет ввиду не кого другого, как его именно, отвечал, что такого человека нужно почтить царским венцом и царским одеянием, посадить на коня и заставить одного из первых князей царства водить его по городу с провозглашением о царской милости. К крайнему его изумлению и злобе, все это он должен был сделать по отношению к ненавистному для него Мардохею. Разбитый духом, он отправился на пир к Есфири, но там его ждала заслуженная участь. Довольный угощением, Артаксеркс предложил Есфири просить у него все, что только она захочет, «хотя бы до полуцарства». Тогда Есфирь попросила защиты себе и своему народу от лютого врага, и когда царь узнал, в чем дело, то приказал повесить Амана на той самой виселице, которую тот приготовил было для Мардохея, а в отмену указа об истреблении иудеев разослан был новый указ о праве их противиться исполнению первого. В силу этого указа иудеи с оружием в руках восстали на защиту своей жизни и избили более 75 000 своих врагов, а десять сыновей Амана подверглись одной участи со своим отцом. В воспоминание о таком чудесном спасении был установлен праздник Пурим (от слова пур – жребий, потому что Аман бросал жребий на погубление иудеев). Эта чудесная история описана в «книге Есфирь».

L. Состояние иудеев под греческим владычеством. Время Маккавеев и подвиги их для церкви и государства. Иудеи под владычеством римлян. Царствование Ирода

После Неемии власть над иудейским народом сосредоточивается в руках первосвященников, которые правили государством во главе старейшин, составивших народное собрание из 120 членов, так называемую «великую синагогу», из которой, впоследствии, образовалось особое верховное судилище – синедрион. Благодаря мягкому отношению персидского правительства, первосвященники-правители имели возможность беспрепятственно заниматься внешним и религиозным благоустройством народа, хотя при отсутствии твердой власти не было недостатка во внутренних смутах. Так, один из первосвященников, Ионафан, опозорил себя даже убийством своего брата Исуса, которого он, подозревая в посягательстве на первосвященническую должность, убил в самом храме. К этому же времени относится окончательный разрыв между иудеями и самарянами. Последние под предводительством сына первосвященника Елиашива, Манассии, перешедшего на их сторону из нежелания развестись со своею языческою женою, воздвигли на горе Горизим свой особый храм, который поддерживал в них враждебное соперничество с храмом Иерусалимским. Но вот, Согласно пророчеству Даниила, настал конец и Персидской монархии, и она должна была уступить место третьей монархии – Греческой. Основателем последней был знаменитый Александр Македонский, который быстро следовавшими одна за другой победами начал завоевывать мир. Завоевав всю Малую Азию, Александр двинулся на Финикию и Палестину, и там только один гордый Тир задержал его своим упорным сопротивлением на семь месяцев. По разрушении его завоеватель беспрепятственно направился в Иерусалим. Жители его трепетали и молились Богу о защите, а первосвященник Иаддуй в полном своем облачении и в сопровождении священников и

левитов вышел навстречу Александру. Завоеватель милостиво принял эту торжественную депутацию и рядом с первосвященником вступил в Иерусалим, вошел в храм и принес по указанию священников жертву, выслушав при этом и прочитанное ему пророчество о нем Даниила. Растроганный всем этим, он предоставил иудеям свободу от податей в субботние годы и позволил им жить по своим собственным законам. Значительную часть иудеев Александр, однако же, переселил в новооснованный им город Александрию, в Египте. Македонское завоевание поставило Иудею, вместе со всем восточным миром, под влияние греческого языка и греческого миросозерцания, подвергнув, таким образом, преданность иудеев своей религии и своим законам новому сильному испытанию.

Но основанная Александром всемирная монархия продержалась только до его смерти (323 г. до Р.Х.) и распалась на четыре царства, из которых два – Египет и Сирия получили весьма важное значение в истории иудеев.

Во время последовавших войн за наследство, Палестина явилась яблоком раздора между владельцами этих двух стран, но в 320 году египетский царь Птоломей Лаг присоединил ее к Египту, под власть которого она и находилась более столетия. Под мягким правлением египетских царей иудеи вели мирную и счастливую жизнь. Мало-помалу они основались во всех торговых городах по берегам Средиземного моря и за свою промышленную предприимчивость пользовались повсюду большими преимуществами и льготами от правителей, старавшихся привлекать их к себе для оживления промышленности. Вследствие этого иудеи распространялись все более и более, строили себе молитвенные дома или синагоги, в которые допускались и язычники, и чрез это распространяли и между ними познание истинного Бога. Еврейский язык все более позабывался ими и вытеснялся греческим, который и усвоен был всеми жившими вне Палестины, и особенно в Египте, иудеями. Вследствие этого для них стал необходим даже перевод св. Писания на греческий язык, и этот перевод совершен был в царствование египетского царя Птолемея II Филадельфа. Царь

вошел с этой целью в сношение с первосвященником Елеазаром, который и прислал ему как подлинник св. Писания, так и переводчиков в числе 72 человек (по шести от каждого колена). Перевод был сделан ими успешно и по одобрении его особым собранием ученейших мужей вошел во всеобщее употребление. Он известен под названием перевода семидесяти толковников (или просто перевода 70) и доселе употребляется в греческой церкви.

В 203 году до Р.Х. Египет, однако же, потерял свою власть над Иудеей, она отошла под владычество сирийских царей, и с этого времени началось тяжелое время для иудейского народа. Сирийские цари, встречая в иудеях сопротивление для своих замыслов о введении греческой религии и культуры в своем государстве, стали всячески угнетать их. Царь Селевк Филопатор велел ограбить храм в пользу своей государственной казны, а преемник его Антиох IV Епифан (175–164) порешил окончательно уничтожить религию Иеговы и на место ее водворить греческое язычество. В пользу своего безумного замысла он склонил даже брата первосвященника Онии, Иисуса, который добился низложения своего брата и под греческим именем Иасона сам сделался первосвященником. Он стал во главе образовавшейся в Иерусалиме греко-иудейской партии, начал вытеснять старую религию и на место ее вводил языческие обычаи и обряды. Сам Антиох Епифан («Славный», но переименованный впоследствии в Епимана – «Безумного») по возвращении из египетского похода, вступив в Иерусалим, ограбил и осквернил храм и предал беспощадному избиению всех, кто только противился нововведениям раболепствующих перед ним, но в то же время смертельно враждовавших между собою Иасона и Менелая, поочередно осквернявших и позоривших своею личностью высокое достоинство первосвященства. Греческий культ был объявлен государственной религией, и все под страхом смерти должны были признавать ее. Доказательством признания ее служило вкушение свиного мяса; но нашлись такие ревнители отеческого закона и истинной религии, которые предпочитали умереть, чем «преступить отеческие законы». Так, девяностолетний старец Елеазар-книжник потерпел за свою

мужественную стойкость мученичество, «оставив в смерти своей не только юношам, но и весьма многим из народа образец доблести и памятник добродетели». Ему последовала одна вдова, мать семи сыновей, которые все также приняли мученичество за свою преданность вере, призывая праведный гнев Божий на лютого царя-мучителя.

Это страшное гонение имело, однако же, ту хорошую сторону, что возбудило в народе отвращение к насильственно навязывавшемуся эллинизму²⁷⁹ и укрепило преданность своей вере. Священники дружно выступили на защиту истинной религии. Особую ревность показал престарелый священник Маттафия, который, гонимый за свою преданность истинной религии, удалился с своими пятью сыновьями в город Модин. Когда царский чиновник прибыл и в Модин для приведения царского указа в исполнение, то Маттафия убил первого, кто приблизился к языческому жертвеннику, а затем и самого чиновника и, сделав призыв всем ревнителям Иеговы следовать за собою, бежал со своими сыновьями в горы. Оттуда они начали делать набеги и истреблять языческие жертвенники. Сам Маттафия скоро умер, но завещал своему сыну Иуде продолжение его дела по освобождению страны от ига идолопоклонства. Предсмертное завещание престарелого отца одушевило Иуду геройскою ревностью, и он под именем Маккавея, т.е. «Молота на врагов»²⁸⁰, вместе со своими братьями геройски выступил на защиту религии. Собрав около себя всех ревнителей Иеговы, он нанес несколько жестоких поражений войску Антиоха Епифана и на время достиг заключения мира, которым и воспользовался для восстановления истинной религии со всем ее богослужением. Храм был вновь очищен и освящен, в воспоминание чего установлен был новый праздник «обновления» храма. Хотя Иуда Маккавей в возобновившейся войне погиб славною смертью героя, но его дело продолжалось другими его братьями Маккавеями.

Между тем, самого царя-мучителя постиг страшный гнев Божий в виде ужасной болезни, и он, заживо съедаемый червями, умер, проклинаясь всем иудейским народом. После

его смерти Маккавеи сделали независимыми правителями страны и были родоначальниками так называемого Асмонеяского рода князей (по имени родоначальника Маккавеев – Маттафии Асмонея). Под их властью народ иудейский опять некоторое время наслаждался миром и благоденствием; но скоро начались внутренние смуты как от соперничества различных представителей самого Асмонеяского рода, так и от разделения народа на партии и секты, что все повело к ослаблению страны. Эти смуты особенно начались при преемниках Симона Маккавея, который сам, после славного управления народом, был коварно убит своим собственным зятем Птолмеем. Симону наследовал второй его сын Иоанн Гиркан, который, желая объединить под своею властью всю Палестину, разделявшуюся теперь на четыре отдельные области (Иудея – на юге, Самария – в середине, Галилея – на севере и Перея за Иорданом) стал называть себя «князем (всего) Израиля». С его царствованием закончился мир, водворенный доблестью Маккавеев и при его преемниках-сыновьях (Аристовуле и Александре Ианнее и особенно внуке Гиркане II) начались страшные беспорядки и смуты, которые послужили поводом для вмешательства римлян. Римский полководец Помпей двинулся на Иерусалим (64 г. до Р.Х.), взял его штурмом, избил до десяти тысяч иудеев, осквернил храм внесением в него римских знамен и сам вошел даже во святое святых, хотя и не тронул священных сосудов. С этого времени Иудея, как вообще стала называться Палестина с ее четырьмя областями, сделалась подчиненною Риму и платила ему дань (с 63 г. до Р.Х.). Власть номинально принадлежала некоторое время преемникам Иоанна Гиркана, но скоро она перешла в руки хитрого идумеянина Антипатра, который и постарался при помощи римлян обеспечить ее за своим домом. Его сын Ирод действительно захватил власть над всею странюю и подобострастною лестию перед римлянами добился титула «царя иудейского» (с 37 г. до Р.Х.).

Ирод, так называемый великий, был основателем новой иудейской монархии, на время как бы обещавшей восстановление древнего могущества и славы. Но в действительности она просуществовала только при жизни самого

ее основателя, которой своей безумной расточительностью и кровожадной жестокостью окончательно подорвал нравственные и материальные силы народа. Идумеянин по происхождению и подобострастный ласкатель римлян, Ирод лишь позорил священный престол Давида. Свое восшествие на престол он ознаменовал принесением жертвы Юпитеру капитолийскому, ввел языческие увеселения в самых стенах святого города и окружил себя отрядом наемных телохранителей. Чувствуя непрочность своего положения на престоле, он подверг беспощадному истреблению весь род Маккавеев и даже всех членов синедриона, которых он заподозрил в недостаточной преданности себе. Вся политика этого царя иудейского состояла в том, чтобы тешить свое честолюбие грандиозными постройками и подобострастно заискивать у римлян. Он построил и расширил несколько дворцов, укрепил прилегавшую к храму башню Барис и назвал ее в честь своего римского покровителя Антонией; восстановленный им город Самарию переименовал в честь Августа Севастией и в честь его же назвал великолепный приморский город Кесарию, ставшую впоследствии римской столицей Палестины. Все это, конечно, только сильнее раздражало против него собственный народ. Но чтобы заглушить народный ропот, а вместе с тем и удовлетворить своей страсти к строительству, он в 18-ый год своего царствования приступил к перестройке храма и в полтора года воздвиг новый великолепный храм, к которому, впоследствии, делались обширные пристройки, продолжавшиеся в течение нескольких десятилетий. Но это только на время могло утишить чувство недовольства и раздражения в народе, а вместе с тем не устранило и опасений Ирода за прочность своего престола. Поэтому он продолжал с кровожадной жестокостью истреблять всех, кто только навлекал его подозрение. Настала страшная эпоха убийств, казней и пыток. Опасаясь всех и каждого, Ирод, это безжалостное чудовище, как называет его И. Флавий, с яростью обрушивался на всякого, кто только приходил с ним в соприкосновение, и жертвой его ярости и подозрительности между многими другими пали даже три его собственных сына, любимая его жена Мариамна, тесть с тещей и

шурин его, первосвященник Аристовул. Убийства чрез повешение и сожжение, убийства чрез растерзание и утопление, убийства тайные на основании признаний, вымученных невыносимой пыткой, дела бесстыдной скотской похоти – вот чем наполнены летописи этого царствования. Подавленный всеми этими ужасами, народ трепетал, и в нем сильнее чем когда либо возростало желание и вместе ожидание явления истинного сына Давидова, который бы низверг этого кровожадного похитителя престола. А это еще больше распаляло мрачную подозрительность и ярость Ирода, и в последние годы своего царствования, снедаемый уже своею омерзительною болезнью, скоро сведшею его в могилу, он совершенно охвачен был неукротимым зверством и кровожадным неистовством. Но в это-то именно время как громом поразили его своим известием восточные мудрецы, издалека пришедшие в Иерусалим поклониться не ему, Ироду, а новорожденному Царю иудейскому, истинному Сыну Давидову, звезда которого возшла на востоке.

LI. Религиозно-нравственное состояние иудеев по возвращении из плена. Секты. Богослужение. Правление. Летосчисление

Плен вавилонский, бывший, по объяснению пророков и по сознанию самого народа, прямым наказанием Божиим за все те беззакония и идолопоклонство, которым бесстыдно предавался избранный народ, посужил для него весьма важным уроком, заставившим его глубоко призадуматься над своею судьбой. После периода славного могущества народ израильский вдруг оказался опять, как некогда в Египте, жалкой толпой рабов, отведенных в плен, где могла погибнуть и самая память о нем. Это страшное испытание опять невольно пробудило в нем сознание того, что сила его, как избранного народа, заключается именно в избравшем его Боге и в строгом соблюдении завета, который Он заключил с ним. И вот в израильском народе начинается религиозно-нравственное возрождение; в нем крепнет вера, зажигается пламенный патриотизм, заставлявший его плакать при одном воспоминании о Сионе с его величественным, но теперь разрушенным храмом, и разгорается ожидание того Избавителя, который должен, наконец, увенчать все великие обетования, данные отцам. Это ожидание ревностно поддерживали пророки, которые, утешая народ надеждой на избавление от плена, постоянно указывали и на то высшее избавление, которое ожидало их и все человечество в приближавшемся будущем. Во время плена пророк Иезекииль предсказывал о едином Пастыре единого многочисленного стада (Иез.34:23, 29, 37:22), а пр. Даниил даже точно вычислил своими седминами самое время пришествия Его (Дан.9:24–27). Затем последние пророки в подробностях описывали признаки имеющего явиться Мессии, а в пророчестве Малахии уже возвещается о пришествии непосредственного предтечи давнообетованного Избавителя, и его пророчество составляет прямой переход от ветхого завета к новому. Сам народ, познав горьким опытом непрочность земного могущества своих царей, все с большею напряженностью стал ожидать такого царя,

который будет действовать силою Божиею и водворит на земле правду и мир. Такое ожидание достигло своей высшей степени во время ужасов царствования Ирода, когда именно и пришло «исполнение времен».

Такое настроение народа, естественно, должно было повести к пробуждению новой ревности к исполнению закона Моисеева. Так как с разрушением храма и прекращением в нем священнодействий, служивших наглядным осуществлением для народа закона Божия, народ лишился главного руководства для своей религиозно-нравственной жизни, то стало необходимым новое средство для поддержания в нем знания этого закона. Таким средством явилось чтение и изучение закона, и отсюда естественное усиление значения писанного закона. Народ жаждал послушать его и во время плена сходился на особые частные собрания, где люди, изучавшие закон, читали и изъясняли ему различные постановления закона. Так как с течением времени народ позабыл свой первоначальный еврейский язык, на котором написаны были книги св. Писания, то изучение и изъяснение закона, по необходимости, должно было сделаться исключительным достоянием особых, наиболее развитых и просвещенных людей, которые и сделались вождями и руководителями религиозной жизни народа, получив почетное название «книжников». Таким именно книжником был Ездра священник, и он по возвращении из плена ввел правильный порядок чтения и изъяснения св. Писания народу. Так как св. книг в это время было уже много, и среди них обращалось несколько и таких книг, которые, имея религиозно-нравственное значение и удовлетворяя благочестивому чувству народа, однако же не имели боговдохновенного характера, то Ездра, чтобы дать народу возможность правильно судить, какие именно священные книги в собственном смысле этого слова, составил подробный им список, который и получил название канона, т.е. правила (веры и жизни).

Книги, вошедшие в этот список, получили название «канонических», а остальные стали называться неканоническими. Из книг последних периодов в канон вошли: книги пророка Иезекииля и Даниила, а также трех последних

пророков Аггея, Захарии и Малахии; третья и четвертая книги Царств, содержащие историю обоих еврейских царств; две книги Паралипоменон, или дополнений к этой истории; первая книга Ездры, в которой описывается возвращение иудеев из плена и создание второго храма, и книги Неемии и Есфирь – с историей деятельности этих лиц.

Значение писанного закона особенно усилилось с прекращением устного, в лице пророков. Последние имели своей задачей вносить дух в понимание буквы закона и тем возводить религиозно-нравственное сознание на высшую ступень. С прекращением же пророчества буква получила такое значение, что явились особые ревнители ее, которые полагали всю религию в самом тщательном и буквальном исполнении постановлений закона. Таковы были фарисеи, составившие собою особый класс в народе, как класс особенных (нерушим – «отделенных») ревнителей закона. Это были правоверные законники, принимавшие весь закон, проповедовавшие веру в загробную жизнь, поддерживавшие в народе веру и благочестие, а вместе и пламенный патриотизм, что давало им огромное влияние на народ. Но отличительною их особенностью было то, что они не ограничивались одним законом Моисеевым, а считали необходимым соблюдать и все те предания, которые с течением времени образовались вокруг этого закона в качестве дополнений и разъяснений к нему. Так как эти предания почти исключительно относились к внешней обрядовой стороне закона, то она-то, по преимуществу, и сделалась предметом главного внимания фарисеев. Сюда относились постановления о самом строгом, доходившем до мелочности, соблюдении субботнего покоя, о различении чистой и нечистой пищи, об умовениях, одежде, и так далее. Чтобы удобнее исполнять все эти многочисленные предания, фарисеи выделились в особый класс или в общину, чуждавшуюся общения с остальным народом, к которому они относились с высокомерным презрением как к «людям земли» и «неучам» (амгаарец). Лучшею стороною фарисейства была их ревность к распространению религии Иеговы, и в этом отношении они сделали весьма много, подготавливая чрез своих прозелитов почву и для

распространения христианства среди языческих народов. Но их обрядовая мелочность, холодное бездушие, ханжество, высокомерие и возмутительная лицемерность, прикрывавшая маскою набожности самые безнравственные деяния, и были теми их недостатками, которые навлекли на них молниеносное обличение Христа: «горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры». Противоположную крайность составляла другая секта – саддукеи, получившие свое название от своего вождя Садока. Признавая за священные книги только пятокнижие Моисея, они не предавали никакого значения обрядности и отличались вообще вольнодумством в области религии, отрицали бессмертие души и существование духов, воскресение тела и загробную жизнь, с ожидающими ее наградою и наказанием. К этой партии или секте принадлежали высшие и богатейшие классы, которые, не пользуясь любовью народа, искали, поэтому, опоры в иноземных правителях и дружили с родом Иродов. Она же захватила в свои руки должность первосвященника и дала из своей среды целый ряд первосвященников, которые лишь позорили своею личностью этот высокий священный сан. В это же время в иудейском народе, лишенном властного руководства в религиозно-нравственном отношении, появились и другие секты и направления, в которых благочестивые люди искали убежища и успокоения от смут и мрачных настроений обыденной жизни. Такова секта ессеев, которые избегали шумной и суетной жизни городов, составляли общины отшельников и, воздерживаясь от брачной жизни и всяких вообще удовольствий, вели строгую жизнь, всецело посвящая ее молитве и размышлениям о законе. Они отрицали рабство, войну и торговлю, и во всей жизни правилом для них, по свидетельству Филона, служила «любовь к Богу, любовь к добродетели и любовь к человеку». Еще строже и замкнутее была секта ферапевтов, т.е. «целителей» (недугов народов), которые предавались строгому аскетизму и, изнуряя себя непрерывным чтением закона и молитвой, позволяли себе вкушать только немного хлеба вечером. По субботам они собирались для общей молитвы, а в Пятидесятницу имели и

общую трапезу. Секта эта была особенно распространена среди иудеев в Египте.

Все эти секты и партии были лишь выражением частных взглядов на религию и закон. Большинство же народа продолжало держаться тех религиозных установлений, которые связывались с храмом. Храмовое богослужение, естественно, должно было прекратиться и расстроиться с разрушением храма, так что во время вавилонского плена народ молился в частных собраниях или даже ограничивался уединенной домашней молитвой (как это видно из примера пророка Даниила). Но с построением второго храма вполне возобновилось в нем и богослужение со всеми священнодействиями, тем более, что самый храм построен был по образцу прежнего храма Соломонова, хотя по объему на одну треть больше его и с некоторыми новыми пристройками (двор для женщин и язычников), но, понятно, из гораздо менее ценных материалов²⁸¹. В прежнем составе была восстановлена и вся иерархия, во главе которой стояли первосвященники, имевшие тем более значения, что некоторое время они были и гражданскими правителями народа. К числу священных времен прибавились новые праздники, установленные в воспоминание новых событий в жизни народа. Таковы праздники: Пурим и Обновления. Первый учрежден в воспоминание чудесного избавления народа от истребления в царствование Артаксеркса по коварному навету Амана. Предпразднество его 13 Адара (в феврале) состояло в строгом посте, а 14-го и 15-го народ предавался неудержимому ликованию. В собраниях народа с благоговением читалась книга «Есфирь» и при всяком упоминании имени Амана все присутствующие ударяли руками и топали ногами, громко произнося: «да погибнет память о нем!» Праздник Обновления установлен был в воспоминание обновления храма Иудой Маккавеем после осквернения его Антиохом Епифаном. Он продолжался восемь дней, совершался с необычайною торжественностью и ознаменовывался пышными процессиями и блистательной иллюминацией, вследствие чего назывался также «праздником огней». В храме в течение всех восьми дней праздника пелась великая аллилуия, состоящая из

хвалебных псалмов 114–118. Важную особенностью в религиозной жизни народа после плена вавилонского было то, что народ не ограничивал своего богослужения исключительно храмом, а имел местные собрания или синагоги, где рядом с чтением и объяснением закона совершались и молитвы, и куда народ собирался по субботам.

В гражданском отношении после плена вавилонского как бы опять возобновилась та форма богоуправления, в какой оно существовало во времена судей, когда народ находился под управлением отдельных богоумудренных мужей, выступавших как бы по особенному призванию Божию (таковы Зоровавель, Ездра, Неемия, Маккавеи). Но сообразно с усилившимся духом религиозности и власть гражданская на некоторое время сосредоточивалась в руках высших представителей религии – первосвященников. Впоследствии из нее выработалась власть князей, а затем и царей; но царская власть, наконец, похищена была у дома Давидова коварным идумеянином, который, однако же, скоро должен был уступить ее истинному сыну Давидову. Для заведывания делами внутренней и религиозно-нравственной жизни со времени Ездры учрежден был особый верховный совет, состоявший из 120 членов, под председательством первосвященника. Этот совет получил впоследствии название синедриона и число его членов сообразно с числом членов древнего совета старейшин при Моисее низведено было до 70. Он имел весьма важное значение в последующей истории иудейского народа. На нем лежала обязанность заботиться об охране чистоты веры, толковании и объяснении закона, благосостоянии храма и благочинии при богослужении, и вместе с тем принадлежало право судить и наказывать богоотступников и еретиков. Многочисленные злоупотребления членов этого верховного совета лишили его, впоследствии, принадлежавшего ему значения, и синедрион запятнал свое имя ужасным преступлением, когда он под видом еретика и богоотступника осудил на смерть Самого Мессию, Сына Божия.

Девятый период Библейской истории обнимает собою около пяти с половиною столетий, считая с 536 года, когда издан был

указ Кира об освобождении иудеев из плена. В хронологическом отношении он распадается на четыре отдельных периода: а) продолжение персидского владычества до 331 года до Р. Х., б) владычество греков в Азии 331–167 гг., в) независимость Иудеи под властью Асмонеев 167–63 гг. и г) римское владычество вместе с частным владычеством дома Иродова 63–1 гг. Летосчисление этого периода облегчается тем, что здесь история иудейского народа приходит в соприкосновение с общеизвестными событиями всемирной истории.

ЛII. Иудеи рассеяния. Состояние языческого мира. Общее ожидание Спасителя

Вавилонский плен, кроме своего значения как наказания иудейскому народу за его неверность завету с Иеговою, имел еще другое, более важное и глубокое значение для всего человечества. До него избранный народ жил более или менее отчужденно от остального мира, и свет истинной религии лишь изредка или в отдельных случаях проникал за пределы собственно земли обетованной. Теперь с приближением «исполнения времен» свет этот должен был ярко засиять для всех, живущих во тьме и тени смертной, т.е. для всех языческих народов, дотоле погрязавших во тьме идолопоклонства. И этому великому делу оказали чудесное содействие те грозные ассирово-вавилонские завоеватели, которые, сами, не сознавая того, послужили могущественным орудием высшего промысла Божия. Переселяя цвет избранного народа в свою страну, бывшую центром языческой религии и языческого просвещения, они, вместе с тем, переселяли к себе миссионеров и проповедников истинной религии, которая должна была рассеять тьму заблуждения. Влияние это сказалось, отчасти, уже на самих царях завоевателях, как это видно из примера Навуходоносора и Кира; но затем оно распространялось все шире и действовало все глубже. С этого времени иудейский народ сделался народом как бы всемирным: из плена вавилонского возвратилась в землю обетованную лишь незначительная часть его, громадное же большинство или осталось в Месопотамии или понемногу рассеивалось по всем направлениям, повсюду разнося с собою свет истинной религии и знание закона Божия. Эти иудеи, жившие вне Палестины, известны под названием иудеев рассеяния, и они оказали глубокое влияние на последующую судьбу языческого мира.

Иудеи рассеяния сначала собственно разделялись на три больших отдела – иудеев вавилонских, сирийских и египетских; но затем завоевания Александра великого и римлян значительно расширили область иудейского рассеяния. Последовавшие

перевороты в судьбе мира привели народы в необычайное движение, и поток завоеваний или промышленности быстро захватывал разрозненные части иудейского народа и разносил их по самым отдаленным странам. Преемник Александра великого в Азии, Селевк Никатор, основатель нового царства Сирийского, множество из них переселил из Вавилонии в главные города своего царства, надеясь, что их промышленный и предприимчивый дух послужит к процветанию его государства. И чрез несколько времени в Дамаске они считались уже тысячами и имели несколько синагог; и еще более их было в Антиохии, сделавшейся впоследствии центром греческой культуры на востоке. Гонения Антиоха Епифана не уничтожили их, а послужили только причиною проникновения их влияния в самые отдаленные части государства, куда убегали иудеи, укрываясь от преследования. В это время они проникли и далее на восток, в Мидию и, особенно в царство Адиавенское (теперешний Курдистан, к северо-востоку от р. Тигра), где влияние их было так сильно, что даже царица Елена и наследный принц Изат сделались прозелитами иудейства. По сторону Евфрата иудейское население было рассеяно во многих местах, особенно в Пальмире и даже городах счастливой Аравии. Затем множество иудеев жило в Армении и по различным странам и городам Малой Азии. Антиох Великий (223–187) переселил несколько тысяч иудейских семейств из Месопотамии во Фригию и Лидию и наделил их особыми льготами. Из малой Азии иудеи уже, по влечению своего собственного промышленного духа, расселились по всем островам Эгейского и Средиземного моря, проникли в главнейшие города Греции и Македонии и мы встречаем их в Филиппах, Фессалонике, Верии, Афинах и Коринфе, где у них были или синагоги, или просто молитвенные дома. Тот же дух торговой предприимчивости двигал их еще дальше на запад, в самый Рим, как столицу новой всемирной монархии, и даже в Испанию, где они могли рассчитывать на обогащение как в стране, славившейся своими рудниками золота и серебра. Много иудеев переселено было в Рим Помпеем в качестве пленных, и по освобождении их они сделались римскими гражданами и жили

в особом, отведенном им за Тибром квартале. При императоре Августе их числилось в Риме уже до восьми тысяч человек, а затем они размножились до того, что следующие императоры вынуждены были прибегать к таким крутым мерам, как изгнание их из Рима (известные указы Тиберия и Клавдия, предписывавшие иудеям удалиться из Рима). Затем иудейские поселения были рассеяны и по всему берегу северной Африки, и особенно в большом городе Кирене, откуда иудейские пилигримы часто встречались в Иерусалиме (Симон киринеянин – Матф. 27:32). Наконец, поселения их встречались, по свидетельству Филона, от гор Ливийских до самой Эфиопии, куда они, вероятно, переселялись из Аравии, находившейся в постоянных торговых сношениях с этими странами и особенно с Египтом. Казнохранитель царицы Кандакии был из Эфиопии, и то обстоятельство, что он был прозелит, указывает на сильное влияние там иудеев. Но, несомненно, самым важным пунктом иудейского рассеяния была Александрия в Египте. Основанная великим македонским завоевателем в 332 году до Р. Христовой, она в течение нескольких столетий была одним из знаменитейших и славнейших городов мира. В то время как, собственно, в Нильской долине продолжало жить древнее египетское население с его религией и обычаями, города Дельты и особенно Александрия наполнялись греками и иудеями. Помимо своего богатства, своих роскошных улиц и зданий, Александрия славилась необычайным оживлением умственной жизни. Птоломей I основал там знаменитый музей, в котором содержалась александрийская библиотека со множеством драгоценных книг, и при нем же были помещения для ученых, художников и поэтов, которые прибывали из всех стран мира, чтобы побывать в главном храме всемирной литературы и искусства. И рядом с этой умственной жизнью кипела деятельность промышленная, так что торговые сношения Александрии простирались до Аравии и Индии, по всем странам Малой Азии и берегам Средиземного моря. Положение иудеев в этом центре мировой жизни (куда первая партия их была переселена самим основателем Александрии) было в высшей степени благоприятное. Пользуясь покровительством

правительства, они беспрепятственно предавались всевозможным родам промышленности, жили самостоятельной общиной и управлялись даже своим собственным главою или алавархом, разделявшим, впоследствии, свою власть с особым советом старейшин. Даже в религиозном отношении они находились в весьма выгодном положении, так как у них в Аеонтополе, в Илиопольском округе, был собственный храм, построенный первосвященником Онией (в 150 г.) по плану скинии Моисеевой, и в нем совершалось богослужение в таком же порядке, как и в храме иерусалимском. – Одним словом, иудеи после плена вавилонского рассеялись по всему известному тогда миру, так что римский географ Страбон не без основания говорит, что «едва ли можно найти такое место на земле, где бы не было этого племени и которым оно не овладело бы». И к этому александрийский иудей – писатель Филон прибавляет: «иудеи, не как другие народы, запертые в границах своей страны: они обитают почти по всему миру и расселились по всем материкам и островам».

При этом особенно замечательно было то, что, несмотря на рассеянность по всему миру, все эти иудеи рассеяния отнюдь не затеривались между иноплеменными и чужеземными народами, а как бы составляли один народ, связанный между собою неразрывными узами. Правда, они забыли свой язык, говорили и писали по преимуществу на греческом языке (вследствие чего и назывались эллинистами); но общая вера в живого Бога, который не переставал иметь попечение о своем избранном народе, не только внушала иудеям чувство своего превосходства над окружающими язычниками с их мертвыми и ничтожными богами, но и охраняла их от смешения с ними. Их привязанность к Моисееву закону также содействовала поддержанию в них сознания своей народности, как отличной от всех других окружающих народов. Закон этот определял каждый шаг их жизни, устанавливал своеобразные нравы и обычаи, давая религиозное значение всякому проявлению жизни и деятельности, и этим воздвигал то средостение, которое не позволяло иудеям смешиваться с язычниками. Кроме того, у них было общее св. Писание, на котором воспитывался весь народ,

проникаясь духом, который не имел ничего общего с языческим миром. Учение, преподаваемое св. книгами, дополнялось в синагоге. Где только ни жили иудеи, они непременно собирались по субботам в синагогах, бывших для них школами закона Божия, для общей молитвы и взаимного назидания и изъяснения св. Писания, и эти собрания поддерживали в них общинный дух единения и взаимности.

Кроме св. Писания, в то время уже законченного, у них существовала особая назидательная литература – неканоническая, которая продолжала развиваться в это время. Среди нее были такие важные сочинения, как книга премудрости Соломоновой, составленная неизвестным автором на основании передававшихся устно изречений мудрейшего царя; сродная с нею книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, содержащая в себе мудрые правила на разные случаи жизни; книга Иудифь, содержащая повествование о геройстве этой иудеянки, которой город Ветилуя обязан был спасением от жестокого врага, и книги Маккавейские, содержащие повествование о геройской борьбе Маккавеев за веру. Вся эта литература проникнута глубоким религиозным патриотизмом, который поддерживал в иудеях сознание своего единства по вере и крови. Но одним из самых сильных средств поддержания единства между иудейским миром было его постоянное сношение с Иерусалимом, как общим центром всего иудейства. Каждый год отовсюду через особых уполномоченных различные общины посылали в Иерусалим узаконенную подать в полсикля священного и щедрые приношения; туда же прибывали все, кому нужно было добиться решения каких-либо важных дел от первосвященника или синедриона, а также и все, кто хотел получить высшее образование в школах; наконец, годовые праздники привлекали в Иерусалим тысячи богомольцев, которые стекались положительно со всех концов мира. И, наоборот, из Иерусалима во все страны мира расходились книжники, которые, получив образование в школах «мудрых», искали себе поприща деятельности среди единоплеменников в различных странах. Из Иерусалима же ежегодно рассылались по всем иудейским общинам календари, в которых определялись священные

времена, и особые вестники с сообщением о наиболее выдающихся событиях, касающихся иудейского мира. И результатом такого оживленного взаимообщения было то, что разбросанные по всей земле иудеи живо сознавали себя одним народом, и достаточно было донестись до Иерусалима известию, что какая-нибудь иудейская община где-нибудь на Дунае или в Ливийской пустыне терпит голод или нужду, как весь иудейский мир приходил в движение и спешил оказать помощь своим страждущим братьям.

Эта национальная исключительность и взаимная сплоченность иудеев рано стала возбуждать подозрение и вражду в языческих народах, и это неприязненное чувство не замедлило еще более усилиться, когда иудеи явились сильными соперниками в торговых делах и захватывали в свои руки всю промышленность той или другой страны. Главным их занятием была торговля. Мелочная торговля и мелкие денежные обороты были почти исключительно в их руках. В некоторых местах они захватывали в свои руки даже оптовую торговлю. В Александрии почти вся хлебная торговля проходила через их руки, и они были почти исключительными посредниками, через которых Рим производил сношения с отдаленным востоком. Да и вообще, где только можно было заработать деньги, там непременно являлся иудей, и мы встречаем их в Риме в качестве ученых, поэтов, актеров и певцов. Многие из них успели скопить громадные богатства, и влияние их чувствовалось в самых дворцах. Все это, естественно, возбуждало против них туземное население, часто попадавшее в денежную кабалу к ним, и ко времени Рождества Христова языческий мир, даже в лучших его писателях, относился к ним уже с крайнею враждебностью и презрением. Касательно их распространялись чудовищные сказания. Предками их считались прокаженные, изгнанные из Египта. В пустыне, при недостатке воды, один осел будто бы указал им источник, и поэтому они поклонялись ослу, как богу. Даже такой серьезный писатель, как историк Тацит, думал, что Моисей дал им законы, противные всяким человеческим нравам. Запрещение свиного мяса было неистощимой темой остроумия римских юмористов. Где только ни появлялся иудей, его

неприменно преследовали языческие насмешки; на театральной сцене он был постоянным предметом плоских острот, которые, однако же, всегда вызывали смех, а на улице он часто должен был выносить довольно грубые неприятности от толпы, переходившие иногда в опасные побоища, требовавшие вмешательства правительства, как это не раз бывало, особенно в Александрии и Антиохии.

Несмотря, однако же, на такое отношение языческого мира к иудеям, влияния их на этот мир не отрицали сами язычники, и оно усиливалось с каждым годом. Этому содействовало самое состояние языческого мира. Он клонился уже к упадку и разложению. Великие монархии востока – Египетская, Ассирийская, Вавилонская и Персидская – все поочередно господствовали и исчезли.

Александр Македонский пытался воссоздать их на почве греческой культуры, но созданная им монархия не пережила своего основателя и после его смерти распалась на несколько отдельных частей, которые легко сделались добычей Рима. И вот Рим сделался властелином всего мира. Римские орлы победоносно пронеслись от берегов Евфрата на востоке до столпов Геркулеса на западе, и от берегов северной Африки на юге до Британских островов на севере. Достоянием их сделалась вся площадь земного шара, на которой проходила древняя история и которая включала новые страны с новыми полудикими народами, ожидавшими культурного возрождения. Великолепные военные дороги римлян соединили между собою народы всего цивилизованного мира, и началось изумительное круговращение в области религии, литературы, искусства и промышленности, какого еще не видано было в истории человечества. Рим, как столица мира, стягивал к себе все, что было лучшего в тогдашнем мире, и из него обратно расходилась во все стороны своеобразная римская цивилизация, разносимая легионами, правителями, писателями, купцами и промышленниками всякого рода. Это необычайное взаимообщение народов имело глубокое влияние на религиозно-нравственное состояние языческого мира. В Риме пришли в столкновение между собою всевозможные языческие культы, и

их бесконечное разнообразие по необходимости должно было привести к убеждению, что языческие боги составляют лишь произведение самих народов и отнюдь не в состоянии удовлетворять присущей человеку потребности в безусловной истине религии.

Сильнее всего это сказалось на самих римлянах, вера которых в своих богов уже раньше была подорвана распространением греческих философских сочинений, прямо издевавшихся над олимпийцами, как над измышлением детского разума. Но так как человек не может быть без религии, то началось томительное искание истинного Бога, и в поисках за ним перебраны были все известные тогда религии и культы, и чем таинственнее был культ, вроде египетского, тем больше имел он приверженцев. В это же время многие стали невольно обращать внимание и на таинственного Иегову, религия которого поражала изверившихся в своих богов язычников тем сильнее, что она отвергала всякие символы для изображения этого Бога. Иудеи пользовались этим и приобретали себе прозелитов и приверженцев, среди которых были и члены знатных римских фамилий и даже члены императорского дома (императрица Пoppея Сабина). Прозелиты разделялись на два класса: пришельцев врат и пришельцев правды, отличавшихся между собою степенью принятия иудейства. Для первых достаточно было общей веры в Иегову с принятием «Ноевых законов», а от вторых требовалось полное подчинение всем постановлениям закона Моисеева. Большинство язычников ограничивалось первою ступенью, но было много и таких, которые вполне принимали иудейство. Этому движению еще более способствовало нравственное падение языческого мира, как неизбежное следствие падения религиозного. Вместе с языческими культами востока в Рим вторгался и тот безнравственный тлен, который был неразлучен с ними. Отсюда началось ужасное общественное разложение, приводившее лучших людей к отчаянию (Рим. 1и сл.). Не видя никакой отрады в настоящем и потеряв всякую веру в будущее, люди задыхались от духовной пустоты и искали себе исхода или в безумных оргиях наслаждений, или же в самоубийстве, которое

сделалось самым обычным явлением. Даже знаменитый философ Сенека, удрученный печальной действительностью, указывал на самоубийство как лучший способ избавиться от невыносимого положения. Но самый инстинкт самосохранения противодействовал принятию такого ужасного способа, и потому, естественно, большинство искало другого исхода и находило его в присущей человеческому сердцу надежде на лучшее будущее.

Лучшие язычники стали надеяться, что откуда-нибудь должно было придти спасение, если не от людей, то свыше. И надежда эта как раз совпала с тем ожиданием Избавителя мира, которое все сильнее разгоралось в иудейском мире и все шире распространялось чрез иудеев среди языческих народов. По свидетельству римских историков Светония и Тацита, в то время между римлянами и другими языческими народами ходила широко распространенная молва, что на востоке скоро появится могущественный царь, который покорит себе мир. Римские поэты воспевали ожидаемое появление чудесного избавителя. Виргилий в своей знаменитой четвертой эклоге воспевал младенца, который должен был восстановить золотой век. Младенец этот снизойдет с неба, и на земле водворится мир; щедро будет он изливать свои дары; стада не будут бояться львов, ярмо снимется с шеи пашущего вола, и земледelec уже не будет работать в поте лица своего. Это славное мечтание римского поэта несомненно было отголоском знаменитого пророчества Исаии, что *«родится Младенец, которому нарекут имя: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира», и тогда «волк будет жить вместе с ягненком, и барс будет лежать вместе с козленком, и теленок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя поведет их»* (Ис. 9:6; 11:6).

Все таким образом показывало, что приблизилось «исполнение времен». Собственно, среди иудеев ожидание пришествия Спасителя или Мессии достигло наивысшего напряжения. Древние предсказания пророков сделались предметом самого тщательного изучения и истолкования, и самой любимой книгой была книга пророка Даниила с ее точнейшими определениями касательно времени явления Мессии. Неканонические книги подтверждали и разъясняли эти

предсказания, дополняя их своими собственными соображениями и заявляя, что скоро сыны Израиля опять будут собраны в Иерусалим из отдаленных стран для поклонения своему Господу Богу (2Мак. 2:18) и что потомство Давидово будет владеть престолом во веки (1Мак. 2:57). Эти предсказания получили еще большее развитие в так называемых «Сивиллинских книгах», представляющих собою собрание пророческих изречений в стихах, наподобие языческих оракулов, и написанных, по всей вероятности, каким-нибудь иудеем из Александрии около 140 г. до Р.Х. В них говорится, что скоро должен явиться царь, который положит конец всяким войнам на земле. Язычники, которые соберутся против Иерусалима, погибнут. Под покровительством посланного с неба царя, Израилю будут дарованы мир и благоденствие, и затем сами языческие народы будут также приведены к поклонению истинному Богу и Его храму. Наконец, Бог учредит на земле вечное царство мира, «в которое будут собраны все народы». Ожидание это было до такой степени живо, что самые правители израильского народа во времена Маккавеев принимали власть лишь условно, «доколе восстанет Пророк верный» (1Мак. 14:41). В народе все невольно чувствовали, что пришло исполнение времен и спасение Израилево. При появлении всякого выдающегося проповедника или пророка все невольно спрашивали, не он ли Христос (Иоан. 1:19, 20; Матф. 11:3). Даже полужазыческие самаряне ожидали, что скоро придет Мессия, который разрешит все спорные вопросы между ними и иудеями касательно религии (Иоан. 4:25). Многие при этом не ясно представляли себе, в каком виде явится Мессия, и ожидали увидеть в Нем просто всемирного завоевателя, который покорит иудеям весь мир и оснует вечную монархию иудейскую. Но все более просвещенные духовно люди ожидали в Нем истинного Мессию, который искупит человека от рабства греху, водворит мир в возмущенной душе, призовет к себе всех труждающихся и обремененных, откроет вековечную истину спасения и оснует вечное царство Божия на земле.

И истинный Мессия пришел, наконец, и в ночь пришествия Его небеса над Вифлеемом иудейским огласились

торжественною песнью ангелов, возвещавших наступление новой эры в истории человечества: «Слава по вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение».

**Приложения дополнительных замечаний по
отдельным вопросам из Библейской истории
Ветхого Завета**

I. Дни творения

С историей творения мира связывается вопрос, что собственно нужно разуметь под теми днями, которыми обозначаются отдельные акты творческой деятельности Бога. Есть ли это дни в собственном смысле этого слова, или под ними нужно разуметь неопределенные периоды времени, заключающие в себе гораздо большую продолжительность? Наша богословская наука не дает в этом отношении какого-либо категорического решения, предоставляя его расширяющемуся свету знания, хотя и заметно стремление удержать буквальное понимание слова день. Но новейшие толкователи, пользуясь всеми данными вспомогательных наук, все более склоняются к убеждению, что под днями творения отнюдь нет необходимости разуметь дни в нашем узком смысле этого слова. Творцу не было никакой необходимости непременно назначать двадцать четыре часа на сотворение света, по двадцать четыре часа для создания звезд, растений или животных: Он мог создать все это в один миг, одним словом Своим. Такое ограничение было бы несогласно с самым существом Бога, для которого нет пределов времени, потому что для Него один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день. Отсюда можно думать, что и под «днем» разумеется просто неопределенное протяжение времени. Многие основания заставляют предполагать, что такое именно значение, именно значение неопределенного, более или менее продолжительного периода времени и имеет употребленное Моисеем слово йом, т.е. день.

1) Всем известно, что по-еврейски слово йом может означать и действительно означает во многих местах св. Писания неопределенный период времени (Быт. 2:4, 17; Лев. 7:35, 36; Втор. 9:24; 31:17, 18; 32:7, Пс. 2:7; Ис. 34:8; 63:4; Иер. 46:10; Иоиль 2:31; Ам. 3:14; Зах. 14:9; Матф. 10:15; 12:36; Иоан. 8:56; Рим. 2:5; 2Кор. 6:2).

2) По-еврейски слово период нельзя выразить иначе, как чрез слово йом, так как в этом языке не существует другого слова для выражения этого понятия. Отсюда бытописатель, и

разумея период, по необходимости должен был употреблять слово йом, как имеющее это широкое значение.

3) Эти два основания показывают возможность понимания дня в смысле периода. Другие соображения затем доказывают, что Моисей и действительно употребляет слово йом не в смысле суток в 24 часа, а в смысле неопределенного периода. Он именно говорит, что солнце и луна, как светила, назначенные для отделения дня от ночи, для управления днем и ночью, были поставлены Творцом в четвертый день творения. Следовательно, три первые дня отнюдь не могут быть днями в собственном смысле этого слова, так как для них не было главного условия, определяющего их продолжительность, т.е. не было того отношения земли к солнцу, в котором она находится теперь. Если же первые три дня, очевидно, были неопределенные периоды, то таковыми же были и следующие дни, так как ничто не дает нам права делать произвольное различие между йом в приложении к первым трем и йом в приложении к последним четырем периодам творения.

4) Сам бытописатель во второй главе своего повествования прямо показывает, что он под словом йом понимает именно неопределенный период времени. Обобщая историю творения, он именно говорит: «вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время (йом), когда Господь Бог создал землю и небо, и всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла» (Быт. 2и 5). Тут под словом йом уже прямо разумеется вся сумма дней творения, как неопределенный период времени, и во всяком случае уже не день в собственном смысле этого слова, так что и русский синодальный перевод передает здесь слово йом неопределенным время.

5) Космогонические предания других народов, – предания, в которых нельзя не видеть, хотя и в искаженном виде, отголоска истинного предания, сообщаемого в Бож. откровении, считают дни творения продолжительными периодами. По индийскому преданию Брама был заключен в космическом яйце в течение 360 дней, по окончании которых яйцо расколосось на две половины и из них он образовал небо и землю; каждый из этих

360 дней состоял из 12 миллионов лет. По преданию персов и этрусков творение произошло в шесть равных периодов, из которых каждый равнялся тысяче лет. То же представление заключается и в халдейском сказании о творении, в котором под днем творения разумеется период в 43 200 лет.

а) Против такого понимания могут возразить, что им разрушается внутренний смысл самого повествования, именно как объяснения происхождения недели и установления субботы (Исх. 20:10, 11). Но хотя история сотворения мира объясняет происхождение недели, однако, отсюда еще нельзя заключать, что слово йом нужно понимать именно в буквальном смысле. Напротив, этим скорее объясняется то обстоятельство, почему именно неопределенные периоды творения названы днями. Так как они служили именно прообразами дней недели, то Моисей приспособительно к этому и назвал их йом, причем седьмой период сделался прообразом того дня, который должно посвящать Богу. Таким образом, история творения разделена на шесть отдельных дней-периодов, заканчивающихся днем покоя, чтобы глубже запечатлеть в душе человека долг свято соблюдать субботу. Отсюда же естественным было употребить для бытописателя слова вечер и утро, как общеизвестные грани между днями, причем он вечер ставит раньше утра, согласно древнему счислению времени, как оно и доселе сохраняется в церковных службах.

б) Могут возражать против изложенного объяснения дней творения, что оно не имеет ясного подтверждения в предании, в толкованиях отцов и учителей церкви. Но на это нужно сказать, что предание не дает единогласного решения, и хотя у древних толкователей преобладает понимание буквальное, но нет недостатка и в толковании иносказательном, именно в смысле неопределенных периодов. Так вся школа александрийских отцов и учителей церкви понимала выражение день, вечер и утро иносказательно. Затем блаж. Августин прямо говорит, что «нам трудно вообразить, какого рода могли быть эти дни», и для уяснения их прибегал к современным наукам, показывая этим и нам, что мы также должны пользоваться всем тем светом, который наука проливает на таинственные вопросы бытия. А

новейшая наука, неизвестная древним, именно наука о земле, геология, дает положительные данные в подтверждение того, что дни творения – это продолжительные периоды, и правильная последовательность их, вполне согласующаяся с показанием бытописателя, писавшего историю творения за тысячи лет до появления самой геологии, служит новым поразительным доказательством богооткровенности книги Бытия.

II. Библейская хронология

Хронология есть один из самых спорных пунктов в Библейской истории, так как в самой Библии нет достоточной определенности в летосчислении. Кроме того, что древнейшие тексты Библии в своих цифровых показаниях расходятся на сотни лет, в самых частностях летосчисления есть столько данных для различных выводов, что хронологи построили множество систем летосчисления, не менее до 200.

Главная причина такой неопределенности, прежде всего, могла заключаться в ошибках переписчиков св. книг, – ошибках, которые легче всего сделать именно в цифрах, так как при неразборчивости рукописи у переписчика нет возможности догадаться по контексту, как это бывает при переписке неразборчивых слов. Что такие ошибки именно были, доказательством этого служит Быт. 5:25–27 стихи, где в переводе 70 толковников говорится, что Мафусал жил 167 лет до рождения Ламеха, и 782 года после него: «всех же дней Мафусала было 969 лет». Но при таком определении его лет является странная несообразность, именно, что Мафусал жил 14 лет после потопа. Ясно, что здесь вкралась ошибка, и потому в большинстве списков и переводов с греческого цифра 167 обыкновенно исправляется на 187, как это значит и в русском переводе. Отсюда мы можем заключить, что хронология, как не имеющая прямого отношения к основным началам веры и нравственности, есть предмет второстепенный в Библии и точное определение ее не входило в задачу бытописателя, а предоставлено усмотрению разума и изысканиям наук.

Тщательное исследование, между тем, показывает, что для составления точной и полной библейской хронологии нет твердых данных не только в отдельных цифрах лет жизни патриархов, но и в самых родословных, которые не проведены с безусловною последовательностью. Так, в еврейском тексте в родословной послепотопных патриархов пропущен Каинан, и говорится, что «Арфаксад родил Салу», между тем как по греческому тексту 70 и по свидетельству св. Луки (3:36) Сала был внук Арфаксада и сын Каинана. Таким образом, здесь нужно

допустить или ошибку в еврейском тексте, или, с другой стороны, слово «родил» понимать не в строгом смысле сыновства, а в смысле вообще потомства. Что слово это иногда употребляется в св. Писании в таком именно широком смысле, показывает Матф. 1, 8 стих, где читаем: «Иорам родил Озию»; между тем, из истории известно, что Озия был не сыном Иорама, а его праправнуком (Иорам – Охозия – Иоас – Амасия – Озия). Еще неопределеннее употребление в еврейском языке слова «сын», которое часто прилагается к отдаленным потомкам. Лаван в Быт. 29 называется сыном Нахоровым, между тем как в действительности он был внуком его от Вафуила (Быт. 21 и 29); Шевуил в 1 Пар. 24 называется сыном Гирсона, сына Моисеева, хотя жил несколько столетий спустя после него; Христос называется «сыном Давидовым», и т.д. Ввиду этого нет ничего невозможного в том, что бытописатель мог опустить некоторые звенья генеалогии патриархов допотопных и послепотопных, чтобы подвести их под известную симметрию – по десяти родов в каждой, подобно тому, как это сделал св. Матфей, опуская некоторые звенья родословной Христа, чтобы подвести ее под три симметрические группы, составляющие каждая по четырнадцати родов (1:17). Если же так, то библейская хронология не может быть определена с безусловною точностью, и определение ее может иметь значение лишь приблизительное, каковое и совершенно достаточно для главной цели библейского повествования, именно уяснения постепенного хода веры и нравственности ветхозаветного человечества, жаждавшего избавления свыше.

Но указанная неопределенность библейской хронологии отнюдь не дает места для произвольного отнесения сотворения человека на десятки и сотни тысяч лет до Р.Х., как это делают некоторые геологи, принимающие во внимание лишь показания слоев земли. Напротив, все более твердые и несомненные дынные показывают, что историческая жизнь человечества восходит не далее 5–6 тысяч лет до Р.Х., как это именно и выходит приблизительно по летосчислению 70 толковников, принятому православной церковью. Ввиду этого, последнее имеет больше значения и вероятия, чем еврейское, принятое

западную церковь, и к этому убеждению начинают склоняться даже западные богословы (как напр. Вигуру), припоминающие, что греческое летосчисление было принято и западную церковь, держалось в ней в течение шести веков и оставлено совсем не раньше XVI века. Разницу между этими системами летосчисления можно видеть из следующей сравнительной таблицы (цифры обозначают годы до Р.Х.):

	Евр.	Греч. (и слав.)
Сотворение мира	4 004 5 508	до Р.Х.
Потоп	2 349 3 242	
Призвание Авраама	1 921 2 040	
Рождение Исаака	1 897 2 015	
Рождение Иакова	1837 1955	
Переселение в Египет	1 706 1 825	
Рождение Моисея	1 571 1 691	
Исход из Египта	1 491 1 610	

Но эти цифры колеблются в исчислениях различных ученых исследователей, и для окончательного установления требуют соображения их с показаниями последующих периодов Библейской истории. Тогда исход из Египта нужно будет отнести к концу XV века, что склоняет весы вероятности в пользу еврейского летосчисления в этих позднейших периодах истории.

III. Предания о потопе

Предание о потопе распространено по всему земному шару и самая распространенность эта служит сильным подтверждением его исторической достоверности. Следы его в той или другой форме мы встречаем у народов всех частей света, хотя и с видоизменениями, объясняющимися влиянием местных условий и своеобразных воззрений различных народов. В Индии Ману спасается от потопа в корабле, который он построил по предсказанию рыбы, и по выходе из корабля совершает образцовую жертву. В Персии Йнма спасается от потопа в огороженном саду на вершине горы, где вместе с ним спаслись и представители всего живущего на земле. Известие об окончании потопа принесено ему птицей каршиптой. В Греции было два предания о потопе: в Беотии спасся от потопа в корабле Огигес, древний царь беотийский, сделавшийся родоначальником послепотопного человечества, а в Фессалии – Девкалион и Пирра, корабль которых остановился на Парнасе. В Египте, где наводнение считалось благодеянием, так как от него зависело благосостояние страны, предание о потопе изменено было в том смысле, что нечестивый род человеческий наказан был язвой, истребившей его весь, за исключением немногих лиц, сделавшихся родоначальниками нового человечества. Жертвоприношение спасшихся людей и обещание богов не губить впредь человеческого рода ясно указывает на то, что под этим преданием разумеется именно видоизмененное сказание о потопе, тем более, что и главный действующий в этом событии бог (Нун, Ну) имеет звуковое сходство с именем Ноя. В Америке, именно в Мексике, предание о потопе весьма близко подходит к библейскому. Мексиканский Ной – Кокс-Кокс спасся с своею женою на корабле; для удостоверения в состоянии земли он выслал коршуна, который не возвратился; но затем посланная колибри принесла ему ветвь с распустившегося дерева, которая и засвидетельствовала об окончании потопа. У жителей островов Фиджи существует предание, что их острова вскоре после заселения их были потоплены и все жители погибли, но боги выслали две барки, на которых и спаслось восемь человек. Но

эти цифры колеблются в исчислениях разных ученых исследователей, и для окончательного установления требуют соображения их с показаниями последующих периодов библейской истории. Тогда исход из Египта нужно будет отнести к концу XV века, что склоняет весы вероятности в пользу еврейского летоисчисления в этих позднейших периодах истории.

Но самое сходное с библейским сказанием предание халдейское. Оно давно уже было известно в передаче его вавилонским жрецом Берозом, жившим в III веке до Р.Х.; но так как можно было подозревать, что Бероз, как писавший по-гречески и в столь позднее время, мог привнести в свой рассказ и черты, заимствованные из Библии, то ему и не предавали должного значения до последнего времени, когда открыт был халдейский подлинник этого предания. Именно при разборе найденной в развалинах Ниневии библиотеки известного царя Ассирии Ассурбанипала английский ученый ассириолог Джордж Смит нашел и прочитал большую поэму, в которой 11-я песнь и содержит повествование о потопе. Поэма найдена в трех копиях с обозначением, что они сделаны с древнейшего подлинника (от XVII века до Р.Х.) и, таким образом, свободны от посторонних влияний. Герой поэмы некий Издубар, которому его предок Ксисутр, десятый из первобытных царей (Ной – десятый из патриархов), рассказывает о том, как он спасся от потопа. Когда боги решили погубить развращенный род человеческий, то бог воды Нуа (рыбообразный) повелел Ксисутру построить корабль в 600 локтей в высоту и ширину, взять с собою своих семейных, слуг мужских и женских и все, что было необходимо для семени жизни, и войти в этот корабль. В рассказе подробно описывается, сколько пошло материалов на построение корабля, сколько запасено было провизии. Когда Ксисутр вошел в корабль и затворил за собою дверь, то открылись все источники бездны, полились дожди, продолжавшиеся шесть дней и шесть ночей, и всякая жизнь на земле погибла. Корабль остановился на горе Низир. В седьмой день Ксисутр открыл окно и выпустил голубя, но он возвратился, не найдя сухого места на земле; возвратилась и выпущенная ласточка, но выпущенный затем

ворон остался на трупах и тем дал знать о прекращении потопа. Совершенное по выходе из корабля жертвоприношение было угодно богам и они обещали никогда впредь не губить рода человеческого потопом. – Несмотря на отдельные черты различия, мы сразу видим, что здесь рассказывается о том же самом потопе, о котором повествует Библия. Это как бы лишь другая редакция того же самого рассказа, но уже носящая признаки потемнения и извращения и, что важнее всего, всецело проникнутая политеизмом, между тем как в Библии сказание является во всей своей первоначальной чистоте и истинности.

В общем, все эти предания, подтверждая истинность библейского повествования о потопе, доказывают вместе с тем, что все теперь населяющие землю народы произошли именно от одного родоначальника или его сыновей и, таким образом, составляют одну нераздельную общечеловеческую семью, имеющую одного Отца небесного.

IV. Гибель Содома и Гоморры

Местоположение Содомского пятиградия доселе не определено с достаточной точностью; но большинство новейших географов полагают, что города эти находились к северу от Мертвого моря, в той части иорданской долины, которая теперь потоплена водою. Это само собою предполагает, что Мертвое море уже существовало и раньше катастрофы, так как оно служило бассейном, куда сливались воды Иордана, но, несомненно, было меньших размеров и отличалось другими свойствами, быть может, было таким же прозрачным и оживленным, как и озеро Галилейское или Геннисаретское. Гибель этих городов есть одно из самых страшных и замечательных событий в Библии, и на нее чаще всего делаются указания как на доказательство страшного гнева Божия за попрание всяких законов нравственности. О событии этом повествуется в следующих знаменательных словах: *«И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба. И ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли»*(Быт. 19:23–27). Когда Авраам рано утром на другой день взглянул по направлению погибших городов, то увидел: «вот, дым поднимается с земли как дым из печи». Тут мы видим одно из многих доказательств того, как Господь для наказания людей за беззаконие употребляет естественные разрушительные силы. Города погибли не от внутреннего раздора, не от руки врагов, но от такого бедствия, которого невозможно было ни предвидеть, ни избежать и о котором объявлено было лишь тогда, когда нечестие сделало это страшное наказание неизбежным. Неудивительно, что такое страшное событие должно было обращать на себя внимание и писателей последующих времен, и указания на него мы встречаем как у позднейших иудейских и новозаветных писателей, так и у языческих. Иосиф Флавий говорит о нем следующее: «Прилегающая к озеру область Содомитская была некогда благословенною страню по своему плодородию, и украшалась многими городами, но теперь она совершенно выжжена. Рассказывают, что за нечестие ее жителей

она была погублена молнией. Даже до настоящего времени можно видеть некоторые остатки небесного огня и следы пяти городов; в самых плодах появляется зола; по внешности и цвету они кажутся настоящими плодами, но стоит только подавить их рукой, как они превращаются в пыль и золу». Св. ап. Иуда в своем соборном послании говорит, что «Содом и Гоморра и окрестные города, подобно им блудодействовавшие и ходившие за иною плотию, подвергшись казни огня вечного, поставлены в пример» всем делателям зла (Иуд. 7). По свидетельству ап. Петра, Бог *«города Содомские и Гоморрские осудил на истребление, превратил в пепел, показав пример будущим нечестивцам»* (2Петр. 2:6). Но о событии этом свидетельствуют даже языческие писатели. Римский историк Тацит, подробно описывая Мертвое море с его поразительными особенностями, затем говорит: «соседняя с ним равнина, некогда плодородная и заселенная большими городами, была погублена молнией, следы чего можно видеть в попаленной земле, теперь совершенно бесплодной». Древний географ Страбон, говоря о Мертвом море (которое он, впрочем, смешивает с Сирбонским озером на границе Египта), объясняет его необычайные особенности действием подземных вулканических сил, хотя прибавляет свидетельство о сохранявшемся у местных жителей предании, что оно образовалось вследствие катастрофы, погубившей Содом и двенадцать других соподчиненных ему городов, большая часть которых была поглощена водами озера.

Все эти свидетельства с достаточностью подтверждают историческую достоверность страшного события, но вместе с тем, отчасти, способствуют уяснению самого способа гибели городов. Местность эта поражает необычайным изобилием серы. «Серные источники, говорит один из новейших исследователей (каноник Тристрам), повсюду бьют здесь по берегам; сера рассыпана или целыми слоями, или кусками и по всей запустелой равнине; вместе с тем смола большими массами всплывает со дна озера, просачивается чрез щели скал, перемешана с песком на самом плесе берега, или даже является с примесью опять серы, как бы вследствие какого-то необычайного потрясения... Воспламенение такой массы

горючих веществ – от молнии ли, или от другой какой-либо причины, вместе с землетрясением, выбрасывающим смолу или серу из озера, способны сами по себе производить опустошение на прилегающей равнине». Эта особенность, таким образом, сама по себе делает довольно ясным способ гибели городов. Для этого нет надобности предполагать даже действие подземных вулканических сил. Все указывает именно на воспламенение горючих веществ, находящихся там в таком изобилии, и это воспламенение могло произойти от молнии или другой причины, превратившей всю долину с городами в «дымящуюся печь», как и свидетельствует библейское повествование. Плиний говорит, что в Ликии в его время были так называемые Эфестовы горы, которые состояли из такого горючего вещества, что его можно было зажигать даже головней; от огня песок на берегу рек становился раскаленным и самая вода по своему серному свойству не только не тушила огня, а усиливала его. Ввиду этого обстоятельства становится понятным, почему не осталось и следов от погибших городов, если предполагать, что не вся долина была затоплена озером. Они могли быть построены из того же горючего вещества, от которого и погибли. Катастрофа эта, естественно, произвела глубокую перемену в окружающей местности, которая из роскошного оазиса превратилась в мрачную пустыню.

Все это, конечно, были лишь второстепенные причины, служащие только к уяснению самого способа гибели нечестивых городов; но за ними стоит главная и первая причина – воля праведного Судии, который самые естественные причины употребляет как орудия и средства к достижению Своих святых целей.

V. Голодные годы в Египте

Урожаи в Египте, как в древности, так и теперь всецело зависят от разливов Нила, орошающих почву, так как дождей почти совершенно не бывает там, за исключением прибрежной полосы Средиземного моря. Но для этого требуется известная степень обилия воды, и в случае недостатка ее неизбежно наступает или плохой урожай, или полный неурожай, а за ним, естественно, и голод. Бедствие усиливается еще оттого, что недостаточный разлив реки сопровождается восточным и южным ветрами, которые совершенно иссушают землю и сжигают растительность. Обе эти причины, видимо, подразумеваются в повествовании о голодных годах, бывших при Иосифе. Ввиду этого само собой понятно, что голод, бывший при Иосифе, не был исключительным явлением. На египетских памятниках нередко встречаются указания на голодные годы, а также и на мероприятия против них. Особенно замечательна одна надпись на гробнице некоего Абаны-Бабы, свидетельствующая о голодных годах, которые иные египтологи отождествляют с голодными годами при Иосифе. Этот «начальник при столе князей», как он сам называет себя, подробно рассказывает о своей счастливой жизни и о том общем уважении, которым он пользовался у всех, и затем свою надгробную надпись заключает словами: «Я собирал жатву, как друг бога жатвы. И вот когда настал голод, продолжавшийся много лет, я выдавал зерновой хлеб городу в каждый голодный год». Ввиду чрезвычайной редкости случаев голода, продолжающегося по несколько лет в Египте, а также судя по времени жизни самого Бабы, многие исследователи и высказывают предположение, что в этой надгробной надписи разумеются те самые семь голодных годов, которые были при Иосифе.

Случаи многолетнего голода известны и из позднейшей истории Египта. Особенно замечателен в этом отношении голод, бывший в царствование халифа Эл-Мустансир-биллаха, тем более, что он как раз продолжался семь лет (1064–1071 гг. по Р.Х.). Голод этот по своей бедственности превосходил все другие, известные в новейшее время. Страшная засуха и язва,

по свидетельству современного писателя, продолжались в течение семи лет подряд, так что народ ел трупы животных, погибавших от нужды; скот погиб; собака продавалась за 5 динаров, кошка за 3 динара и ардебб пшеницы (около 6 четвериков) за 100 динаров. Даже у самого халифа погибли все лошади, за исключением трех. Образовались даже целые шайки похитителей детей, которые и пожирались. Свидетельство это с достаточностью показывает, от какого бедствия Иосиф своими мудрыми мероприятиями избавил Египет в свое время.

VI. Станы в пустыне

В книге Числ (33 глава) подробно перечисляются все станы, которые делались израильтянами с самого выхода из Египта до вступления в землю обетованную. Хотя большая часть этих станов еще не определена с точностью, так как и в самом определении направления пути израильтян существует между учеными исследователями большое разногласие, тем не менее последовательный ряд этих станов немало служит к уяснению странствования израильского народа. Вот список этих станов.

I. Станы в Египте: 1. Раамсес, укрепленный город, исходный пункт. 2. Сок-хоф, на день пути от Раамсеса. 3. Ефам, близ крепости того же имени. 4. Пигахироф, пред Ваал-Цефоном и Мигдолом, близ Чермного моря.

II. Станы по пути к Синаю: 5. Мерра. 6. Елим. 7. Стан у Чермного моря. 8. В пустыне Син. 9. Лофка у египетских рудников. 10. Алуш. 11. Рефидим. 12. В пустыне Синайской, на равнине Эр-Раха.

III. Станы по пути от Синая к земле обетованной: 13. Киброт-Гаттаава (гробы похотения). 14. Асироф. 15. Кадес (в пустыне Фаран – Числ. 13:1–27).

IV. Станы во время 38-летнего странствования по пустыне: 16. Рифма. 17. Риммон-Фарец. 18. Ливна. 19. Рисса. 20. Кегелаф. 21. На горе Шафер. 22. Харада. 23. Макелоф. 24. Тахаф. 25. Тарах. 26. Мифка. 27. Хашмона. 28. Мосероф. 29. Бене-Яакан. 30. Хор-Агидгад. 31. Иотвафа. 32. Аврон. 33. Ецион-Гавер. 34. В пустыне Син, она же и Кадес.

V. Последние станы от Кадеса: 35. У горы Ор, у пределов земли Эдомской. 36. Салмона. 37. Пунона. 38. Овоф. 39. Ийм-Аварим, на пределах Моава. 40 – Дивон-Гад. 41. Алмон-Давлафаим. 42. На горах Аваримских, пред Нево. 43. На равнинах моавитских, у Иордана, против Иерихона.

Среди станов во время 38-летнего странствования обращает на себя внимание Кадес.

Это тот пункт, с которого посланы были соглядатаи в землю обетованную, и он составляет самый далекий стан, до которого только доходили израильтяне по прямому пути в Ханаан. Из него

они принуждены были возвратиться опять в пустыню, но он, видимо, несколько раз служил местом становища и был как бы центральным пунктом во время всего странствования, чем и объясняется неоднократное упоминание о нем.

VII. Манна

Начиная с восьмого стана – в пустыне Син – манна сделалась источником пропитания израильтян и служила таковым до самого вступления в землю обетованную. Источник этот был совершенно необычайный и чудесный; но для уяснения того, что собственно представляла собою эта манна, может служить, отчасти, встречающаяся на Синайском полуострове естественная манна, так называемая тамарисковая, с которой некоторые исследователи, усиливающие все чудесное низводить на почву естественную, даже стараются отождествить ее.

В некоторых частях Синайского полуострова действительно встречается естественная манна, по своим свойствам, отчасти, похожая на библейскую и даже теперь называемая у местных бедуинов манна эссема, т.е. «небесная манна». Это – беловатое смолистое вещество, имеющее душистый запах и высачивающееся из стволов особого кустарника – тамариска (*tamarix mannifera*). Тамариск растет в западной половине Синайского полуострова, в каменистой Аравии и в странах заиорданских. Собственно на Синайском полуострове истечение этого смолистого вещества происходит в месяцах мае и июне, вообще после зимних дождей. В другие месяцы его совершенно не бывает. Оно имеет вкус меда и сочится из кустарника совершенно так же, как известная смола, которая высачивается по временам из вишневого ствола, и, в случае особенного изобилия, падает на землю. При падении на землю манна, естественно, принимает в себя и другие элементы, так что для употребления ее требуются известные приспособления. Арабы кипятят ее в горшке, затем пропускают чрез полотно для очищения, и потом сливают в жестянки, в которых она может сохраняться по несколько лет. Местные бедуины и греческие монахи едят ее с хлебом как медовую приправу, но она никогда не употребляется в качестве и взамен самого хлеба. Ясно, что такая манна не может служить источником пропитания, так как она не в состоянии поддерживать жизненных сил. Даже один из исследователей, старающихся отождествить небесную манну,

которую питались израильтяне, с тамарисковой, находит себя вынужденным сказать, что «последней было бы совершенно недостаточно для питания, так как она не содержит в себе азотистого начала» (Бартело).

Но, кроме этого, между небесною манною, служившею источником пропитания израильтян, и манною тамарисковою есть много других существенных отличий, делающих отождествление их совершенно невозможным. Израильтяне получили ее впервые в пустыне Син, в восьмом стане (Исх. 16:1–14), когда именно на поверхности земли, к изумлению народа, появилось «нечто мелкое, круповидное, мелкое как иней на земле», и они питались ею в течение всего своего сорокалетнего странствования по пустыне. Она перестала падать уже тогда, когда они перешли чрез Иордан (И. Нав. 5:12). В течение всего странствования она выпадала каждое утро как роса и в таком количестве, которого достаточно было для пропитания целого народа, состоявшего не менее как из двух или даже трех миллионов душ. Каждый собирал ее столько, сколько достаточно было для пропитания себя и своего семейства, именно по го-мору на душу (Исх. 16:16). Накануне субботы выпадение манны и сбор ее были в двойном количестве, чтобы не нарушать субботнего покоя (16:22–24), и она не портилась, хотя в остальные дни недели всякий излишек подвергался порче и гниению. В субботние дни манна совершенно не появлялась, хотя некоторые сначала выходили для сбора ее и по этим дням (Исх. 16:27). По дальнейшему описанию – «манна была как кориандровое семя; белая, вкусом же подобна лепешке с медом» (16:31). Кориандр есть небольшое зонтообразное растение, с мелкими круглыми семенами. В Числ. 11 манна по виду уподобляется бдолаху («видом как бдолах»); бдолах есть смолистое вещество, вытекающее из бдоллы, особого рода пальмы. Она была настолько твердая, что ее нужно было молоть на жерновах, толочь в ступе, варить в котлах и затем делать из нее лепешки, которые вкусом были подобны лепешкам с елеем или медом (Числ. 11:8; Исх. 16:31). Со временем эта однообразная пища, естественно, приелась и надоела израильтянам, так что они

роптали и называли манну «негодной пищей» (Числ. 21:5), или точнее – «слишком легкой»; но в действительности они не голодали и, во всяком случае, не умирали с голоду, как это было бы неизбежно с манной тамарисковой.

Из этих подробностей видно, что библейская манна отнюдь не то же, что тамарисковая. Кроме непригодности последней для питания, ее было бы положительно недостаточно для израильтян. Для них, по меньшей мере, требовалось до полумиллиона пудов манны еженедельно, между тем как тамарисковой манны даже в хорошие годы собирается не более 25– 30 пудов в год, и она служит лишь лакомой приправой к хлебу для местных жителей. Притом, тамарисковая манна была хорошо известна в Египте; о ней часто упоминается на памятниках под названием «белая манна», и она, поэтому, не могла бы так поразить израильтян, как поразила их манна чудесная.

VIII. Валаам

Валаам представляет собою одну из замечательнейших личностей в Библейской истории по той раздвоенности духа и смеси в нем истины и заблуждения, которые он обнаруживает в своих действиях. Он происходил из города Пефора, лежавшего на берегу Евфрата, в северной части Месопотамии. Город этот был центром всякого рода волхвов и прорицателей, и пользовался обширною известностью во всех окружающих странах. Самым замечательным из них был Валаам, который обладал знаниями, далеко превосходящими познания обычных языческих прорицателей. В некоторых своих изречениях он прямо обнаруживает знание истинного Бога и даже тех обетований, которые даны были Аврааму и последующим патриархам избранного рода. Это, несомненно, объясняется прежде всего тем, что на р. Евфрате среди населения сохранялись предания о бывших откровениях Аврааму, вышедшему именно из этой местности, но затем и самым характером положения Валаама. Как прорицатель, пользовавшийся обширною известностью у различных соседних народов, он для поддержания своей славы, очевидно, должен был следить за ходом религиозных воззрений этих народов, изучать их, чтобы при случае не обнаружить своего невежества пред прибегавшими к его помощи царями. Отсюда, если сравнить его изречение в Числ. 23:10 с обетованием Божиим Аврааму в Быт. 13:16, и особенно Числ. 23:24; 24с Быт. 49:9; Числ. 24с Быт. 49:10, то сразу будет видно, что Валаам хорошо был знаком с религией Иеговы и историей избранного народа.

Это знакомство не могло не иметь на него благотворного влияния, и он в глубине своей души носил искру истинного боговедения и убеждения в превосходстве Иеговы над всеми языческими богами; но внешнее его положение в качестве прорицателя и особенно обычное у волхвов корыстолюбие не давали разгореться этой искре в нем и заглушили ее до того, что он противился прямым внушениям Божиим. Ввиду этого, самые взгляды на него двоятся. Одни, как напр. Тертуллиан и блаж. Иероним, считают его истинным пророком, но только

погрешившим чрез свою корысть и честолюбие; другие, как напр. Филон, св. Амвросий и блаж. Августин, видят в нем ложного пророка и язычника, который только сделался орудием благословения для израильтян. Само св. Писание скорее дает основания в пользу последнего взгляда, так как он называется не словом наби, прилагаяемым к истинным пророкам, а только косем, т.е. прорицателем, волхвом, что обыкновенно прилагается только к людям, занимающимся волхвованием, запрещенным в законе (Втор. 18и сл.; 1Пар. 15и др.).

Вопреки своим глубочайшим убеждениям, он за «мзду неправедную» хотел проклясть Израиля, но в самый торжественный момент, под влиянием Духа Божия, истина в нем восторжествовала над ложью и он превратился в истинного пророка, изрекшего одно из самых возвышенных пророчеств о Мессии: *«Вижу Его, но ныне еще нет; зрю Его, но не близко. Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля, и разит князей Моава и сокрушает всех сынов Сифовых»* (Числ. 24:17). Эта звезда, восходящая от Иакова, этот жезл, поражающий Моава и всех врагов Израиля, есть именно Мессия, как на это указывает самая торжественность тона, возвышенная иносказательность, отдаленность самого времени и единогласное предание как иудеев, так и христиан. Мнение, что под звездою здесь разумеется Мессия, было столь распространено среди иудеев, что один из лжемессий, именно являвшийся при Адриане, называл себя прямо «сыном звезды» (Бар-Кохба). Отцы и учителя церкви единогласно разумеют Мессию.

IX. Солнцестояние при Иисусе Навине

В битве при Гаваоне совершилось одно из величайших чудес, о которых только повествуется в Библии. Именно, Иисус Навин остановил солнце и луну в их обычном течении и тем продолжил день, давший ему возможность докончить поражение врагов. Об этом чуде в книге Иисуса Навина рассказывается так: *«Иисус воззвал к Господу в тот день, в который предал Господь Бог Амморей в руки Израилю, и сказал пред израильтянами: стой, солнце, над Гаваоном, и луна, над долиною Аиалонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного: стояло солнце среди неба, и не спешило к западу почти целый день? И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь (так) слышал бы гласа человеческого. Ибо Господь сражался за Израиля»* (И. Нав. 10:12–14). Затем, в подтверждение этому, автор книги Иисуса, сына Сирахова, характеризуя И. Навина, говорит, между прочим: *«не его ли рукою остановлено было солнце, и один день были как бы два?»* (Сир. 46:5). Так как это чудо касается астрономической области, где с особенною определенностью признается действие правильных и неизменных законов, то неудивительно, что оно встречает много возражений. Прежде всего, указывают на неправильность самого выражения: стой, солнце, так как для удлинения дня требовалось бы остановить землю, которая своим движением вокруг своей оси и производит явление дня и ночи. Но на это нужно сказать, что И. Навин не имел ввиду в пылу битвы соблюдать точность астрономических выражений, а высказал свое повеление обычным разговорным термином, который вполне допускает такое выражение. Это солнцестояние имело своим результатом удлинение дня настолько, что день этот был совершенно необычайным, «был как бы два дня». Некоторые толкователи, чтобы избегнуть как указанного, так и других возражений против чуда, стараются объяснить эту продолжительность дня субъективным впечатлением И. Навина и израильтян, именно в том смысле, что поражение, нанесенное ими неприятелям, было такое полное,

что для него, по-видимому, недостаточно было бы одного обыкновенного дня, и потому день тот как будто в действительности был вдвое продолжительнее. В подтверждение этого ссылаются на то, что самое повествование о чуде берется из «Книги праведного», т.е. сборника героических песен, в которых воспевались с обычной поэтической вольностью различные события и подвиги израильских героев. Но на это нужно сказать, что цитата из «Книги праведного» приводится не как источник самого события, а лишь в подтверждение рассказа самого И. Навина, в том смысле, что это великое событие к тому времени, когда писал свою книгу И. Навин (в конце своей жизни), уже сделалось предметом народного поэтического творчества, воспевалось в «Книге праведного», таким образом было событием общеизвестным, не требовавшим особенного удостоверения в его действительности. Что касается самой продолжительности дня, то, ввиду недостаточной определенности выражений в повествовании о чуде, определить ее невозможно. День, видимо, уже клонился к западу, так как виден был на небе и серп луны. Поэтому можно только предполагать, что с момента чудесной остановки солнца ночь не наступала еще так долго, что израильтяне имели полную возможность докончить дело поражения неприятеля и самый день сделался как бы двойным против обыкновенного.

Но как могло совершиться такое чудо, не нарушая всего стройного течения мирового порядка? – На этот вопрос, задаваемый астрономами, Библия не отвечает ни одним словом, предоставляя решение его собственным силам разума. В таком случае возможны два предположения: 1) или Бог действительно остановил земной шар в его суточном движении вокруг своей оси, или 2) не останавливая земли, заставил солнце оставаться видимым И. Навину в продолжение всего того времени, которое требовалось для победы. Против первого предположения возражают, что внезапная остановка земли причинила бы страшное потрясение всех предметов на ее поверхности, а также и значительный беспорядок среди небесных тел, так как земля вышла бы из своей орбиты и нарушила бы правильность движения луны. Но возражение это разрешить нетрудно. Тот, Кто

мог остановить так землю в ее движении, настолько мудр и всемогущ, чтобы предотвратить и губительные последствия такой остановки. Притом возражение, предполагающее возможность нарушения порядка в самом соотношении небесных тел, несостоятельно и само по себе, потому что годовое движение земли вокруг солнца и движение луны вокруг земли независимы от вращения земного шара вокруг своей оси; вследствие этого, даже во время остановки его вращения вокруг своей оси, передвижение его в пространстве вокруг солнца и движение луны не могли получить какого-либо сильного потрясения или видоизменения. Что касается второго предположения, именно допускающего кажущуюся остановку солнца без действительной остановки земли, то предпочитающие такое объяснение рассматриваемого чуда должны допустить чудесное уклонение солнечных лучей, направленных к освещению Палестины. А это уклонение могло произойти или по непосредственному действию всемогущества Бога, благоволившего дать лучам солнца то именно направление, какое нужно было для удлинения дня; или же посредством естественных способов отражения или преломления лучей, что также дало бы возможность видеть солнце в такие часы, когда оно при обыкновенном состоянии было бы совершенно закрыто от глаз. Против исторической достоверности чуда делается еще одно возражение, именно, что оно непременно по своей необычности поразило бы и другие народы; между тем, мы совершенно не находим о нем свидетельств в летописях древних народов, которые могли бы быть свидетелями этого чудесного события. Хотя у китайцев и встречается свидетельство об одном дне, бывшем более продолжительным, чем обыкновенно, но вообще можно полагать, что чудесная продолжительность дня едва ли могла быть заметна еще где-либо, кроме Палестины.

Кроме своего чисто физического значения чудо это имело и весьма важное религиозно-нравственное значение. Оно показывало ханаанским народам, боготворившим солнце и луну под видом Ваала и Астарты, что Иегова, Бог израильский, есть единый истинный Бог и в Его всемогущем распоряжении находятся те светила, которые безумно боготворились

язычниками. Последние, таким образом, кроме жестокого физического поражения от израильтян, понесли и не менее сильное поражение нравственное, которое должно было окончательно отнять у них всякое мужество в борьбе с пришельцами.

Х. Библейское времясчисление

Для более полного уяснения многих событий Библейской истории необходимо некоторое знакомство с библейским времясчислением.

Евреи считали день от одного заката солнца до другого, и такой счет принят в Библии, как это видно из определения протяженности субботнего дня: «от вечера до вечера празднуйте субботу вашу» (Лев. 23:32). Такой счет доселе сохраняется в церковном уставе и в богослужебных книгах Православной церкви. Для обозначения суток, т.е. 24 часов времени, не было особого слова, и в этом случае употреблялось выражение вечер и утро, как это видно из самой истории сотворения мира (Быт. 1:5). День, в собственном смысле этого слова, разделялся на три части – вечер, утро и полдень (Пс. 54:18), которые, в свою очередь, делились еще на более мелкие части. Вечеров собственно различалось два, из которых один был при самом начале захождения солнца, а другой при окончании его, и позднейшие иудейские секты немало спорили между собой касательно точного различия этого подразделения вечера. Разделения на часы древние иудеи не знали и самое слово шла – «час» впервые встречается у пророка Даниила, и притом скорее в смысле вообще краткого времени, чем часа в собственном смысле этого слова (см. напр. Дан. 5:5). Только уже после Рождества Христова у иудеев вошло в употребление разделение дня на двенадцать часов, считавшихся от восхода солнца до заката, но и это разделение не имело особенной точности, так как часы или удлинялись, или уменьшались в своем протяжении, смотря по долготе или краткости дней в летние или зимние месяцы года. – До плена вавилонского иудеи делили ночь на три стражи (Пс. 62:7; 89:5); первая стража продолжалась от заката солнца до 10 ч. ночи (Плач. 2:19), средняя от 10 до 2 ч. ночи (Суд. 7:19) и третья или утренняя стража до восхода солнца (Исх. 14:24). После завоевания Палестины римлянами у иудеев вошел в употребление римский обычай разделять ночь на четыре стражи.

Семь дней или суток составляли неделю (Быт. 29:27, 28). Седьмой день посвящался Господу – в память покоя Творца по окончании творения мира, откуда и дано ему название суббота, т.е. покой (Быт. 2:2; Исх. 20:11). Отдельные дни не имели особых названий, и обозначались просто числами: первый, второй день и так далее, начиная от субботы (Марк. 16:2; Лук. 24:1; Иоан. 20:1). Иудеи-эллинисты называли пятницу днем приготовления, так как этот день они посвящали приготовлению к празднованию субботы. Суббота имела весьма большое значение в общественной жизни иудеев и строго соблюдалась до позднейшего времени.

Как закатом и восходом солнца определялись дни, так движением луны определялись месяцы (Сирах. 43:6–8). Месяцы были совершенно лунные, и так как вращение луны вокруг земли совершается в 29 с половиной дней, то и месяцы у евреев попеременно были в 29 и 30 дней, причем первые назывались «недостаточными» и последние – «полными». Сначала они не имели особых названий и различались лишь по числовому обозначению их – первый, второй месяц и т.д. (Быт. 7:11; 8:4–5), но с течением времени вошли и особые названия, хотя в Пятокнижии такое название носит только один месяц Авив, т.е. месяц новых колосьев, сделавшийся началом священного года и получивший впоследствии название Нисана (Исх. 12:2; 23:15; Втор. 16:1). Во время вавилонского плена иудеи усвоили халдейские названия для месяцев, которые и вошли в окончательное употребление. Вот эти названия в последовательном порядке месяцев священного года, с обозначением соответствующих месяцев по нашему календарю:

1) Нисан, древний Авив (Неем. 2:1), в 30 дней, соответствует марту.

2) Зиф (3Цар. 6:1), месяц цветов, в 29 дней, соответствует апрелю.

3) Сиван (Варух. 1:8), в 30 дней, соответствует маю.

4) Таммуз, в 29 дней, соответствует июню.

5) Аб, в 30 дней, соответствует июлю.

6) Елул (Неем. 6:15), в 29 дней, соответствует августу.

7) Тисри или Афаним (3Цар. 8:2), в 30 дней, соответствует сентябрю.

8) Бул (3Цар. 6:38), месяц дождей, называемый также Мархесван, в 29 дней, соответствует октябрю.

9) Хаслев (Зах. 7:1), в 30 дней, соответствует ноябрю.

10) Тебеф (Есф. 2:16), в 29 дней, соответствует декабрю.

11) Шеват (Зах. 1:7), в 30 дней, соответствует январю.

12) Адар (Есф. 3:7), в 29 дней, соответствует февралю.

Число месяцев было обыкновенно двенадцать (3Цар. 4:7; 1Пар. 27:1–15); но чрез каждые три года, чтобы уравнивать лунный год с солнечным (против которого он на 11 дней короче), иудеи прибавляли к двенадцати обычным месяцам еще один месяц – тринадцатый, который назывался Веадар, т.е. дополнительный Адар; он полагался между Адаром и Нисаном и состоял из 29 дней.

По временам года месяцы распадалась на шесть отдельных групп, которыми обозначались периоды различных земледельческих работ, и они шли в следующем порядке:

I. Время посева: Тисри – последняя половина, Мархесван и Хаслев первая половина (ранние дожди).

II. Время произрастания: Хаслев последняя половина, Тебеф и Шеват первая половина.

III. Холодное время: Шеват последняя половина, Адар и Нисан первая половина (поздние дожди).

IV. Время жатвы: Нисан последняя половина, Зиф и Сиван первая половина (весеннее равноденствие, созревание ячменя и Пасха; в Сиване созревание пшеницы, Пятидесятница).

V. Лето: Сиван последняя половина, Таммуз и Аб первая половина.

VI. Знойное время: Аб последняя половина, Елул и Тисри первая половина (в последнем собрание плодов).

Таким образом, в общем шесть месяцев, начиная с последней половины Тисри до половины Нисана, проходили в обработке земли, а остальные в жатве и сборе плодов. При этом нужно заметить, что указанное выше соответствие с нашими месяцами имеет лишь приблизительную верность, так как большею частью иудейские месяцы как лунные в точности не

совпадали с нашими – солнечными. Поэтому Нисан напр. нужно полагать где-нибудь между мартом и апрелем, и так далее.

Что касается года, то у иудеев различалось два Года – священный и гражданский. Священный год начинался с месяца Нисана. Он установлен был с исхода израильтян из Египта и получил особенное значение в смысле такого года, по которому распределялись все великие праздники и священные торжества, имевшие связь с событием освобождения и законодательства. В обыденной же жизни оставался в употреблении обычный год гражданский, начинавшийся с месяца Тисри – сентября, так как по иудейскому преданию мир сотворен был осенью.

XI. Библейские веса и деньги

1) Весы. Единицей библейского веса считался сикль, шекель – «вес»; сикль подразделялся на две беки или полусикля (Исх. 30:13; Лев. 27:25; Числ. 18:16), а впоследствии и на трети (Неем. 10:32) и на четверти (1Цар. 9:8). В беке считалось десять гер, так что двадцать гер составляли полный, так называемый священный сикль. Кроме этих мелких единиц веса были в употреблении и сложные высшие единица веса. Это так называемая мина, состоявшая из 60 сиклей (Иез. 14:12); 60 мин, в свою очередь, составляли талант – высшую единицу веса (Исх. 38:24, 26). Талант называется по-еврейски киккар, т.е. круглый, так как самая гиря имела, вероятно, круглую форму. В нем было 3 600 сиклей.

Гири сначала были каменные, и чтобы постоянно иметь узаконенную систему веса, Моисей установил при скинии правильные весы, с которыми народ должен был сверять свои весы и гири и прибегать к ним в случае возникновения каких-либо споров. Вес этот назывался священным (сикль священный – Исх. 30:13; Лев. 27:25). Эти весы и гири впоследствии были перенесены в храм и поручены охране священников (1Пар. 23:29). Неизвестно собственно, какую форму имели эти гири. У ассирийян и египтян они имели форму различных животных (львов, волов и пр.), как это видно из различных изображений, сохранившихся на памятниках. При обыденных торговых сделках продавец и покупатель обыкновенно пользовались своими собственными весами, которые постоянно носились за поясом или в особой сумке, причем бывали случаи и обмана, посредством фальшивых гирь (против чего и направлено особое постановление закона – Втор. 25:13).

Для определения библейского веса у нас имеются данные лишь из времени Маккавеев, именно серебряные сикли; но можно предполагать, что они того же веса, какой установлен был при Моисее. В таком случае библейскую систему веса можно представить в следующей таблице:

1 гера 15,86 долей.

10 1 бека

1 зол. 65,20 д.

20

2 1 сикль

3 зол. 34,40 д.

1 200 120 60 1 мина

2 ф. 9 з. 48 д.

72 000 7 200 3 600 60 1 талант 3 п. 5 ф. 90 з.

Но такой вес был только для серебра, как наиболее ходячего и употребительного металла. Для золота вес этот несколько видоизменялся и был больше, как это можно видеть из следующей таблицы:

1 сикль

4 зол. 6 дол.

100

1 мина

4 ф. 22 зол. 23 дол.

10 000 100 1 талант

10 п. 23 ф. 15 зол. 92 д

При помощи этих таблиц можно сделать вычисление для перевода на наш вес всех встречающихся в Библейской истории весовых единиц. Так, слуга Авраама Елеазар подарил невесте Исаака Ревекке при первой встрече с нею «золотую серьгу весом полсикля и два запястья на руки ей, весом в десять сиклей золота». Это значит: серьга весила 2 зол. 3 доли, запястья – 40 зол. и 60 долей.

2) Деньги. Денег в смысле чеканной монеты у израильтян не было до позднейшего времени, именно периода Маккавеев. Купля-продажа большею частью производилась чрез обмен самых предметов, хотя уже рано некоторые предметы, особенно домашние животные, получили значение своего рода меновой монеты, так что стоимость известной вещи определялась известным количеством телят, овец, козлят и так далее. Но вместе с тем, ценность этих предметов скоро была переведена на драгоценные металлы, которые и стали употребляться в качестве денег, хотя и не имели еще определенной монетной стоимости, которая определялась единственно по весу. Куски серебра или золота, ходившие в виде простых слитков, колец,

различных фигур, имели известный вес и по нему не только определялась их стоимость, но и придавалось им самое название. Если кусок весил талант, мину или сикль, то и назывался талантом, миной или сиклем и так далее, так что монетная система первоначально вполне соответствовала системе весовой, как она определена выше. Сикль (или сребреник) в этом смысле упоминается уже в книге Быт. 20:16, причем есть указания и на подразделение его на беки или полусикли и на геры, которых было 20 в сикле (Исх. 30:13). Из крупных денежных единиц в Исх. 37ст. упоминается талант. Но слитки драгоценных металлов не имели точного, установившегося веса, а следовательно и ценности, и потому для определения их ценности приходилось часто прибегать к весам, как это было и в Египте, где на памятниках можно часто видеть изображение взвешивания слитков. В некоторых местах упоминается особая монета, так называемая кесита (Иаков купил часть поля за сто «монет», кесита – Быт. 33и др.) Что, собственно, понимается под этим названием – неизвестно; но судя по тому, что у 70 греческих толковников и в Вульгате слово это переведено словом «ягненок», можно думать, что это были такого рода слитки, которые имели форму ягненка и ходили по известной определенной цене, имея определенный вес.

Библейскую денежную систему можно выразить таким образом в соответствующей весу таблице, из которой вместе видно будет, что в этой системе сделаны некоторые отступления от весовой системы. Но чтобы определить ценность того или другого веса металла и, прежде всего, серебра, мы за норму берем русский серебряный рубль. В нем значится 4 золотника 21 доля чистого серебра. Так как на одну копейку приходится 4,05 долей серебра, то, следовательно, 1 гера серебра будет равняться 3,91 коп. Для круглоты вычисления мы полагаем ценность геры в 4 коп. и тогда вся денежная система выразится в следующей таблице:

1 гера	
4 коп.	
10 1 бека	
40 коп.	

20 2

1 сикль

80 коп.

1 200

120 60

1 мина

48 руб.

60 000 6 000 3 000 50 1 талант 2 400 руб.

Чтобы составить подобную же таблицу для золота, нужно принять во внимание сравнительную стоимость этих металлов в библейское время. По наиболее тщательному исследованию оказывается, что в древности в западной Азии золото было в 13 раз дороже серебра (в Афинах в 12, а в настоящее время в 16). Рассчитывая по этой норме, мы получим следующую таблицу золотой монеты:

1 сикль

12 руб.50 коп.

100

1 мина 1 250 руб.

10 000 100

1 талант

125 000 руб.

После плена Вавилонского между иудеями вошли в употребление персидские червонцы, так называемые дарики, с изображением на лицевой стороне царя с копьем в правой и луком в левой руке и на обороте – неправильного четырехугольника. Эти дарики, или по-еврейски даркмоны, стали впоследствии известны под названием драхм (1Ездр. 2и пр.). Ценность их неизвестна, но приблизительно определяется в 6 рублей 25 коп., следовательно, равнялась золотому полусиклю.

При Маккавеях впервые появляется чеканная монета. Именно Симон Маккавей получил в 140 г. до Р.Х. от сирийского царя Антиоха VII право чеканить монету (1Мак. 15:6) и от этого времени до нас дошло много монет, которые можно видеть в музеях. На лицевой стороне маккавейских сиклей значится: «Сикль (или полусикль) Израильский», а на обороте: «Иерусалим святой».

При римлянах также чеканились сикли, на которых с лицевой стороны выбивалось изображение того или другого римского императора, а на обороте – женщина под деревом с надписью по сторонам: *Judaea capta* (Плененная Иудея).

XII. Меры длины

При измерении длины евреи, как и все древние народы, пользовались самыми естественными средствами, именно различными частями человеческого тела. Отсюда самой обыкновенной мерой был локоть (амма), под которым понимается нижняя часть руки от локтя до кончика среднего пальца. В Библии нет точного и ясного определения локтя, и потому его приходится определять по частным указаниям и соображениям. Приблизительно его определяют в 21 дюйм, что составит $\frac{3}{4}$ аршина или 12 вершков. Локоть, в свою очередь, разделялся на две пяди, под которыми понимается пространство от конца большого пальца до кончика мизинца в их растянутом положении (Исх. 23:16; 1Цар. 17:4). Пядень подразделяется на три ладони (тефак), соответствующих естественной ширине ладони (Исх. 25 и др.). Ладонь затем разделяется на четыре перста (Иер. 52:21). Из более крупных мер длины известна так называемая у пророка Иезекииля трость (капе) – «шесть полных локтей» (Иез. 41:8). Этим и ограничиваются более или менее определенные меры длины. Их можно представить в следующей таблице:

1	перст
1/2	вершка
4	1 ладонь
2	вершка
12	3 1 пядень
6	вершков
24	6
2	1 локоть
12	вершков
144	36 12
6	1 трость 1 с. 1 арш. 8 в.

Для примера перевода этих мер на русские можно взять сообщение в 1Цар. 17:4, где говорится, что «Голиаф был ростом шести локтей и пяди».

На русскую меру это значит, что филистимский исполин был ростом в 4 аршина и 14 вершков, т.е. ровно на 2 аршина выше

Петра Великого.

XIII. Меры сыпучих и жидких тел

Меры емкости были одинаковы как для сыпучих, так и для жидких тел, с тем лишь различием, что основная единица меры для сыпучих тел называлась ефа, а для жидких бат, при одинаковой емкости (Иез. 45:14). Десять еф составляли хомер (Числ. 11:32; Иез. 45:11), который впоследствии назывался также кор (3Цар. 4:22). Затем по нисходящей линии ефа делилась на саты, составлявшие 1/3 ефы (Быт. 18:6); сата на два гина (Исх. 29:40); гин на три каба (4Цар. 6:25); каб на четыре лога (Лев. 14:10). Кроме этих мер ефа делилась также на десять гоморов (Исх. 16:36). При этом нельзя не заметить, что меры распадаются на две группы, из которых одна имеет десятичный характер (1 хомер 10 ефам, 1 ефа 10 гоморам), а другая дуодецимальный, т.е. меры идут в прогрессии, определяемой цифрой 12 или ее составными множителями (1 ефа 3 сатам, 1 сата 2 гинам и т.д.). Но для нас важнее определить объем этих мер.

Для точного определения их у нас не имеется твердых данных, но раввинисты, т.е. еврейские ученые более позднего времени полагали, что содержимое лога равнялось содержимому шести куриных яиц. Опираясь на это свидетельство, ученые вычислили, что шесть куриных яиц могут содержать в себе 14,08 париж. кубических дюймов воды, или 6 588 зерен ячменя. На основании этих данных можно составить приблизительную таблицу библейских мер. Так как у нас не имеется одной общей меры для сыпучих и жидких тел, то мы представим перевод библейских мер на соответствующие русские меры как сыпучих, так и жидких тел. При этом вычислении мы выходим из того более или менее общепринятого положения, что ефа равнялась 20 французским литрам, что составит для сыпучих тел 6 гарнцев и для жидких тел 1 ведро, 6 круж. и 2 чарки. (В науке доселе не установилось определенного взгляда на действительный объем библейских мер и такая норма предлагается как наиболее вероятная. Она составлена на основании показаний еврейских ученых раввинов. По другому взгляду, основывающемуся на свидетельстве И.

Флавия, эту норму нужно увеличить почти вдвое (ефа 36,39 литров); но эту норму труднее примирить с частными данными, и она явно обнаруживает свою недостоверность.). Соответственно этому составляется следующая таблица:

	Меры Сыпучих тел	Меры жидких тел
1 лог	ГАРН.	ВЕДР.
4 1 каб	ЧАРК.	КРУЖ.
7и1/5 1и 4/5 1 гомор	1/12 – - 2 1/4	
12 3 1и2/3 1 гин	1/3 – - 9	
24 6 3и1/2 2 1 сата	3/5 – 1 6 и1/5	
72 18 10 6 3 1 ефа 720 180 100 60 30 10	1 – 2 7	
1 хомер	2 – 5 4	
	6 – 6 2	
	60 16 2 –	

Сообразно с этой таблицей и можно определять объем тех или других библейских мер; Так, напр. известно из Исх. 16:16, что манны собиралось ежедневно по гомору на человека. Это значит, что на каждого израильтянина полагалось ежедневно порция в 3/5 гарнца манны. Предполагая, что весь народ числил в себе 2 миллиона душ, надо вместе с тем предположить, что манны ежедневно собиралось 18 750 четвертей. Одной этой цифры достаточно для опровержения мнения, что манна, которою питались израильтяне, была ни что иное, как естественная тамарисковая манна, так как последней даже в хорошие годы добывается на Синайском полуострове не более 5–6 четвертей в год.

XIV. Синхронистическая таблица важнейших событий от исхода израильтян из Египта

Гг.	Избранный	народ	Азиатские народы	Европейские
Египет 1491	Исход	XVIII народы	Основание Тира	Кекропс, основатель Афин
Династия Тотмес IV 1451	Вступление в землю XIX обетованную	династия 1100(1180)	Хирам Тирский	Основание Дворяне в
Саула на династия 1060	царство Воцарение	XXI Дамаасского царства	Пелопонесе Ефваал, Илиада	
Давида 1020	Воцарение	царь тирский и Гомера сидонский	Ликург в Спарте	
Соломона Фараоны Пинотем и Писевхан 980	Разделение царства XXII династия	ассирийский	Конец первой	
Сусахим I 923	Узаркон (Зарай)	Нума-Помпилий	Ииуя Узаркон II	ассирийский. (715–672). и истребление
дома Ахавова 722	Взятие Самарии XXIV династия	и гибель царства Израильского 700	Иерусалима Саргон	ассириянами при Езекии XXV династия. Тиграк
640	Иосия и его преобразования Псамметих I 609	Иоахаз Нехао 588	Афинах	Солон в Афинах в Вавилоне (594). Пизистрат в
Разрушение Иерусалима и падение цар.	XXXI династия	Валтасар в Лидии	и взятие Вавилона (568).	Тарквиний

Иудейского 539 Падение Киром Гордый в Риме Дарий.
 Вавилона Амазис 536 Указ Кира Ксеркс I Поликрат,
 об Псамменит. Камбиз (485–465) тиран Самосский
 освобождении в Египте (532–522) Артаксеркс I Конец
 Иудеев из плена (525г.) 474 персидских
 Есфирь и XXVII династия перс. войн в Греции Геродот (484–407)
 Мардохей 457 Деятельность Перикл (444).
 Афиняне в Египте Законы XII табл.
 Ездры в Риме (451) Покорение Азии А.
 332 Иудеи под Покорение и Македонский
 Египта македонянами (336–
 греческим македонянами. 323) Селевкиды в Азии Вторая
 владычеством Основание пуническая
 Александрии (332г.) 312 Иудеи война римлян
 под Птоломеи в Египте с карфагенянами
 властью египетских (с 323г.) (218–201) Антиох Епифан
 царей Завоевание
 167 Независимость Птоломей (175–164). Македонии
 Иудеев при Евергет II. Митридат великий римлянами
 Асмонеях Птоломей XI (168)
 (80–51) 63 Иудеи под (120–63) Фраат IV Триумвират
 Клеопатра. Цезаря,
 Римским Обращение парфянский Красса и Помпея
 владычеством Египта в (60) Август основывает
 римскую Римскую империю (27)
 провинцию (30) 37 Ирод
 Великий

Примечания

¹ - Быт. 1:1–25, 30, 31; 2:1–6.

² - Глаголу бара соответствует лат. creavit.

³ - На это, отчасти, указывает и самый оборот еврейского подлинника в первом стихе: «Берешит бара Элогим эт гаш-шамаим ве эт гаарец, т.е. «В начале сотворил Бог небо и землю».

⁴ - Под небом разумеется как звездный, так, и главным образом, высший духовный мир, сотворение которого совершилось раньше сотворения земли, так что ангелы, как служащие духи, уже исполняли волю Божию и славословили Творца при совершении Им отдельных актов творения (Иов. 38:7).

⁵ - Хаос – от греч. лью, сливаю все вместе, перемешиваю. В Библии это слово не употребляется, но самое понятие содержится в повествовании и находит себе подтверждение у отцов церкви, напр., у Вас. Великого и Григория Богослова. Евр. тогу-ва-богу соответствует этому представлению.

⁶ - См. первое приложение в конце книги.

⁷ - Быт. 1:26–29; 2:7–25.

⁸ - Быт. 3 гл.

⁹ - Форма проклятия змею: «ты будешь ходить на чреве твоём» (Быт. 3:14) дала повод возникновению впоследствии предания, что до этого проклятия змей ходил в стоячем положении. Но этому противоречит самое устройство организма змея, очевидно, приспособленного именно к ползанию, совершаемым с замечательным искусством. Смысл проклятия тот, что в наказание за коварство, сделавшее из змея пагубное орудие исконного врага для погубления человеческого рода, естественный способ его передвижения, отнюдь сам по себе не унижительный и не жалкий, а напротив, возбуждающий удивление своим замечательным проворством и изумительною изворотливостью, сделался отселе знаком и печатью проклятия Божия и, как такой, должен был возбуждать (как и возбуждает

теперь) ужас, отвращение и презрение. «Пресмыкание» сделалось отселе синонимом низости и позора.

¹⁰ - Быт. 4 и 5 гл.

¹¹ - Вот последовательный ряд представителей этого поколения: Каин, Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусал и Ламех (Быт. 4:18). Встречающиеся здесь имена Еноха, Мафусала и Ламеха не нужно смешивать с подобными же именами в другом поколении – Сифовом.

¹² - В синод, переводе Быт. 4:23: «я убил мужа в язву мне». Принятая в тексте форма, хотя менее точна, но зато более соответствует общему смыслу этого места.

¹³ - Быт. 4:23, 24.

¹⁴ - По еврейскому тексту счисление представляется в таком виде: Адам – 130, Сиф – 105, Енос – 90, Каинан – 70, Малелеил – 65, Иаред – 162, Енох – 65, Мафусал – 187, Ламех – 182, Ной – 500, Сим до потопа – 100. Сумма этих цифр – 1656 составляет количество лет от сотворения Адама до потопа.

¹⁵ - Замечания о библейской хронологии см. в конце книги, прилож. II.

¹⁶ - Быт. 6:5–8 гл.

¹⁷ - По еврейскому тексту – в самый год наступления потопа.

¹⁸ - Если считать локоть в 21 дюйм (т.е. 12 вершков), то это составит 525 футов длины, 87 1/2 ширины и 52 1/2 высоты. По вычислению бл. Августина (о граде Божиим 15:26), размеры ковчега в его трех измерениях были те же, что и пропорциональные размеры нормального человеческого тела, «длина которого от подошвы до маковки в шесть раз более ширины груди и в десять раз более толщины или глубины лежащей фигуры человека, измеряемой по прямой линии от земли». В 1609 году один голландец, Петр Янсен в Гоорне, построил корабль как раз по форме Ноева ковчега, и оказалось, что при такой форме корабль представляет гораздо большую вместительность (именно на одну треть), чем при обычной форме построения кораблей. О библейских мерах см. в конце книги.

¹⁹ - Быт. 9:17.

20 - См. в конце книги, прилож. III.

21 - Быт. 9–10–11 гл.

22 - Столпотворение вавилонское, Быт. 11:1–9.

23 - Разногласие в определении этого времени зависит от того, что единственными данными для его определения служат лета послепотопных патриархов, показания которых опять значительно расходятся в главных текстах библейской летописи. Родословие послепотопных патриархов начинает Сим, у которого чрез 2 года после потопа родился Арфаксад. В этом показании сходятся все три текста, и потому разницу в показании лет следующих патриархов до рождения ими первого сына можно видеть из следующей таблицы: Из этой таблицы видно, что в показаниях лет послепотопных патриархов греческий и самаритянский тексты сходятся между собой, а еврейский уклоняется от них, последовательно умаляя цифру на сто лет и в показании лет Нахора на 50 лет. Такое отступление явно указывает на преднамеренное сокращение лет, и даже целых поколений, так как в еврейском тексте совершенно не значится Каинана. В виду полного согласия греческого и самаритянского текстов, показание их получает больше достоверности сравнительно с еврейским.

24 - Быт. 11:26–32; 12–13 гл.

25 - Пребывание Аврама в Египте, Быт. 12:10–20.

26 - Разлучение Аврама с Лотом, Быт. 13.

27 - Имя этого царя открыто на памятниках и читается Кудур-Лагамар, равно как и имена его союзников. Быт. 14:1–16.

28 - Встреча Аврама с Мелхиседеком, Быт. 14:17–23.

29 - Четвертое явление Господа Авраму, Быт. 15.

30 - Сара и Агарь, Быт. 16.

31 - Установление обрезания, Быт. 17:10–14.

32 - Быт. 14–23–25:1–10.

33 - Гибель беззаконных городов, Быт. 19.

34 - Быт. 20.

35 - Рождение и обрезание Исаака, Быт. 21.

36 - Жертвоприношение Исаака, Быт. 22.

- 37 - Кончина Сарры, Быт. 23.
- 38 - Женитьба Исаака, Быт. 24.
- 39 - Последние дни жизни и кончина Авраама, Быт. 25:1–18.
- 40 - Быт. 25–27, 28:1–5.
- 41 - Дети Исаака, Быт. 25:20–34.
- 42 - Быт. 26; Ср. Быт. 20.
- 43 - Благословения Исаака, Быт. 27:1–40.
- 44 - Удаление Иакова в Месопотамию, Быт. 27–28:22.
- 45 - Быт. 28–30.
- 46 - Видение лестницы, Быт. 28:12–22.
- 47 - Встреча Иакова с Рахилью, Быт. 29:1–12.
- 48 - Женитьба Иакова, Быт. 29 и сл.
- 49 - Возвращение Иакова на родину, Быт. 31.
- 50 - Терафимы – небольшие вавилонские изображения идолов, – знак того, насколько идолопоклонство проникло и в дом родства Авраамова.
- 51 - Встреча с Исавом, Быт. 32 и 33.
- 52 - Молитва Иакова, Быт. 32:9–12.
- 53 - Борьба Иакова с Богом, Быт. 32:24–30.
- 54 - Быт. 37, 39–41 гл.
- 55 - Первая поездка сыновей Иакова в Египет. Быт. 42 гл.
- 56 - Вторая поездка братьев Иосифа в Египет. Быт. 43–45.
- 57 - Переселение Израиля в Египет, Быт. 46, 47:27.
- 58 - Благословения Иакова, Быт. 49:1–28.
- 59 - Исх. 1 гл. и сл.; см. нашу «Библию историю при свете новейших исследований и открытий», т. I, гл. XXXII, стр. 507 и сл.; Ebers, *Egypten u. Bücher Moses*.
- 60 - Исх. 2–4 гл.
- 61 - Амрам был внук Левия чрез Каафа, Иохаведа доводилась ему теткой (Исх. 6:18–20).
- 62 - Призвание Моисея, Исх. 3 гл.
- 63 - Исх. 5–13 гл.
- 64 - Первая казнь, Исх. 7:17–25.
- 65 - Вторая казнь, Исх. 8:2–14.

- 66 - Третья казнь, Исх. 8:16–19.
- 67 - Четвертая казнь, Исх. 8:20–32.
- 68 - Пятая казнь, Исх. 9:1–7.
- 69 - Шестая казнь, Исх. 9:8–11.
- 70 - Седьмая казнь, Исх. 9:18–34.
- 71 - Восьмая казнь, Исх. 10:3–19.
- 72 - Девятая казнь, Исх. 10:21–29.
- 73 - Установление Пасхи, Исх. 12:1–28.
- 74 - Десятая казнь, Исх. 12:29–33.
- 75 - Исх. 13и сл.
- 76 - Переход чрез Чермное Море, Исх. 13:17–15:21.
- 77 - Исх. 15 гл.
- 78 - Исх. 15:22–18 гл.
- 79 - Исх. 15:23–26.
- 80 - О станах в пустыне см. прилож. VI.
- 81 - Вади – ложбина, по которой в дождливое время протекает ручей, пересыхающий на лето.
- 82 - Чудесное пропитание, Исх. 16:4–35.
- 83 - О манне см. в конце книги, прилож. VII.
- 84 - 1Кор. 10:4.
- 85 - Битва с амаликитянами, Исх. 17:8–16.
- 86 - Встреча с Иофором, Исх. 18:1–27.
- 87 - Исх. 19–32–40; Числ. 1–4 гл.
- 88 - Десятословие, Исх. 20:1–17.
- 89 - Поклонение золотому тельцу, Исх. 32 гл.
- 90 - Исх. 34 гл.
- 91 - Построение скинии, Исх. 35–40.
- 92 - Лев. 10:1, 2.
- 93 - Числ. 10–36.
- 94 - О станах в пустыне см. прилож. VI.
- 95 - Числ. 11.
- 96 - Соглядатаи, Числ. 13 и 14 гл.

⁹⁷ - Считаю и те два года, которые израильтяне уже странствовали в пустыне.

⁹⁸ - Числ. 15:32–36.

⁹⁹ - Возмущение Корея, Числ. 16 гл.

¹⁰⁰ - Жезл расцветший, Числ. 17 гл.

¹⁰¹ - Числ. 20:1–13.

¹⁰² - Числ. 20:1.

¹⁰³ - Кончина Аарона, Числ. 20:22–29.

¹⁰⁴ - Числ. 21:4–9.

¹⁰⁵ - Числ. 21:10–35.

¹⁰⁶ - История Валаама, Числ. 22–24.

¹⁰⁷ - См. в конце книги, прилож. VIII.

¹⁰⁸ - Общее название царей амаликитских, как фараон – название царей египетских.

¹⁰⁹ - Числ. 24:17.

¹¹⁰ - Числ. 25–27:31.

¹¹¹ - Прощание и кончина Моисея, Втор. 31–34.

¹¹² - Подробнее см. в нашем сочинении: «Законодательство Моисея. Исследование о семейных, общественных и государственных законах Моисея, с приложением трактата: Суд над Иисусом Христом с юридической точки зрения». С.-ПБ, 1882 г.

¹¹³ - Лев. 25:23.

¹¹⁴ - Материальное положение колена Левиина в общем было следующее: при разделе обетованной земли им не было дано особого земельного надела, чтобы оно свободнее могло предаваться служению Богу (Числ. 35:2–6; Втор. 18:1–2, 5). Оно получило только для обитания сорок восемь городов, избранных среди различных колен с окружающим их полем в две тысячи локтей. Из них священники, сыновья и потомки Аарона имели тринадцать городов, расположенных в коленах Иуд ином, Симеоновом и Вениаминовом. Шесть из 48 левитских городов были в то же время городами убежища, именно города – Хеврон, Сихем и Кедес к западу от Иордана и Голан, Рамоф Галаадский и Бецер к востоку от него (И. Нав. 20:7–8). Что касается

собственно средств существования, то они доставлялись колену Левиину в виде десятины, которая состояла в том, что все израильяне обязаны были каждый год платить левитам десятую часть своих доходов – от земли и скотоводства (Числ. 18:11–13; Втор. 14и сл.; 15:19; 18:4; 26:2–12; Лев. 7:7–15, 32–34). Левиты, в свою очередь, платили десятину на содержание священников. Эти последние имели, кроме того, долю в большинстве приносившихся народом жертв (Числ. 5:9–15; Втор. 18:3); все дары возношения и все зачатое, т.е. освященное по обету, отходили в их собственность (Числ. 18:10–14). Священникам же отходили и деньги, возвращавшиеся по суду потерпевшим, в случае неоставления ими по себе наследников (Числ. 5:6–8).

¹¹⁵ - Из них Фавор имеет 1 865 фут. высоты, Кармил – 1 720 ф., Гаризим 2 650 ф., Гевал – 2 700, Сион – 2 610, Елеонская – 2 700 ф. над уровнем моря.

¹¹⁶ - Указывая на это, Моисей в своем благословении Асирову колену сказал, что оно «окунет в елей ногу свою» (Втор. 33:24).

¹¹⁷ - Кн. И. Навина, гл. 1 и сл.

¹¹⁸ - Взятие Иерихона, Нав. 5:13–6:26.

¹¹⁹ - Матф. 1:5.

¹²⁰ - Поражение при Гае, Нав. 7.

¹²¹ - Клятва, Нав. 8.

¹²² - Хитрость гаваонитян, Нав. 9.

¹²³ - Борьба с союзом хананейских царей, Нав. 10–12.

¹²⁴ - См. прилож. IX в конце книги.

¹²⁵ - Раздел земли, Нав. 13–21.

¹²⁶ - Нав. 22 гл.

¹²⁷ - Кончина И. Навина, гл. 24.

¹²⁸ - Общее состояние народа в это время: Суд. 1–3:7. См. в нашей «Библ. Истории при свете нов. исслед.». т. I, стр. 893 и сл. См. также И. Троицкого, «Религиозно-нравственное состояние евреев во времена судей».

¹²⁹ - Суд. 2:10–13.

¹³⁰ - Хусарсафем был царь «Арама двух рек», т.е. Месопотамии. Так как из Арама призываем был и Валаам для проклятия израильтян, то, вероятно, этот царь был союзником постоянных врагов Израиля – моавитян и мадианитян. Суд, 3и сл.

¹³¹ - Аод, Суд. 3:12–14.

¹³² - Хананейское иго и правление Деворы, Суд. 4 и 5 гл.

¹³³ - Имя Варак или Барак – ханаанитского происхождения, и замечательно, что это же имя носила знаменитая карфагенская фамилия Барка, из которой вышел гениальный полководец Ганнибал.

¹³⁴ - Гедеон, Суд. 6–9; Иеффай, Суд. 10 гл.

¹³⁵ - Самозванство Авимелеха, Суд. 9.

¹³⁶ - История Иеффая, Суд. 11–12:7.

¹³⁷ - Суд. 13–16 гл.

¹³⁸ - О законах назорейства см. Числ. 6:1–21.

¹³⁹ - Суд. 17–21; Книга Руфь.

¹⁴⁰ - 1 Книга Царств 1–3.

¹⁴¹ - 1Цар. 2:12–25.

¹⁴² - Рождение и воспитание Самуила, 1Цар. 1 и сл.

¹⁴³ - Суд Божий над домом Илия, 1Цар. 4–7:2.

¹⁴⁴ - 1Цар. 7:3–17.

¹⁴⁵ - Правление сыновей Самуила и вопрос об избрании царя, 1Цар. 8:1–22.

¹⁴⁶ - 1Цар. 9–16.

¹⁴⁷ - Помазание Саула на царство, 1Цар. 9 и 10.

¹⁴⁸ - 1Цар. 11.

¹⁴⁹ - Война с филистимлянами, 1 Цар. 13 и 14.

¹⁵⁰ - Поражение амаликитян, 1Цар. 15.

¹⁵¹ - Помазание Давида, 1Цар. 16.

¹⁵² - 1Цар. 16–17–31.

¹⁵³ - Единоборство Давида с Голиафом, 1Цар. 17.

¹⁵⁴ - 1Цар. 18и сл.

¹⁵⁵ - Давид и Ионафан, 1Цар. 18:1; 20.

- 156 - 1Цар. 21.
- 157 - Гонения Саула на Давида и странническая жизнь последнего, 1Цар. 22 и сл.
- 158 - Кончина Самуила, 1Цар. 28:3.
- 159 - Нашествие филистимлян и кончина Саула, 1Цар. 31.
- 160 - Волшебница Аэндорская, 1Цар. 28:7–25.
- 161 - Кончина Саула, 1Цар. 31.
- 162 - 2Цар. 1:17–27.
- 163 - 2Цар. 2–7.
- 164 - 2Цар. 4 гл.
- 165 - 2Цар. 5 гл.
- 166 - 2Цар. 5:5.
- 167 - Завоевание Иерусалима, 2Цар. 5:6–10.
- 168 - 2Цар. 5:10.
- 169 - Перенесение ковчега, 2Цар. 6.
- 170 - Завоевания Давида, 2Цар. 8.
- 171 - 2Цар. 7.
- 172 - 2Цар. 9.
- 173 - 2Цар. 11–18.
- 174 - Аммонитская война и падение Давида, 2Цар. 10–12.
- 175 - Грехопадение Давида, 2Цар. 11– 12.гл.
- 176 - Семейные огорчения Давида, 2Цар. 13.
- 177 - Восстание Авессалома, 2Цар. 14:25, 26; 15 и сл.
- 178 - 2Цар. 16:15–23; 17 и 18.
- 179 - Восстание Савея, 2Цар. 19:41–43; 20.
- 180 - 2Цар. 21 и сл.
- 181 - 2Цар. 21:1–14.
- 182 - 2Цар. 21:15–22.
- 183 - 2Цар. 22; Пс. 17.
- 184 - Исчисление народа, 2Цар. 24; ср. 1Пар. 21,
- 185 - Возмущение Адонии, 3Цар. 1:5–53.
- 186 - Кончина Давида, 3Цар. 2:1–11.
- 187 - 3Цар. 2 и сл.; 2Пар. 1 и сл.

- 188 - 3Цар. 3:1; 9:15–17.
- 189 - 3Цар. 3:3–15.
- 190 - 3Цар. 4.
- 191 - 3Цар. 3:16–28.
- 192 - 3Цар. 4:29–31.
- 193 - 3Цар. 4:29–34.
- 194 - Построение храма, 3Цар. 5–7; 2Пар. 2–7.
- 195 - 3Цар. 6и сл.
- 196 - Освящение храма, 3Цар. 8 гл.
- 197 - Висон – тончайшая белая полотняная материя, составлявшая в древности принадлежность священных и других высокопоставленных особ.
- 198 - Молитва Соломона, 3Цар. 8:23–53.
- 199 - 3Цар. 8:65, 66.
- 200 - 3Цар. 9, 10 и 11.
- 201 - 3Цар. 9:1–9.
- 202 - Посещение царицы Савской, 3Цар. 10.
- 203 - Падение Соломона, 3Цар. 11.
- 204 - Потворство идолопоклонству со стороны Соломона, 3Цар. 11:1–8.
- 205 - Восстание на окраинах, 3Цар. 11:14–25.
- 206 - Восстание Иеровоама, 3Цар. 11:26–40.
- 207 - 3Цар.11:41–43; 2Пар.9:29–31.
- 208 - 2Цар.11:14; 2Пар.2:11.
- 209 - 3Цар.12; 2Пар.10.
- 210 - Царствование Иеровоама 1-го, 3Цар.12–13.
- 211 - Начало религиозного раскола, 3Цар. 12:26–33.
- 212 - Обличение со стороны пророка, 3Цар. 13 гл.
- 213 - 3Цар. 14 гл.
- 214 - 3Цар. 14:20.
- 215 - Династия Ваасы, 3Цар. 15 и сл.
- 216 - Царствование Ровоама, 3Цар. 14:29–31; 2Пар.12:13–16.
- 217 - Нашествие Сусакима, 3Цар.14:25–28; 2Пар.12:2–11.
- 218 - Царствование Авии, 3Цар.15:1, 2; 2Пар. 13:1, 2.

- 219 - Царствование Асы, 3Цар.15:9–24; 2Пар.14:15.
- 220 - Царствование Иосафата, 3Цар.15:24, 22:41, 42; 2Пар.17–20:31.
- 221 - Царствование Ахава, 3Цар. 18–22.
- 222 - Пророк Илия, 3Цар.16 – 4Цар.2:18.
- 223 - Предсказание о засухе, 3Цар.17:1; Ср. Иак. 5:17, 18.
- 224 - Пребывание в Сарепте, 3Цар.17:8–24. Из сопоставления 3Цар.17:8–9; Авд. 20; Лук. 4 можно заключать, что эта вдова была еврейка, находившаяся в замужестве за финикиянином, в роде матери художника Хирама.
- 225 - Испытание веры, 3Цар. 18.
- 226 - Все эти жрецы Ваала в сущности были израильтяне, отступники истинной веры, а за отступление к идолопоклонству назначалась смертная казнь. См. Втор. 13:15–16.
- 227 - Пророк Елисей, 4Цар. 2–10:13.
- 228 - Дело о винограднике Навуфея, 3Цар. 21.
- 229 - Войны Ахава, 3Цар. 20–22.
- 230 - Царствование Охозии, 3Цар. 22:51; 4Цар. 1.
- 231 - Взятие пророка Илии на небо, 4Цар. 2.
- 232 - 10-й царь израильский Иорам, 4Цар. 1:17; 3 и сл.
- 233 - Эта война с Месой, царем моавитским, получила особенный интерес вследствие того обстоятельства, что в недавнее время, именно в 1868 году открыт каменный памятник с надписью на нем от имени этого самого Месы, царя моавитского. Надпись, в общем, рассказывает об этом именно событии, и в ней Меса, между прочим, говорит: «я воздвиг этот камень Хе-мошу (Хамосу) в Кире как камень спасения, ибо он избавил меня от всех грабителей и дал мне увидеть мое желание на всех моих врагах, на Амврие, царе израильском». Далее рассказывается, как и следующие цари израильские угнетали моавитян, но Хемош, их национальный бог, избавил их. В общем, надпись включает много черт, заставляющих предполагать, что в ней смоавитской точки зрения рассказывается, между прочим, то именно событие, о котором повествуется и в Библии (4Цар. 3:4–27). Памятник из черного базальта и имеет 3 фута и 10 дюймов высоты, 2 фута ширины и

14 1/2 дюймов толщины. На нем 44 строки, писанных финикийскими буквами. Он найден в развалинах древнего города Дивона, бывшей северной столицы Моава, к северу от реки Арнона. Таким образом, этот неожиданно сохранившийся памятник, воздвигнутый более 2 1/2 тысяч лет тому назад, оказался поразительным свидетелем истинности библейского повествования.

²³⁴ - Иорам 5-й царь иудейский, 4Цар. 8:17; 2Пар. 21:5.

²³⁵ - Охозия 6-й царь иудейский, 4Цар. 9:29; 2Пар. 22:1–4.

²³⁶ - Исцеление Неемана, 4Цар. 5 гл.

²³⁷ - Два поражения сирийского войска, 4Цар. 6 и 7 гл.

²³⁸ - Гибель Иезавели, 4Цар. 9:30–37; Ср. 3Цар. 21:23.

²³⁹ - Ииуй – 11-й царь израильский, 4Цар. 10:11–36.

²⁴⁰ - Иоахаз, 4Цар. 13:1–9.

²⁴¹ - Иоас, 4Цар. 13:9–13.

²⁴² - Кончина Елисея, 4Цар. 13:14–21.

²⁴³ - Иеровоам II, 4Цар. 14:23–29.

²⁴⁴ - Адма и Севоим – города, погибшие вместе с Содомом и Гоморрой.

²⁴⁵ - Осия, 20-й царь израильский, 4Цар.17 и сл.; 2Пар.26:1–23.

²⁴⁶ - Осада и взятие Самарии ассириянами, 4Цар. 17 и сл.

²⁴⁷ - См. Layard, «Nineveh and Babylon», стр. 148.

²⁴⁸ - Иоас, 8-й царь иудейский, 4Цар. 12:1–21.

²⁴⁹ - Ахаз, 12-й царь иудейский, 4Цар. 16:1–20.

²⁵⁰ - Ис. 7:14.

²⁵¹ - Езекия, 13-й царь иудейский, 4Цар. 18–20; 2Пар. 29–32.

²⁵² - Манассия, 14-й царь иудейский, 4Цар.21:1–18; 2Пар.33:1–20. Молитва Манассии в конце 2 кн. Пар.

²⁵³ - Навуходоносор или по вавил. Набу-кудур-уцур означает «бог Набу защищает корону».

²⁵⁴ - Амон, 15-й царь иудейский, 4Цар.21:19–26; 2Пар.33:21–25.

²⁵⁵ - Иосия, 16-й царь иудейский, 4Цар.22 и 4Цар.23:1–28; 2Пар. 34.

²⁵⁶ - Все это было во исполнение предсказания, сделанного пророком Иеровоаму I.

²⁵⁷ - Сарак был сын Ассеурбанипала или Сарданапала греческих писателей, с которыми его часто смешивали и который обыкновенно считался последним ассирийским царем, пока новейшие открытия не дали возможности исправить эту ошибку.

²⁵⁸ - Селлум или Иоахаз – 17-й царь иудейский, 4Цар. 23:31–33. У Иосии было четыре сына: Иоахаз, Иоаким (или Елиаким), Седекия, Селлум. См. 1Пар. 3:15.

²⁵⁹ - Елиаким или Иоаким – 18-й царь иудейский, 4Цар. 23 сл.

²⁶⁰ - Первое пленение, Дан. 1 гл.

²⁶¹ - Иехония, 19-й царь иудейский, 4Цар. 24:8–16.

²⁶² - Седекия, 20-й и последний царь иудейский, 4Цар. 24 сл.

²⁶³ - Падение Иерусалима и царства Иудейского, 4Цар. 25 гл.

²⁶⁴ - Продолжительность царствования царей иудейских и израильских: Цари иудейские: Ровоам – 17 лет (с 980 г. до Р.Х.); Авия – 3; Аса – 41; Иосафат – 25; Иорам – 8; Охозия – 1; Гофолия – 6; Иоас – 40; Амасия – 29; Озия – 52; Иоа-фам – 16; Ахаз – 16; Езекия – 29; Манассия – 55; Амон – 2; Иосия – 31; Иоахаз – 3 месяца; Иоаким – 11 лет; Иехония – 3 месяца; Седекия – 11 лет. Разрушение Иерусалима: 588 г. до Р.Х. Цари израильские: Иеровоам I царствовал 23 года; На-ват – 2; Вааса – 24; Ила – 2; Замврий – 7 дней; Фамний и Амврий – 4 года; Амврий один – 8; Ахав – 22; Охозия – 2; Иорам – 12; Ииуй – 26; Иоахаз – 17; Иоас – 16; Ие-ровоам II – 41; Междуцарствие – 11; Захария – 6 месяцев; Селлум – 1 месяц; Менаим – 10 лет; Факия – 2; Факей – 20; Осия – 9. Разрушение Самарии: 722 г. до Р.Х. Нужно сказать, впрочем, что хронология периода со времени разделения монархии до разрушения Иерусалима нуждается еще в обстоятельном исследовании на более прочных данных, чего еще невозможно сделать при наличном состоянии науки. Доселе еще нельзя в точности определить самого момента разделения монархии, вследствие чего хронологи расходятся на два десятилетия: 980–963. Первая из этих цифр определяется

суммою лет царствования царей иудейских, а вторая – суммою лет царствования царей израильских. Твердый опорный пункт могла бы дать египетская хронология, если бы она установила дату нашествия фараона Шешонка или Сусакима I на Палестину. Равным образом дальнейшее исследование ассирийской и вавилонской хронологии пролило бы значительный свет на эту еще недостаточно разъясненную область, тем более, что существует немало ассиро-вавилонских памятников, на которых совместно значатся современные цари Ассиро-Вавилонии и Палестины. Эти данные могли бы пролить свет и на библейские показания о числе лет царствования царей в том или другом из еврейских государств, и при этом, наверно, могло бы оказаться, что показания эти нуждаются в более точном определении того, что, нужно отнести на совместные царствования (напр. отца с сыном) и что нужно отчислить на время междуцарствий. Во всяком случае, даже при теперешнем состоянии науки, с положительностью можно утверждать, что если и встречаются, по-видимому, несогласия между библейской хронологией и хронологией Египта и Ассиро-Вавилонии, то эти несогласия лишь кажущиеся, и напротив, в главных моментах они с поразительной точностью совпадают между собою, и это все более подтверждается каждым новым открытием в истории соприкосновенных стран.

²⁶⁵ - Дан. 1:4.

²⁶⁶ - Дан: 1:20.

²⁶⁷ - Сон Навуходоносора, Дан. 2 гл.

²⁶⁸ - Чудесное спасение трех отроков, Дан. 3.

²⁶⁹ - Наказание Навуходоносору, Дан. 4.

²⁷⁰ - Колонна с золотой статуей на вершине.

²⁷¹ - Пир Валтасара и взятие Вавилона, Дан. 5.

²⁷² - В русск. синод. переводе в данном месте – перес. В славянском тексте вся надпись: Мани, фекел, фарес.

²⁷³ - Валтасар – это, по всей вероятности, Белсарусур клинообразных надписей. Он не был царем в собственном смысле, а только заместителем своего отца Набонида, находившегося в плену у Кира, вследствие чего и Даниил

сделан был «третьим» властелином в царстве, так как вторым был сам Валтасар.

²⁷⁴ - Дарий Мидянин (Дан. 9:1) – по предположению или тесть Кира Киаксар, или Гобрия классических писателей, Угба-ру – клинописен, – военачальник Кира.

²⁷⁵ - Откровение о седминах, Дан. 9 гл.

²⁷⁶ - Указ Кира об освобождении иудеев из плена, 1Ездр. 1:2–4.

²⁷⁷ - Возобновление храма, 1Ездр. 3и сл.

²⁷⁸ - Так, в русской Библии (вслед за греческой) переводится имя этого царя – Агасвер. С большей вероятностью можно предполагать, что это был Ксеркс I, деспотический характер которого более соответствует данным библейского повествования. Персидские цари идут в следующем хронологическом порядке: Кир (558–529), Камбиз (529–522), Дарий I Гистасп (521–485), Ксеркс I (485–465), Артаксеркс I Лонгиман (465–424), Ксеркс II (424), Дарий II (424–405), Артаксеркс II Мнемон (405–365) и др.

²⁷⁹ - Эллинизмом стало называться со времени Александра Великого увлечение всем греческим или эллинским, так как он сам задавался целью объединить весь мир не сколько силою оружия и политики, сколько единством греческого языка, нравов и образования. Евреи, говорившие на греческом языке, назывались эллинистами.

²⁸⁰ - От евр. маккаба – молот.

²⁸¹ - Во втором храме был только один жертвенник кадилный, один стол хлебов предложения и один светильник (вместо семи); не было в нем уже и ковчега завета с его священнейшими принадлежностями.